

ЭТНО **РЕЛИГИОЗНЫЙ** **ТЕРРОРИЗМ**

Под редакцией Ю.М. Антоняна

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
АКАДЕМИЯ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЙ ТЕРРОРИЗМ

Под редакцией
доктора юридических наук,
профессора Ю. М. Антояна

АСПЕКТ ПРЕСС

Москва
2006

УДК [343.326+343.91](470+571)

ББК 67.408(2Рос)+67.51(2Рос)

Э 91

Авторы:

Ю. М. Антонян, Г. И. Белокуров, А. К. Боковиков,
В. А. Бурковская, Б. Я. Гаврилов, Е. Е. Гаврина,
О. А. Галустьян, А. Я. Гришко, М. Д. Давитадзе,
Р. Ю. Казаков, А. В. Павлинов, В. В. Смирнов,
Д. В. Сочивко, А. П. Шергин

Этнорелигиозный терроризм / Ю. М. Антонян, Г. И. Белокуров, А. К. Боковиков и др.; Под ред. Ю. М. Антоняна. — М.: Аспект Пресс, 2006. — 318 с.

ISBN 5-7567-0435-3

Книга представляет собой результаты эмпирического исследования, осуществленного Институтом гуманитарного образования и Академией права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. Впервые современный терроризм рассмотрен именно как этнорелигиозный, со всеми его особенностями. Монография содержит уникальный эмпирический материал, полученный в результате изучения репрезентативного числа осужденных за преступления террористического характера, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Для этой работы использовались беседы, психологические тесты и социологические анкеты. Особое внимание уделено причинам этнорелигиозного терроризма, представлена система мер его предупреждения. Работа не имеет аналогов в отечественной научной литературе и адресована сотрудникам правоохранительных органов, научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам — всем, кто обеспокоен масштабами терроризма в современном мире и стремится понять причины и возможности борьбы с ним.

УДК [343.326+343.91](470+571)

ББК 67.408(2Рос)+67.51(2Рос)

ISBN 5-7567-0435-3

© Институт гуманитарного образования, 2006

Введение	5
Глава I. Основные черты этнорелигиозного терроризма	9
1. Понятие этнорелигиозного терроризма	11
2. Состояние террористической преступности в России	20
3. Причины этнорелигиозного терроризма	34
3.1. Общая концепция причин этнорелигиозного терроризма	34
3.2. Причины этнорелигиозного терроризма на Северном Кавказе	43
4. Религиозный экстремизм как основа этнорелигиозного терроризма и как преступление	57
5. Самоубийственный терроризм	73
Глава II. Этнорелигиозные террористические преступники	91
1. Общая характеристика личности	93
2. Методология психологического изучения личности террориста	103
3. Демографические характеристики террористов	119
3.1. Возрастные и криминологические особенности	119
3.2. Этнорелигиозные характеристики и социальные статусы ...	126
4. Типология личности террориста	134
4.1. Общие характеристики и профили личностных расстройств	134
4.2. Поляризация типологического пространства и межличностное общение	144
4.3. Агрессивность и жестокость	154
4.4. Психологические защиты	164
4.5. Психодинамические типологии	170
Глава III. Противодействие этнорелигиозному терроризму	181
1. Общесоциальные меры и возможные политические решения ...	183
2. Административно-правовые меры	195
2.1. Роль административного права в противодействии терроризму	195
2.2. Административно-правовые режимы в противодействии терроризму	200
2.3. Меры административного предупреждения и пресечения террористической деятельности	207

2.4. Административная ответственность за правонарушения, связанные с террористической деятельностью	213
3. Совершенствование уголовного законодательства	217
3.1. Совершенствование норм Общей части	217
3.2. Совершенствование норм Особенной части	223
4. Предварительное расследование уголовных дел	237
5. Психологические основы исправления осужденных	251
6. Правовые проблемы защиты высокорисковых объектов от террористических угроз	266
Приложения	291

МОНОГРАФИЮ ПОДГОТОВИЛИ:

- Введение** — Ю. М. Антонян, засл. деят. науки России,
докт. юрид. наук, проф.
- Глава I**
- 1 — Ю. М. Антонян
  - 2 — Ю. М. Антонян; В. В. Смирнов, канд. юрид. наук
  - 3 — Ю. М. Антонян; Р. Ю. Казаков, канд. юрид. наук
  - 4 — В. А. Бурковская, докт. юрид. наук
  - 5 — Ю. М. Антонян
- Глава II**
- 1 — Ю. М. Антонян
  - 2 — Г. И. Белокуров; А. К. Боковиков, канд. психол. наук;
Д. В. Сочивко, докт. психол. наук
  - 3.1 — Ю. М. Антонян; А. К. Боковиков;
Е. Е. Гаврина, канд. психол. наук; Д. В. Сочивко
  - 3.2 — А. К. Боковиков; Е. Е. Гаврина; Д. В. Сочивко
  - 4.1–4.3 — Е. Е. Гаврина; Д. В. Сочивко
  - 4.4–4.5 — Г. И. Белокуров; Д. В. Сочивко
- Глава III**
- 1 — Ю. М. Антонян; М. Д. Давитадзе, докт. юрид. наук
  - 2 — А. П. Шергин, засл. деят. науки, докт. юрид. наук,
проф.
  - 3 — Ю. М. Антонян; В. А. Бурковская;
Б. Я. Гаврилов, докт. юрид. наук; Р. Ю. Казаков;
А. В. Павлинов, канд. юрид. наук, доцент
  - 4 — О. А. Галустьян, докт. юрид. наук, проф.
  - 5 — А. Я. Гришко, докт. юрид. наук, проф.; Д. В. Сочивко

Терроризм в современном мире настолько масштабен и опасен, что нет необходимости доказывать актуальность предлагаемой вниманию читателей книги, особенно в России, которая принадлежит к числу наиболее пораженных этим явлением стран, где мы наблюдаем рост числа преступлений террористического характера. Если в 1997 г. их было 1290, то в 2005-м — 1728. Особенно возросло количество таких уголовно наказуемых деяний, как организация незаконного вооруженного формирования. Достаточно сказать, что в том же 1997 г. зарегистрировано всего одно подобное преступление, а в 2005 г. уже 356! Между тем именно незаконные вооруженные формирования создают терророгенную обстановку в России, причем не только на Северном Кавказе. В таких формированиях планируются, готовятся и реализуются практически все террористические нападения.

Научных работ, посвященных терроризму в России и за рубежом, очень много. Не отстают от ученых, а иногда даже обгоняют их журналисты. Однако общим недостатком исследований чаще всего является почти полное отсутствие эмпирических научно достоверных данных о механизмах террористических преступлений и особенно о лицах, их совершивших. В лучшем случае это разрозненные и единичные факты, обычно почерпнутые из периодических изданий и телевизионных передач.

При подготовке этой монографии авторский коллектив пошел по другому пути: помимо изучения имеющейся литературы по терроризму, исследовательская группа в местах лишения свободы обследовала репрезентативное количество осужденных за террористические преступления. Данные, полученные с помощью бесед, психологических тестов и социологических анкет, положены в основу работы, выводов и рекомендаций. Хотелось бы надеяться, что они представляют собой теоретический и практический интерес и будут активно использоваться в работе по противодействию терроризму, в частности, для установления преступников, ведения с ними переговоров, расследования и рассмотрения в суде уголовных дел, исправления осужденных террористов. Разумеется, авторский коллектив широко использовал материалы и других исследований, в том числе полученных им ранее.

В настоящей работе самый распространенный в современном мире терроризм впервые назван своим настоящим именем — этнорелигиозный. Это значит, что он представляет собой крайнее выражение этно-религиозных конфликтов, столкновения главным образом двух культур — христианской и мусульманской, между которыми еще не найдены должные связи и компромиссы. Но это не означает, конечно, что весь исламский мир воюет против западного. Совсем не так. Террористические методы борьбы избрали и используют самые радикальные и агрессивные исламские круги. Но они выражают некие общие тенденции и установки, которые во многом противоречат исламу и не вытекают из его священных текстов. В противостоянии в той или иной форме участвуют сотни тысяч людей.

Понимание того, что современный терроризм, в сущности, является этнорелигиозным, пришло не сразу. Многие годы в криминологии, как и в политологии, сегодняшние кровавые конфликты обычно называли просто терроризмом. Понадобились такие исключительные события, как нападение исламских боевиков на Нью-Йорк, Вашингтон, Пенсильванию 11 сентября 2001 г., вторжение сил объединенной коалиции во главе с США в Афганистан, Ирак, мусульманские бунты в Париже и некоторых других европейских городах в 2005 г., массовые протесты исламских народов против карикатур на мусульманские божества, чтобы стало ясно: противостояние двух мировых цивилизаций — свершившийся факт. Терроризм является крайней формой такого противостояния, что не исключает иных его форм (типов).

В монографии представлены научные доказательства этой точки зрения. На этой основе, равно как и на базе полученных эмпирических данных, предложена система мер противодействия терроризму. Мы полагаем, что она и должна быть только системой, т.е. совокупностью взаимодополняющих и взаимоусиливающих мер, без которой успешное противодействие терроризму невозможно. Но он, как и преступность в целом, неискореним, а поэтому ставить задачу полной победы над ним ни в коем случае нельзя. Так или иначе он всегда будет существовать. Не забудем, что в гитлеровские и ленинско-сталинские времена государственный террор был несравненно страшнее нынешнего этнорелигиозного, даже если иметь в виду нападение на Нью-Йорк, взрывы домов в Москве и захват школы в Беслане.

В настоящей работе исследованы криминологические и уголовно-правовые проблемы не только тех преступлений, которые обычно относят к числу террористических (терроризм, вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению; захват заложника, организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем; посягательство на жизнь государ-

ственного или общественного деятеля), но и ряда «экстремистских» преступлений (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, организация экстремистского сообщества или деятельности экстремистской организации). Есть все основания утверждать: последние не просто близки к террористическим, а сама близость к ним означает, что ненависть и вражда в связи с принадлежностью человека к иной расе, нации или религии, национальный и религиозный экстремизм обладают мощным террористическим потенциалом. Не случайно ответственность за такие деяния предусмотрена в главе о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства.

Между тем современная Россия столкнулась с небывалым взрывом ксенофобии, ненависти к другим расам, нациям и религиям; все чаще совершаются насильственные преступления, в том числе особо тяжкие, на расовой, национальной и религиозной почве; все громче заявляют о себе группировки фашистского, иного экстремистского и крайне радикального толка. Однако российское общество и государство не готовы к должному противодействию и отпору этнорелигиозным экстремистам; общественность неадекватно оценивает грозящие опасности, а общественное мнение в ряде случаев даже склонно брать их под свою защиту.

Исследование осуществлено в 2005–2006 гг. авторским коллективом из числа научных сотрудников Института гуманитарного образования, Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. Руководитель исследования — Ю. М. Антонян.

Авторы выражают искреннюю благодарность за организационную и финансовую поддержку ректору Института гуманитарного образования М. В. Волынкиной, вице-президенту Российской академии наук, академику Г. А. Месяцу и начальнику Федеральной службы исполнения наказаний Ю. И. Калинин.

Глава I

**ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ
ЭТНОРЕЛИГИОЗНОГО
ТЕРРОРИЗМА**

---

1. ПОНЯТИЕ ЭТНОРЕЛИГИОЗНОГО ТЕРРОРИЗМА

Терроризм привлекает к себе настолько пристальное внимание мира, что невозможно дать полный обзор всех имеющихся суждений о содержании и отличительных особенностях этого явления. Причем надо иметь в виду, что по этой проблеме высказывались не только ученые, но и журналисты, писатели, политические и общественные деятели — все, кто не может быть равнодушен к тому невосполнимому ущербу, который наносится террористическими действиями. Естественно, мы будем анализировать и оценивать лишь некоторые точки зрения и только криминологов, как наиболее компетентных в данной области. Но, прежде всего, надо сказать о том, что в Федеральном законе «О противодействии терроризму» от 25 февраля 2006 г. говорится о таких его проявлениях: «терроризм», «террористический акт», «террористическая деятельность», причем раскрывается и содержание названных терминов. Определение терроризма как преступления дается, конечно, и в Уголовном кодексе РФ.

Следует отметить, что имеющиеся научные определения терроризма как явления в целом имеют много общего. Под терроризмом можно понимать относительно массовое, исторически изменчивое, уголовно наказуемое явление, характеризующееся совершением умышленных преступных действий с целью вызвать страх и панику, с выдвижением различных требований.

Сущность терроризма сводится к активному использованию устрашения для принуждения людей (группы людей, государства, государственных учреждений, коммерческих организаций и т.д.) к действиям, выгодным террористам. Устрашение — главный их инструмент, умело используя который они понуждают других, некую третью сторону, действовать не в интересах общества, государства или своих собственных, а террористов. Причем их требования могут быть неконкретными, иногда вообще не высказываются. Террористическая агрессия призвана создать общую атмосферу постоянного страха, изматывающего ожидания опасности. При этом чем больше источник угрозы неясен и размыт, тем больший страх он вызывает.

Таким образом, при терроризме насилие в любой форме имеет своим смыслом устрашение кого-то. Это — внутренний, имманентный смысл террористических действий. Причем они не всегда имеют ясно сформулированные цели, могут совершаться ради устрашения, чтобы получить удовлетворение от самого себя, своей силы, ловкости, значимости, лихости; чтобы увидеть, как «меня» боятся, как «я могу» заставить кого-то бояться. Такой смысл может иметь место и в случаях, когда наводится страх ради вполне определенных целей и с четкой их формулировкой, как, например, действия террористов в Буденновске в 1995 г. Иными словами, имеет место двойная мотивация: внешняя, видимая, демонстрируемая в цели, и скрытая, глубинная.

Еще одна особенность терроризма заключается в том, что он чаще (но не всегда) носит публичный характер, публично совершаются сами общеопасные действия или (и) объявляется о возможности их наступления. При этом они обычно направлены на лишение жизни человека.

Как преступление терроризм отличается от посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля (террористического акта) — ст. 277 УК РФ. Если обязательным признаком террористического преступления является устрашение, то преступление, предусмотренное ст. 277, нельзя отнести к террористическим. При условии, что названное посягательство, помимо цели прекращения государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность, хотя и сопряжено с убийством или иным насилием в отношении государственного или общественного деятеля, не преследует еще и цель запугать третьих лиц. Насилие в отношении должностного лица или общественного (политического) деятеля всегда приобретает широкое социальное звучание, подчас обнажая неспособность власти защитить себя.

Совершается ли террористическое насилие в отношении рядовых граждан или высших чиновников, оно может устроить людей. Так называемый террористический акт (за упомянутым исключением) есть не что иное, как убийство или другое преступное насилие, но названо террористическим по той причине, что направлено против государственных или общественных деятелей, которые по своему статусу выделяются из общей массы возможных потерпевших, что само по себе вызывает некоторое недоумение.

Больше всего терроризм связан с такими преступлениями, как похищение человека, захват заложника и организация незаконного вооруженного формирования. Как раз представители подобных формирований чаще совершают террористические нападения, похищают людей и захватывают заложников. Именно у них для этого имеется все необходимое: оружие, специально подготовленные люди, разведка, деньги

и т.д. В качестве структурированной организации такие формирования имеют прочные связи с международными террористическими ассоциациями, получая необходимую помощь людьми, оружием и деньгами.

Классическое определение терроризма дал, сам того не желая, один из главных террористов в истории человечества В. И. Ленин. В документе, направленном в 1918 г. в Пензу, он указал: «...1) повесить (неприменно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев и кровопийц; 2) опубликовать их имена; 3) отнять у них весь хлеб; 4) назначить заложников согласно вчерашней телеграмме. Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал...»¹. Ключевыми здесь являются слова «видел» и «трепетал», отражая сущность террора.

Итак, терроризм — это в первую очередь устрашение, наведение страха, создание атмосферы ужаса для достижения каких-либо целей, в частности, принятия определенных решений третьей стороной. Хотя в некоторых случаях требования не формулируются и даже может иметь место демонстрация себя, своих сил и возможностей, а тем самым достигается и устрашение.

Именно устрашение есть основная сущностная характеристика терроризма, его смысл. Оно бывает и при разбое, вымогательстве. Но в этих случаях один и тот же человек является и объектом насилия, и к нему же обращены определенные требования. А при похищении человека, терроризме и захвате заложника они адресованы третьей стороне.

Есть и еще одно отличие: при разбое и вымогательстве практически всегда требуют деньги или иные материальные ценности. При совершении же террористических преступлений требования могут быть самыми разными — от политических до денежных, включая освобождение из-под стражи сообщников.

Политические требования порой заключаются и в предоставлении новых прав, возможностей какой-либо религиозной или национальной группе, в том числе государственной независимости. В этом случае можно усмотреть этнорелигиозный терроризм, который нуждается, учитывая ситуацию в современном мире и особенно в России, в самостоятельном научном изучении. Однако прежде надо обратиться к имеющимся типологиям терроризма, чтобы яснее представить себе место этнорелигиозного среди различных форм этого явления. Этнорелигиозный терроризм является одним из видов (типов) терроризма, поэтому необходимо дать общее представление о том, в каких формах это явление существует в обществе.

По мнению В. В. Лунеева, существуют такие виды терроризма:

1. Политический, совершаемый по политическим мотивам, для достижения политических целей.

---

¹ Приводится по: *Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 57.*

2. Уголовный терроризм организованных преступных сообществ, внутренних и международных.

3. Националистический терроризм сепаратистских сил.

4. «Воздушный», совершаемый угонщиками самолетов с целью вымогательства денег, оружия, наркотиков или вылета в другие страны.

5. Международный терроризм, путем убийств представителей иностранного государства провоцирующий войны или международные осложнения.

Имеются и другие типологические схемы.

Можно предложить такую типологию терроризма:

1. Политический, связанный с борьбой за власть и, соответственно, направленный на устрашение политического противника и его сторонников.

2. Государственный, определяемый потребностью в устрашении, полном порабощении и подавлении собственного населения, уничтожении всех, кто борется с тираническим государством.

3. Этнорелигиозный, осуществляемый с целью торжества, практической реализации националистических и религиозных идей.

4. Общеуголовный, совершаемый прежде всего преступными организациями для получения материальных ценностей, подавления или уничтожения конкурентов, принуждения государственной власти к совершению определенных действий в свою пользу.

5. Военный, который имеет место во время войны и ориентирован не только на экономическое и военное ослабление, уничтожение промышленности и военной мощи противника, но и на то, чтобы привести его в оцепенение, деморализовать население, вызвать панику.

6. «Идеалистический» совершают с целью переустройства мира, победы «справедливости», торжества «великой» идеи. Такой терроризм чаще всего присущ лицам с уязвимой психикой.

7. Партизанский реализуется ради освобождения Родины от захватчиков. Наиболее яркий пример: партизанские движения в СССР во время Великой Отечественной войны.

Этнорелигиозный терроризм в современном мире является самым распространенным и опасным видом терроризма. По масштабам с ним может сравниться лишь общеуголовный. Однако последний носит достаточно скрытый характер и, главное, несравненно менее опасен, мало или практически не связан ни с внутренней, ни с внешней политикой государства, не оказывает на нее сколько-нибудь серьезного влияния. За редкими исключениями, общеуголовный терроризм не выдвигает каких-то масштабных требований, имеющих общесоциальный, так сказать, государственный характер, во всяком случае — в России. Но в Колумбии, например, он вел настоящую террористическую войну с государственной властью, в которой погибло много людей.

Под этнорелигиозным терроризмом предлагается понимать такой, при котором преступление стимулируется мотивами обеспечения торжества своей нации или (и) религии; реализации национальных и религиозных идей, в том числе сепаратистских, за счет подавления или даже уничтожения других национальных и религиозных групп (причем и в рамках одной религии). Такой терроризм вырастает на почве экстремизма, национальной и религиозной нетерпимости, вражды и ненависти, неумения и нежелания видеть в других группах партнеров для переговоров и компромиссов, уважения и учета их интересов.

Исследуемый вид терроризма могут реализовать не только представители данной этнорелигиозной группы, но и люди любой другой национальности или вероисповедания, вообще неверующие, которые за плату, из-за обид на власть, по игровым и иным мотивам участвуют в террористических и военных действиях. Как правило, они не являются руководителями террористических или бандитских групп, а выполняют функции рядовых исполнителей. Многие из них, в сущности, наемники. О таких преступниках убедительно говорит американский опыт в Афганистане и российский — на Северном Кавказе.

Вдохновителями, организаторами и руководителями этнорелигиозного терроризма чаще выступают представители той нации, чьи интересы отстаиваются. Именно они являются авторами основных идей, планов; разрабатывают и готовят конкретные акты терроризма, руководят их исполнением; поддерживают связи с международными террористическими организациями, получая от них помощь и распределяя ее, отчитываются перед «спонсорами» за истраченные деньги. Одним словом, это элита террористов, отличающаяся всеми присущими лидерам качествами, в том числе организаторскими способностями, сильной волей и настойчивостью, эмоциональной холодностью.

Этнорелигиозный характер терроризма определяется и тем, что местное население поддерживает националистические и сепаратистские идеи и планы конкретных боевиков, готово оказать им помощь. Однако при этом надо учитывать, что — как и в каждом общинном образовании — у многих народов Северного Кавказа сохранилась общинная структура. Она предполагает наличие нескольких кланов, чьи интересы могут не совпадать, межклановую вражду и кровную месть. В таких обществах не существует понимания единой законности, а наказание преступника считается частным делом заинтересованной стороны; порядок же обеспечивается равновесием интересов разных общин.

Общинный уклад сохранился в большинстве мусульманских стран, оказывая существенное влияние на жизнь людей, их взаимоотношения, на криминологическую обстановку в регионе и, конечно, на боевые и террористические действия. Можно констатировать, что и эта особен-

пость жизни народов Северного Кавказа добавляет аргументы в пользу того, что терроризм там носит этнорелигиозный характер.

Этнорелигиозный терроризм отличает еще одна черта. Поскольку обычно имеют место человеческие жертвы, такой терроризм необратим, память о нем, точнее — ненависть к виновным, сохраняется у многих поколений на неопределенно долгое время. Но это не просто такое отношение к убийцам и поработителям, а священная (освященная!) ненависть к врагам. Они выступают в облике сатанинских сил, посягающих не только на жизнь единоверцев и соотечественников, но и на сакральные ценности, символы. При этом «мы» — совсем другие, чистые и благородные, исповедующие одну-единственную подлинную веру, а «они» верят в несуществующего и бессильного бога. Поэтому ненависть функционирует уже не только на повседневно-бытовом, но и выше — на духовном, виртуальном — следовательно, исключительно значимом уровне. Однако и повседневно-бытовой очень важен, поскольку именно в его рамках с раннего детства воспитываются вражда и презрение к «неверным» или представителям другой паидии. Если даже правоверный побежден, он ни в коем случае не теряет надежду, поскольку на его стороне бог, а он — непобедим.

Этнорелигиозный терроризм ни в коем случае нельзя сводить к столкновениям между исламским и христианским миром, поскольку он проявляется и в каждом из них. Например, такой терроризм имеет место между ирландцами-католиками с шотландцами и англичанами-протестантами, а в исламе — между шиитами и суннитами.

Сакрализация противоречий разных народов сразу переводит конфликт на другой уровень. Теперь он интерпретируется и осознается, как минимум, в качестве закономерной борьбы добра со злом, причем носителями первого являемся, конечно, только «мы». А поскольку это так, то и компромисс невозможен: зло надо уничтожить, да и слово (договор), данное «злу», совсем не обязательно держать. К тому же у некоторых народов специфический взгляд на слово чести и ее саму, поэтому далеко не всегда можно и нужно верить договорам и соглашениям. Агрессивное этнорелигиозное сознание придерживается здесь собственных правил.

Мы называем данный вид не националистическим, этническим или сепаратистским в силу того, что современный мусульманский терроризм соединяет в себе как национальные, так и религиозные мотивации, причем последние — в первую очередь. Национальное самосознание населения мусульманских стран намного сильнее, чем христианских, сакрализовано, т.е. пронизано религиозной идеологией и психологией, которые оказывают решающее влияние на их самоидентификацию, мировосприятие и образ жизни, общение, отдельные постулки.

По признаку сакрализации большинство мусульманских стран отстает от европейских примерно на 5–7 веков. В средневековой Европе горели костры инквизиции, организовывались крестовые походы и свершилась Варфоломеевская ночь. По причине сакрализации национальное и религиозное сейчас не просто слиты, а второе превалирует; более того, ислам сплачивает людей именно на религиозной, а не национальной основе. Поэтому, например, чеченские террористы получают весьма значительную помощь от единоверцев за рубежом, без которой они долго не просуществовали бы. Для единоверцев же это — священный долг мусульманипа.

Мы называем современный этнорелигиозный терроризм исламским или мусульманским вовсе не потому, что ислам является террористической религией или призывает к террору. А потому, что к терроризму сейчас чаще всего прибегают лица, которые исповедуют эту религию и, прикрываясь ею, ведут террористическую войну якобы за ценности ислама. Поэтому для него ничего оскорбительного в этом наименовании нет. Коран прямо предписывает веротерпимость: «О вы, неверные! Я не стану поклоняться тому, чему вы будете поклоняться, и вы не поклоняйтесь тому, чему я буду поклоняться... У вас — ваша вера, и у меня — моя вера» (Кор. 109: 1–6); «Нет принуждения в религии» (Кор. 2: 257). Иисус — один из активных персонажей священных коранических текстов.

Террористическую войну, естественно, ведут не все мусульманские народы, и далеко не все люди, исповедующие ислам, разделяют ценности, идеалы и способы решения проблем, которых придерживаются наиболее радикальные и агрессивные деятели. Но последние способны увлечь за собой многих других, в том числе обмануть их, опираясь на знание психологии, традиций, обычаев, которые уже много столетий регулируют и направляют поведение масс. Между тем мусульманским «непримиримым» хорошо бы знать, что, когда пророк Мухаммад стал правителем Медины, он дал городу устав, провозглашающий равенство всех членов общины, вне зависимости от религии и национальности.

Сейчас в национальных регионах Северного Кавказа имеют место события, которые на языке уголовного закона квалифицируются как похищение человека, терроризм, захват заложника или организация незаконного вооруженного формирования. Однако приходится сталкиваться с тем, что некоторые деяния, называемые террористическими, на самом деле таковыми не являются. Например, нападение боевиков осенью 2005 г. на г. Нальчик есть не что иное, как мятеж или бунт. Причем в нем было нечто ребяческое и обреченное, ведь нападавшие должны были понимать, что не смогут захватить город: это намного превышало их силы и возможности. Следовательно, они просто шли на самоубийство — не случайно около 100 из них убиты.

Разумеется, в зоне военных и террористических действий на Северном Кавказе совершаются и другие, помимо названных, преступления — в частности, убийства, разбой, бандитизм, вымогательства, незаконное лишение свободы, торговля людьми, использование рабского труда, наемничество, организация преступного сообщества, злоупотребление полномочиями и некоторые другие. Многие из них окрашены в цвета этнорелигиозного противостояния, связаны с этнорелигиозным конфликтом общей атмосферой напряженности и тревожности, с возможностями учинения насилия и удовлетворения корыстных вожделений, порождаемых страхом и отсутствием должного правопорядка. Безднаказанность преступников в зонах конфликта тоже связана с ним. При этом преступления совершают не только участники незаконных вооруженных формирований и их соучастники, но и представители федеральных сил.

За некоторыми исключениями, терроризм (и этнорелигиозный в том числе) носит организованный характер. Более того, этнорелигиозный практически всегда организован, особенно в тех многочисленных случаях, когда связан с незаконными вооруженными формированиями и оказанием материальной поддержки преступным группам. Они в большинстве случаев представляют собой преступные сообщества, поскольку терроризм — дорогостоящий и трудоемкий способ решения проблем. На него должны работать различные структуры организованных формирований, которые добывают материальные средства, боеприпасы, оружие, взрывчатку; готовят соответствующих «специалистов»; осуществляют разведку и контрразведку; обеспечивают прикрытие откровенно противоправных требований; ведут агитацию, информационную войну и т.п. Поэтому терроризм в основном используется высокоорганизованными формированиями для обеспечения широкомасштабных экономических и политических интересов. Таким образом, террористическая деятельность в России представляет собой очень сложную систему, являющуюся подсистемой глобальной — одной из сторон противостояния мировых цивилизаций.

Вместе с тем нельзя исходить из того, что борьба с организованным терроризмом должна осуществляться на основе принципов и приемов борьбы с организованной преступностью. Дело в том, что «обычная» организованная преступность — это разновидность общеуголовной, со всеми присущими последней особенностями. Между тем в организованном этнорелигиозном терроризме очень значимы националистические, религиозные и политические факторы; весьма часто этнорелигиозные конфликты и терроризм в их рамках оказываются связанными с международными отношениями на государственном уровне, как мы могли наблюдать из-за событий в Чечне. Все это значительно слабее

выражено или вообще не имеет места в общеуголовной преступности. В целом смыслом преступной активности «обычных» преступных организаций является получение корыстной, материальной выгоды, а террористических — достижение политических целей или целей, декларируемых как политические, скрывающие корыстные устремления.

Одно только то, что и в том, и в другом случае мы сталкиваемся с организованной, даже высокоорганизованной, деятельностью, не означает, что принципы и приемы борьбы тут и там должны быть адекватными. Когда преступления совершает государство, такая его деятельность реализуется на самом высоком организационном уровне, но это не говорит о том, что с ним нужно бороться так же, как с кокаиновой мафией.

Если обратиться к ситуации на Северном Кавказе в целом и Чечне в частности, то следует отметить, что по завершении в Чечне военной части контртеррористической операции и разгрома основных сил сепаратистов тактика боевиков на данном этапе характеризуется переходом от прямого вооруженного сопротивления к отдельным террористическим актам, периодическим обстрелам подразделений, блокпостов и других объектов федеральных сил, а также подготовкой к вооруженным акциям в населенных пунктах. Практически ежедневно боевики минируют дороги, подрывают бронетехнику и автотранспорт.

Анализ обстоятельств совершения террористических акций свидетельствует о профессионально планируемом, координируемом и групповом характере этих преступных действий. Вместе с тем они охватывают все новые районы, в первую очередь — Ингушетию, Дагестан и Кабардино-Балкарию.

Подавляющее большинство преступлений террористической направленности совершается организованными группами. Число их преступлений по расследованным уголовным делам увеличилось с 2000 г. на 260%. Эти группы отличаются внутренней сплоченностью, вооруженностью, распределением ролей и жесткой дисциплиной. Террористическая активность участников незаконных вооруженных формирований не только имеет сезонные колебания, но и напрямую зависит от поступления финансовых средств из-за рубежа. В основном преступления указанной категории совершают молодые (в возрасте до 30 лет), нигде не работающие люди за денежное вознаграждение. Корыстный интерес часто доминирует над религиозными убеждениями (об этом говорит и то, что в 2001 г. террористами убито 6 религиозных деятелей — имамов).

Ценой огромных усилий и человеческих жертв федеральные войска и правоохранительные органы на территории Чеченской Республики практически перекрыли каналы поступления оружия, наркотиков.

наемников, денежных средств через границы сопредельных государств (Азербайджана, Грузии). Но одновременно стала наблюдаться иная тенденция — сращивание представителей незаконных вооруженных формирований с руководителями преступных сообществ России (особенно Южного федерального округа), внедрение их эмиссаров в легальный бизнес, получение дохода с легализованных капиталов и его использование на дальнейшее закрепление и развитие своих позиций в различных сферах жизнедеятельности Российской Федерации. Например, на юго-востоке Ростовской области за время антитеррористической операции официально зарегистрированы более 1000 выходцев из других северокавказских республик, у которых отмечено стремление к экономической экспансии и созданию для этого опорных пунктов.

Спецслужбы располагают свидетельствами поставок сельхозпредприятиям юга России низкогокачественного дизельного топлива из Чечни в обмен на сельскохозяйственную продукцию для незаконных вооруженных формирований. В ответ на ликвидацию нелегальных мини-заводов по переработке нефти в Чечне прочеченские криминальные группировки создают аналогичные предприятия на территории Ставропольского края, Ростовской области, похищают нефть из федеральных нефтепроводов.

Под прикрытием неизбежности скорого газавата с неверными экстремистским мусульманским вождям удается довольно успешно набирать рекрутов для «священной войны». Вербуют их в наиболее отсталых и нуждающихся слоях населения. Есть и специальные школы и базы подготовки террористов, в том числе самоубийц. Например, школы по подготовке террористов организации «Исламский джихад», где детей 12–15 лет учат подрывать себя на улицах и площадях Израиля, уверяя, что после террористического акта «у райских врат каждого юного героя встретят по 70 юных дев». Справедливости ради надо сказать, что и суммы вознаграждения, выплачиваемые родственникам борца за веру — шахида, играют не последнюю роль в принятии решения.

---

2. СОСТОЯНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

Криминологическая ситуация в России складывается таким образом, что с течением последних лет в криминологии сформировалось понятие террористической преступности, отражающее вполне определенные жизненные реалии, а именно — необычайно бурный рост числа и общественной опасности террористических преступлений. Можно без преувеличения утверждать, что данный вид преступности оказывает самое серьезное влияние на внутреннюю жизнь стра-

ны, даже ее экономику, не говоря уже о политике, а также на отношение к ней других стран, ее место на мировой арене.

Понятие террористической преступности охватывает такие преступления, как похищение человека (ст. 126 УК РФ); вымогательство (ст. 163); терроризм (ст. 205); захват заложника (ст. 206); организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208); посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277). Нетрудно заметить, что их объединяет один важный признак, позволяющий назвать эту группу именно террористической, а не какой-нибудь другой: провокация страха, угроза насилия путем уже совершенного. Террор (терроризм) немыслим без этого: «просто» насилие, например убийство в быту, нельзя считать террористическим деянием. Терроризм — это всегда устрашение насилием, к нему близко примыкают не только убийство, но и бандитизм, вооруженный мятеж, публичные призывы к экстремистской деятельности, диверсия, возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, организация экстремистского сообщества или деятельности экстремистской организации и ряд других.

В целом состояние террористической преступности в России, имея в виду перечисленные статьи Уголовного кодекса, представляет собой приведенную в табл. 1.1 картину (данные в абсолютных величинах).

Вместе с тем следует сделать очень важную оговорку: не все террористические преступления, приводимые в таблице, совершены по этнорелигиозным мотивам, а имеют сугубо корыстную окраску и носят общеуголовный характер. Однако в их основе лежит устрашение, что и позволило отнести их к террористическим деяниям: здесь мы имеем в виду, в том числе, и похищение человека.

Имеющиеся государственные статистические данные не позволяют сделать выводы о том, к какому виду терроризма можно отнести то или иное преступление. Но поскольку большая их часть совершена на Северном Кавказе или в связи с событиями там либо выходцами из национальных республик этого региона по этнорелигиозным мотивам, есть все основания предполагать, что большинство исследуемых преступлений может быть отнесено к этнорелигиозному терроризму.

По статистике МВД РФ, в 1994 г. было зарегистрировано 18 актов терроризма, в 1995 — 46, в 1996 — 36, в 1997 — 32 и в 1998 — 21. До 1994 г. в УК РСФСР не было состава терроризма, если не считать ст. 66 и 67, предусматривавших ответственность за террористические акты по политическим мотивам против государственных деятелей. В те годы было зарегистрировано лишь одно покушение на Л. Брежнева (1969), совершенное В. Ильиным.

**Состояние террористической преступности в России
(по годам, количество преступлений, число преступников)**

Состав преступления	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005								
	коли- чество	коли- чество	коли- чество	коли- чество	коли- чество	коли- чество	коли- чество	коли- чество	коли- чество								
Похищение человека: ст. 126	1140	722	1415	938	1554	1160	1291	950	1417	1001	1535	686	1367	802	1108	928	1135
Терроризм: ст. 205	32	10	21	7	20	0	135	24	327	40	360	65	561	63	265	43	208
Захват заложника: ст. 206	114	111	69	57	64	32	49	29	32	31	39	23	24	25	22	15	20
Организация незаконного вооруженного формирования: ст. 208	1	0	2	5	9	6	340	189	165	109	135	164	267	221	212	158	356
Посягательство на жизнь государственного или общественного деятели: ст. 277	3	0	3	1	2	0	4	10	2	0	5	0	2	3	1	0	4
<i>Итого</i>	1290	843	1510	1008	1649	1207	1789	1202	1943	1181	2074	938	2221	1114	1608	1144	1728

Всего за период с 1997 по 2005 г. было зарегистрировано 15 812 террористических преступлений, за 1997–2005 гг. привлечено к уголовной ответственности за них 8637 человек.

Сведения за 1997–2005 гг. о количестве зафиксированных террористических преступлений представлены в табл. 1.2.

Таблица 1.2

**Количество зарегистрированных террористических преступлений
(1997–2005 гг.)**

Состав преступления	Количество преступлений
Похищение человека	11 962
Терроризм	1924
Захват заложника	433
Организация незаконного вооруженного формирования	1487
Посыпательство на жизнь государственного или общественного деятеля	26

За 1997–2005 гг. больше всего зарегистрировано таких преступлений, как похищение человека, за него и к уголовной ответственности лиц было больше всего привлечено. В 2005 г. зафиксировано 1135 фактов похищения людей, т.е. больше, чем в 2004 г. Терроризм в группе террористических преступлений занимает второе место.

Как мы видим, наименьшее количество террористических преступлений было совершено в 1997 г. После этого их число ежегодно возрастало, и это происходило в основном за счет случаев похищения человека. Пик совершения террористических преступлений приходится на 2003 г.

Что касается изменения численности лиц, привлеченных к уголовной ответственности за террористические преступления, то здесь наблюдается некоторая цикличность. С 1997 по 1999 г. число преступников растет, далее происходит спад до 2002 г., а с 2003-го опять наблюдается тенденция к увеличению.

Самыми «террористическими» преступлениями являются терроризм (ст. 205) и захват заложника (ст. 206). И здесь картина в части терроризма весьма неблагоприятная: если в 1997 г. зарегистрировано 32 случая, то в 2005 – 203. Соответственно увеличилось и число лиц, привлеченных к уголовной ответственности за это преступление, более чем в четыре раза. Еще хуже обстоит дело с организацией незаконного вооруженного формирования: если в 1997 г. зафиксирован лишь один случай, то в 2004 – 356! Эти данные позволяют (хотя и с большой осторожностью) предположить, что собственно террористические деяния постепенно перерастают в организованные формы мятежей и восстаний, как это имело место в октябре 2005 г. при попытке захвата г. Наль-

чика незаконными вооруженными формированиями. Впрочем, такое предположение, чтобы стать доказанным выводом, требует дальнейших научных изысканий, анализа статистических данных и адекватной оценки событий, выражающихся в крупномасштабных актах насилия.

Что касается посягательства на жизнь государственного и общественного деятеля, то таких преступлений очень мало, как и отражает имеющаяся о них статистика.

Из приведенных статистических данных можно сделать и следующие выводы:

– число лиц, привлеченных к уголовной ответственности за терроризм, с каждым годом увеличивается в среднем на 4,7 человека, а количество случаев терроризма — на 33,3 случая;

– число привлеченных к уголовной ответственности за захват заложников с каждым годом снижается в среднем на 13,7 человека, а количество случаев захвата заложников — на 13,15 случая.

Значительный интерес представляют данные, характеризующие динамику террористических преступлений. Если 1997 г. считать за 100%, то динамика этих преступлений выглядит следующим образом (табл. 1.3).

Таблица 1.3

**Динамика террористической преступности
(по годам, количество преступлений, число преступников)**

Состав преступления	1997 г.				1998 г.				1999 г.			
	количество	%	число	%	количество	%	число	%	количество	%	число	%
Похищение человека: ст. 126	1140	100	722	100	1415	+24	938	+30	1554	+36	1169	+62
Терроризм: ст. 205	32	100	10	100	21	-34	7	-30	20	-38	0	-100
Захват заложника: ст. 206	114	100	111	100	69	-39	57	-49	64	-44	32	-71
Организация незаконного вооруженного формирования: ст. 208	1	100	0	100	2	+100	5	—	9	-800	6	—
Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля: ст. 277	3	100	0	100	3	—	1	—	2	-33	0	—
Итого	1290	100	843	100	1510	+17	1008	-20	1649	+28	1207	-44

Состав преступления	2000 г.				2001 г.				2002 г.			
	количество	%	число	%	количество	%	число	%	количество	%	число	%
Похищение человека: ст. 126	1291	+13	950	+32	1417	+24	1001	+39	1535	+35	686	-5
Терроризм: ст. 205	135	+322	24	+140	327	+922	40	+300	360	+1025	65	+550
Захват заложника: ст. 206	49	-57	29	-74	32	-72	31	-72	39	-66	23	-79
Организация незаконного вооруженного формирования: ст. 208	340	+33900	189	-	165	+16400	109	-	135	+13400	164	-
Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля: ст. 277	4	+33	10	-	2	-33	0	-	5	+67	0	-
<i>Итого</i>	1789	+39	1202	+43	1943	+51	1181	+40	2074	+61	938	+12
	2003 г.				2004 г.				2005 г.			
	количество	%	число	%	количество	%	число	%				
Похищение человека: ст. 126	1367	+20	802	+11	1108	-3	928	+29				-0,4
Терроризм: ст. 205	561	+1653	63	+530	265	+728	43	+330				+534
Захват заложника: ст. 206	24	-79	25	-77	22	-81	15	-86				-82
Организация незаконного вооруженного формирования: ст. 208	267	+26600	221	-	212	+21100	158	-				+356
Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля: ст. 277	2	-33	3	-	1	-67	-	-				+0,12
<i>Итого</i>	2221	+72	1114	+32	1608	+25	1144	+36				+34

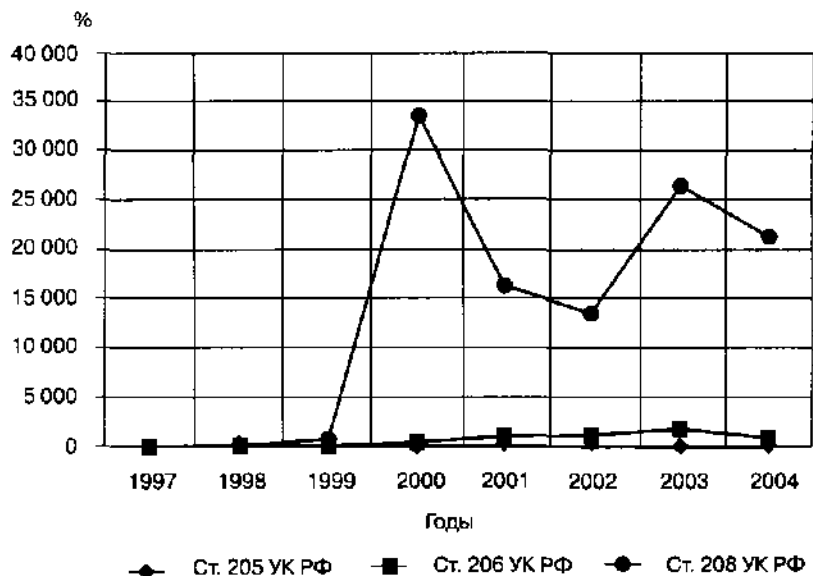

Рис. 1.1. Динамика террористической преступности

Динамика терроризма, захвата заложников и организации незаконного вооруженного формирования показана на рис. 1.1.

Сопоставим данные, характеризующие динамику терроризма и убийств, поскольку, во-первых, эти преступления весьма схожи по характеру и степени общественной опасности, а во-вторых, большинство актов терроризма включает в себя убийства (табл. 1.4). Данные приводятся в абсолютных цифрах и процентах к показателям 1997 г., которые условно приняты за 100%. Это выглядит следующим образом (рис. 1.2).

Таблица 1.4

Динамика терроризма и убийств

Преступления	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Терроризм	32/ 100	21/ -34	20/ -38	135/ +322	327/ +922	360/ +1025	561 +1653	263/ +728
Убийства	37025/ 100	37675/ +2	39065/ +6	40201/ +9	42677/ +15	40531/ +9	40219/ +9	39732/ +7

Из приведенных данных следует, что за последние годы терроризм в стране развивался более бурными темпами, чем убийства, хотя число последних значительно больше. По отношению к 1997 г. возросло число случаев терроризма (+728%) и особенно организаций незаконных вооруженных формирований (+356%). Сократилось количество таких

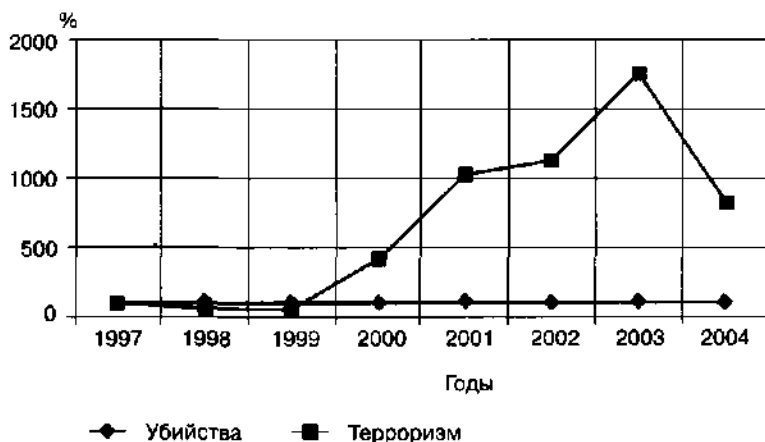

Рис. 1.2. Динамика терроризма и убийств

преступлений, как посягательство на жизнь государственных или общественных деятелей (-67%) и захват заложника (-81%). При том что в целом число всех террористических преступлений в 2004 г. по отношению к 1997-му возросло на 25%. Количество привлеченных за них к ответственности лиц во все годы увеличивалось.

Следует особо отметить бурный рост собственно терроризма (ст. 205 УК РФ) в отдельные годы по сравнению с 1997-м. Так, в 2000 г. число случаев терроризма по отношению к названному году увеличилось на 322%, в 2001 — на 922, в 2002 — на 1025%, в 2003 — на 1653%, а в 2004 г. произошло существенное снижение числа случаев терроризма — рост составил всего (?) 728%. Соответствующей была и динамика привлеченных к уголовной ответственности лиц по названной статье.

Интересную динамику можно проследить в отношении такого же, сугубо террористического, преступления, как захват заложника. В то время как в 2000-х годах число фактов терроризма росло, во все прошедшие годы, начиная с 1998-го, уменьшалось количество захватов заложников. Однако в последние годы возросло число жертв среди них (Москва и Беслан).

Не может не вызывать тревоги катастрофическое увеличение таких преступлений, совершенных незаконными вооруженными формированиями. Динамика их роста в процентном соотношении с 1997-го выглядит по годам следующим образом:

- 1998 — 100%;
- 1999 — 800%;
- 2000 — 33 900%;
- 2001 — 16 400%;

2002 — 13 400%;
2003 — 26 600%;
2004 — 21 100%;
2005 — 35 500%.

Эти данные свидетельствуют об усилении социального напряжения в стране, особенно если учитывать рост числа террористических проявлений. Причем сокращение случаев захвата заложников не свидетельствует о каком-то благополучии. Просто для того, чтобы совершить это, требуется гораздо более длительная, тщательная и продуманная подготовка, чем при актах терроризма. Нет оснований успокаиваться и по той причине, что даже немногочисленные факты захвата заложников влекут за собой сотни и тысячи жертв, как, например, при захвате театра на Дубровке в Москве и средней школы в Беслане.

Немалый интерес для оценки террористической ситуации в России представляют собой данные о том, какой была динамика соответствующих преступлений в каждом году по сравнению с предыдущим. Из их анализа видно, что больше всего проявлялась тенденция к росту терроризма и организации незаконных вооруженных формирований, причем увеличение числа этих преступлений иногда носило скачкообразный характер. Так, количество актов терроризма в 2000-м по сравнению с 1999 г. возросло на 575%, в 2001 г. по сравнению с 2000 — на 142, в 2003 г. по сравнению с 2002 — на 56%. Количество случаев организации незаконных вооруженных формирований в 1999 г. по сравнению с предыдущим годом возросло на 350%, в 2000 — на 3678. В последующие годы рост числа таких преступлений был менее значительным: например, в 2003-м по сравнению с 2002 — только (?) на 98, а в 2004 г. вообще отмечается спад на 21% по сравнению с предыдущим годом. Кроме того, в 2004 г. произошло уменьшение на 28% всех террористических преступлений по сравнению с предшествующим.

Приведенные данные в целом не дают исчерпывающего представления о реальном ущербе от преступлений террористического характера. Некоторую ясность в это вносят сведения МВД РФ о пострадавших, погибших и материальном ущербе от таких преступлений в России за период с 1 января 2001 г. по 12 июля 2005 г. (табл. 1.5).

Разумеется, и здесь нет уверенности в том, что все эти преступления совершены вследствие религиозной или национальной ненависти либо нетерпимости. Не вызывает сомнений, что многие из этих преступных деяний совершены из корыстных побуждений, личной неприязни, зависти, желания захватить должность и т.д., о чем уже сказано. Как отмечалось и то, что большей части террористических преступлений действительно присущ этнорелигиозный характер. Это особенно

**Сведения о пострадавших и материальном ущербе
от террористических актов**

Виды преступлений террористического характера	Количество преступлений	Число пострадавших			Ущерб, тыс. руб.
		всего	ранено	погибло	
Взрывы и поджоги транспортных средств	829	2476	1780	648	0
Взрывы и поджоги в общественных местах	1637	2867	2246	607	1200
Взрывы и поджоги объектов инфраструктуры	339	1108	890	195	877
Взрывы и поджоги жилых зданий	694	683	473	178	0
Нападение на представителей власти	1413	2382	1582	646	167
Нападение на объекты органов власти	3547	1047	775	218	0
Нападение на объекты инфраструктуры	31	62	35	24	83000
Захват заложников	46	2275	1474	466	2000
Похищение людей	1461	1753	80	38	19867
Отравление людей	6	231	148	0	0
Убийства общественно-политических деятелей	18	27	7	20	0
Убийства представителей бизнеса	90	175	17	158	80
Убийства представителей власти	267	464	31	426	3988
Изъятие оружия и боеприпасов	4176	1022	4	10	1
Хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывчатых устройств	121	53	0	0	250
<i>Итого</i>	16 234	17 040	9714	3713	111 430

ярко выражено в терроризме, захвате заложников, похищении человека и организации незаконного вооруженного формирования.

О том, каковы масштабы этнорелигиозного вооруженного противостояния на Северном Кавказе, говорит один из таких примеров. Только за девять месяцев 2004 г. в контртеррористических операциях в Чеченской Республике силами Объединенной группировки войск (сил) по их проведению на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации более 190 боевиков уничтожены, свыше 390 задержаны

ны, 102 члена бандформирований приняли решение прекратить участие в незаконных вооруженных формированиях. Выявлены и уничтожены более 240 баз боевиков, 546 схронов, 1799 мини-заводов по незаконной переработке нефти; из незаконного оборота изъяты около 1730 единиц стрелкового оружия, 604 гранатомета, 11 230 гранат и выстрелов к гранатометам, 33 огнемета, 14 ПТУРов, 3151 снаряд, 673 538 патронов, свыше 1286 кг взрывчатых веществ. Обезврежены 799 взрывных устройств.

В 2004 г. на территории той же республики действовали 110–130 бандгрупп различной численности, а в их числе более 300 наемников из стран ближнего и дальнего зарубежья. Лидерами незаконных вооруженных формирований была создана развитая сеть джамаатов, являющихся проводниками идей ваххабизма и экстремизма. Они выступают источниками ресурсной поддержки бандформирований и непосредственно участвуют в подготовке и совершении диверсионно-террористических актов в различных регионах Российской Федерации.

Если взять 50 наиболее крупных актов терроризма, совершенных в России с 1 января 2001 г. по 12 июля 2005 г., то в них:

- пострадали — 4656 человек;
- в том числе ранены — 3358 человек;
- погибли — 1115 человек.

Самые большие потери были в Беслане, где пострадал 1241 человек: ранены 726, убиты — 335, среди них много детей.

В Чеченской Республике и на всем Северном Кавказе совершение преступлений террористической направленности столетиями использовалось как для развала российской государственности извне, так и для изменения государственного устройства в самой России. И во все времена это была организованная деятельность вооруженных формирований, финансируемая и поддерживаемая тоже как извне, так и отдельными категориями местного населения. Но, кроме того, на Северном Кавказе еще боролись за свою независимость и отдельные народы, к чему нельзя подходить с великодержавных позиций. Хотя следует признать, что сейчас нет никакой их дискриминации.

Еще в начале XIX в. российские дипломаты предупреждали, что Россия должна спокойно и обдуманно ждать общемуusulьманского газавата. А потому необходимо всегда памятовать о грозящей опасности и заблаговременно, не торопясь, готовиться к более чем вероятному будущему, дабы не быть застигнутыми врасплох.

События десятилетней давности позволяют сделать вывод, что знания и опыт предыдущих поколений не нашли своего применения. Центр организованного терроризма, Чеченская Республика не только осталась вне правового поля, но официально получила средства и вооружение

для продолжения преступной деятельности. Россия, фактически признав государственную самостоятельность Чечни в 1997 г., продолжала перевод бюджетных средств Чеченской Республике, что по существу стало как бы контрибуцией со стороны России.

Такой терроризм может эффективно «работать» только в демократическом обществе, а именно — на его достижениях: свободе слова, передвижения и пр. На поверхности почти всегда оказываются рядовые исполнители, в чем, кстати, и состоит задача психологической пропаганды организаторов терроризма — создание определенной романтики действий. Однако даже достаточно хорошо известные, они очень часто оказываются вне зоны досягаемости.

Финансирование терроризма — тщательно скрываемый его организаторами факт. Исторические примеры убеждают, что действия террористов строятся отнюдь не на одной идее. Финансирование осуществляется с нескольких направлений.

Можно предположить, что финансовую основу современного международного терроризма создают некоторые государства, которые принято называть исламскими. Плюс негосударственные организации аналогичного характера, различные «культурные фонды» и т.д. Они периодически выделяют на нужды «борцов за веру» немалые суммы, а определенные люди «сидят» на распределении этих денег. Тот же бен Ладен, например.

Кроме внешнего финансирования, у террористов есть способы самостоятельного зарабатывания денег. Например, президент самопровозглашенной республики Ичкерия Дудаев признавал, что чеченская диаспора наладила в Москве крупные деловые связи и, в известной степени, приводные ремни московской экономики перешли в руки чеченцев. В рамках этих «деловых связей» отдельные бизнесмены неоднократно делали лидерам чеченских террористов Басаеву и Удугову крупные финансовые «вливания».

А о том, что некоторые финансовые круги зарабатывают деньги и на совершаемых терактах, можно догадываться по наглядным фактам. Еще до 11 сентября 2001 г. неизвестные лица срочно продали акции авиакомпаний, которые вскоре катастрофически упали в цене. Можно предположить, что финансирование террористических организаций — очень выгодное вложение денег, хороший бизнес.

Установлен и факт связи между некоторыми международными террористами, которые действуют на территории Чечни, с международными преступными террористическими организациями, в том числе с «Аль-Каидой» бен Ладена. Только наемников из арабских стран в Чеченской Республике уничтожено около 500. В настоящее время там находится немало наемников из различных исламских государств. Это

люди фактически из одной организации. Они вместе готовились в одних и тех же террористических центрах, считают бен Ладена своим учителем, который готовил их на своих базах в Афганистане. Они вместе воевали против советских войск в этой стране.

С 1995 по 1999 г., когда Россия ушла с территории Чечни, там было подготовлено, по самым скромным подсчетам, свыше двух тысяч бандитов, боевиков, которые позднее принимали участие в боевых действиях в других «горячих» точках планеты: в Косово, Кашмире, Судане, Афганистане. По сути, это одна система, сеть, одни и те же люди; они прекрасно знают друг друга и питают их один источник.

Изучение отдельных террористических акций заставляет думать, что у них как бы два аспекта — рациональный и глубинный, иррациональный. Рациональность террора заключается в том, что с помощью чрезвычайного насильственного действия государственная и общественная системы провоцируются на уступки террористам, которые стремятся достичь конкретной политической или социальной цели: освобождения из-под стражи других террористов, удовлетворения сепаратистских амбиций, признания политических и этнических свобод, подрыва социальной стабильности в обществе и создания кризисного психологического климата, демонстрации самих себя и т.д.

Иногда эти цели достигаются, но эффект от них обычно остается локальным, как по времени, так и по социальному объему. Застигнутая врасплох система вначале даже может подчиниться террористам, и они получают возможность информирования общества о себе и своих программах. Однако вскоре мгновенный прорыв сводится на нет сложными ходами тех, кто имеет достаточно власти и времени, чтобы исподволь и постепенно исправлять негативные последствия подрывных действий. Выгода здесь для террористов по большей части информационного характера, что само по себе может быть и очень важным, но успех этот недолговечен.

Иррациональный, глубинный аспект обычно имеет место при похищении человека и особенно захвате заложников. В этих случаях искусственно создается уникальная ситуация, в рамках которой разрушаются привычные представления о нравственности, об отношениях между людьми. И террористы, и заложники, образно говоря, смотрят в лицо смерти, поскольку на первых сконцентрирована вся разрушительная мощь государства, которая может обрушиться и на заложников, а они в свою очередь ожидают гибели от террористов. Последние в связи с этим выступают носителями смерти. Поэтому те и другие получают экстремальный экзистенциальный опыт и в целом ситуацию можно назвать садомазохистской. Причем террористы могут получать удовлетворение от осознания своей безграничной власти над заложниками, которые приобре-

тают опыт переживания пограничных состояний, проникновения в свое глубинное «я».

Еще одна особенность терроризма заключается в том, что он чаще всего носит публичный характер; публично совершаются сами общеопасные действия и (или) объявляется о возможностях их наступления. При этом действия обычно направлены на лишение жизни человека.

Как преступление терроризм отличается от посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля (террористического акта) — ст. 277 УК РФ. Если обязательным признаком террористического преступления является устранение, то преступление, предусмотренное ст. 277, нельзя отнести к террористическим, если только при названном посягательстве, помимо цели прекращения государственной или иной политической деятельности либо мести за такую деятельность, как уже говорилось выше, не преследуют еще и цель запугать третьих лиц. Насилие в отношении должностного лица или общественного (политического) деятеля всегда приобретает широкое социальное звучание, подчас обнажая неспособность власти защитить себя.

Совершается ли террористическое насилие в отношении рядовых граждан или высших чиновников, оно может утратить людей. Так называемые террористические акты (за приведенным исключением) есть не что иное, как убийство или другое преступное насилие, но названы террористическими по той причине, что направлены против государственных или общественных деятелей, которые по своему статусу выделяются из общей массы возможных потерпевших.

Больше всего терроризм как преступление связан с такими преступлениями, как похищение человека, захват заложника и организация незаконного вооруженного формирования. Как раз представители подобных формирований чаще совершают террористические нападения, похищают людей и захватывают заложников. Именно у них для этого имеются все необходимые условия: оружие, специально подготовленные люди, разведка, деньги и т.д. В качестве структурированной организации такие формирования имеют прочные связи с международными террористическими ассоциациями, получают необходимую помощь людьми, оружием и деньгами.

В целом для современного терроризма в России характерны следующие черты. Увеличение количества террористических актов и числа их жертв, циничность и жестокость исполнения этих актов; высокий уровень финансирования террористической деятельности; использование различными государствами отдельных террористических группировок для расширения сфер геополитического влияния; участие международных террористических организаций в распространении своего влияния на другие регионы, активные попытки установить контроль

над территориями с богатейшими запасами энергоносителей, полезных ископаемых; профессионализм и подготовленность террористов на основе большого опыта их участия в различных конфликтах; интернациональный характер террористических группировок; связь терроризма с наемничеством; возросшая техническая оснащенность наиболее опасных террористических группировок; размывание границ между внутригосударственным и международным терроризмом; установление устойчивых связей между террористическими организациями и транснациональной организованной преступностью, в первую очередь наркобизнесом; попытки лидеров некоторых террористических организаций придать своей деятельности видимость национально-освободительной борьбы; появление новых видов терроризма, в частности информационного и электронного (компьютерного).

---

3. ПРИЧИНЫ ЭТНОРЕЛИГИОЗНОГО ТЕРРОРИЗМА

3.1. Общая концепция причин этнорелигиозного терроризма

Проблема причин терроризма всегда будет принадлежать к числу самых актуальных, поскольку сам терроризм — в тех или иных формах — вечен. Этнорелигиозный — лишь одна из его разновидностей, поэтому необходимо искать и исследовать причины именно этнорелигиозного терроризма, а не какого-нибудь иного, обязательно учитывая его характер, конкретные проявления, людей, особенно лидеров, условия, в которых он реализуется. По сравнению с другими видами, этнорелигиозный терроризм сейчас получил в мире наибольшее распространение.

Националистический, этнорелигиозный терроризм и этнорелигиозные конфликты в целом представляют огромную опасность для российской государственности и судеб наших народов. Чеченская война, самое значительное национальное противостояние за всю историю СССР и России, потрясла российское общество, изменила его взгляды на себя и свои перспективы, заставила пересмотреть некоторые устоявшиеся представления о возможностях власти и народа. Между тем этнорелигиозные конфликты и порождаемый ими терроризм вполне могут быть рассмотрены в русле конфликтологии межнациональных отношений — сравнительно молодой научной дисциплины, которая стала развиваться в нашей стране с конца 80-х годов XX в. Для научного анализа содержания и причин национального противостояния в России необходимо разрешить некоторые общетеоретические вопросы.

Прежде всего следует отказаться от ряда довлевших до этого таких стереотипов, как представление о преходящем характере чувства этни-

ческой и религиозной принадлежности и вырастающей на его почве национальной и религиозной нетерпимости, об их ограниченности узкими историческими рамками и уровнем общественного развития. Думается, что нужно также отказаться от взгляда на возможность изменений национального характера в соответствии с изменениями внешней материальной среды.

По нашему мнению, национальный характер представляет собой сочетание исторически сложившихся устойчивых социально-психологических, нравственных и духовных особенностей данного этноса или нации, выраженных в национальных и религиозных символах, национальных и религиозных ценностях. Он связан с историческим, в том числе не вспоминаемым бессознательным коллективным опытом, иногда тысячелетним, данной нации или этноса. Точнее — порожден им и может быть назван духом или душой нации (этноса).

Такой характер стабилен, более того, весьма консервативен, не очень пластичен, плохо приспосабливается к новым условиям. Но даже приспособление отнюдь не свидетельствует о существенном изменении самого этнообразования и его религиозно-культурной основы. Они могут, как и у отдельного человека, корректироваться в реакциях на внешние стимулы, что часто создает иллюзию изменений названных черт. Поэтому очень важно учитывать, что внешние социальные условия обладают сравнительно слабыми возможностями воздействия на сердцевицу национального и религиозного духа, если понимать под ним то, что возникает в результате функционирования коллективного бессознательного по архетипическим механизмам и является основой существования данного этноса или религиозной группы.

Необходимо решительно отказаться и от того, что террористы якобы не имеют ни национальности, ни религиозной принадлежности. Такое утверждение равносильно мнению, что у них нет возраста или пола. Напротив, как раз знание этого позволит понять причины и природу этнорелигиозного терроризма, оказать сопротивление ему, опираясь в том числе на ценности, которые имеются в соответствующих национальных и религиозных культурах.

Можно говорить о «механической солидарности» людей одного народа, основанной на кровном родстве, наследственной религии, общности культуры, языка, традиций, обычаев, судьбы. Однако трудно сказать, какие факторы — экономические или духовные — в большей степени обеспечивают эту солидарность. Совершенно очевидно, что при более или менее удовлетворяющем данную нацию (или этнос) материальном достатке духовные, культурные факторы становятся весьма эффективными. Но если наступает пора экономического разорения, люди

данной группы, чтобы выжить, устремляются в иные края, начинают жить среди других народов.

Хотя обычно уезжают не все. И эти оставшиеся начинают активно прибегать к насилию, в том числе террористическому. Оно становится и способом решения экономических проблем, и формой социального протеста. Все это мы и можем наблюдать на Северном Кавказе. Но и те, кто уезжает, не порывают психологических и духовных связей с родиной, помогают соплеменникам, в ряде случаев — террористам. К тому же далеко не все уехавшие могут адаптироваться в новом месте, иногда начинают протестовать против субъективно не приемлемых для них новых условий. Причем протест может принимать характер агрессии, даже террористической.

Одним из парадоксов, порождающих религиозный и националистический террор, является то, что националисты и религиозные экстремисты очень остро реагируют на действительные или мнимые обиды, которые причинены их нации. Хотя обычно совершенно бесчувственны к тем унижениям и оскорблениям, которым подвергают сами другие нации, отдельных их представителей, что также проявляется на Северном Кавказе.

Обобщая, можно назвать следующие основания для межнациональных конфликтов, которые иногда пытаются решить с помощью терроризма.

— Стремление к перераспределению определенных жизненных ресурсов и природных богатств.

— Несовпадение этнических, национальных и религиозных границ, предъявление в связи с этим территориальных, политических, иных претензий одной нации другой; желание сделать свою страну мононациональной или монорелигиозной.

— Ущемление прав наций на самоопределение (здесь имеются в виду только случаи, когда та или иная из них действительно вправе претендовать на суверенитет).

— Стремление какой-то национальной группы или организации захватить государственную власть путем отделения (суверенизации) от остальной страны. (Разумеется, в лозунгах, рассчитанных на массовое потребление, это не отражается.)

— Нарушение прав личности представителей определенной нации (этноса); унижительное, пренебрежительное отношение к ним; принятие необходимых мер для их экономического и духовного развития.

— Желание продемонстрировать другой нации свое превосходство и одновременно запугать ее. Иногда это связано с обнищанием населения, когда у него ничего не остается, кроме национальной принадлеж-

ности. А люмпенское сознание, как известно, может перерасти в национал-социалистическое (нацистское, фашистское, расистское).

– Разнообразие представлений людей о национальном достоянии, национальном достоинстве и национальном интересе, в которых могут проявляться самые архаичные, даже первобытные корни.

– Неумелая, непродуманная политика центральной власти в отношении отдельных национальных регионов; непринятие мер по нейтрализации негативных последствий при перестройке иерархических структур, нарушении прежнего баланса сил и возможностей.

– Стремление любой нации (этноса) к сохранению своей национальной идентичности и сопротивление в связи с этим навязываемому властью или другими структурами иного образа жизни, иного миро-восприятия и миропонимания, иных ценностей.

– Формирование (старт) теневого национального компонента при образовании национальной буржуазии и предпринимательства. В некоторых случаях они могут прибегать к националистическому терроризму для отстаивания, утверждения своих экономических интересов, т.е. на базе дикой рыночной конкуренции. В нашей стране известны многие факты применения террора одними организованными преступными группировками против других, что осуществляется под националистическим прикрытием.

– Неготовность власти (на разных уровнях), а также интеллигенции к взрыву национализма и неумение вовремя спрогнозировать его, принять профилактические меры, пресечь деструктивное поведение.

– Политическая борьба, опирающаяся на национальное и националистическое движение.

– Превалирование процессов суверенизации над экономической целесообразностью, политическими, духовными, иными интересами и ценностями. Выдвижение в этой связи максималистских, не основанных на реальности требований.

– Рост безработицы, особенно в крупных городах с пестрым национальным и расовым составом: в отсутствие работы будут ущемлять представителей наций, которые там составляют меньшинство, являются беженцами и мигрантами.

Иерархия оснований межнациональных конфликтов различна у разных народов и может меняться со временем; но представляется, что она все-таки стабильна на протяжении длительного периода времени.

Естественно, возникает вопрос: какова роль религии в порождении, провоцировании этнорелигиозного терроризма? Ответ на него не может быть однозначным.

Во-первых, в священных текстах разных религий достаточно просто найти призывы к насилию или обоснование справедливости его при-

менения. В этом смысле Коран, например, почти не отличается от Библии, особенно от Ветхого Завета. К тому же очень многое зависит от толкования конкретных текстов, т.е. от позиции того, кто это делает. Вот почему нет оснований считать тот же Коран главным источником мусульманского экстремизма. Но если даже священные книги отнюдь не чужаются насилия и в них можно черпать вдохновение и оправдание терроризму, то религия оказывается весьма причастной к такому явлению. Откровение святого Иоанна Богослова (Апокалипсис) весьма красноречиво в этом смысле.

Во-вторых, именно религия весьма чувствительна ко всем посягательствам на то, что считает своей святыней или важной ценностью. Она руками своей церкви готова охранять их также и путем агрессии, а в критических ситуациях особенно склонна к черно-белому восприятию мира, разделяя всех на «своих» и «чужих».

Церковь делает сугубо религиозные символы национальным достоянием народа и фундаментом его культуры, объявляя их неприкосновенными и особо чтимыми. Они действительно становятся таковыми в восприятии людей, а поэтому действительное или мнимое покушение на них расценивается в качестве величайшей опасности, избежать которой следует любой ценой.

В-третьих, в священных текстах столь же легко обнаружить осуждение насилия, проповедь любви, прощения и милосердия. И в этом отношении Коран не отличается от Библии. Поэтому борьба с терроризмом предполагает максимальную опору на религию и служителей церкви всех конфессий.

В-четвертых, многие авторы проводят различия между постулатами ислама и положениями шариата, который представляет собой комплекс предписаний, регулирующих поведение мусульманина в различных жизненных ситуациях. Указанные авторы считают, что публичное право шариата не представляет собой закон ислама, которому современные мусульмане обязаны следовать во исполнение своего религиозного долга. Шариат прямо противоречит международному праву. В то время как Устав ООН запрещает применение силы в международных отношениях кроме случаев самозащиты, шариат, напротив, дает такое разрешение во имя распространения ислама и поддержания чистоты веры. Шариат узаконивает рабство как один из вариантов обращения с военнопленными (другие варианты — казнь, освобождение с выкупом или без выкупа, в зависимости от воли победителя). Допускает шариат и дискриминацию по признакам пола, религии, карая отступление от ислама смертной казнью. Будучи творением мусульманских юристов, разрабатывающих его на протяжении первых трех веков ислама, шариат, хотя он исходит из Корана и Сунны, сам по себе не является священным.

В исламе право объявления и ведения «священной войны» от имени государства, т.е. в целях отражения агрессии и защиты свободы вероисповедания, принадлежит только самому государству. Отдельные лица, общественные и религиозные общины таким правом не обладают. Важно и то, что правильное толкование Корана могут дать только ученые, знающие и контекст, и историю его ниспослания. Коран утверждает, что «нет принуждения в религии» (2: 256), т.е. однозначно запрещает насильственное обращение в ислам.

Между тем в оправдание терроризма против немусульман исламские террористы обращаются к Корану, в котором, в частности, говорится: «И убивайте многобожников, где бы вы их не обнаружили... О пророк! Борись с неверными и лицемерами и будь беспощаден к ним» (9: 5, 73). Для оправдания агрессии против немусульман приводится и такое высказывание пророка Мухаммада: «Мне было приказано сражаться с людьми, пока они не засвидетельствуют, что нет божества, кроме Аллаха, а Мухаммад — Его посланник, не станут совершать молитву и вносить закят, если же они сделают это, то их жизнь и имущество окажутся под моей защитой, а в противном случае с ними надлежит поступать по праву ислама, а суд над ними в руках Всевышнего Аллаха». Оба приведенных высказывания прямо призывают к насилию и действительно могут использоваться для оправдания терроризма. Но не следует забывать, что они были написаны в VI в. и адресованы совсем другим людям, ради иных целей. Призыв к насилию можно найти и в Библии.

Однако современная мусульманская религиозная мысль приходит к выводу об однозначном осуждении исламом терроризма, насилие может быть использовано лишь как способ защиты этой религии. Вопреки утверждениям исламских экстремистов, они не служат исламу, а приносят ему вред.

Как же определить нынешнюю терророгенную ситуацию в мире, что она представляет собой в целом, в чем ее сущность и основные причины, с каким явлением мы сталкиваемся в лице этнорелигиозного терроризма?

Полагаем, что современный этнорелигиозный терроризм представляет собой главным образом столкновение двух мировых культур — ислама и христианства, Востока и Запада, если понимать их не географически, а как ареалы распространения определенных цивилизаций. Это столкновение двух ментальностей, двух мировосприятий, двух отношений к жизни и труду. Такое объяснение находит сейчас все больше сторонников. Однако суть и содержание названных конфликтов нуждаются в углубленном и обстоятельном исследовании.

Прежде всего здесь можно усмотреть зависть и даже ненависть относительно бедного и не обладающего достаточной военной мощью Во-

стока к богатому, процветающему, ведущему престижное существование, имеющему несокрушимые военные силы Западу, к тому же далеко не всегда справедливому и нередко агрессивному по отношению к своему нуждающемуся соседу. Именно поэтому было совершено нападение 11 сентября 2001 г. на Всемирный торговый центр, символ экономического процветания Запады, и на Пентагон — символ его военной мощи.

У исламского Востока нет никакой возможности решить конфликт с Западом посредством военной силы, поэтому он прибегает к террору, который, как и в других случаях, становится оружием слабых. К тому же открытое применение военной силы возможно только со стороны государства, но ни одно мусульманское государство не выражает такого желания, причем многие из них действительно не хотят никаких конфликтов, но просто не в состоянии обуздать своих террористов.

Почему же современная террористическая агрессия исходит от исламских, а не от каких-либо других экстремистов?

Казалось бы, большинство террористов — это выходцы из бедных стран, у которых сейчас нет никаких шансов приблизиться к развитым. Это относится к афганским и иракским бойцам «Аль-Каиды», пакистанцам и алжирцам, чеченцам и другим представителям Северного Кавказа, которые давно и прочно втянуты в террористические действия. Однако более внимательный анализ показывает, что многие террористы отнюдь не бедняки и «сражаются» ради идеи. К тому же можно назвать целый ряд беднейших стран мира, которые не принимают никакого участия в терроризме, вообще не имеют о нем представления. Следовательно, не бедность или, точнее, не столько бедность может выступать причиной терроризма.

На наш взгляд, суть проблемы состоит в том, что ислам является самой молодой из мировых религий. Другие — христианство, буддизм, индуизм — давно определили свое место в мире, свою идентичность и субъектность. И поиски их в этой области прекращены. Они хорошо знают себя и достаточно четко представляют свои возможности. Поиск же исламом, как самой молодой религии, собственной идентичности часто реализуется в насильственной форме, что не должно вызывать удивления: на соответствующих этапах развития это же было присуще христианству и некоторым другим религиям, достаточно вспомнить крестовые походы.

Однако утверждать, что с остальным миром враждует вся мусульманская цивилизация, было бы в корне неверно, поскольку цивилизация образуется не только из религиозной составляющей, которая, конечно, тоже не вся руководствуется агрессивными установками. Боль-

шинство мусульманских священнослужителей активно выступают против насилия.

Другое очень важное обстоятельство заключается в том, что ислам формирует и цементирует традиционное общество, на смену которому уже давно пришли индустриальное и постиндустриальное, созданные, в первую очередь, западной христианской цивилизацией. К тому же ислам довольно консервативная религия, упорно отстаивающая самые архаичные формы существования людей и повседневного их общения, а поэтому весьма враждебно воспринимающая и оценивающая очень многое из того, что исходит из западного мира.

Между тем его влияние в условиях современной глобализации активно и даже губительно для ценностей и символов традиционного общества. А любые серьезные угрозы воспринимаются людьми такого общества крайне болезненно. Современные экстремистские движения завоевывают всенародную поддержку, отрицая саму необходимость принимать и даже просто уважать западные ценности. В качестве программы действий они призывают жить по законам ислама.

Надо признать, что Запад упростил задачу для теоретиков и идеологов терроризма. Одно только перечисление актов насилия и несправедливости к исламским странам, в том числе в прошлых колониях, вызывает бурное негодование мусульман и перевешивает все положительные экономические последствия отношений с Западом.

Можно, конечно, призывать его не давить на восточную цивилизацию, не навязывать ей свои ценности, но насколько это реально и может ли привести к ослаблению межкультуральных противоречий, поможет ли преодолению ненависти Востока? Думается, что нет, поскольку восточные исламские страны будут оставаться бедными, а сделать их цивилизованными «по-своему» не удастся.

Поэтому мы и сталкиваемся с неразрешимой проблемой: совершенно различно отношение к труду населения Запада и Востока. Восток будет оставаться бедным до тех пор, пока коренным образом не пересмотрит свое отношение к труду и не уберет все препятствия для повышения его эффективности. Однако есть опасение, что это трудноразрешимая проблема, и Восток останется бедным, поскольку труд его граждан не отвечает тем требованиям, которые могли бы соответствовать современным стандартам и привести к процветанию.

Необходимо учитывать, что конкуренция и в связи с ней конфликтные отношения между христианской и мусульманской церквями сложились еще в те далекие века, когда ислам еще только начал распространяться в мире.

В общих чертах традиционная христианская полемика с исламом в прошлом преследовала цель продемонстрировать:

- 1) несостоятельность религии мусульман по сравнению с христианством;
- 2) необоснованность претензий Мухаммада на пророческую миссию;
- 3) необоснованность претензий мусульман на то, что Коран является словом Божьим;
- 4) аморальность образа жизни мусульман.

В доказательство того, что Мухаммад был лжепророком, христианские полемисты чаще всего приводили четыре довода. Во время ниспослания Откровения у него не было свидетелей. Когда Моисей получил Откровение от Бога, свидетелем тому был весь израильский народ: Бог явился в огне и буре. Напротив, Мухаммад спал в пещере один, когда с ним якобы говорил Бог. Никто из пророков не предвозвещал миссии Мухаммада. Он не мог предсказать, что случится даже в ближайшем будущем. Наконец, Мухаммад не совершил ни одного чуда. Его личность также была объектом критики христианских ортодоксов. Прежде всего они указывали на якобы свойственные характеру Мухаммада чувственность, жестокость, склонность к насилию — качества, несовместимые с пророческим статусом. Полемисты утверждали, что Коран не может быть словом божьим, поскольку нечестиво и бесчестно искажает библейское повествование, прибавляя к нему вымыслы и легенды, что это — плод человеческой фантазии. По их убеждению, перед фактом жертвы Христовой, которая отрицается в Коране, мусульманам нечего предъявить, кроме своего исповедания веры, обрезания, омовения, молитвы и священной войны (видимо, своеобразная интерпретация пяти столпов ислама). Но все это, считали критики ислама, вторичные признаки религии, которые сами по себе не могут обеспечить спасения. Искаженный итог средневековой полемики подвел М. Лютер: «Очевидно, что Коран написан сатаной, который таким образом забавляется, издеваясь над Богом и людьми».

Какими бы наивными, надуманными и прямолинейными ни виделись нам сегодня эти доводы, очевидно одно — в них наши предки безошибочно определили самые болезненные темы, которые проявились сегодня в исламо-христианском теологическом диалоге, — темы Откровения и пророческого статуса Мухаммада.

Мы, естественно, ни в коем случае не желаем вступать в теологический спор, при этом твердо зная и веря, что ислам, как христианство или буддизм, имеет право на существование. Разжигание ненависти к какой-либо религии — наихудший, более того — смертельный путь разрешения этнорелигиозных, политических и любых иных конфликтов. В равной мере совершенно недопустимо раздувать миф о мусульманской угрозе христианству, как и христианской — исламу.

Распространяемые некоторыми средствами массовой информации поверхностные сведения об угрозе исламизма могут быть односторонне восприняты населением и породить размежевание общества по национальным и религиозным признакам. Разумеется, среди причин этнорелигиозного терроризма можно назвать и экономические, в том числе падение уровня жизни населения и падение производства, безработицу и т.д.

Между тем терроризм в целом и этнорелигиозный в частности имеет место и в тех странах, где уровень и качество жизни достаточно высоки, например в Испании и Великобритании. Следовательно, дело отнюдь не столько в материальной обеспеченности людей, сколько в психологических и духовных факторах. В то же время экономические обстоятельства ни в коем случае нельзя игнорировать. В той же Чечне, где мало рабочих мест и еще меньше возможностей обеспечить себе достойные условия жизни, многие молодые люди охотно становятся исполнителями террористических акций, если за это могут получить неплохое вознаграждение.

Странам с тоталитарным режимом терроризм не свойствен. Социальные связи между обществом и государственным аппаратом слабее, правоохранительные органы имеют возможность действовать более эффективно, не считаясь с правом и моралью. Да и само государство выступает в качестве главного террориста.

Террористам невозможно вызвать панику при таких условиях, и терроризм здесь просто не выдерживает конкуренции с государственным аппаратом. Однако, думается, дело не только в разрыве между обществом и государством, а в том, что тоталитарное государство непременно является террористическим — по отношению к обществу и населению в целом. В качестве же организованного преступного террористического сообщества оно не потерпит никакой другой террористической организации и раздавит ее в рамках закона, а чаще — вне его.

Естественно, возможности никакого этнорелигиозного или иного террористического сообщества не могут пойти ни в какое сравнение с мощью террористического государства. Современная история СССР, Германии, Италии более чем убедительно подтверждает это.

3.2. Причины этнорелигиозного терроризма на Северном Кавказе

Полагаем, что при изучении и объяснении терроризма нельзя ограничиваться лишь рамками Чечни. Акты терроризма имеют место и в других местах этого региона, прежде всего в Дагестане и Ингушетии, события в которых, конечно, теснейшим образом связаны с Чечней.

В первую очередь отметим такой терророгенный фактор, как общинное устройство жизни в Чечне и некоторых других национальных ре-

гионах Северного Кавказа. Оно порождает общинную идеологию и психологию, весь строй отношений к себе и окружающему миру.

Нельзя не согласиться с А. Гейвандовым, что события, происходящие в Чечне, демонстрируют попытку восстановления догосударственных форм общинного регулирования, норм обычного права (основанного на обычае). Кровная месть, захват заложников — инструменты первобытно-общинного строя, в котором еще не сформировалось понятие о личности и человек считается не самостоятельным существом, а имуществом рода. Кровная месть может существовать только в донациональном обществе, члены которого относят себя не к единому народу, а к различным родам. В обществе, не преодолевшем родо-племенной раздробленности, не существует понятия единой законности. Наказание преступника считается частным делом заинтересованной стороны, а порядок воспринимается как паритет противопоставленных интересов общин. Государство — инструмент совмещения интересов — возникает там, где появляется понятие об общем благе.

Дольше всего институты первобытного общества сохраняются на географически изолированных территориях — на островах, в горах, пустынях или степях, джунглях, тайге. До кавказских событий кровная месть была нам больше известна в островном варианте — как сицилийская вендетта. Остров Сицилия стал родиной и тайного террористического союза — мафии. Такие союзы поддерживали порядок в первобытных племенах до эпохи вождей (и часто противодействовали установлению централизованной власти). Они ведали вопросами обороны, казнили нарушителей обычаев и совершали ритуальные убийства, так как имели эзотерическую основу.

До последнего времени сохраняли функцию «поддержания обычая» тайные общества Тропической Африки, например «андзимба» в Конго. В Нигерии, недавно напомнившей о себе исламистскими погромами, всплеск активности племенных террористических обществ наблюдался в 1960-е годы, сразу после обретения независимости, в борьбе за власть группировок традиционной знати. В связи с террористическими обществами Европы в первую очередь вспоминаются горная Страна Басков, острова Ирландии, Корсика. Человек с общинным стереотипом адаптации считает себя не обладателем прав и обязанностей, а только представителем субъекта права — общины. Адаптируется к новым условиям община, а не каждый ее член, вступающий в отношения с «представителем своей общины» или «представителем другой общины»¹.

Религиозный фундаментализм (экстремизм), который является питательным источником терроризма, берет свое начало не в конце XIX в.,

---

¹ См.: Гейвандов А. Между общиной и государством // Независимая газета. 2003. 12 марта.

а значительно раньше. То же христианство было нетерпимо к другим религиям, даже течениям в своей, жестоко преследовало их. Фундаментализм не есть просто результат потери нравственных ценностей и религиозной неопределенности. Фундаменталисты не теряли нравственных ценностей по той причине, что их не было у них. Как и религиозной неопределенности у них тоже не было, наоборот, их религиозные ориентиры четко указывали пути решения проблем. У них было стремление сохранить исконные традиции и верования, а также противостоять светскому духу времени. Фундаменталисты всех религий пытаются не только отстоять традиционные системы доктрин и образ жизни для себя, но и навязать их другим, подогнать социальные структуры под свои фундаменталистские убеждения. Ими еще движет плохо осознаваемый страх, боязнь потерять нечто очень важное и защитить себя от возможной угрозы. Фундаменталисты также мстят за ранее понесенные обиды и поражения.

Политизация ислама наиболее очевидна в мусульманских странах, отождествляющих исламское право с законами государства. Мусульманская юстиция рассматривает политических преступников в качестве бунтовщиков, а бунт относит к преступлениям, посягающим на права Аллаха, т.е. на интересы всего мусульманского сообщества. Ислам во многом базируется на идеологии и психологии общины, закрепляет и защищает их. Особенностью общины является то, что она поглощает личность, которая значима постольку, поскольку признается общиной, которая представляет собой институт первобытного, догосударственного общества.

Провал попытки создания в Чечне государства объясняется именно общинным укладом жизни народа. Но мы знаем целый ряд исламских государств с хорошо отлаженной государственной машиной, а это является свидетельством того, что там общинный уклад успешно преодолен или преодолевается. Сопротивление западной цивилизации мусульманского мира имеет место и по той причине, что она явно угрожает общине и ее ценностям, психологии.

Описанную терророгенную ситуацию как конфликт цивилизаций можно отнести ко всем террористическим явлениям в современном мире, но ее частные проявления имеют место в отдельных странах, в том числе России. Однако причины этнорелигиозного терроризма в нашей стране достаточно специфичны. Они определяются тем, что основная масса террористов и волна терроризма – с Северного Кавказа, где наибольшее распространение имеет ислам. Народы этого региона были покорены Россией только во второй половине XIX в., после многолетних войн, и стереть такое из их памяти невозможно. Поэтому нынешнее северокавказское сопротивление вполне можно считать продол-

жением той освободительной войны, хотя реализуется оно сейчас совершенно недопустимыми, доцивилизованными способами.

Военное и политическое противостояние России и Чечни следует отсчитывать с начала XVIII в., когда с покорением Астраханского ханства Россия вышла к кавказским рубежам. С этого времени ведется активное строительство военной линии от Каспийского до Азовского и Черного морей. Генералы Екатерины II, закончив сооружение военной линии по рекам Терек и Кубань, начинают претворять в жизнь колониальные задачи, определенные еще Петром I. Экспансия русского суперэтноса столкнулась с вайнахским выдвижением на равнины. Захваты плодородных земель русским дворянством, проведение в отношении чеченцев репрессий явно преследовали цель замены местного мусульманского населения «верным» христианским, в частности, за счет переселения русских христиан и вытеснения чеченцев.

Их вытеснение с равнинных плодородных земель в глубь бесплодных гор и дальше, на территории Турции и Ирана, считает С. У. Дикаев, проводилось двумя путями: прикрыто — «мирным» и открыто — военным. «Мирный» путь предусматривал создание для чеченцев невыносимых условий существования, что должно было ускорить их «естественную» убыль. Так, во второй половине XVIII в. царское правительство отменило всякие пошлины с жителей Кабарды и Кумыкии при покупке товаров и продаже ими своих изделий и скота в Кизляре. Но такая привилегия не распространялась на чеченцев. На их противодействие власти отвечали карательными экспедициями в чеченские селения, сжигали и разрушали аулы, уничтожали посевы, отбирали запасы продовольствия, истребляли сады и т.д. Все это обусловило глубокий социальный протест, который вылился в антиколониальное движение чеченцев под предводительством шейха Мансура в 1785 г.

Посланные на подавление восстания войска под руководством полковника Пиери сожгли в первую очередь дома шейха Мансура, а потом и всю деревню, состоящую из 400 дворов. Однако при возвращении в места дислокации войска Пиери попали в засаду и потерпели сокрушительное поражение. Из трех тысяч солдат и офицеров половина погибла, в их числе Пиери.

Крупные сражения с переменным успехом продолжались до 1790 г. Но каждое поражение горцев автоматически влекло за собой истребление войсками всех близлежащих к местам сражения аулов вместе с жителями, не успевшими спастись бегством, и уничтожение посевов.

Открытое сопротивление чеченцев было преодолено лишь в 1791 г. А с 1800-го берет начало второй этап движения горцев, в период тотального наступления царизма по всему фронту, методично вытеснявшего коренное население народов Кавказа. Безжалостное физическое

истребление чеченцев рассматривалось наместником Кавказа А. П. Ермоловым как единственный способ очистки предгорий Кавказа от коренного населения.

Впрочем, царизм и не скрывал своих намерений истребить чеченцев. Это явствует из официальных докладов, инструкций, приказов царских военачальников, в которых терминологически выдержаны истинные целеполагания в войне. В этих исторических документах используются термины «сожжено» (аулов и домов), «истреблено» (людей), «угнано» (домашнего скота), «отнято», «разграблено» (имущества) и т.д., которые не могут иметь иное, кроме прямого, значение. Политика геноцида вынудила народы Кавказа прибегнуть к организованному сопротивлению, которое постепенно оформилось в суверенное многонациональное государство — имамат Чечни и Дагестана, просуществовавшее с 1828 по 1859 г.

Высокая организованность сопротивления чеченцев имела свои преимущества и недостатки. Она позволяла вести строгий учет сил и средств, необходимых для ведения продолжительной войны и рационального их использования. Вместе с тем высокая степень организации сопротивления позволяла царским войскам видеть в каждом чеченце (поскольку война шла на территории Чечни) потенциального врага, которого непременно следовало уничтожить. Таким образом, значительно облегчалась задача вытеснения чеченцев и оправдывался выбор средств для достижения этой стратегической цели. А он был ограничен — поголовное истребление воюющей части населения и тихое «выживание» лояльно настроенной¹.

Только за одно лето 1865 г. 25 тыс. чеченцев вынуждены были покинуть Родину, к концу XIX в. в Чечне оставалось всего 75 тыс. Но и эта часть была практически бесправна. На них не распространялись общероссийские уложения, было введено так называемое военно-народное управление, просуществовавшее до Февральской революции 1917 г. Длительное военное противостояние постепенно сформировало национальный менталитет чеченцев как воинственного народа, к тому же вытесненного в те годы в горы, где возможности добывания средств к существованию были ограничены, толкая чеченцев на разбой, как, впрочем, и другие горские народы. Чеченцы со временем стали видеть в каждом русском врага, как и русские — в каждом чеченце. Со временем, естественно, такие отношения стали смягчаться.

---

¹ См.: Дикаев С. У. Вековые конфликты и современные проблемы терроризма: Правовой и политико-криминологический анализ. Уфа, 2003. С. 187–189.

Могут сказать, что нужно предоставить независимость тем народам Северного Кавказа, которые этого хотят, и такие предложения уже делались. Однако это ни в коем случае не разрешит назревший конфликт и не поможет преодолению терроризма.

Во-первых, российское правительство практически уже предоставило независимость Чечне. Всем известно, чем это закончилось: там было создано не современное государство, а лишь нелепая и жестокая пародия на него, которая сделала государственный террор своей чуть ли не официальной политикой. Более того, тогдашние правители так называемой Ичкерии позволили себе открытую агрессию против России, великой державы, обладающей ядерным оружием, напав на Дагестан.

Во-вторых, борьба за независимость Чечни, как якобы причины терроризма, не выдерживает никакой критики. Для чеченских экстремистов и боевиков не столь важен сам предлог для террористического нападения, они, как и любые другие террористы, могут воспользоваться любым. Главное в том, что Россия — страна христианской цивилизации, давно враждующая с кавказскими мусульманскими народами, и уже поэтому становится объектом террористических атак, а среди террористов так много выходцев из других исламских стран. Вот почему представляется неправильным утверждение, что, завоевав Северный Кавказ, Россия нажила себе вечных врагов. Даже если бы не было этого завоевания, враги все равно были бы.

Отдельные влиятельные слои чеченского народа будут продолжать всеми силами бороться против модернизации, не отказываясь, однако, от некоторых, вполне современных, достижений цивилизации. Сказанное совсем не исключает, что из среды этого весьма активного народа выйдут (и уже вышли) выдающиеся деятели науки, искусства, политики. В целом же чеченское общество пока останется традиционным, а очень важными каналами информации в нем будут связи: родители—дети, учителя—ученики, священнослужители—миряне, вожди и старейшины—рядовые соплеменники.

Названные факторы предопределяют стремление чеченцев к суверенитету, сохранению внутреннего единства и самобытности, осознанию своей этнокультурной общности. Этническая и религиозная общность чеченцев была мобилизована их лидерами перед войной и в ее процессе. Эту мобилизацию следует понимать как превращение этничности и религиозности из психологического, духовного, культурного и социального фактора в собственно политическую и даже военную силу. Таким же образом были политизированы и отдельные личности, что можно наблюдать не только в Чечне, но и в других местах, например, в Закавказье и Прибалтике.

Можно полагать, что политизация в совокупности с идеологизацией национальных групп и отдельных людей, их истертизация активно способствуют фанатичной террористической активности. В периоды напряженности и соперничества национальные лидеры призывают «соплеменников» — носителей этнорелигиозной культуры — ощутить свою судьбу не в личностных и классовых, а в национальных (этнических) и религиозных категориях. Напряженность еще более возрастает, когда «простому» человеку внушают, что без национальной и религиозной солидарности он сам, его «я», исконные ценности находятся под угрозой уничтожения. Она иногда приписывается модернизации, под которой понимаются многосторонние изменения в культурном, экономическом, демографическом, политическом, нравственном, технологическом и ином отношениях; утрата многовекового опыта, образа и стиля жизни, привычного восприятия мира.

Итак, в поисках причин этнорелигиозного терроризма надо иметь в виду, что почти всегда он является следствием столкновения модернистской и традиционной, архаической культур. Благодаря просвещению, гуманизму, рационализму в современном западном мире произошел значительный отрыв от тысячелетних ментальных и социальных структур, сформулированы оценки и ценности, многие из которых противоречили установкам традиционного общества. Особенно это касается агрессии, которая в архаических формациях практически легитимна, европейский же взгляд в основном исходит со стороны жертвы и направлен на ее защиту.

Эмансипация женщин, пацифизм, эффективная защита преступника в суде, обеспечение ему шадящих условий отбывания уголовного наказания, стремление к резкому снижению роли государственных институтов и т.д. — все это связано с обеспечением прав человека. Его защита стала ведущей заботой западной культуры, но вообще проблема защиты существует только потому, что вполне явственна агрессия. Традиционное общество, пытаясь защитить свою идентичность, а следовательно, сами основы собственного существования, вынуждено противопоставлять подобным представлениям иные и реализовывать их, в том числе, с помощью террора.

Наряду с глобальной причиной этнорелигиозного терроризма в России действуют и способствующие ей условия. Среди них можно назвать такие:

— низкий уровень материального обеспечения населения Северного Кавказа, нерешенность большинства экономических проблем. Это, конечно, характерно и для других регионов страны, но в охваченном этнорелигиозными конфликтами способствует террористическому насилию;

— высокий уровень безработицы на Северном Кавказе, где, по некоторым данным, полной или частичной охвачено около 70% населения. Понятно, что не занятых в труде и нуждающихся людей, особенно молодых, достаточно легко втянуть в ряды боевиков и террористов, обещая солидное вознаграждение. К тому же участие в боевых действиях представляет собой форму социального протеста;

— отсутствие у государства ясной, вразумительной и обоснованной экономической, социальной и конфессиональной политики на Северном Кавказе, непонимание того, что политическая жизнь там нуждается в коренных преобразованиях;

— слабость российских спецслужб, которая не позволяет своевременно получить информацию о планах террористов и предотвратить их реализацию. Это отчетливо проявляется в непрофессиональных действиях по задержанию преступников, когда гибнет немало сотрудников правоохранительных органов;

— широкомасштабная коррупция среди государственных чиновников разных уровней, в том числе и в самих правоохранительных органах. Она позволяет террористам и их пособникам получать необходимые документы, просачиваться в государственную власть, милицию и т.д.; скупать оружие, преодолевать заслоны на маршрутах своего следования; вести контрразведку и получать информацию о планах и замыслах власти;

— материальная, моральная и психологическая поддержка экстремистов и боевиков, часто негласная и скрываемая, со стороны населения Северного Кавказа. Она особенно сильна в Чечне, среди жителей которой очень много пострадавших от войны, потерявших своих близких;

— существование на Северном Кавказе многочисленной группы людей, воспитанных в условиях войны и не умеющих делать ничего, кроме как воевать, и, естественно, не представляющих себя в мирном труде;

— поддержка, и особенно материальная, терроризма на Северном Кавказе со стороны международных экстремистских и террористических исламских движений, чего могло бы и не быть, если бы границы России усиленно охранялись.

К числу криминогенных факторов, способствующих этнорелигиозному терроризму в Чечне и некоторых других регионах Северного Кавказа, относятся противоправные, а часто и преступные действия представителей федеральных сил против местного населения. Широко известны преступления, совершенные Будановым и группой Ульмана (хотя она оправдана судом, но это не может вводить в заблуждение). А можно предположить, что многие преступления «федералов» просто остались неизвестными. Все это восстанавливает местное население против России, толкает на террористическое насилие и в целом на со-

противление в любых формах. И прав глава Духовного управления мусульман азиатской части России муфтий Н. Аширов, утверждавший в одном интервью, что цивилизованное государство тем и отличается от других, что не использует бандитских приемов, лишь умножающих число обид. Особенно когда речь идет о народе, считающем, что его достоинство и честь ущемлены, и уже не первое столетие ведущем борьбу с теми, кого относит к числу захватчиков или оккупантов.

Идентификация этнической или кланово-родовой (общинной) группы требует создания общих легенд и мифов, за счет чего происходит ее духовное и эмоциональное объединение. Большая роль именно эмоциональных и виртуальных факторов в идентификации этнической группы усиливает вероятность непредсказуемого развития межэтнических отношений, перехода негативных стереотипов восприятия «чужаков» из пассивной формы в активную. Мифология — религиозная и национальная, а также этнорелигиозная — всегда лежит в основе этнорелигиозных движений с положительным или отрицательным знаком, включая сакрализацию (придание священного статуса) реальных или мифических лиц, событий, предметов, мест и т.д. Причем религиозные и этнические мифы могут играть не только деструктивную, но и вполне положительную роль; использоваться, причем весьма активно, в борьбе с этнорелигиозным экстремизмом и терроризмом.

У народов Северного Кавказа, в том числе Чечни, как, впрочем, и у многих христианских, весьма размытые и нечеткие представления о религии, которую они называют своей; о ее духовных и нравственных требованиях. Исследователи и публицисты обращают внимание на религиозное невежество основной массы мусульман в этом регионе, отмечая, что оно досталось в наследство со времен советского атеизма. Многие из них не знают, к какой именно ветви ислама принадлежат. Сохраняется масса обычаев, которые мало согласуются с установлениями шариата. Так, в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Ставропольском крае бытует весьма пышная похоронно-поминальная обрядность, требующая значительных материальных затрат семьи покойного. Все это в целом показывает, что так называемым простым людям достаточно легко навязать псевдорелигиозные взгляды, которые будут стимулировать их террористическую активность.

Сегодня на Северном Кавказе существует реальная угроза скатывания от борьбы с ваххабизмом к банальной исламофобии. Такая ситуация вызывает справедливый протест среди мусульман по отношению к власти и способствует укреплению позиций ваххабитов и других религиозных фундаменталистов.

Некоторые современные авторы склонны напрямую связывать причины терроризма на Северном Кавказе с традициями и обычаями жи-

вущих там народов. Так, по мнению Л. В. Сердюка, «идея совершения террористических актов закладывалась и будет закладываться в психологию чеченских террористов благодаря традициям народа и соответствующему воспитанию»¹. Это утверждение не может быть безоговорочно принято, хотя нельзя, конечно, отрывать склонность той или иной национальной группы к насилию от обычаев и традиций, которые в ней бытуют. Разумеется, они передаются конкретным людям, в том числе путем воспитания, и семьей.

Об исключительном влиянии родо-племенных (общинных) традиций и обычаев достаточно хорошо известно. Об этом нельзя забывать при анализе и оценке поведения, личности конкретных террористов, которые воспитывались в обстановке глубокого и безоговорочного почитания таких традиций и обычаев; при планировании и осуществлении предупредительных и оперативных мероприятий либо деятельности воспитательного характера.

Очень часто имеет место внушение людям, в первую очередь молодым, мысли об исключительности нации и (или) религии, к которым они принадлежат; о выдающихся чертах национального характера (силе, мужественности, стойкости); об особом месте «их» нации в истории и т.д. В связи с этим мифологизируются образы далеких предков, превносятся их необычные качества. В то же время подвергаются поношению действительные и мнимые враги, гипертрофируются исходящие от них угрозы и вместе с тем собственные возможности. Радикальные националистические деятели, увлекающие за собой толпу, совсем не склонны к переговорам и компромиссам, надеясь на грубую силу.

Некоторые представители чеченского и других северокавказских народов ложно понимают свободу для своего народа, не умеют адекватно оценить складывающиеся исторические ситуации и особенно чужие интересы, которые для них могут попросту не существовать.

Жизнедеятельность традиционных обществ в существенной части вращается вокруг проблем кланового жизнеобеспечения. Модернизация жизни, осуществлявшаяся ускоренными темпами в советское время, дала свои результаты, но не успела затронуть глубинные традиции значительных групп в составе кавказских и среднеазиатских народов. Многие с удивительной легкостью сбросили те, оказавшиеся для них путями, ценности и нормы западной и советской культуры, которые не были приобретены ими естественным путем, а навязаны, в том числе насильно. Неудивительно, что пустили они неглубокие корни, избавиться от которых не представляло особого труда.

---

¹ Сердюк Л. В. Насильники и их жертвы: Криминологическое и уголовно-правовое исследование. Уфа, 2002. С. 249–250.

Однако это не означает, что в традиционных обществах отсутствуют представления о чести и достоинстве, труде и познании как потребности. Будто труд является там лишь обязанностью и не развиты духовные потребности, свойственные современному уровню общественных отношений. Отнюдь нет. Достаточно развиты и потребности в труде, а тем более духовные, особенно если иметь в виду значимость религии, религиозную жизнь и художественное творчество.

Вместе с тем специфичными остаются представления о межнациональном коллективизме и об отношениях с другими народами, о соотношении общественных, индивидуальных и клановых интересов. Господство в сознании кланово-этнического элемента, в ущерб общенациональным, государственным интересам, отмечается у немалого числа политиков, принадлежащих к названным обществам.

Представления о собственной этнической исключительности делают групповые нормы господствующими. По этой причине утверждение противоправной деятельности служит логическим продолжением желания использовать любые возможности, которые предоставляет этим группам общество. С точки зрения групповой морали люди, не принадлежащие к данной этногруппе, не являются полноценными. Пользуясь достижениями того общества, в которое вклиниваются данные общности, они часто не ощущают с ним какого-либо единства целей, что легко заметить не только в России, но и в других странах. При этом с легкостью могут переходить от законной деятельности к противозаконной.

Своеобразная групповая мораль отделяет их от общества, спланирует и заставляет действовать только в своих интересах (например, российских цыган). Реальная опасность перехода этих этногрупп к террористической деятельности может возникнуть в другом регионе как полное повторение событий в Чечне. Тогда из возможности получения сверхдоходов в сочетании с попыткой идеологического обоснования собственной вседозволенности, под видом обеспечения национального самосознания и независимости, вырастает настоящий террористический режим.

В тех районах Северного Кавказа, где имеют место террористические проявления и поэтому проводятся контртеррористические операции, создается особая криминальная обстановка, в свою очередь способствующая совершению новых преступлений. Так, проведенный с нашим участием опрос населения Чечни показал, что оно более или менее постоянно сталкивается с насильственными преступлениями как следствием родовой вражды или кровной мести (7% опрошенных), террористического характера (24,1%). Многие убеждены, что среди окружающих их людей каждый четвертый сам совершает преступление либо

оказывает содействие преступникам, или хорошо осведомлен о тех, кто совершает преступления, пользуется их результатами (7,7%). Неудивительно, что 20,3% опрошенных боятся быть похищенными, а 35,7 — стать жертвой терроризма.

В такой обстановке население мало доверяет правоохранительным органам. Например, суду не доверяют 27,3% опрошенных, боятся с ним иметь дело — 6,3; прокуратуре по тем же критериям — 26,9 и 3,1; милиции — 32,5 и 3,8; таможенным органам — 30,4 и 3,8; налоговой полиции — 31,1 и 3,5; органам ФСБ — 35,3 и 17,8. Легко заметить, что наиболее негативные отношения населения существуют к органам ФСБ.

Важный эмпирический материал, полученный нами по результатам опроса работающих в Чечне сотрудников правоохранительных органов, характеризует причины участия в террористических акциях и незаконных вооруженных формированиях. Если признать наиболее осведомленными сотрудников прокуратуры, органов внутренних дел и ФСБ (всего 316 человек), то большинство из них склоняются к тому, что лидерами организованных террористических формирований движут следующие мотивы:

- стремление к сепаратизму и объединению с остальным мусульманским миром;

- создание независимого государства и возможность самостоятельного решения вопросов государственной и иной политики в рамках национальных обычаев и традиций;

- использование терроризма преимущественно как криминального предпринимательства, приносящего доходы и обеспечивающего власть.

Об этом сказали 83% сотрудников прокуратуры, 94 — органов внутренних дел и 95 — ФСБ. Они называли и другие мотивы, но все они в сумме не могли составить 100%.

Что касается мнения тех же экспертов в отношении рядовых членов террористических организаций, то голоса опрошенных в основном распределились следующим образом:

- участие в организациях и террористических актах во имя победы ислама (среди сотрудников прокуратуры — 18; органов внутренних дел — 20; ФСБ — 27%);

- участие в организациях и террористических актах в силу того, что выросли в военных условиях, ничего больше не умеют делать, считают свои действия единственно возможными и оправданными (соответственно 27, 36, 42%);

- рассматривают это как единственный источник дохода (49, 28, 49%);

- боятся ответственности за отказ от участия в преступных организациях и террористических акциях (18, 15, 22%).

Были и другие ответы, которые не составили столь же значимых групп из-за их малочисленности.

Представляет немалый интерес ответы опрошенных сотрудников о том, кем являются члены незаконных вооруженных формирований. По мнению экспертов, это чаще всего местные представители коренной национальности того региона, в котором функционирует формирование, и местные жители независимо от национальной принадлежности — 38,2 и 33,3%. Из числа других групп обращают на себя внимание те, кого опрошенные обозначили как приезжих — иностранцев из дальнего зарубежья: их оказалось около 17%.

По единодушному мнению всех сотрудников правоохранительных органов, помимо поступления денег из-за рубежа, источниками финансирования актов терроризма и незаконных вооруженных формирований являются:

- незаконный оборот оружия;
- незаконный оборот наркотических веществ;
- незаконная добыча и продажа нефтепродуктов;
- вымогательства у местного населения, особенно торговцев. Незаконные операции с наркотическими и сильнодействующими веществами давно являются одним из источников дохода местного населения.

В то же время продолжает увеличиваться число незаконно допускающих немедицинское потребление наркотических средств.

За 11 месяцев 2002 г. в Чечне было зарегистрировано 526 преступлений с незаконным оборотом оружия, раскрываемость увеличилась на 2,4%, направлено в суд 320 уголовных дел. Однако это, по мнению экспертов, лишь меньшая часть в действительности имевших место фактов.

Изучение и анализ работы по незаконному обороту нефти и нефтепродуктов за те же 11 месяцев 2002 г. показали, что одним из ведущих направлений деятельности организованной преступности является нелегальный сбыт нефтепродуктов. Оно представляет собой преступную деятельность по извлечению максимальной прибыли в сфере незаконного производства, транспортировки и сбыта нефтепродуктов, что затрагивает экономические и социальные устои населения Чеченской Республики.

Детальное исследование вопроса дает основание сделать вывод, что доходы от нелегальной торговли нефтепродуктами идут на создание и финансовую поддержку незаконных вооруженных формирований и дестабилизацию обстановки в Северо-Кавказском регионе, совершение там террористических акций. Разумеется, в последние годы в регионе в целом и Чечне в частности обстановка существенно изменилась. Незаконный оборот оружия, как и нефтепродуктов, не имеет столь же широкого распространения, но, тем не менее, эти преступления не только не изжиты, но и не доведены до уровня цивилизованной страны. Поло-

жительные сдвиги обусловлены общими тенденциями укрепления правопорядка на Северном Кавказе, но стоит обстановке дестабилизироваться, как масштабы незаконного оборота оружия, наркотиков и нефтепродуктов вновь возрастут.

Еще одним источником финансирования противоправной деятельности террористов в Чеченской Республике может быть направление на эти цели похищенных денежных средств, поступающих из федерального бюджета на восстановление экономики и социальной сферы Чечни.

Чеченские террористы получали значительные материальные средства из-за рубежа, но их поток в последние годы стал ослабевать. В. В. Устинов приводит следующие данные, относящиеся к 2001–2002 гг.:

В бандитской бухгалтерской книге отмечено, сколько денег давали на войну различные поддерживающие террористов организации. Так, в разделе «приход» значатся: «Общество Катар» — 815 518 долларов, «Кавказский чеченский комитет в Стамбуле» — 775 000 долларов, «Кавказский чеченский комитет в Анкаре» — 902 000 долларов, «Чеченский комитет в Иордании» — 116 000 долларов, «От граждан Турции» — 780 000 долларов... Находящийся в международном розыске Зелимхан Яндарбиев дал на терроризм 50 000 долларов. Он в последнее время часто появлялся в Пакистане. Аслану Масхадову свидетельствовал поддержку председатель германо-кавказского общества Эккерхард Масс. В своем послании от 12 февраля 2002 г. он свидетельствовал, что эта организация поддерживает чеченский народ в борьбе за независимость, указывались фамилии известных немецких политиков, к которым можно обращаться¹.

Значительная часть чеченцев, ранее проживавших в Чеченской Республике, обосновались в других субъектах Российской Федерации, в частности, в Москве, Волгоградской, Астраханской, Тюменской областях и т.д., активно участвуют в предпринимательской, банковской деятельности.

По имеющимся оперативным данным, в ряде случаев часть доходов, получаемых «подконтрольными» чеченцам предприятиями, расположенными в других субъектах Российской Федерации, направляются на финансирование деятельности участников незаконных вооруженных формирований в Чечне и терроризма.

---

¹ Устинов В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом: Стандарты и практика. М., 2002. С. 531.

Нельзя не отметить, что на территории Северного Кавказа не все террористические преступления носят этнорелигиозный характер. Так, одной из причин роста преступлений террористической направленности, совершенных за последние годы в Дагестане, является обостряющаяся борьба за власть и сферы влияния, когда любыми путями пытаются устранить конкурентов и лиц, препятствующих незаконной деятельности криминальных структур. Но и такого рода преступления в ряде случаев бывают связаны с этнорелигиозными террористическими действиями.

---

4. РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК ОСНОВА ЭТНОРЕЛИГИОЗНОГО ТЕРРОРИЗМА И КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Любой исследователь проблем религиозного экстремизма сталкивается с необходимостью определения основных понятий. В настоящей работе мы будем исходить из следующего определения.

Как представляется, под *религиозным экстремизмом* следует понимать социальное явление, существующее в четырех следующих взаимосвязанных формах:

1) религиозное сознание (общественное и индивидуальное), которому свойственны признаки тоталитаризации и преувеличения ценности определенной совокупности религиозных идей в ущерб всем иным религиозным и светским идеям; нигилизма — отрицания всех иных идей, в том числе религиозных, кроме одной; религиозного фанатизма — безусловного верования в истинность единственной религиозной идеи (совокупности идей) и готовности следовать ей при любых обстоятельствах;

2) религиозная идеология (религиозная доктрина), характеризующаяся произвольным провозглашением истинным единственным объяснения проблем существующего мира и предложением однозначных (истинных) способов их разрешения; безусловным разделением всех социальных явлений на «добро» и «зло»; приданием исключительного доминирующего положения одному из аспектов бытия в ущерб остальным; отрицанием объективно господствующей иерархии общесоциальных (общечеловеческих) ценностей; игнорированием или принижением регулятивной значимости любых социальных, в том числе правовых норм, не соответствующих объявленной истинной религиозной доктрине;

3) деятельность по реализации религиозной доктрины, провозглашенной единственно истинной;

4) организационные формы осуществления религиозной доктрины, в частности, религиозные экстремистские организации (тоталитарные секты).

В свою очередь, *криминальный религиозный экстремизм* необходимо рассматривать как целостную совокупность (систему) признанных преступлениями общественно опасных деяний, направленных на формирование и распространение любыми способами религиозных идей (совокупностей религиозных идей), произвольно объявленных истинными в ущерб всем иным религиозным либо светским идеям, а также на реализацию этих идей уголовно наказуемыми способами.

Осенью-зимой 2004–2005 гг., с использованием инструментария открытых и опубликованных социологических исследований ВЦИОМ, нами был проведен опрос 1000 студентов юридических факультетов вузов Москвы и Новосибирска. Его результаты в определенной степени подтверждают сделанный здесь ранее вывод о разнообразии, взаимосвязи и взаимообусловленности форм религиозного экстремизма.

Так, 9,8% опрошенных учащихся юридических факультетов высших учебных заведений полагают, что религиозный экстремизм — это особое состояние индивидуального или общественного сознания; 11,2% определяют это явление как некоторую совокупность идей; 68,8 — как систему деятельности; и, наконец, 10,2 — как специфические движения и организации.

Особенности *экстремистского религиозного сознания* проявляются в тотальном подчинении жизни его системы ценностей, поведения человека той или иной религиозной идее.

Как только происходят неоправданная, не основанная на реальности гиперболизация какой-либо проблемы; придание свойств целого отдельной части социального явления; сведение многообразия жизни только к этому аспекту бытия или имеет место отрицание иных способов видения мира, можно говорить об экстремизме как состоянии сознания (индивидуального или общественного).

Разделение мира на две различные группы: «мы» (хорошие, умные, трудолюбивые, справедливые и т.д.) и «они» (плохие, готовящиеся на нас напасть, угрожающие нам, хуже образованные и т.п.); перенос негативных черт отдельных лиц на всю социальную (религиозную, национальную) группу — все это неотъемлемые черты экстремистского сознания. Именно это обстоятельство способствует обезличиванию представителей иной социальной группы и делает возможным применение насилия, вплоть до совершения преступлений террористического характера, по отношению к ним.

В результате нашего опроса студентов юридических факультетов вузов выявлено, что подобная деформация сознания присуща достаточно большому слою молодых людей. Хотя, на первый взгляд, какие-либо неблагоприятные тенденции в общественном сознании молодежи отсутствуют. Так, 60,6% опрошенных студентов отмечали, что к людям

иных национальностей относятся равнодушно или терпимо, в то же время 13,4% респондентов связывали свое отношение с поведением «инородцев» и «иноверцев», а также с ситуацией.

Однако более детальный анализ показывает, что 39,6% опрошенных испытывают неприязнь к представителям иных национальностей, при этом 51,8% — указали обобщенно на «кавказцев», а 26,4 — выделили чеченцев.

Лишь 29% респондентов позитивно относятся к идее «Россия — для русских», 49,3 — полагают, что представители нерусских национальностей пользуются в России слишком большим влиянием.

По мнению 62,6% опрошенных, существуют народы, которые раздражают национальную рознь, из них: 39,5 — называют чеченцев, 35,3 — мусульман, 19 — «кавказцев», 5,6 — евреев, 6 — русских, еще 13,7% приходится на представителей 16 других национальностей¹.

Подобные убеждения формируются, прежде всего, на основании собственного опыта. Участники опроса отмечали широкое распространение бытового национализма: 58,7% из них были свидетелями насилия, оскорблений или унижений других людей в связи с их этнической, национальной, расовой принадлежностью и вероисповеданием (причем в 10,3% случаев это были избиения), 6% сами становились жертвами.

Экстремистское сознание нуждается в соответствующей идеологии, и в этом случае обращение к религиозным системам выглядит практически закономерным. Религия, в силу присущей ей функции интеграции, объединяет группу людей, дает ей общий смысл, помогает найти свое место в окружающем мире. Не случайно в массовом сознании зачастую смешиваются принадлежность к религиозной группе и национальность («православный» — «русский», «католик» — «итальянец» и т.д.). В то же время религия, выделяя одну группу, противопоставляет ее другим. В периоды социально-политических катаклизмов, разрушения светской системы ценностей именно этот аспект начинает превалировать.

Как представляется, само содержание идеологии не имеет значения. Это и понятно, поскольку любая проблема (построение идеального мира, борьба за чистоту веры, возвращение к истокам ислама и т.д.) может быть провозглашена как основная, главенствующая и требующая всеобщего внимания, единственно важная, т.е. доведена до «крайности». В частности, в основе деятельности членов «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» лежит идея необходимости создания всемирного исламского

---

¹ Сумма составляет более 100%, поскольку имелась возможность нескольких выборов.

Халифата. Члены этой организации в своих речах отмечают, что лишь «ислам — правильная религия», «другие религии не имеют права на существование». Кроме того, они указывают, что «русские притесняют мусульман». В высказываниях проповедников содержатся также призывы к борьбе с неверными, подкрепленные якобы соответствующими цитатами из Корана. Допустимыми являются все средства, вплоть до физической расправы и вооруженной борьбы. Единственными ценностями признаются те, которые вытекают из религиозной доктрины. Остальное (например, светские ценности, нормы права, гражданские права и обязанности) зачастую не имеет значения.

Сама по себе доктрина «мертва», если ее никто не разделяет и не пытается воплотить в жизнь. В связи с этим можно выделить еще одну форму религиозного экстремизма — совокупность действий по реализации соответствующей идеологии.

Всегда ли религиозный экстремизм связан с насилием? Безусловно, нет. По существу, лишь один критерий принимается в расчет при выборе методов — они должны обеспечить достижение целей, сформулированных в разделяемой кем-либо экстремистской идеологии.

Таким образом, религиозный экстремизм как совокупность действий по реализации соответствующей доктрины может выражаться в использовании любых доступных способов (аморальных, противоправных, в том числе криминальных — преступлений террористического характера). В то же время сопряженность религиозного экстремизма с религиозным и этнорелигиозным терроризмом подтверждается значительным объемом эмпирического материала. Вспомним хотя бы распыление нейропаралитического газа «зарина» в метро Токио членами религиозной организации «Аум Синреке»; акты терроризма, регулярно совершаемые на территории России участниками таких террористических организаций, как «Высший военный Маджлисуль Шура объединенных сил моджахедов Кавказа», «Лашкар-И-Тайба», «Движение Талибан».

32,6% опрошенных нами студентов юридических факультетов высших учебных заведений полагают также, что религиозная экстремистская деятельность обязательно связана с использованием насилия в самых различных проявлениях, вплоть до совершения преступлений террористического характера. И 42% отмечают, что экстремизм проявляется в действиях, направленных на возбуждение религиозной, расовой, национальной вражды.

Анализ различных научных источников (в том числе зарубежных), результаты собственных эмпирических исследований (изучение материалов уголовных дел и последственных проверок) показывают, что криминальный религиозный экстремизм имеет пять типичных форм.

Первая: институциональный, т.е. имеющий незаконные организационные формы религиозный экстремизм, прямо запрещенный уголовным законом (ст. 239, 282.1, 282.2 УК РФ).

Вторая: обособленный, внеинституциональный криминальный религиозный экстремизм, применительно к которому признак отношения к религии прямо указан в тексте закона (ст. 282 УК РФ).

Третья: необособленный, внеинституциональный, криминальный религиозный экстремизм, применительно к которому признаки религиозного мотива или отношения к религии прямо не указаны в тексте закона (ст. 280 УК РФ).

Четвертая: терроризм и иные преступления террористического характера, совершаемые по религиозным мотивам.

Пятая: общественно опасные злоупотребления свободой совести и вероисповедания.

В этой части работы мы остановимся на анализе первых трех форм, т.е. дадим уголовно-правовую характеристику составов преступлений, предусмотренных ст. 239, 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ. А при определении объектов анализируемых преступлений будем исходить из идеи составного объекта преступления и концепции двухмерной пятиступенчатой классификации объектов.

Типовым объектом составов рассматриваемых преступлений (ст. 239, 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ) являются общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность. В то же время их родовым объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие основы конституционного строя и безопасности государства.

В зависимости от содержания видового объекта представляется возможным выделить следующие группы преступлений:

1) деяния, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие основы конституционного строя и закрепленные в Конституции РФ (ч. 5 ст. 13, ч. 3 ст. 17, ч. 2 ст. 30), в иных нормативных правовых актах (ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», ФЗ «Об общественных объединениях», ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», ФЗ «О противодействии терроризму» и др.), а также регулирующих порядок создания и функционирования религиозных или общественных объединений либо других организаций (ст. 239, 282.1, 282.2 УК РФ);

2) деяния, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие идеологическое многообразие (ст. 13 Конституции РФ), свободу слова и средств массовой информации (ст. 29 Конституции РФ) как составляющей части основ конституционного строя и общественной безопасности (ст. 280 УК РФ);

3) деяния, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие конституционный запрет на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ст. 282 УК РФ).

Таким образом, по нашему мнению, имеются достаточные основания полагать, что основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ, имеет сложную (альтернативную или составную) двухэлементную структуру:

1) общественное отношение, обеспечивающее безопасность общества в части реализации запрета на создание, руководство религиозными и общественными объединениями, деятельность которых сопряжена с насилием над гражданами или причинением вреда их здоровью, либо с их побуждением к отказу от исполнения гражданских обязанностей, или к совершению иных противоправных деяний;

2) общественное отношение, обеспечивающее безопасность нравственного и (или) духовного здоровья населения.

Для преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ, обязательными дополнительными непосредственными объектами альтернативно или одновременно являются, во-первых, здоровье человека, во-вторых, взятые в любом сочетании права и обязанности гражданина, закрепленные в Конституции РФ.

Факультативными, т.е. необязательными (исходя из буквы уголовного закона) непосредственными объектами рассматриваемого преступления могут выступать различные социальные ценности, которым обычно или иногда причиняется вред при совершении данного преступления. Это могут быть самые различные общественные отношения, обеспечивающие, например, исполнение обязанностей по надлежащему содержанию и воспитанию детей, содержанию нетрудоспособных родителей и др.

Относительно непосредственных объектов преступлений, предусмотренных ст. 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ, хотелось бы отметить, что они в значительной степени совпадают.

Первым элементом непосредственных объектов этих преступлений определяются общественные отношения, обеспечивающие безопасность общества (общественную безопасность), в том числе государства, в аспекте реализации запрета на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Вторым элементом основных непосредственных объектов данных преступлений выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасность нравственного и (или) духовного здоровья населения.

Обязательным дополнительным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 282.1, 282.2 УК РФ, на наш взгляд,

являются общественные отношения, обеспечивающие установленный законодательством порядок создания и деятельности религиозных или общественных объединений, иных организаций.

Следует также учитывать, что уже само по себе создание организованной группы экстремистской направленности, а также экстремистской религиозной организации, в нарушение существующих правил создания различных объединений граждан, угрожает и более широкому кругу общественных отношений. В этой связи к обязательным альтернативным дополнительным непосредственным объектам, как представляется, следует отнести общественные отношения по обеспечению: 1) прав и свобод человека и гражданина; 2) общественного порядка; 3) общественной нравственности; 4) идеологического многообразия, свободы слова и средств массовой информации; 5) конституционного запрета на разжигание расовой, национальной и религиозной нетерпимости как одной из составляющих основ конституционного строя.

Обязательным дополнительным объектом квалифицированного состава организации экстремистского сообщества (ч. 3 ст. 282 УК РФ), как и квалифицированного состава возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства (ч. 2 ст. 282 УК РФ), являются общественные отношения, обеспечивающие интересы службы в коммерческих и иных организациях, непосредственного исполнения лицами, занимающими государственные должности, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Однако анализ санкции, закрепленной в ч. 2 ст. 282 УК РФ, приводит к однозначному выводу о том, что социальная ценность этого объекта недооценена. В противном случае придется признать, что превышение должностных полномочий, совершенное с угрозой применения насилия (например, причинения побоев), даже вне организованных форм, является всегда более опасным преступлением, чем создание экстремистского сообщества с целью совершения хулиганства с применением оружия.

Составы преступлений, предусмотренные ст. 239, 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ, по существу, являются беспредметными.

Объективная сторона рассматриваемых составов преступлений заключается в общественно опасном деянии (в данном случае, в действии).

В ст. 239 УК РФ установлена ответственность за создание религиозного или общественного объединения, посягающего на личность и права граждан. Эти же понятия использованы в диспозиции ст. 282.2 УК РФ.

Под *общественным объединением* в России признается добровольное самоуправляемое некоммерческое формирование, созданное по иници-

циативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения (далее: уставные цели) — ст. 5 Федерального закона «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г.

Общественные объединения могут существовать в одной из следующих организационно-правовых форм: общественная организация; общественное движение; общественный фонд; общественное учреждение; орган общественной самодеятельности; политическая партия (ст. 7 названного закона). При этом необходимо иметь в виду, что общественные объединения (за исключением политических партий) могут осуществлять свою деятельность без государственной регистрации и образования юридического лица. Согласно ст. 18 Федерального закона «Об общественных объединениях» общественное объединение считается созданным с момента принятия на съезде или общем собрании решения о его создании, об утверждении устава и о формировании руководящих и контрольно-ревизионных органов.

В Российской Федерации создаются и действуют общероссийские, межрегиональные, региональные, местные, а также международные общественные объединения (ст. 14 и 47 указанного закона).

Религиозное объединение, согласно ст. 6 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г., это — добровольное объединение граждан Российской Федерации, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на ее территории, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры, обладающее соответствующими этой цели признаками:

- вероисповедание;
- совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний;
- обучение религии и религиозное воспитание своих последователей.

Из закона следует, что религиозные объединения на территории России могут существовать в двух формах — как религиозные группы и религиозные организации.

Религиозная группа, в соответствии с законодательством, представляет собой добровольное объединение граждан, созданное в целях совместного исповедания и распространения веры, осуществляющее деятельность без государственной регистрации и приобретения правоспособности юридического лица (ст. 7). Фактически для ее создания достаточно согласия некоторого числа граждан, их желания совместно исповедовать и распространять ту или иную религиозную идею. Они могут не уведомлять органы местного самоуправления о своем реше-

нии, кроме тех случаев, когда намерены в дальнейшем преобразоваться в религиозную организацию.

Таким образом, в соответствии с законодательством религиозное объединение в форме религиозной группы считается созданным с момента фактического начала деятельности, например после первого же собрания, на котором совершалось богослужение или обсуждались священные с верой вопросы и т.д.

Религиозная организация, в отличие от религиозной группы, это — добровольное объединение не только граждан Российской Федерации, но и лиц, постоянно и законно проживающих на ее территории, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры, зарегистрированное в установленном порядке в качестве юридического лица (ст. 8 Федерального закона «О свободе совести...»). Такая организация считается созданной с момента государственной регистрации (ч. 2 ст. 51 ГК РФ).

В зависимости от территории, на которой созданы объединения, они могут быть местными, т.е. действующими в одной местности либо одним городском, сельском поселении, или централизованными, т.е. состоящими не менее чем из трех местных религиозных организаций.

Следует иметь в виду, что до момента государственной регистрации религиозное объединение может функционировать как религиозная группа.

В диспозиции ст. 282.2 УК РФ указаны еще «иные организации». Такое решение, на наш взгляд, является оправданным, поскольку ряд организаций, осуществляющих экстремистскую деятельность, используют более либеральные положения ФЗ «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г.

Под иными организациями понимаются некоммерческие, перечень организационно-правовых форм которых установлен в ст. 50 ГК РФ. Коммерческие организации, согласно ст. 50 ГК РФ, — это хозяйственные товарищества и общества, производственные кооперативы, государственные и муниципальные унитарные предприятия. А некоммерческие — потребительские кооперативы, общественные или религиозные организации (объединения), финансируемые собственником учреждения, а также благотворительные и иные фонды. Полный перечень подобных организаций содержится в ст. 2 ФЗ «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 239 УК РФ, выражается в совершении действий по:

- созданию религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами либо с их побуждением к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных действий;
- руководству таким объединением.

Аналогичные признаки: создание и руководство, организация деятельности — характеризуют объективные стороны составов, предусмотренных в ст. 282.1 и 282.2 УК РФ соответственно. Рассмотрим их содержание применительно к ст. 239 УК РФ.

Под созданием религиозного или общественного объединения следует понимать любые действия по разработке структуры и определению правового статуса группы, изучению, распространению доктрины, формированию направленности и задач деятельности; по привлечению сторонников, материально-техническому обеспечению и т.д., результатом которых стало возникновение религиозного или общественного объединения. Создание объединения является наказуемым независимо от того, организуется ли впервые либо повторно — после ликвидации или запрета деятельности.

Руководство объединением включает в себя осуществление действий по определению основных его направлений, привлечение сторонников, организацию обучения религии и религиозного воспитания последователей, проведение богослужений, иных религиозных обрядов и церемоний, решение вопросов материально-технического обеспечения существования. Результатом действий руководства является слаженная и целенаправленная деятельность объединения.

Применительно к ст. 282.2 УК РФ под «организацией деятельности» следует понимать любые, направленные на формирование или восстановление структуры объединения либо иной организации, разработку направлений и задач деятельности, привлечение сторонников; материально-техническое обеспечение деятельности, результатом которой становится налаживание или возобновление такой работы.

Для наступления ответственности по ст. 239 УК РФ деятельность религиозного или общественного объединения должна быть сопряжена:

— во-первых, с побуждением (формированием желания сделать что-либо) своих членов к отказу от исполнения гражданских обязанностей, например, по военной или альтернативной службе; оказанию материальной помощи престарелым родителям либо несовершеннолетним детям и т.п.;

— во-вторых, с побуждением граждан к совершению иных противоправных деяний — целенаправленных актов внешней практической деятельности, запрещенных нормами любой отрасли права (причинение вреда психическому и физическому здоровью; нравственному развитию детей; деятельность религиозных объединений в государственных и муниципальных образовательных учреждениях и т.д.).

Побуждение представляет собой, на наш взгляд, самую «мягкую» форму психологического воздействия, поскольку оставляет объекту воздействия достаточно большую степень свободы выбора линии поведе-

ния. Психологическое содержание побуждений заключается в формировании у человека желания, намерения поступить определенным образом. Общественная опасность побуждений в данном случае заключается в направленности его содержания, поскольку оно создает у индивида готовность, формирует установки на совершение противоправных деяний.

Побуждение может осуществляться информационным способом. Убеждение, настойчивые советы, разъяснения, пожелания могут рассматриваться как способы побуждения людей к отказу от исполнения гражданских обязанностей под видом исполнения религиозных обрядов. Практике известны случаи, когда побуждение граждан к неисполнению гражданских обязанностей или совершению иных противоправных деяний осуществляется через призывы лидера следовать его примеру: «Я — не работаю, не общаюсь с семьей, не обращаюсь к врачам, и Вы должны делать то же самое»¹.

В ст. 239 УК РФ криминализована деятельность религиозного или общественного объединения, сопряженная с насилием над гражданами. Однако характер насилия в ней не конкретизирован. Поэтому в контексте соответствующей уголовно-правовой нормы мы говорим как о физическом, так и психическом насилии, которое традиционно (хотя и не без исключений) для современного российского уголовного права ограничивается угрозой причинения физического насилия. Отличительной особенностью деятельности религиозных экстремистских организаций является то обстоятельство, что насилие осуществляется помимо сознания и воли потерпевшего, т.е. объективно, и объект психологического воздействия (потерпевший) не осознает себя таковым. Это обстоятельство, думается, необходимо учитывать при квалификации деяний, предусмотренных ст. 239 УК РФ.

Деятельность религиозного или общественного объединения будет противоправной и в том случае, если сопряжена с причинением вреда здоровью граждан. Применительно к ст. 239 УК РФ необходимо говорить о причинении вреда как психическому, так и физическому здоровью. А это может выражаться в возникновении, обострении физических (соматических) и (или) психических расстройств, вызванных воздействием религиозной практики на организм. Но диспозицией норм, закрепленных в ст. 239 УК РФ, судя по максимальному размеру наказания за данное преступление, охватывается причинение только легкого вреда здоровью.

---

¹ См., напр.: уголовное дело № 140684, рассмотренное Вахитовским районным судом г. Казани.

Ответственность за участие в деятельности религиозного или общественного объединения, посягающего на личность, а также в экстремистском сообществе либо деятельности экстремистской организации предусмотрена соответственно ст. 239, 282.1, 282.2 УК РФ. Рассмотрим содержание этого признака на примере той же ст. 239 УК РФ.

Под участием следует понимать любую деятельность в составе религиозного или общественного объединения в соответствии с его целями и задачами, как сопряженную с непосредственным осуществлением посягательств на личность и права граждан, ответственность за которые предусмотрена ч. 1 ст. 239 УК РФ, так и выражающуюся в обеспечении его функционирования (исполнение религиозных обрядов, ритуалов, вербовка новых членов, посещение семинаров, расклейка листовок, распространение литературы). Аналогичным образом следует трактовать этот признак и в контексте ст. 282.1, 282.2 УК РФ.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ, характеризуется деянием в форме публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности. Определение понятия экстремистской деятельности содержится в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» № 114-ФЗ. Под ней понимается чрезвычайно широкий спектр деяний: от действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя, нарушение целостности РФ и осуществления террористической деятельности до финансирования различных проявлений экстремизма.

Как отмечается в уголовно-правовой литературе, публичность соответствующих призывов характеризуется открытым, гласным, адресованным широкому кругу лиц выражением своего мнения в устной (выступление на митинге) или письменной форме (книги, газеты, журналы, брошюры). Их распространение с использованием сети Интернет также, по нашему мнению, охватывается признаком публичности.

Призывами не являются высказывания в сослагательном наклонении о желательности, возможности осуществления экстремистской деятельности, в том числе террористической. Это, как правило, лозунги, выраженные либо существительным, либо глаголами повелительного наклонения («делай», «бей», «спасайте», «покупайте оружие» и т.д.).

Часть 2 ст. 280 УК РФ предусматривает ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием средств массовой информации. Под средством массовой информации, согласно ст. 2 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации», понимаются: периодическое печатное издание, радио-, теле-, видео-, кинохроникальная программа иная форма периодического распространения массовой информации.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, характеризуется действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение достоинства человека либо группы лиц в связи с различными обстоятельствами. В ее контексте под *действиями* следует понимать распространение среди широких слоев населения таких идей и взглядов, которые подрывают доверие и уважение к определенной национальности, расе либо религиозному вероисповеданию, а также вызывают неприязнь или чувство ненависти к образу жизни, культуре, традициям, религиозным обрядам граждан данной национальности либо расы и т.п. Эти действия должны быть совершены публично, например, на митинге, собрании членов общественного объединения либо с использованием средств массовой информации.

Применительно к злоупотреблениям свободой слова и свободой массовой информации понятие направленности действий характеризует смысл, содержание и целенаправленность информации, что может потенциально привести к осложнению межнациональных, межконфессиональных отношений (например, призывы типа «Россия — только для русских!»).

В диспозиции ч. 2 ст. 282 УК РФ законодатель в качестве квалифицирующих признаков указал следующие: применение насилия или угроза его применения — лицом с использованием служебного положения; организованной группой.

Под применением насилия относительно п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ следует понимать физическое насилие. Оно может выражаться, например, в причинении легкого или средней тяжести вреда здоровью либо в нанесении побоев, причинении физической боли, а также в любых насильственных действиях, не связанных с причинением тяжкого вреда здоровью.

Следует отметить, что в случае, если действия, предусмотренные ч. 1 ст. 282 УК РФ, сопровождались истязанием, то подобные деяния выходят за рамки насилия, указанного в п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ, и требуют квалификации по совокупности ст. 117 и ч. 1 ст. 282 УК РФ. Не охватывает п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ и организацию массовых беспорядков. В данном случае имеет место идеальная совокупность, когда одним действием лицо совершает преступления, предусмотренные разными статьями УК РФ. Таким образом, данные действия подлежат квалификации по совокупности ст. 212 и ч. 1 ст. 282 УК РФ. Под угрозой применения насилия в данном случае следует понимать угрозу физическим насилием, т.е. совершением побоев, причинением вреда здоровью любой тяжести, а также угрозу убийством. Дополнительной квалификации по ст. 119 УК РФ не требуется.

Использование лицом служебного положения применительно к п. «б» ч. 2 ст. 282, ч. 3 ст. 282.1 УК РФ означает, что субъект применяет находящиеся в его компетенции средства и полномочия, как и форменную одежду, атрибутику, служебное оружие или удостоверение, а равно сведения, которыми он располагает в связи со своим служебным положением, для осуществления деяний, предусмотренных ст. 282 и ст. 282.1 УК РФ. Например, редактор газеты тенденциозно подбирает материалы, содержание которых формирует негативные установки в отношении лиц той или иной национальности; либо преподаватель вуза использует лекционное время на вербовку сторонников для участия в экстремистском сообществе.

Под «организованной группой» применительно к ст. 282 УК РФ следует понимать устойчивую группу лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений.

Как показывает анализ практики, возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды часто осуществляется организованной группой лиц. О ее устойчивости применительно к данному составу свидетельствуют хорошо разработанная структура (руководитель, организатор, ближайшие соратники, рядовые члены) и четко распределенные роли; длительный период ее существования; наличие жестких внутренних правил и регламентации жизни; постоянство форм и методов преступной деятельности.

Для квалификации содеянного по этому признаку должно быть установлено, что лица объединились с целью совершения одного или нескольких преступлений. Например, для осуществления действий по возбуждению национальной, расовой или религиозной вражды. В качестве критериев наличия данной цели могут выступать заявления в программных документах объединения, листовках.

Участники организованной группы могут быть исполнителями совершаемых ею преступлений или не принимать непосредственного участия в них, выступая в качестве организаторов и пособников. Однако, согласно закону, все они признаются соисполнителями и несут ответственность по ч. 2 ст. 282 УК РФ, без ссылки на ст. 33 УК РФ.

Объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 282.1 УК РФ, характеризует любое из следующих действий: 1) создание экстремистского сообщества; 2) руководство таким сообществом; 3) руководство его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями; 4) создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества.

В ч. 1 ст. 282.1 УК РФ экстремистское сообщество определяется как организованная группа лиц, созданная для подготовки и совершения

по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы преступлений экстремистской направленности, т.е. деяний, предусмотренных ст. 148, 149, 213 (ч. 1 и 2), 214, 243, 244, 280 и 282 УК РФ.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282.2 УК РФ, характеризуется деянием в виде организации деятельности экстремистской организации. Системный анализ законодательства (ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», ст. 14 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», ст. 282.2 УК РФ) показывает, что уголовно-правовое значение понятия экстремистской организации оказалось значительно шире гражданско-правового. Согласно ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» экстремистской является лишь такая организация, в отношении которой судом принято решение о ликвидации или чья деятельность запрещена в соответствии с основаниями, предусмотренными этим документом.

В то же время, согласно ст. 282.2 УК РФ, экстремистской признается организация, в отношении которой имеется соответствующее судебное решение в связи с осуществлением экстремистской деятельности. А такое основание содержится не только в ч. 4 ст. 7 и ч. 2 ст. 9 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», но и в п. 2 ст. 14 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Безусловно, экстремистской является и организация, признанная в судебном порядке террористической.

Если же религиозное или общественное объединение либо иная организация были ликвидированы не в связи с экстремизмом, то действия лица, организовавшего или возобновившего их деятельность, не могут квалифицироваться по ст. 282.2 УК РФ.

По законодательной конструкции объективной стороны основные составы рассматриваемых преступлений являются формальными (исключение составляет лишь состав организации, руководства либо участия в религиозном или общественном объединении, деятельность которого сопряжена с причинением вреда здоровью граждан). Следовательно, преступления считаются оконченными в момент совершения деяния, наступления общественно опасных последствий не требуется.

Субъективная сторона рассматриваемых составов преступлений характеризуется только умышленной формой вины в виде прямого умысла. Обязательным признаком субъективной стороны состава, содержащегося в ст. 282 УК РФ, служит цель — направленность деятельности на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение досто-

инства человека либо группы лиц в зависимости от различных обстоятельств.

Установление признаков субъективной стороны настоящего деяния вызывает серьезные сложности. Из материалов доследственных проверок и уголовных дел видно, что в качестве доказательства отсутствия умысла на совершение подобных действий и достижение указанных в ст. 282 УК целей зачастую служит утверждение подозреваемого или обвиняемого о том, что, распространяя информацию, возбуждающую религиозную вражду, он «просто высказывал свою точку зрения, хотел привлечь внимание к рассматриваемой проблеме и никоим образом не собирався оскорбить представителей той или иной национальности». Сложилась опасная тенденция отказывать в возбуждении уголовных дел либо прекращать расследование по данной статье за отсутствием в деянии состава преступления именно в связи с «невозможностью» установления признаков субъективной стороны.

При решении вопроса о наличии умысла и соответствующей цели в действиях подозреваемого или обвиняемого, видимо, целесообразно учитывать следующие обстоятельства.

1. Систематичность деятельности. О ее наличии, в частности, свидетельствует получение нескольких предупреждений от Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций о недопустимости осуществления деятельности, направленной на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды. Либо по поводу действий лица в прокуратуру неоднократно обращались граждане с заявлениями о том, что он распространяет литературу, унижающую национальное достоинство. Прокуратура проводила проверки или возбуждала уголовные дела по содержащимся в обращениях граждан фактам.

2. Текст представляет собой особым образом организованную содержательно-смысловую целостность, объединенную общей концепцией, коммуникативным намерением автора публикации, а не простой набор слов и предложений¹. Избираемые им языковые средства подчиняются той цели, которую он хочет достичь своими высказываниями. Практически это означает, что если в результате предварительного расследования будет установлено, например, что он публикацией стремился подвести читателя к пониманию необходимости вытеснения представителей той или иной национальности из различных сфер общественной деятельности, то можно сделать вывод о наличии у него

---

¹ Дридзе Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиотико-психологии // *Общественные науки и современность*. 1996. № 3. С. 149.

умысла и цели к совершению действий, направленных на возбуждение вражды.

Обязательными признаками субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 282.1 УК РФ, являются цель подготовки или совершения любого из указанных в диспозиции преступлений экстремистской направленности и один из следующих мотивов: идеологическая, политическая, расовая, национальная, религиозная или социальная ненависть или вражда.

Субъект рассматриваемых составов преступлений (ст. 239, 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ) общий — вменяемое лицо, достигшее 16 лет.

Субъект составов, предусмотренных в п. «б» ч. 2 ст. 282, ч. 2 ст. 282.1 УК РФ, — специальный: лицо, имеющее служебный статус в органах государственной власти, местного самоуправления, их учреждениях, в коммерческих и иных организациях.

Для того чтобы стимулировать отказ от продолжения преступной деятельности, законодатель предусмотрел в Примечаниях к ст. 282.1 и ст. 282.2 УК РФ возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с прекращением участия в экстремистском сообществе или экстремистской организации соответственно.

В заключение хотелось бы отметить, что действующее законодательство содержит развернутую систему норм, направленных на борьбу с экстремизмом. Пресечение экстремистской деятельности, как представляется, служит эффективным средством предупреждения различных видов терроризма, в том числе этнорелигиозного.

---

5. САМОУБИЙСТВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ

В контексте усложняющейся социальной жизни и одновременного умножения технических возможностей современный терроризм становится многоликим, в том числе в выборе способов реализации преступных замыслов. К числу самых распространенных относится ныне самоубийственный терроризм — действия самоубийц, преимущественно одиночек, взрывающих на себе специальные устройства. Обычно это влечет гибель многих людей. К самоубийственным террористическим актам чаще всего прибегают исламские экстремисты (события 11 сентября 2001 г. в США, акции «моджахедов» в Израиле, России, Ираке и других странах). Но точно так же поступали и террористы в Индии, когда была убита премьер-министр Индира Ганди. Исключительная опасность самоубийственного терроризма делает необходимым научное осмысление данного явления.

Знание о том, кто становится террористом-самоубийцей и как готовят таких людей, имеет большое практическое значение. Близко к самоубийственному терроризму примыкают те террористы, которые захватывают заложников или какие-нибудь важные объекты, с последующим предъявлением требований. Здесь гибель террористов весьма возможна, но не обязательна. Она может произойти, например, при атаке спецподразделений. Представляется, однако, что последний вариант нельзя относить к самоубийственному терроризму, так как в этих случаях преступники хотя и предвидят возможную смерть, но планируют достижение поставленных целей не путем собственной гибели, а иными способами.

Самоубийственный терроризм, как и терроризм в целом, всегда — проявление слабости. К нему прибегают, когда по-другому не могут решить те или иные задачи. Это положение относится не только к области терроризма, но и к войне: к самоубийственным атакующим действиям прибегают лишь в случае, когда обычными военными средствами нельзя достигнуть цели. Здесь можно сослаться на японских камикадзе и советских солдат в годы Второй мировой войны. В сильных победоносных армиях такое, как правило, не практикуется. Естественно, что и насаждать подобное в армии, специально обучать ему можно лишь при наличии определенной ментальности, соответствующих духовно-нравственных установок. В отдельных случаях в самопожертвовании заинтересованы государство и террористические группировки (например, этнорелигиозные), если им нужны поводы для возбуждения жажды мести за погибших. Это наблюдалось, например, во время чеченских войн.

Одни из самых сложных вопросов: из кого выбирают террористов-самоубийц, как их готовят, какие методы для этого используют? Здесь много зависит от характера и объекта намечаемого террористического акта. Атаки японских камикадзе в годы Второй мировой войны или исламских экстремистов на небоскребы Нью-Йорка, здание Пентагона в Вашингтоне, несомненно, требовали тщательного отбора и длительной подготовки кандидатов в самоубийцы. Как следует из имеющихся эмпирических материалов, эта подготовка включает в себя психологический, технический, оперативный, иные аспекты, в зависимости от конкретных задач, которые поставлены перед террористами. Но, как минимум, в ней присутствуют во всех случаях психологические и технические составляющие.

Самоубийцами-террористами, как показывает мировой опыт, часто выступают дети и подростки. Для Палестины это, к несчастью, стало обыденным явлением. Иначе трудно расценить тот факт, что 27 июня 2002 г. палестинское телевидение показало фильм под названием «Дети-

патриоты и мученическая смерть», в котором приводятся высказывания доктора Фадея Абу Хинна, «ученого», психолога, относительно феномена участия детей в палестинской «интифаде». Он, в частности, отметил, что слово «шухада» (акт суицидального террора) имеет обязывающее значение для большинства палестинских детей и всей исламской общины, причем оно отнюдь не означает безвременный уход из жизни. Посредством такого действия ребенок может стать активным участником «интифады».

Абу Хинн представил также вниманию своей телевизионной аудитории результаты социологического опроса, проводившегося сотрудниками Исламского университета в апреле 2001 г. В нем учитывались мнения тысячи подростков в возрасте от 9 до 16 лет, проживающих в секторе Газа. 49% опрошенных уже принимали активное участие в «интифаде» и 73 — заявили о желании стать «шахидами» (мучениками). Подобные статистические выкладки наглядно свидетельствуют о том, что в настроениях детей и подростков на палестинских территориях преобладают экстремистские тенденции и такие дети представляют собой идеальную вербовочную базу для организаторов антиязырской террористической кампании.

Можно сослаться и на другое телевизионное интервью, в котором воспитательница образовательного учреждения говорит о том, что «детские сердца переполнены не только ужасом, но также и стремлением совершить “шухаду”»; акт «шухады» превратился в объект мечтаний для многих палестинских детей, полагающих, что только таким путем можно добиться высокого авторитета среди соотечественников и заслужить «вечную славу».

Самоубийцами выступают молодые женщины, в частности, из маргинализированных общественных слоев. Это, как правило, неудачницы в жизни: не имеют семьи, потеряли близких родственников во время военных действий или совершения теми террористических актов, не могут найти своего места в жизни.

Обычно самоубийцы-террористы — это фанатически заряженные лица, чей фанатизм питается религией и ненавистью к народу, который они считают своим врагом.

Как показывает изучение проблемы самоубийственного терроризма израильскими специалистами, обязательным элементом подготовки к суицидальному террористическому акту является составление «завещания шахида». Подписав его, он, тем самым, принимает на себя обязательства перед собой, Аллахом, соотечественниками, своими командирами и наставниками. Одновременно «завещание шахида» служит официальной санкцией на отправку смертника к месту исполнения теракта: «ша-

хид», подписавший такое завещание, не имеет права отказаться от возложенной на него миссии.

Основные концептуальные положения «завещания»:

— почетная «привилегия» погибнуть смертью праведника, с последующим вознаграждением самого «шахида» и его родственников после попадания в рай и в доказательство величия Аллаха; призыв к ведению «джихада» с целью освобождения священной Палестины и Иерусалима;

— «практическая» и националистическая аргументация: мотивы самопожертвования носят исключительно альтруистический характер; основная цель — освободить палестинцев и других мусульман от гнета израильских оккупантов; необходимость возмездия; обращение с призывом о помощи к братьям в арабском мире, зачастую сопровождаемое критикой в адрес «мягкотелых» представителей арабской правящей элиты;

— персональная аргументация: стремление стать героем; восхищение «шахидами»-предшественниками и готовность повторить их «подвиги»; желание прославиться и покрыть неуываеваемой славой членов своей семьи; «шахиды» считают себя духовными учителями и наставниками; прощальное обращение к родственникам (особенно — к матери) с просьбой поздравить «шахида», которому предстоит «обвенчаться со смертью».

Наши изыскания показывают, что психологическая подготовка обеспечивает воздействие на психику, убеждение человека в необходимости, обоснованности и целесообразности совершения самоубийственного шага, подавление воли и полное, если требуется, подчинение «наставнику». Проще сделать подобное в отношении лиц с повышенной внушаемостью или сильным чувством вины. Это весьма характерно для акцентуированных и психопатических личностей, фанатически настроенных, склонных видеть причины собственных провалов и неудач или незавидного, по их мнению, положения своего народа в «коварных происках» представителей других культур. Причем тут этническая и религиозная принадлежность «врагов» имеет первостепенное значение.

Среди исламских экстремистов завидным объектом внушения для последующего террористического использования всегда были женщины, поскольку занимали в обществе подчиненное положение. С их желаниями и мнениями можно было не считаться: они, как считалось, просто обязаны делать все, что прикажет мужчина, тем более облеченный властью. Достаточно распространены систематические расправы над женщинами, которых определили в террористки-самоубийцы. Их постоянно избивают, унижают, грозят убийством, подвергают групповому изнасилованию, угрожая еще разглашением позорящих сведений, и т.д. А доведенные до отчаяния, они начинают видеть в самоубийстве

желанный выход из тупиковой ситуации. Особенно часто кандидатками в террористы-самоубийцы оказываются молодые женщины, чьи мужья и другие близкие погибли во время войн или этнорелигиозных конфликтов. В отношении них активно эксплуатируется чувство вины, постоянно внушается, что они обязаны мстить.

Иногда психологическая подготовка к террористическому акту включает в себя наркотизацию кандидатов или кандидаток в суициденты. Одним в состоянии острого абстинентного синдрома дают наркотики только в обмен на беспрекословное подчинение и согласие пожертвовать собой. Мужчине в более сложных ситуациях предлагают в состоянии наркотического опьянения различные яства и женщины, убеждая, что он находится в раю. А когда он со временем и с повторением таких ситуаций перестает чувствовать разницу между действительностью и созданной наркотиком виртуальной реальностью, ему, чтобы в очередной раз «посетить рай», предлагают совершить самоубийственный террористический акт.

Тех женщин, которых готовят к этому в Чечне, иногда тоже «подпитывают» наркотиками, добиваясь и полного подчинения, и утраты связи с реальностью. По-видимому, это — повседневная практика, распространяющаяся на всех.

Время, непосредственно предшествующее террористической акции, дает возможность суициденту почувствовать свою особую значимость, возвышение над другими людьми, в том числе случайными прохожими. Человек, с которым до сих пор мало считались, решив пожертвовать собой, ощущает себя носителем особой миссии, как бы и хозяином их жизни. Он считает, что теперь ему достается все внимание и тех, кто раньше не замечал его.

Психологическая подготовка самоубийц, совершивших террористические атаки в США в сентябре 2001 г., была, как можно полагать, весьма квалифицированной, тщательной и длительной. Ее осуществили прекрасно подготовленные специалисты, причем их работа затруднялась тем обстоятельством, что будущие самоубийцы, которых они готовили, не были изолированы в каком-то центре, поскольку обучались летному делу и, следовательно, общались с широким кругом людей, не подозревавших об истинных их намерениях. И был велик риск не только того, что подготавливаемые откажутся участвовать в нападении, но и могут предать своих «начальников», наставников. К тому же обучение летному делу было длительным, что тоже весьма повышало степень риска. Если кто-то из них и отказался от террористического самоубийства, то это прошло незамеченным, предательство же, скорее всего, не имело места.

Следовательно, отбор кандидатов и психологическая их подготовка были безукоризненными, хотя мы не знаем, как эта работа осуществлялась, и судим лишь по результатам. Они убеждают нас в том, что люди, которые использовались в беспрецедентных нападениях в США, отличались особой стойкостью и убежденностью в своей правоте, исключительной ригидностью и фанатической заряженностью, не подвластными никаким аргументам. Вероятно, такие люди разделяют весь мир на «своих» и «чужих», раз и навсегда наделив последних всеми чертами гнусных врагов. Они обладали и другими очень важными особенностями, о которых еще пойдет речь: чтобы пожертвовать собой, недостаточно быть толерантным, ригидным и фанатичным. Эти люди должны обладать определенными техническими навыками и умениями. В некоторых случаях террористы-самоубийцы должны получить и оперативную подготовку, если им надо замаскироваться, незаметно проникнуть на нужный объект, обмануть охрану, пронести взрывное устройство, поддерживать связь с другими преступниками и т.д. Может понадобиться и владение оружием.

К сожалению, мы не располагаем достоверной эмпирической информацией о психологических особенностях личности тех, кто решился на самоубийственные террористические акты. По этой причине огромную ценность представляют выборочные, даже отрывочные сведения, получаемые относительно отдельных террористок.

М. родилась и воспитывалась в Чечне, в 19 лет вышла замуж без юридического оформления брака, стала второй женой. Через несколько месяцев муж был убит. Родившегося после его смерти ребенка забрали родители мужа, в связи с чем М. испытывала острые переживания. В этот период она познакомилась с мужчиной, который оказался чеченским боевиком. Он, по ее словам, постепенно сделал ее ваххабиткой, уговорил вступить в борьбу с неверными, постоянно снабжал ее религиозной литературой. Сначала она жила с ним в чеченской деревне, затем под Москвой. Вместе с ней жили еще несколько женщин, которые также готовились стать самоубийцами-смертницами, а также один боевик-террорист. Время от времени женщинам давали выпить какую-то жидкость, якобы для того, чтобы они не волновались. Когда пришло время привести взрывное устройство в действие, в последний момент М. отказалась это сделать.

Психологическое обследование М. показало, что ее эмоциональные реакции адекватны ситуации. Интеллектуально-мнестические функции сохранены, однако суждения нередко поверхностны и незрелы. Отмечаются черты эмоциональной незрелости в сочетании с непосредственностью поведения, некоторой прямолинейностью

и импульсивностью, склонностью к вытеснению тревоги, с одной стороны, и настороженности по отношению к окружающим, тенденцией к анализу ситуации и рационализации — с другой.

Ее отличают высокое чувство ответственности, обязательность, упорство при достижении цели, хороший самоконтроль, осознание социальных требований, эмоциональная стабильность и уравновешенность, практичность и прагматичность установок. В то же время склонность остро реагировать на потенциальные и реальные угрозы, сдержанность и скрытность определяют возможную дезорганизацию поведения в стрессовых условиях с трудностью выбора конструктивных самостоятельных выходов из конфликтных ситуаций, в которых доминируют отрицание вины при обвинениях в ее адрес, сдерживание собственных внешнеобвиняющих реакций, надежда на естественный ход событий. При стремлении к независимости и самостоятельности у М. развиты навыки приспособления к окружающим. В самосознании доминирующей ценностью является стремление к внутренней свободе и покою.

Перечисленные психологические особенности М. позволяют понять, почему она попала под влияние тех, кто готовил ее к роли смертницы, и все-таки отказалась взрывать себя, хотя именно эта женщина в силу последнего обстоятельства не может считаться типичной некрофильской личностью. Так, прямолинейность и импульсивность, чувство ответственности и обязательность объясняют то, что она попала под влияние террористов. Высокая сенситивность, склонность остро реагировать на угрозы дают возможность понять ее колебания в решающий момент и окончательный отказ взорвать себя.

Однако выявление, учет и оценка отдельных психологических особенностей личности террористов-самоубийц, как бы ни важны были полученные сведения, не позволяют понять и объяснить все исследуемые явления в целом. Нужны еще более широкие обобщения, обращение к скрытым, потаенным механизмам человеческого поведения, глубинным мотивам. Научное исследование здесь ни в коем случае не может ограничиваться только учетом внешних, пусть и глобальных, и самых разрушительных влияний.

Для объяснения самоубийственного терроризма необходимо использовать результаты теоретического осмысления эмпирического материала о некрофильских особенностях некоторых категорий насильственных преступников. Термин «некрофилия» был введен в науку Р. Крафт-Эббингом для обозначения патологического сексуального влечения к трупу и долгое время использовался лишь в сексопатологиче-

ских рамках. Впоследствии Э. Фромм стал использовать данное понятие значительно шире — как стремление, влечение к смерти, видение в ней универсального способа решения жизненных проблем, что порождает насильственное поведение, а в наиболее «мягких» случаях — постоянный, даже жгучий интерес к ней.

Э. Фромм противопоставлял некрофилию биофилии — страстной любви к жизни, ко всему живому, инстинкту жизни, который направлен на накопление органической материи и ее соединение, в то время как инстинкт смерти ориентирован на дезинтеграцию, разъятие и разъединение живых структур. Понятие некрофилии он широко использовал для объяснения феномена Гитлера. Некрофильской (точнее, садонекрофильской) личностью был Сталин.

Как показали наши эмпирические исследования некрофильских убийц, их отличает большая легкость совершения убийств даже нескольких человек, что у них никогда не сопровождается действительным сожалением о содеянном, самоупреком или раскаянием; сам момент причинения смерти не вызывает негативных эмоций в виде испуга, отвращения, страха, сострадания и т.д. Напротив, некоторые убийцы испытывали от совершенного радость, расслаблялись, их охватывали приятная истома и покой, они могли спать после совершенного много часов, иногда почти сутки. Некрофильские убийцы ничего или почти ничего не могут сказать о том, как поступал или что говорил потерпевший в момент убийства, особенно если он не оказывал или не мог оказать сопротивления.

Длительные беседы с такими преступниками показали, что некоторые из них ощущают свое особое назначение, воспринимают себя исполнителями исключительной миссии, полагают, что не похожи на других людей. Подобное ощущение поднимает их в собственных глазах, не оставляя места для сожаления и чувства вины. Конечно, не считают они себя и ущербными или неполноценными. То, что содержанием «миссии» является убийство, их совершенно не смущает: в отличие от подавляющего большинства людей они не видят в этом того, что должно вызывать осуждение. Экстраординарное состояние сознания, которое испытывают некоторые из них, убеждает их в своей избранности.

Некрофильское убийство, поскольку убийца стоит на грани между жизнью и смертью, а само оно в наиболее полной форме выражает движение к последней, является одним из способов связи между этими важнейшими сферами. Люди издревле искали ее, пытались заглянуть в небытие. Идолопоклонники Сирии и Иудеи ждали предсказаний от убитых ими детей, сообщает Э. Леви в своей «Истории магии». Они верили, что последние крики жертв могут дать им необходимую информацию.

Анализ материалов о смертниках делает возможным предположить у них наличие следующих качеств, аналогичных тем, которые выявлены у некрофильских убийц:

- полное отсутствие психологической идентификации с жертвами; они никогда не думают о них, не жалеют их, не способны сочувствовать им;
- ощущение особого назначения, своей избранности в связи с исполнением чрезвычайно важной и почетной миссии;
- бессознательное влечение к смерти, в которой они видят не небытие, а некий рубеж, за которым начинается новое существование, гораздо более счастливое и радостное;
- восприятие смерти, своей и чужой, не как наивысшей катастрофы, а как переход в новое бытие, решение актуальной и сложной проблемы.

Не только для многих примитивных народов, но и современных верующих, в том числе христиан и мусульман, даже для богословских философов (С. Кьеркегор), человек умирает лишь для мирской жизни, что не является важным, поскольку жизнь представляется только звеном в череде переходов и превращений. Смерть же означает начало духовного возрождения, что имеет наивысшую ценность, хотя страх перед ней присутствует всегда и его не способна устранить ни одна религия. Но человек ни в коем случае не должен останавливаться, двигаясь вперед. Постоянное движение даже к смерти — важное условие загробного существования, а сама смерть — его непереносимое начало. Следовательно, к смерти можно и нужно стремиться.

Такая схема должна лежать в основе объяснения суицидальных террористических актов, особенно мусульманских экстремистов, среди которых религиозные верования весьма крепки. Подобно древним людям, они возлагают на смерть задачу решения жизненных вопросов. В данном случае мы говорим не о тех, кто организует самоубийственный терроризм, — они ведут войну, используя особые средства, поскольку иные им недоступны, а о тех, кто жертвует собой.

Следует выделить чеченских женщин, которые пожертвовали собой. Ранее уже отмечались ситуации, в которых они находились, когда их готовили к совершению суицидальных актов. Нельзя сказать, что все они как одна безропотно решались на такой шаг — некоторые пытались сопротивляться и в конце концов иногда отказывались сделать то, что от них требовали. В одних случаях их за это просто убивали, в других они оказывались изгоями в своей среде, сливались, становились проститутками, опускались на самое дно; от них отворачивались даже собственные родители. В условиях же подготовки к террористическому акту такие женщины обычно оказывались в абсолютно туниковой ситуации, из которой видели только один выход — смерть.

Очень важно отметить, что сами кандидатки в смертницы не распоряжаются своей жизнью; они в руках тех, кому привыкли повиноваться. Как правило, смертницы вербуются из числа тех, кто потерял мужа, брата или других родственников и кого можно спровоцировать. Наличие детей далеко не всегда заставляет их (как и палестинских женщин) отказаться от намерения пожертвовать собой. Подготовка смертниц практически проходит подпольно, что психологически очень сближает всех, кто в ней участвует. Женщины, которыми до того времени мало кто интересовался, а некоторые вообще находились за бортом жизни (среди них были незамужние, на которых террористы якобы женились, хотя браки нигде не регистрировались), вдруг почувствовали, что они значимы, востребованы, нужны, им доверено очень важное дело, с ними иногда и общаются, как с равными, даже советуются.

В этой связи нужно подчеркнуть, что некрофилия, как и многие другие психологические особенности личности, может носить либо фундаментальный, либо ситуационный характер. В первом случае это изначальная черта человека, определяющая его жизнь, бессознательный выбор тех или иных вариантов поведения, сфер общения, даже профессии; во втором — формируется и становится доминирующей под сильным влиянием конкретной жизненной ситуации, иногда длительной и психотравмирующей.

Для чеченских женщин-самоубийц наиболее характерен, как можно предположить, последний вариант. Однако предшествующей жизнью, ее условиями они предуготовлены к такой роли, в первую очередь тем, что у них всегда был подчиненный, иногда просто униженный, статус. В условиях тотального давления со стороны террористов-боевиков и полной изоляции, в период их подготовки к смерти они не знают, где и в ком искать защиту, их не могут, да и не всегда хотят защитить даже родственники, причем иногда далеко не бескорыстно.

Между тем внутренней субъективной опорой для изучаемых суицидентов является и вера в бога, который «не оставит» их, и, поскольку они умирают за него, в загробной жизни смогут вкушать все мыслимые радости. Подобные представления постоянно внушаются им и в период подготовки к самоубийству. Это едва ли не важнейшая ее часть наряду с насаждением ненависти к русским и «спасения» от них родины.

Мы не знаем, какова среди террористов-самоубийц доля тех, чья некрофилия носит фундаментальный или ситуационный характер. В качестве самого первого шага в познании индивидуальных причин террористических самоубийств полезно привести лишь данные многих исследований о психологических особенностях добровольно ушедших из жизни. В их числе сниженная устойчивость к эмоциональным нагрузкам, неадекватная личностным возможностям, низкая самооценка,

слабые способности психологической защиты. Среди террористов-самоубийц эти особенности налицо: они не способны эффективно защищаться при психологическом давлении, оценивают себя весьма высоко, бессознательно воспринимая в качестве «пушечного мяса», т.е. человека, который годен лишь на то, чтобы взорвать себя, использовать свое тело в достаточно несложных, даже примитивных поступках.

Чтобы понять причины террористических самоубийств, необходимо задуматься над тем, ради чего они совершаются вообще, в чем их смысл, выгода или выигрыш, в первую очередь на психологическом уровне, для самого убийцы. Это необходимо учитывать в отношении как тех террористов, у которых некрофилия является фундаментальным качеством их личности, так и тех, кто видит в смерти выход из содавленной для них тупиковой ситуации.

Лишить себя жизни можно для выражения протеста против негативного отношения окружающих или, что не менее вероятно, такого, которое лишь субъективно расценивается как враждебное или презрительное. Иногда это даже форма мести либо способ восстановления «справедливости». В других случаях самоубийца призывает на помощь, молит об изменении к нему оценок окружающих, о своем «приятии» хотя бы после смерти. Иными словами, он «сейчас» будет удовлетворен, если будет знать, что «потом» будет признан. Как нетрудно заметить, здесь для него явный психологический выигрыш.

Многие же суициденты наказывают таким способом самих себя. Наверное, не будет преувеличением сказать, что это самые совестливые люди: их терзают чувство вины и осознание необходимости понести кару за свои действительные или мнимые грехи. У значительной части подобных людей наблюдаются депрессивные состояния при ограничении внешних контактов и отсутствии действенной помощи. В отношении их следует особенно подчеркнуть чувство вины и самоупрека. Подобных «виноватых» надо отличать от тех, кто покончил с жизнью из-за утраты смысла и невозможности поэтому продолжать ее. Они как бы подводят итог, приходят к самому неутешительному балансу, ощущая себя в тупике, из которого нет иного выхода, кроме смерти.

Поиск субъективных причин самоубийств должен быть ориентирован на установление таких личностных факторов и их сочетания, которые закономерно и с большой степенью вероятности приводили бы именно к лишению себя жизни, а не к какому-либо иному поступку. Иными словами, источник аутоагрессии должен носить специфический характер. Это делает необходимым погружение в глубины человеческой души, анализ фундаментальных проблем бытия. Можно предположить, что самоубийца, как и убийца, отличает особое, присущее только им, но не осознаваемое отношение к смерти, которое непонятно им

самим, а во многом и нам, хотя мы самонадеянно беремся судить о природе и тайных механизмах насильственной смерти.

Великое таинство и смысл смерти, на наш взгляд, принципиально непознаваемы, хотя по этим проблемам могут быть высказаны самые разные, очень мудрые, тонкие и верные суждения. Обычная же и очень понятная человеческая реакция на смерть — страх и неприятие. Но не будем забывать, что если бы ее не было, то не были бы написаны великие книги, построены соборы и пирамиды, не были бы созданы бессмертные произведения искусства.

Даже не мысль, а ощущение или предощущение смерти в сознании, а чаще бессознательно, никогда не оставляет нас — ни днем ни ночью, спим ли мы или бодрствуем, работаем или отдыхаем, беседуем с друзьями или обнимаем женщин. Ее образ с нами, когда мы заботимся о здоровье, избавляемся от вредных привычек или устраиваем свою жизнь, а когда на концерте внимаем гимну жизни, то должны понимать, что тем самым пытаемся побороть или хотя бы на время вытеснить идею смерти. Необыкновенная сила религии и заключается в том, что она готовит к смерти, утешает при ее приближении, снижает страх перед ней, вселяя веру в жизнь после смерти и воскресение.

Есть основания думать, что смерть несет террористическим самоубийцам больше надежды, чем верующим: они ценят ее больше, чем жизнь, поскольку несет утешение, избавление от мирских несчастий. Мы не ставим под сомнение саму притягательность для них смерти. Однако движущие стимулы и механизмы этой притягательности совсем иные: внутренний, глубоко скрытый смысл саморазрушительных поступков связан не с названными обстоятельствами. В первую очередь мы пытаемся доказать, что смерть для самоубийцы-некрофила чаще всего — не уход от земных горестей: другие, не менее мощные, силы толкают его к роковому шагу, весьма желательному для него по причинам, которые еще предстоит раскрыть.

Альбер Камю в одном эссе писал: «Самоубийство совершают потому, что жить не стоит, — конечно, это истина, но истина бесплодная, трюизм. Разве это проклятие существования, это изобличение жизни во лжи суть следствие того, что у жизни нет смысла? Разве абсурдность жизни требует того, чтобы от нее бежали — к надежде или к самоубийству? Вот что нам необходимо выяснить, проследить, понять, отбросив все остальное».

Ошибки в понимании причин самоубийств пронстекают из того, что даже психологи и психиатры, не говоря уже о юристах и социологах, строят объяснительные конструкции на сугубо социальном уровне: принимают на веру то, что лежит на поверхности, бросается в глаза (в данном случае — индивидуальные жизненные катастрофы); слиш-

ком верят тому, что говорят по этому поводу сами неудавшиеся самоубийцы. В результате упускаются огромные возможности экзистенциального объяснения, которое, как представляется, могло бы вернее приблизить к истине.

Оценка личности, прожитой жизни и конкретных поступков самоубийц позволяет предположить, что среди них весьма значительна доля людей, отличающихся повышенной тревожностью, испытывающих неясную, смутную, но постоянную тревогу. Являющаяся признаком субъективного неблагополучия личности, она состоит в повышенной склонности испытывать беспокойство в самых различных жизненных обстоятельствах, в том числе и таких, которые объективно к этому не располагают. Тревожность может носить ситуационный, преходящий характер, т.е. быть связанной с конкретными внешними обстоятельствами, либо выступать в качестве фундаментального свойства человека. Она обычно повышена при нервно-психических и тяжелых соматических заболеваниях, у переживающих последствия психотравм, здоровых, у многих людей с отклоняющимся поведением, а в целом — у большинства недостаточно адаптированных субъектов.

Тревога — эмоциональное состояние, связанное с ощущением неопределенной опасности и ожиданием неблагоприятного развития событий. В отличие от страха как реакции на конкретную угрозу, тревожность представляет собой генерализованный, диффузный или беспредметный страх, обусловленный также неосознаваемостью источника опасности. Она побуждает к поиску и конкретизации этой опасности с целью ее устранения. Иногда без должных оснований видится в поступках окружающих и собственных, в общественной атмосфере, даже в своем теле и т.д. Тревожность может проявляться как ощущение беспомощности, неуверенности в себе, бессилия перед внешними факторами, преувеличение их могущества и угрожающего характера.

У одних повышенная тревожность врожденная, у других — приобретенная, но в любом случае в качестве стабильной личностной черты она существенно препятствует приспособлению к жизни, принятию ее ценностей и установок. Одиночество, ощущение безысходности и несостоятельности, бессмысленности существования, весьма характерные для самоубийц, есть порождение их неадаптированности и отчуждения от жизни. В то же время тяжкие переживания постоянно повышают уровень тревожности, доводя его до критической точки. В свою очередь повышенная тревожность оказывает обратное негативное воздействие на состояния одиночества и безысходности, усугубляя и обостряя их, поскольку при общей неуверенности и беспокойстве человек ждет не помощи и сочувствия от кого-либо, а только новых несчастий и ударов.

Понятно, что в условиях войны или постоянных вооруженных конфликтов тревожность очень высока и длительна. Она охватывает многих людей, проявляя себя в самых разных ситуациях, иногда очень неожиданно. Население Чечни, например, все время живет в состоянии стресса.

Чем острее субъективное восприятие разрушающего давления среды и собственных переживаний, чем жестче психологическая зависимость от них индивида, тем выше вероятность, что он решится на агрессивные поступки, в том числе против себя. Однако этого совершенно недостаточно для понимания суицида.

Предметная неопределенность тревоги субъективно выражается в ее мучительности, непереносимости. Но какой бы мучительной она ни была, как бы ни опустошала человека, он стремится не к противоположному психологическому состоянию — покою, а к ее опредмечиванию, т.е. к установлению источника тревоги. Логика развития тревожности — в неукротимом влечении к страху.

Что же конкретно может искать самоубийца, вновь и вновь переживая тревогу? Сначала выясним, что порождает повышенную тревожность, если она является фундаментальной и непреходящей чертой личности, определяющей судьбу человека и его отношение к жизни. Логично предположить, что такая всеохватывающая, изнуряющая тревожность рождается и нарастает в том случае, если существует нечто, субъективно воспринимаемое как реальная угроза основам существования, точнее, самому бытию индивида. Этим «нечто» выступает только смерть. Мы не имеем здесь в виду возможность смерти на войне или в вооруженном конфликте, хотя, без сомнения, соответствующие обстоятельства повышают интерес к смерти. Надо учитывать и бессознательную индивидуальную к ней предрасположенность.

Человек может родиться со страхом смерти, или такой страх способен образоваться в результате психологического неблагополучия в детстве, когда ребенок эмоционально не принимает родителей, в первую очередь мать, своими естественными защитниками и почитателями. Страх смерти может сформироваться у ребенка или подростка в неблагополучном регионе, где насилие стало нормой жизни. Особое отношение к смерти появляется в результате специфического этнорелигиозного воспитания, религиозной фанатичности, пропаганды жертвенности и т.д. Если последующее воспитание не компенсирует эмоциональный дефицит, бессознательные опасения за себя перерастают в страх смерти, постоянное ощущение своей ненужности, незащищенности, уязвимости. Личность отчуждается от общества и дезадаптируется. У нее появляется специфический ракурс восприятия жизни и своего места в ней, оценки отношения других к себе, внутренних состояний и переживаний, особое

видение способов решения микросоциальных конфликтов. При страхе смерти человек во всем или в очень многом видит угрозу себе. И этот страх запрограммирован, скорее всего, на организменном уровне.

Вообще страх смерти присущ очень многим и служит одним из самых мощных стимулов человеческой активности, творческой в том числе. Бессознательно преодолевая его, люди создают и передают последующим поколениям материальные ценности, воспитывают и делят детей, внуков, создают художественные произведения, чтобы обессмертить свое имя («Я памятник себе воздвиг...») и т.д. Но подобные общественно полезные формы снятия страха смерти, как правило, наблюдаются тогда, когда человек получает соответствующее воспитание. В противном случае высока вероятность совершения антиобщественных действий.

Как уже отмечалось, человек стремится найти источник тревоги — самоубийца находит его в смерти, страх перед ней и есть причина тревоги. У некоторых суицидентов мысли о смерти навязчивы и постоянны, присутствуют всегда и обычно охватываются сознанием. У других же связанные с нею переживания глубоко скрыты и не осознаются, но, как можно думать, идея смерти присутствует всегда.

Самоубийца прячется в смерти, как в безопасном месте, где нет конфликтов и ничто ему не угрожает; не нужно искать смысл существования и свое место во вселенной; можно избавиться от изматывающей тревоги. Некоторые из них зачарованы смертью, но в то же время своей добровольной гибелью пытаются обессмертить себя и преодолеть страх перед ней.

Главным образом это относится к террористам-самоубийцам. Отнюдь не случайно, что те из них, кто после террористического акта остался в живых, продолжал стремиться к смерти. Так, Мария Спиридонова, совершив убийство Луженовского, «усмирителя» крестьян, никем не была задержана, но сама же стала кричать в толпе: «Расстреливайте меня!» Отказываясь же подавать апелляцию, поясняла, что ее смерть нужна для счастья народа. Созонов, убийца Плеве, покончил с собой на каторге.

Глава II

**ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЕ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ
ПРЕСТУПНИКИ**

---

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ

Борьба с терроризмом представляет собой не только выявление и устранение терророгенных факторов, например этнорелигиозного характера, но и принятие мер по разрешению национальных, социальных, религиозных конфликтов, блокирование сепаратистских стремлений и т.д. Соответствующая деятельность будет эффективной только в случае успешного противодействия конкретным террористическим группам, их своевременного установления и нейтрализации, выявления и задержания преступников, предания их суду, а в случае необходимости — физического уничтожения. Огромное практическое значение имеет ведение переговоров с террористами, которые захватили заложников или похитили людей. При этом не играет сколько-нибудь существенной роли, какие именно цели преследуют преступники — политические, корыстные или иные. Достаточно сложно расследовать уголовные дела о террористических преступлениях, имея в виду сбор необходимых доказательств, установление всех эпизодов преступной активности обвиняемых, обеспечение безопасности участников процесса, включая потерпевших, свидетелей и т.д.

Вся эта сложная и многогранная деятельность должна обеспечиваться научно обоснованными рекомендациями, в том числе и о том, что представляет собой личность террориста. О ней мы по большей части узнаем из средств массовой информации, пытаясь понять террористов и мотивы их поступков по тем скудным и во многом искаженным данным, которые доходят до нас из газет или телепрограмм. Поэтому изложенные здесь сведения о личности террориста должны представлять немалый интерес как для теоретических изысканий, так и для создания общей теории профилактики терроризма и борьбы с конкретными его проявлениями.

Если попытаться дать общую психологическую характеристику террористов, то можно прийти к выводу, что они принадлежат к экстремистскому типу сознания. Однако подобное суждение выглядит достаточ-

по расплывчатым и неоднозначным, если не назвать конкретные психологические черты, присущие именно им.

Террористов уже неоднократно квалифицировали как шизофреников, садистов, фанатиков, ушербных личностей, самоутверждающихся, пожираемых амбициями, морально глухих и даже как бескорыстных и чистых мучеников за идею. Но как об отдельном психолого-психиатрическом и даже социальном их типе можно говорить лишь в том случае, если будут найдены такие их черты, совокупность которых свойственна именно им, а не другим типам. Только тогда можно обоснованно судить о мотивации террористического поведения.

В целом психолого-психиатрическая информация о личности террориста нужна для решения многих практических задач в оперативно-розыскной и оперативно-боевой деятельности, расследовании и профилактике преступлений террористического характера, задержании преступников и проведении с ними отдельных следственных действий, построении следственных версий, для ведения переговоров с террористами и т.д.

За последние годы накоплена значительная научная информация о личности террориста, которая с успехом может быть использована в борьбе с этим явлением. Однако соответствующие исследования еще не носят систематического характера, психологические и психиатрические сведения о террористах достаточно отрывисты и скупы. Чаще всего основаны не на эмпирических изысканиях или обследовании конкретных террористов, а на общих представлениях тех или иных авторов о том, какими личностными особенностями должны обладать эти преступники.

По мнению большинства исследователей, террористы не составляют специфическую диагностико-психиатрическую группу. Хотя в некоторых работах представлен определенный их ряд — от нормального типа до психопата, большая часть сравнительных исследований не обнаружила явной психической ненормальности в большинстве случаев. Тем не менее на путь терроризма чаще становятся люди со специфической личностной предрасположенностью, которая, как мы увидим далее, не приводила бы ни к каким негативным последствиям без воздействия микросреды. Если суммировать результаты ряда исследований, в том числе тех, которые проведены нами, наиболее характерными для террористов особенностями являются следующие.

Приводимые ниже данные основаны на изучении группы лиц, обвиняемых в терроризме, захвате заложников и похищении людей. Для их обследования специально была составлена анкета, в которую вносились данные биографического, криминологического, психологического и психиатрического характера. При этом широко использовались каннические беседы и психологическое тестирование.

Это выборочное исследование дало такие результаты. Общая черта многих террористов — тенденция к экстернализации, поиску вовне источников личных проблем. А потому данные источники становятся объектом агрессии. Хотя эта черта не является явно паранойяльной, имеет место сверхсосредоточенность на ней. Причем необходимо отметить, что экстернализация присуща практически всем категориям террористов: политическим, сепаратистским, этнорелигиозным и др. Такая особенность служит психологической и идеологической основой для их сплачивания и несомненно принадлежит к числу ведущих. Она активно питает ненависть к представителям иных национальных, религиозных или социальных групп, приписывает им самые отвратительные черты, объясняет собственные неудачи и промахи только коварством и злобой врагов. Отсюда особая жестокость при совершении террористических актов, отсутствие сопереживания жертвам. Как показали наши обследования конкретных лиц, обвиняемых в терроризме, им переносимо признать себя источником собственных неудач.

Другие характерные психологические черты личности террористов — постоянная оборонительная готовность, чрезмерная поглощенность собой и незначительное внимание к чувствам других, иногда даже их игнорирование. Эти черты связаны с паранойяльностью террористов, которые склонны видеть постоянную угрозу со стороны «других» и отвечать на нее агрессией. Так, для 88% обследованных нами лиц¹, обвиняемых в совершении преступлений террористической направленности, типична агрессия как реакция на возможную опасность со стороны среды.

Паранойяльность у террористов сочетается с ригидностью, застреманностью эмоций и переживаний, которые сохраняются на длительный срок даже после того, как исчезла вызвавшая их причина. Ригидные явления и процессы ведут как бы автономное от личности существование.

Многие террористы испытывают болезненные переживания, связанные с нарциссическими влечениями, неудовлетворение которых ведет к недостаточному чувству самоуважения и неадекватной интеграции личности. Вообще нарциссизм имманентно присущ им, причем не только лидерам террористических организаций, но и рядовым исполнителям. Эту черту можно наблюдать как у политических, так и этнорелигиозных террористов, особенно в их высказываниях, в которых звучит явное торжество по поводу их принадлежности к данной груп-

---

¹ Эмпирическое изучение личности террориста осуществлено совместно с Б. В. Шостаковичем, Э. А. Биджиевой и В. И. Подивановым среди лиц, проходивших судебно-психиатрическую экспертизу.

не. Они убеждены в своем совершенстве, выдающихся личных особенностях и превосходстве над другими только или главным образом по той причине, что принадлежат к данной этнорелигиозной группе, которая является единственно «правильной». Чтобы доказать это себе и другим, такой террорист совершает дерзкие нападения и пренебрегает общечеловеческими ценностями.

Особо опасен групповой нарциссизм, когда человек преисполняется гордостью и тщеславием только по той причине, что принадлежит к национальной, религиозной, политической, криминальной или иной группе. Ее ценности, правила и установки становятся основой его социального бытия.

Общественную опасность группового нарциссизма подчеркивали многие исследователи, в частности Э. Фромм. Эту особенность надо учитывать и в антитеррористической пропаганде, работе с населением тех регионов, где имеют место этнорелигиозная нетерпимость и экстремизм. В местах лишения свободы могут возникнуть большие проблемы, если там будут содержаться группы из людей одной этнорелигиозной принадлежности, осужденных за преступления террористического характера. Будет достаточно сложно переориентировать их на позитивные отношения к представителям других народов.

При нарциссических установках люди воспринимают мир черно-белым и причины своих неудач и ошибок видят только в нем.

Понятно, что названные причины не могут быть порождением их собственной группы. Вот почему они отщепляют от своей личности низкооцениваемые и причиняющие психотравму части и проецируют их на другие национальные и религиозные группы, на культуру, которую они считают враждебной, и уже в таком качестве воспринимают ее. Другая культура и ее носители поэтому вполне могут стать объектом нападения.

Для многих профессионально занимающихся терроризмом характерна замкнутость на своей террористической группе, ее ценностях, целях активности. Такая сосредоточенность, вроде бы свидетельствующая о цельности и целостности личности, на самом деле ведет ее к культурологической изоляции, накладывает жесткие ограничения на индивидуальность и свободу выбора человека. Он начинает еще более резко делить мир на свой и чужой, постоянно преувеличивая опасности, грозящие со стороны других культур.

Склонные к терроризму принадлежат к людям того склада, для кого характерен примат эмоций над разумом, непосредственных активных реакций на действительность над ее осмыслением. Предвзятость оценок, низкий порог терпимости и отсутствие должного самоконтроля достаточно легко и естественно сживаются с идеей насилия. Не случайно

среди обследованных нами преступников террористической направленности 44% отличаются явной эмоциональной неустойчивостью, а для 80 — характерны эмоционально насыщенные ассоциативные образы. 51% обследованных склонны скорее действовать, чем осмысливать происходящее и строить обоснованный прогноз.

Разумеется, указанные особенности личности террористов не исключают продуманность и рациональность их агрессивных действий, что еще раз свидетельствует о полимотивации последних. Так, 68% обследованных, причастных к терроризму лиц, побуждались к этому корыстными стимулами и лишь 24% — такими целями, как освобождение арестованных и осужденных соучастников и иных лиц, связанных с террористами.

Среди них много и тех, кто движим игровыми мотивами. Для них участие в террористических актах — игра: с обстоятельствами, врагом, правоохранительными органами, судьбой, даже со смертью. Особенно характерно это для молодых людей, включая подростков, что может быть чертой национального характера.

Такую особенность личности террористов необходимо учитывать при проведении конкретных антитеррористических мероприятий, например в контактах, в частности переговорах с теми, кто захватил заложников. Нужно учитывать, что такие ситуации они бессознательно и воспринимают именно как захватывающую игру, ставкой в которой может быть их жизнь. Но надо помнить, что это их, во всяком случае многих, не пугает: для них собственная жизнь, не говоря уже о других людях, — лишь плата за то несказанное удовлетворение, которое они испытывают от участия в столь захватывающей игре. К тому же при этом насыщаются и нарциссические их влечения.

Исследуя конкретных террористов, можно было убедиться в том, что большинству из них присущи предельная нетерпимость к тем, кто думает иначе, и фанатизм, порожденный максималистскими идеями «спасения», торжества своей этнорелигиозной группы и полного посрамления, уничтожения ее ненавистных врагов. Им свойственна твердая вера в обладание абсолютной, единственной и окончательной истиной или в то, что ею, конечно же, обладают те, кому они подчиняются. Отсюда — вера в мессианское предназначение, высшую и уникальную миссию во имя «спасения» и счастья своей нации или сторонников «истинной» веры.

Убежденность в своей миссии может быть «темной», чисто эмоциональной или основываться на «рациональных» идеологических постулатах, святости традиции, мудрости лидеров. Подобная убежденность отличает истинных террористов от «попутчиков», которые согласились совершать террористические акты из корыстных соображений, и от темных, несведомленных, попавших под чье-то влияние людей.

Нетерпимость, особенно предельная, обычно порождается страхом быть уничтоженным. Он может быть индивидуального генеза, но определяется и принадлежностью данного человека к малому народу, в первую очередь к такому, который вынужден постоянно отстаивать не только свою независимость, но и просто право на существование.

В целом этнорелигиозные террористы принадлежат к закрытому типу личности, что исключает любую критическую мысль и свободу выбора, поскольку они видят мир только в свете предустановленной «единственной истины». Логическим следствием «закрытости» и фанатизма является поразительная, подчас парадоксальная узость, односторонность, ведущая к максималистской абсолютизации частного, произвольно вырванного из общей системы связи и совершенно не учитывающего других позиций и представлений. Очень часто вследствие этого мир теряет реальное очертание, само же сознание и его образы становятся мифологизированными. Формирующиеся в нем символы приобретают бытийное значение, поэтому посягательства на них, действительные или мнимые, воспринимаются крайне болезненно.

Закрытость личности террористов, равно как и другие их особенности, следует прежде всего учитывать при проведении переговоров с ними, допросов в ходе расследования уголовных дел. Однако прямолинейные и, тем более, грубые попытки разрушить их «закрытую оборону» могут привести к нежелательным результатам, сделать невозможными доверительные контакты с ними.

Психолого-психиатрические особенности личности террориста во многом определяются тем, что он непосредственно соприкасается со смертью. Она, с одной стороны, влияет на его психику, поступки и на события, в которые он включен, а с другой — его личностная специфика такова, что он стремится к ней: разрушает отделяющие от нее последние преграды, как бы позволяя ей непосредственно влиять на себя.

Это — террорист-некрофил. Смерть отпечатывает на нем образ, начинает говорить с ним на своем языке, и он его понимает. Потому что не защищен от нее задачей выживания, чаще всего и не ставит таковой перед собой, поскольку сам стремится к ней. Раз приблизившись к ней, такой человек приобретает опыт, который либо осознается и становится основой внутреннего развития, либо не осознается и на уровне личностного смысла определяет поведение, в том числе через потребность вновь и вновь испытать дрожь соприкосновения с тем, что находится за гранью. Таких наркотизирующая атмосфера близости к смерти может толкать на совершение самоубийственных террористических актов, но также и других убийств, не обязательно террористических, например при участии в разных военных конфликтах.

Террористы, которые видят в смерти, своей или чужой, единственный путь решения возникших перед ними проблем, естественно, не ис-

пытывают страха перед возможной гибелью. Поэтому профилактический эффект неотвратимости уголовного наказания в отношении таких людей практически ничтожен. Они не боятся смерти, а перспектива длительного, даже пожизненного лишения свободы обычно не принимается ими во внимание, они просто не думают о нем. Только уже потом, после вынесения приговора, такие люди начинают осознавать, что им всю жизнь или значительную ее часть предстоит провести в местах лишения свободы. Их страдания, связанные с наказанием, начинаются с этого момента.

Всех обследованных террористов мы сопоставили с теми, которые совершили убийства в сфере быта, семьи, досуга. Приведем некоторые общие показатели, характеризующие две эти группы.

Прежде всего оказалось, что средний возраст террористов (28 лет) несколько ниже, чем возраст бытовых убийц.

Семейная адаптация и состояние в браке в этих группах были сходными. Как показатель внутрисемейной адаптации учитывалась роль обследуемого лица в семье. При этом роль лидера в семьях была одинаковой в обеих группах, однако роль подчиненного в основной группе обследованных отсутствовала, в то время как в группе «обычных» убийц она встречалась у 16%.

Уровень образования в основной группе был выше за счет лиц, имеющих высшее или незаконченное высшее образование (26% против 10%).

Число занятых умственным трудом более чем в три раза превышало этот показатель в группе сравнения (17 против 5%). Лиц, занятых физическим трудом, в основной группе было на 10% меньше; здоровых, но неработающих — вдвое больше.

Без особенностей прошли армейскую службу 37% подэкспертных основной и 47 — группы сопоставления. Не служили по иным причинам 13% группы террористов и 21 — из группы сопоставления.

Таким образом, можно полагать, что в целом уровень социальной адаптации в основной группе был несколько выше, чем в группе совершивших «обычные» убийства, за счет более высокого образовательного уровня, хотя число неработающих оказалось значительнее.

Среди психиатрических данных обращает на себя внимание меньшая психопатологическая отягощенность у этих испытуемых. Так, среди родственников шизофрения встречалась примерно одинаково в обеих группах (6 и 7,5%), в то время как алкоголизм — в пять раз реже (8% в основной против 42 — в группе сопоставления). Патология в родах также отмечена у первых в два раза реже.

Половина подэкспертных основной группы воспитывалась в полных семьях. Значительных нарушений в типах воспитания не было. Только в 4% можно отметить гипоопеку, в то время как в группе сопос-

тавления почти у половины прослежена гипопека и у трети — гиперопека. Возможно, это связано с некоторыми национальными особенностями воспитания.

Известно, что в развитии агрессивных установок большое значение придается игровой деятельности в детстве. Социально приемлемые ее формы прослеживались почти у половины лиц обеих групп, а социально неприемлемые в основной встречались почти в два раза реже (соответственно, 12 и 21%). Взаимоотношения со сверстниками различались, главным образом, по показателю отвержения, отказа от совместных игр. Таких в основной группе было в три раза меньше по сравнению с группой «обычных» убийц (4 и 12%). В то же время показатели равных, партнерских, отношений и лидерства в основной группе были ниже, чем среди совершивших убийства (соответственно 33 и 55%, 10 и 14%).

Из приведенных данных можно сделать очень важный вывод: истоки формирования личности именно террориста лежат в социальной среде, семье, в иных малых группах. Человек оказывается здесь совсем не свободным в выборе поведения и определении ведущих ценностей. Они ему, конечно, не навязываются силой, а «входят» в него незаметно. Он жестко привязан к среде, и его беда — не в отчуждении, а, напротив, в чрезмерной зависимости от непосредственного окружения.

Приведем некоторые психиатрические данные, имеющие криминогенное значение.

Черепно-мозговые травмы в прошлом отмечались примерно с одинаковой частотой.

Под наблюдением ПНД в прошлом состояла лишь треть лиц из основной и 42% группы сопоставления.

Диагноз «алкоголизм» встречался значительно реже в исследуемой группе террористов. Это заболевание вообще очень редко встречается среди террористов, сам характер террористического поведения обычно исключает алкоголизм.

Судебно-психиатрическую экспертизу по прежним уголовным делам проходили 8% террористов и 27 — убийц, причем доли неменяемых оказались почти равными — 6 и 7%.

Необходимо отдельно сказать о тенденции к аутоагрессии, важность которой не только в том, что она нередко сопровождает агрессию, но и в том, что в современном мире сундид активно используется для совершения террористических актов. Названный показатель был относительно высоким в группе убийц — более одной пятой совершали сундидные попытки и самоповреждения. В основной группе таких лиц тоже было немало — 10%.

Так называемый социальный преморбид, т.е. формирование социальных установок, которое происходит в юности, с нашей точки зре-

ния, имеет большое значение для последующей криминальной активности. При исследовании группы убийц отмечено, что более чем у трети обвиняемых не было выявлено каких-либо особенностей в формировании социальных установок, но у половины остались несформированными общепринятые морально-этические нормы. В основной группе (террористов) формирование обычных социальных установок прослеживалось почти в половине случаев (46%), их несформированность выявлялась реже. Однако в целом неблагоприятное социальное развитие в обеих группах встречалось весьма часто. Вместе с тем к этим данным нужно подходить с немалой осторожностью. Необходимо помнить, что неблагоприятный ход жизни может заключаться как раз в том, что формируются искаженные представления о своей нации и вере, как нации и вере других, в целом негативное отношение к культуре других народов.

Психопатологические показатели группы различаются больше всего. Например, оценка особенностей психопатологического синдрома в период совершения правонарушения показала, что этот признак в группе сравнения встречался почти в два раза чаще. Так, бредовые и сверхценные образования в основной группе составили 4%, в сравнительной — 22, аффективные синдромы соответственно 4 и 23,5%, различные варианты личностных расстройств — 38 и 56,5, расстройства влечений — 2 и 26,5, умственная отсталость — 4 и 14%.

Экспертное решение «вменяемы» принято в отношении 88% лиц основной, а в группе сравнения — 63, «невменяемы» — 8% среди первых по сравнению с 31 — в группе убийц.

Психиатрический диагноз в результате экспертиз выглядит следующим образом: «психически здоров» среди «террористов» — 42%, «убийц» — 10; «шизофрения» — соответственно 8 и 16%; «эпилепсия» — 2 и 2; «психопатия» — 6 и 15; «остаточные поражения головного мозга» — 24 и 33; «алкоголизм» и «наркомания» — 4 и 10; «умственная отсталость» — 2 и 4%.

Иными словами, в группе террористов доля лиц с психической патологией оказалась значительно меньшей, хотя личностные расстройства встречались довольно часто.

При сопоставительном анализе мотивации общественно опасных действий выяснено, что болезненная мотивация, если в нее включать психопатическую, составила 20% у лиц основной группы и 36 — в сравнительной группе.

Среди вариантов психологической мотивации поведения корыстная мотивация действий преобладала более чем в 68 против 9% в группе сравнения. Это понятно, поскольку в основную группу были включены и обвинявшиеся в захвате заложников с целью выкупа. При этом

надо заметить, что корыстная мотивация — не самая характерная черта «бытовых» убийц. Мотив мести у конкретных лиц отмечен лишь у 4% по сравнению с 10 — в группе «обычных» убийц. В одной трети случаев выявлены «иные мотивы» действий.

Вообще мотивы террористического поведения не следует грубо делить на группы — корыстные и бескорыстные — даже в случаях захвата заложников. Такое поведение почти всегда полимотивировано, но некоторые мотивы на глубинном, смысловом уровне могут носить бессознательный характер и не выявляются при недостаточно квалифицированном личностном анализе.

При анализе мотивов общественно опасных действий, кроме отмеченных, по большей части корыстных, выявлены мотивы истерической самоактуализации (6%), «наведения страха» (4), получения политических выгод (6), достижения конкретных целей (24), установления «справедливости» (24), уничтожения политических и иных противников, обеспечения торжества своей религии или нации (8%).

Психическое здоровье «обычных» убийц оказалось гораздо хуже, чем у террористов, и, следовательно, оказывало большее влияние на их преступные действия. Так, бредовые расстройства обнаружены у 22% среди первых и только у 6 — среди вторых; аффективные расстройства соответственно у 23,5 и 4%, синдромы расстройств личности — у 55,9 и 38, синдромы расстройств влечений — у 26,5 и 2, слабоумие — у 13,7 и 4%. Что касается некоторых психологических данных, то они характеризуют террористов следующим образом: мнестические процессы в норме зафиксированы у 84%, высокий темп умственной деятельности — у 26, достаточный — у 60, устойчивое внимание — у 77, устойчивая работоспособность — у 60, высокий уровень обобщения — у 60, средний — у 33, существенные признаки способны обобщать 80, способности к переносу и установлению логических связей выявлены у 60%.

Более половины обследованных террористов были способны к четкому осознанию и постановке целей своего поведения, около половины могли ясно оценивать промежуточные цели и прогнозировать возможные последствия своих поступков. Абсолютное большинство преступлений в группе террористов планировалось и готовилось заранее, в то время как в группе «обычных» убийц запланированных было только около 15%.

В этом отношении большое значение имеет выяснение роли того или иного лица в группе и влияние групповых взаимоотношений на поведение.

Группоцентрическое поведение, т.е. ориентация на референтные нормы асоциальной группы при регуляции поступков, выявлено более чем у половины группы террористов. Лидирующее или высокое поло-

жение в группе занимали почти три четверти обследованных; рядовых исполнителей была одна четверть. В групповых преступлениях «бытовых» убийц имели место «обратные» отношения — среди обследованных убийц преобладали исполнители. 75% групп террористов состояло из 5 и более человек.

Криминально анамнез в прослеженных группах весьма заметно отличался. В милиции состояли на учете в подростковом возрасте 6% лиц из основной группы и 16 — из группы убийц, т.е. почти втрое больше. К уголовной ответственности до настоящего преступления привлекались 38% лиц из основной и около 48 — из группы сравнения. Среди «террористов» доля привлекавшихся к уголовной ответственности два раза и более составила 14%, среди «убийц» — 31,4. Большинство ранее привлекавшихся к уголовной ответственности в основной группе в настоящее время обвиняются в похищении людей с целью получения выкупа.

Эти данные дают все основания для важного предположения, что мотивы террористических действий в основном формируются не в неформальных малых группах, не под влиянием опасных общеуголовных преступников и в совместном совершении «обычных» преступлений. Возникновение и развитие указанных мотивов происходит в процессе семейного воспитания, под влиянием местных этнорелигиозных обычаев и традиций, носящих сугубо пережиточный характер, под влиянием старших и авторитетных лиц. Данные обстоятельства имеют не малое практическое значение.

В свете сказанного большой интерес представляют собой полученные нами данные об отношении террористов и «обычных» убийц к содеянному. Среди первых полностью отрицают свою виновность 31%, среди вторых — 20; не сожалеют о содеянном соответственно 8 и 12. Такие различия могут быть отчасти объяснены тем, что «обычные» убийцы совершили насилие в отношении, главным образом, «своих», а террористы — исключительно в отношении «чужих» и чуждых, которых к тому же ненавидели как представителей иной культуры. Полагаем, что последний фактор принадлежит к числу ведущих.

---

2. МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ТЕРРОРИСТА

Психологическое изучение личности террористов осуществлялось нами также в местах лишения свободы, где они отбывали наказание. Обследовано 125 человек¹.

---

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 06-06-03201е.

Теоретическая основа исследования и дальнейшего практического использования полученных данных предполагает изучение личности преступника посредством анализа его образа «Себя» в четырех основных направлениях:

1. По структуре межличностных отношений (В. Шугц¹).
2. По характеру агрессивности—деструктивности поведения (по В. В. Бойко²).
3. По структуре психологических защит (Р. Плутчик³).
4. По показателям личностного профиля по шкалам многомерного обследования личности (по Л. И. Собчик⁴), по психодинамике цветового выбора в тесте Люшера (по Д. В. Сочивко⁵).

Под образом «Себя» мы прежде всего понимаем то, как отражается личность человека в результатах тестирования. Это значит, что мы основываемся на представлении, что тестовый результат отражает тот образ «Себя», который наиболее принимается личностью. В отличие от образа «Я» образ «Себя» может быть в существенной мере неосознанным. При этом в гораздо большей степени он может быть понят на основе психологического обследования психологом-исследователем, чем самим осужденным. Оценка психодинамики личности осужденного по психодинамическим коэффициентам Д. В. Сочивко на основе цветового выбора (Люшера) позволяет представить реальное функционирование образа «Себя» в пространстве и времени условий жизнедеятельности (в нашем случае — при лишении свободы).

Представленный выбор основных направлений анализа личности осужденного за террористические преступления имеет как теоретические, так и экспериментальные основания. С теоретической точки зрения мы выбрали именно те представления о личности террориста, которые наиболее часто фигурируют в литературе. Действительно, террористические организации и сообщества отличаются жесткой и однозначно направленной перестройкой межличностных отношений, которая включает в себя, прежде всего, изменение иерархических отношений (организатор — исполнитель) и изменение отношений к другим людям (свой — чужой). Эти изменения влекут за собой изменения агрессивности и деструктивности поведения, о чем также писалось неоднократно. Говоря о причинах террористического поведения, подавляю-

---

¹ См.: Опросник межличностных отношений (ОМО), адаптация методики В. Шугца (FIRO-B). Ярославль: НИЦ «Психодиагностика», МПЛ «Психодиагностика», 2002.

² Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд. Института психотерапии, 2002. С. 132.

³ Там же. С. 444.

⁴ Там же. С. 376.

⁵ Сочивко Д. В. Психодинамика. М.: ПЕР СЭ, 2003.

щее большинство авторов указывают на те или иные лишения, которые претерпевает человек как представитель расы, нации, религии (секты), общественного класса, общественного движения (например, защиты животных), пола (феминизм) и др.

С психологической точки зрения любые лишения, имеющие социальные причины, запускают работу механизмов психологических защит личности. Общим принципом их действия является вытеснение из сознания неприятных мыслей и чувств, порождаемых лишением, и превращения их (по З. Фрейду — сублимация) в личностно приемлемые, доставляющие даже удовольствие, переживания.

И последнее, что часто отмечается в характеристиках террористов, — изменения их поведения носят, скорее, динамический (психодинамический), чем статический характер. Оставаясь обычными людьми по ряду статических характеристик свойств личности, они существенно различаются именно по динамике взаимодействия этих свойств в целостной структуре личности.

По результатам обработки полученных методами многомерной статистики данных мы действительно выяснили соответствующие описанным направлениям ортогональные факторы, объединяющие установленные показатели.

Исходя из этих теоретических предположений, мы и будем выбирать соответствующие методы исследования.

С целью выявления национально-религиозных и социально-психологических корней такого явления, как терроризм, выборка испытуемых для нашего экспериментального исследования была расширена. При формировании выборки обследуемых мы не вводили ограничения ни по национальному, ни по религиозному или какому-либо другому признаку. В нашей выборке представлены осужденные, которые принимали участие в любом виде террористической активности.

Согласно полученным в результате исследования данным установлено, что многие осужденные по интересующим нас статьям уже отбывали наказания за аналогичные преступления. Поэтому представляется необходимым и актуальным проведение исследований и по пенитенциарной психолого-психиатрической проблематике, чтобы разрабатывать системы воспитательных мероприятий по выводу осужденных из сфер террористического влияния.

Для того чтобы понять, откуда в сознании зарождается мысль о совершении столь опасных преступлений, необходимо провести исследование индивидуально-психологических особенностей этих людей. Те нормы поведения, которые они сами для себя определяют, и законы, по которым они существуют в обществе, лучше всего изучать в соответствующих сообществах, мы же изучали самих преступников в местах

лишения свободы. Это позволяет понять, какие этнорелигиозные и иные нормы они интериоризировали, сделали своими, наконец, а это очень важно, что они представляют собой как личности. Поэтому основной задачей исследования является познание той совокупности психологических свойств, которые определили субъективную потребность и возможность совершения человеком террористических действий.

Подход к исследованию поведения осужденных за преступления террористического характера предполагает и построение модели их поведения в условиях изоляции от общества с целью определения мер психолого-педагогического воздействия, прогноза адаптации к условиям содержания, исправления криминального поведения и ресоциализации после освобождения.

На основе этого представляется реальным создание социально-психологического образа современного террориста в России как основы для разработки психопрофилактических и психокоррекционных мер по борьбе с террористическими действиями и организацией террористических актов. С целью более подробного исследования данной проблематики необходимо из огромного количества психологических методик, которыми вооружены практические психологи, выбрать ту батарею тестов, которая позволила бы построить адекватный и содержательный психологический портрет участника террористического преступления.

Перейдем теперь к представлению методов и подходов исследования. Сразу оговоримся, что предложенный нами спектр психодиагностических методик не является единственно возможным. Иной ракурс в постановке проблемы потребует и выбора иных методов. Поэтому психологами могут использоваться также и другие методики проведения аналогичных исследований, конечно, в зависимости от целей и задач работы.

Для удобства ознакомления с результатами группового обследования осужденных за террористические преступления предлагаем составленные нами бланки опросников, включающих все необходимые психодиагностические методики (Приложение 1).

Мы начали исследование психологического образа террориста с анкеты, предложенной Ю. М. Антоном. Она состоит из вопросов биографического, биографического, криминологического, психологического и психиатрического характера.

Применение данного метода позволяет провести анализ жизненного пути осужденного в период террористической активности, выяснить, что он за человек, откуда, чем занимался в жизни, каковы мотивы его поведения, индивидуально-психологические особенности, уровень образования, род занятий к моменту ареста, отношение к религии, убеждения, взгляды, социальные ориентации, привычки, стереотипы поведения, мотивы совершения преступления. Необходимо напомнить, что

при анкетировании не следует забывать о вероятности того, что обследуемый осужденный за совершение террористического преступления может написать неправду или неверно истолковать вопрос. Поэтому мы внимательно проанализировали личные дела обследуемых, в последующем сверив с ними то, что отметили реципиенты. Сам же процесс заполнения анкеты проводился под внимательным наблюдением экспериментаторов, с разъяснением непонятных моментов.

Использовались следующие психологические методики.

1. Анализ психологических защит осужденных террористов по методике «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, Г. Келлермана и Х. Р. Конта (Ярославль), утвержденной Минюстом России и адаптированной его межрегиональной психологической лабораторией. Данный опросник состоит из 97 вопросов и направлен на определение 8 типов психологических защит (отрицание, вытеснение, регрессия, компенсация, проекция, замещение, интеллектуализация, реактивные образования), позволяя определить девиации и нормы проявления типов психологических защит обследуемых.

Одна из основных гипотез нашего исследования состоит в том, что поведение террориста носит защитный характер. Принятие или неприятие образа действий террористической направленности во многом обуславливается также «специальной регулятивной системой стабилизации личности», направленной на устранение или сведение до минимума чувства тревоги и носящей название «психологическая защита». Ее функцией является ограждение сферы сознания от негативных, травмирующих личность, переживаний. С помощью методики «Индекс жизненного стиля» можно косвенно измерить уровень внутриличностного конфликта, понять, каким типом психологической защиты пользуется человек в своем поведении. Выявив наиболее часто используемый механизм защиты из известных нам (отрицание, подавление, регрессия, компенсация, проекция, замещение, рационализация, реактивные образования), можно более грамотно построить схему работы с данным индивидом.

2. Многофакторный опросник «Мини-мульти»¹. Одной из задач данного исследования является установление зависимости характерологических особенностей личности от возможности участия в террористических актах. Он позволяет выявить наиболее распространенные ситуативные или застойные личностные расстройства, обусловленные экстремальными условиями жизнедеятельности. Следовательно, с по-

---

¹ Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд. Института психотерапии. 2002. С. 376.

мощью данной методики можно в выборке террористов выделить такую категорию, как «патологические» или проблемные личности.

Опросник содержит 71 вопрос, состоит из 11 шкал, 3 из которых — оценочные, измеряющие искренность испытуемого, степень достоверности результатов тестирования и величину коррекций, вносимых чрезмерной осторожностью опрашиваемого. Остальные 8 шкал являются базовыми и оценивают свойства личности по показателям ипохондрии, депрессии, истерии, психопатии, паранойяльности, психастении, шизоидности, гипомании. На выполнении методики «Мини-мульти» время не ограничивается, в отличие от тест-опросника ММР1, 40 минутами.

С помощью методики «Мини-мульти» есть возможность определить близость испытуемых к тому или иному типу поведения. Как они переносят смену обстановки, легко ли теряют равновесие в социальных конфликтах? Способны ли впасть в отчаяние при малейших неудачах? Значимы ли для них те или иные социальные нормы? Насколько они выдержанны, решительны в поступках, настойчивы в достижении цели?

3. Опросник межличностных отношений (ОМО) в адаптации В. Шутца (FIRO-B) и А. А. Рукавишникова¹ содержит 54 вопроса. Полученные результаты обследования выявляют психологические особенности межличностного поведения обследуемого на основе трех потребностей: включения, контроля и аффекта. Данные потребности развиваются в детстве, во взаимодействии со взрослыми, прежде всего — родителями. К примеру, развитие потребности включения зависит от того, насколько ребенок был «включен» в семью; потребность контроля — от того, был ли поставлен акцент в отношениях «родитель—ребенок» на свободу и контроль, а аффекта — от степени, в какой ребенок был эмоционально принят или отвержен ближайшим окружением. Если данные потребности не были удовлетворены в период детства, индивид чувствует себя незначительным, некомпетентным и недостойным любви. Для преодоления этих чувств он вырабатывает у себя защитные механизмы, которые проявляются как характерные способы поведения, наблюдаемые при межличностном контакте.

Основными в теории В. Шутца являются: постулат межличностных потребностей (включение, контроль, аффект); постулат непрерывности отношений (принцип постоянства, принцип идентификации); постулат «совместимости»; постулат развития группы (принцип групповой интеграции, принцип распада группы).

---

¹ Указ. соч. С. 167.

Центральной задачей нашего исследования было установление причин участия в террористических актах. Одной из возможных являются психологические особенности построения взаимодействия с обществом. Результаты по этому опроснику позволяют получить данные о типичных способах отношения к людям и взаимодействия с ними.

Негативное отношение участников террористической деятельности к окружающим, боязнь установления межличностных контактов вызывают у них стремление устранить общепризнанные социальные ценности. Неприязненные отношения к другим выражаются в убеждениях об их «неполноценности» (чего только стоит девиз: «Смерть неверным!»).

Часто оказывается, что чувственный компонент неприязненного отношения к окружающим выступает определяющим при отсутствии достаточно ясного представления о реальном отрицательном «значении» конкретного человека или группы людей, к которым террорист испытывает негативное отношение. Примером служит простой исполнитель террористических замыслов, который может и понятия не иметь, чем именно «насолили» мирные граждане его руководителю.

Действия террориста, направленные против общества, устоявшегося образа жизни людей, порождаются потребностями в социально «отчужденном» образе жизни. Эти люди волей или неволей приобщаются к группе террористической направленности. Им необходимо быть включенными в террористическую социальную среду. Постепенно они привыкают к ней и одновременно отчуждаются от нравственной культуры общества. Эта потребность приобретает характер неосознаваемого влечения у профессиональных террористов, лиц, проводивших значительную часть времени в террористических организациях. В такой среде они находят возможность самовыражения, удовлетворения потребности в общении, потребности быть признанным как личность.

У террориста формируются представления, обуславливающие возникновение террористических идей и целей. Руководители террористических движений с отрицательной стороны показывают своим последователям определенные социальные явления и прежде всего действия других людей как несущие вред для самого террориста и значимых для него близких или ценных материальных объектов.

Такая оценка, естественно, порождает побуждения к защите личных ценностей, в ответном причинении вреда людям или материальным объектам, выступающим источником чего-то негативного. Эти побуждения, таким образом, вызывают агрессивно-защитные мотивы. Они создают или обостряют предпосылки принятия террористом противозаконных целей-способов действий, которые выражаются в поведенческих актах террористической направленности. При этом совершение подобных действий может субъективно восприниматься как морально оп-

равданное и справедливое, как не осуждаемое и даже одобряемое участниками террористической организации.

Большинство террористических преступлений совершаются не в одиночку, а в составе вооруженной группы, особенно в случае захвата воздушных и водных судов, школ, других зданий с большим скоплением людей. Мы знаем, что группа людей является фактором, влияющим на социализацию и поведение личности. Не случайно групповые террористические проявления, по сравнению с индивидуальными, имеют более высокую общественную опасность, так как в условиях группы психологически облегчается совершение действий террористического характера, усиливается решимость колеблющихся под влиянием других членов группы, повышается возможность вовлечения в террористическую деятельность новых лиц. Немаловажное значение имеет и психическое антисоциальное заражение членов террористического движения.

Исходя из этого нужно понимать, что, наряду с созданием психологического образа современного террориста, необходимо видеть и модель функционирования всей террористической группы в целом, так как более эффективная работа по профилактике групповых террористических проявлений, пресечению, выявлению роли их участников в совершении действий террористического характера во многом зависит от понимания социально-психологических механизмов функционирования всей группы.

В нашем исследовании достаточно большой процент испытуемых составляют лица чеченской национальности. Террористические группы, состоящие из них, формируются по принципу землячества и представляют собой монолитное национальное объединение. Эти организации отличаются глубокой конспирацией, жесткой дисциплиной, национальной обрядностью, приверженностью к кровному родству, дерзостью совершаемых террористических акций и способностью к самопожертвованию.

Террористические группы часто формируются на основе национального и кланового родства, принятых традиций и обычаев. Не случайно их часто называют «общинами». В преступной деятельности они существенно опираются на диаспору, проживающую в данной местности. В роли «боевиков» могут выступать не только постоянно выполняющие данную функцию террористы, но и мелкие, так сказать одноразовые, исполнители террористических идей.

Один из признаков национальной психологии – чувство солидарности и безоговорочная поддержка «своих». Но в последнее время в состав подобных организаций все чаще стали входить представители других народностей. Ими в отличие от первых движет не «раздутая духовность» как мотивация поведения, а в основном самая обыкновенная

коммерческая заинтересованность, возможность заработать таким страшным и бесчеловечным способом.

Необходимо заметить, что террористическое движение является достаточно организованным. Организационная его структура предполагает наличие разветвленных, многофункциональных, нерархически взаимосвязанных подразделений. Организованность, в свою очередь, влияет на характер террористической активности и особенности протекания в организации социально-психологических явлений.

4. Опросник «Определение интегральных форм коммуникативной агрессивности» (В. В. Бойко)¹ содержит 55 вопросов и состоит из 11 шкал: спонтанность агрессии, неспособность тормозить, неумение переключать ее на деятельность или неодушевленные объекты, анонимная агрессия, провокация агрессии у окружающих, склонность к отраженной агрессии, аутоагрессия, ритуализация агрессии, склонность заражаться агрессией толпы, удовольствие от агрессии, расплата за агрессию. Методика позволяет определить уровень проявления агрессии (низкий, невысокий, средний, повышенный), изучить все формы проявления агрессивности и потребности в ней, степень агрессивного заражения, способность к торможению и способы переключения агрессивности.

В процессе психологического исследования мы установим взаимовлияние видов агрессии от совершенных преступлений по интересующим нас статьям. Получение такой информации позволит разработать профилактические мероприятия по предупреждению примыкания людей к террористическим организациям.

5. Опросник «Определение деструктивных установок в межличностных отношениях» (В. В. Бойко)¹ состоит из 25 вопросов и содержит 5 шкал (завуалированная жестокость, открытая жестокость, обоснованный негативизм, брюзжание, негативный опыт общения).

Результаты данного опросника дополняют данные по указанным методикам и помогают выяснить наличие у осужденных террористов деструктивных установок по отношению к людям. Установление взаимовлияния межличностных отношений, индивидуальных особенностей и деструктивных установок обследуемых позволяет выявить причины формирования деструктивности поведения осужденных за террористическую деятельность.

Для личности с выраженной открытой жестокостью по отношению к другим характерно открытое, резкое, однозначное и негативное высказывание по поводу большинства окружающих. Люди с завуалирован-

¹ Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Указ. соч. С. 132.

² Там же. С. 379.

ной жестокостью к ним голословно не заявляют о своем негативном отношении, не демонстрируют в обществе свое агрессивное проявление, однако склонны думать о большинстве отрицательно, могут организовывать недемонстративные пакости по отношению к другим.

Такая деструктивная установка, как негативный личный опыт общения, показывает, в какой мере обследуемому «повезло» в жизни на ближайшее окружение и партнеров по совместной деятельности. Полученные результаты позволяют дополнить картину типичных способов поведения в межличностных отношениях обследуемых. И установить, насколько сильно испытуемый склонен к проявлению жестокости по отношению к другим людям, завалирована она у него или открыта, присутствует ли негативизм в его суждениях о других. И если таковой имеется, то каким путем появился он из его личного негативного опыта общения с окружающими.

Обратим внимание на то, что источниками мотивов в поведении участников террористической деятельности могут быть как внутренние, так и внешние факторы. Внутренние источники представляют собой потребности и притязания, личностные ценности, требующие защиты или обеспечения своего блага, жизненные планы, привычные атрибуты жизнедеятельности и т.д. Внешними источниками мотивов выступают условия жизнедеятельности или конкретные обстоятельства, в которых возникает проблемная ситуация, например, угрожающая некоторым личностным ценностям, затрагивающая интересы, т.е. требующая разрешения.

Ряд исследователей считают, что мотив поведения террориста сам по себе не предопределяет необходимость принятия именно подобного способа поведения, поскольку любое действие можно произвольно направить в социально приемлемое либо антисоциальное русло. Иными словами, можно действовать как преступно, так и в рамках закона. Однако есть социально дезадаптированные мотивы (как еще можно назвать желание взорвать автобус, наполненный детьми, или заминировать жилой дом с мирно спящими жителями?), которые реализовать социально приемлемым способом никак невозможно. Такие мотивы сами по себе предопределяют принятие противоправных способов поведения.

Задача науки состоит в том, чтобы установить, что же конкретно движет поведением террориста, выступают условиями, способствующими принятию способов действий в порождении террористического поведения. Как, в конце концов, эта «болезнь» проникает в умы так называемых «простых граждан», приобретая иногда даже некий характер моды.

Среди террористов мы выявили влечение к совершению определенного вида общественно опасных действий. В основном это можно отне-

сти к руководителям террористических организаций, так как именно они, руками других, воплощают в реальность самые нелепые идеи, связанные с уничтожением невинных жертв. Потребность в террористических действиях может представлять собой укоренившуюся привычку систематического совершения определенных видов действий либо возникнуть в результате действия иного психологического механизма. Но чаще всего, как можно полагать, к терроризму прибегают те, кто иным путем не может реализовать свои замыслы, а также совершающие насилие ради него самого. Реализация такого влечения обеспечивает состояние удовлетворенности, разрядку внутреннего напряжения.

Как уже упоминалось, с помощью методики В. В. Бойко «Определение деструктивных установок в межличностных отношениях» мы видим, насколько сильно испытуемый склонен к проявлению жестокости по отношению к другим людям. А посредством разработанной им же другой методики — «Определение интегральных форм коммуникативной агрессивности» — узнаем степень агрессивного заражения личности.

Такого рода мотивы проявляются как влечения к совершению: изтязаний определенных категорий людей, убийств, причинения мучений жертве или иного глумления над ней (чеченские боевики, полевые командиры), актов вандализма, учинения взрывов, пожаров и т.д. Специалисты относят импульсивно возникающее непреодолимое влечение к совершению определенного общественно опасного деяния к психической болезни — патологии влечений. Однако этот тип психических аномалий вряд ли можно рассматривать как полностью исключаящий вменяемость. Например, побуждаемый влечением террорист способен воздерживаться от совершения подобных действий, если ситуация явно неблагоприятна и чревата опасными для него последствиями.

Поскольку действия террориста направлены, в частности, против государства, то, пожалуй, еще одним из движущих факторов в его поведении является острое переживание отрицательного чувства по отношению к определенным государственным организациям, иным социальным субъектам и объектам, выступающим как правоохраняемые ценности. Эти переживания вызваны сложившимися острыми неприязненными отношениями к тем или иным людям, социальным группам, государственным и общественным институтам.

6. Метод расчета психодинамических коэффициентов Д. В. Сочивко (по тесту Люшера)¹ разработан за последние 10 лет на основе общения не только со свободными гражданами, но и, прежде всего, с осужденными в разных регионах России. Он показал свою эффективность для оценки «групп риска» обследуемых как среди сотрудников испра-

¹ См.: Сочивко Д. В. Психодинамика. М.: ПЕР СЭ, 2003.

вительных учреждений, так и осужденных. В сочетании с кластерным анализом метод позволил получить данные по оценке психодинамического состояния сотрудника (готовности к несению служебных обязанностей), более чем на 90 с лишним процентов подтвержденного данными кадровых аппаратов исправительных учреждений. И практически позволяет с высокой вероятностью выявлять проблемные личности, используя исключительно количественные расчетные методы. А среди осужденных метод помогает выявлять лиц с комплексом психологических проблем, мешающих бесконфликтному отбыванию наказания как их самих, так и непосредственного социального окружения.

Коротко воспроизведем способ построения психодинамических коэффициентов на примере построения коэффициента дезадаптации (КДА), который первым получен в психодинамических исследованиях осужденных. Как замечено, люди различных психологических типов показывают устойчивые различия по выбору синего, желтого и черного цветов теста Люшера. Так, одни отвергают синий и черный, а желтый, наоборот, ставят в начало ряда; другие, напротив, отвергают желтый, а синий и черный помещают в его начало.

Если обратиться к стандартной таблице интерпретаций цветовых выборов (см., например: Собчик Л. Н., 2001), то относительно первой группы испытуемых можно сказать, что эти люди будут «противиться разрядке», «собирать нервы в кулак» (синий в конце ряда), при этом «надеяться на лучшее будущее» (желтый – в начале) и бороться с ограничениями (черный – в конце). Что же касается второй группы, то эти люди скорее будут «стремиться к покою» (синий в начале ряда), разочаровываться и «терять надежду» (желтый – в конце), вплоть до отчаяния и непредсказуемых действий (черный – в начале). Подробнее об этом будет сказано далее.

Анализируя приведенные усредненные люшеровские характеристики личности по указанным трем цветам, логично рассматривать испытуемых из первой группы как хорошо адаптированных к экстремальным условиям жизнедеятельности, а из второй – как плохо адаптированных. Основываясь на этом, можно предложить коэффициент дезадаптированности человека к условиям жизни как частное от деления рангового места желтого цвета на сумму ранговых мест синего и черного цветов.

Коэффициент изменяется от 0,07 до 2,67. Высокий коэффициент дезадаптированности будет свидетельствовать о низкой адаптивности и высокой дезадаптации.

Аналогично, сравнивая люшеровские выборы испытуемых, мы получили еще ряд коэффициентов, которые позволяют существенно расширить и углубить интерпретацию психодинамических поведенческих циклов.

Остановимся на содержательной интерпретации предложенных коэффициентов.

Коэффициент конструктивности поведения представляет из себя частное от деления рангового места черного цвета на сумму ранговых мест синего и зеленого. Низкие значения коэффициента характерны для людей, переживающих насущную ситуацию как невыносимую, стремящихся уйти от реальности, отрицающих любые компромиссы и конструктивные решения, неспособных к сотрудничеству. Высокие значения характеризуют человека, склонного к мирному конструктивному разрешению проблем с помощью осторожных действий, направленного на саморазвитие, стремящегося самостоятельно принимать решения с целью упорочения своего положения.

Коэффициент волевой напряженности вычисляется как частное от деления рангового места зеленого цвета на сумму ранговых мест желтого и коричневого цветов. Низкие значения свидетельствуют о готовности человека к преодолению трудностей, стремлении к самоутверждению, признанию; для него характерна разборчивость в социальных связях. Высокие значения коэффициента характерны для людей, у которых сила воля и сопротивляемость перегружены, преобладает чувство изнуренности, неспособность принимать решения, возможность появления отчаяния.

Коэффициент избирательности (или избегания общения) рассчитывается посредством деления рангового места зеленого цвета на сумму ранговых мест серого и черного. При высоких значениях коэффициента человек ощущает безнадежность ситуации, пытается оградить себя от всевозможных проблем и отягощающего общения, не способен самостоятельно принимать решения. При низких значениях человек оказывает мощное сопротивление внешним воздействиям, хочет чувствовать себя «глубоко вовлеченным», его могут находить даже несколько надоедливым и назойливым.

Коэффициент сопротивляемости рассчитывается посредством деления рангового места зеленого цвета на сумму ранговых мест коричневого и черного. Низкие значения коэффициента говорят о стремлении к свободному развитию, целеустремленности человека — такие люди не позволяют препятствовать своим намерениям. Высокие значения «сигналят» о перегруженности проблемами, стремлении все забыть и восстановить силы в спокойной обстановке. Человек может испытывать отвращение к самому себе, отказывается от всякого сопротивления.

Коэффициент дистантности общения вычисляется как частное от деления рангового места синего цвета на сумму ранговых цветов серого и коричневого цветов. Низкие значения коэффициента свидетельствуют о готовности к общению, установлению глубоких сердечных

связей, в крайних формах человек может забывать о естественной дистанции в общении, неоправданно сокращая ее. Высокие значения коэффициента говорят о стремлении человека к уходу от общения, замкнутости, покою.

Коэффициент мечтательности вычисляется как частное от деления рангового места желтого цвета на сумму ранговых цветов зеленого и черного. Низкие оценки характеризуют человека, стремящегося действовать независимо и свободно, надеясь на изменение обстоятельств и лучшее будущее. Однако ему не хватает целеустремленности. Он больше мечтает и надеется, чем реально пытается устроить это будущее. Высокие оценки свидетельствуют о преобладающем разочаровании, чувстве безнадежности, потере престижа. Такой человек пытается при помощи жесткости и своеволия инсценировать свое превосходство, убедить окружающих в якобы присущей ему самостоятельности и независимости.

Таким образом, высокие значения соответствуют не меньшей, а большей мечтательности, упорному стремлению человека представлять себя не таким, как есть, а каким он себе мнит. При этом значения мечтательности как бы выходят за рамки внутренних переживаний и переносятся в область реального общения, что делает его крайне неконструктивным, а иногда и социально опасным.

Коэффициент чувственно-эстетического отношения к действительности вычисляется как частное от деления рангового места фиолетового цвета на сумму ранговых мест желтого и серого. Низкие оценки характерны для человека, склонного к бегству от насущных проблем в иллюзорный мир, в котором отсутствуют разочарования и все устраивается по его желанию. Он пускает в ход сильное личное обаяние, считая, что так легче достичь своих целей. Высокие оценки свойственны людям, сопротивляющимся сложившимся условиям, старающимся сформировать критическое отношение к действительности, в крайних случаях доходящее до высокомерия и подозрительности относительно искренности и надежности отношений с близкими людьми.

Коэффициент конфликтности вычисляется как частное от деления рангового места черного цвета на сумму ранговых мест фиолетового и синего. Низкие его оценки свидетельствуют о недовольстве сложившимися обстоятельствами, склонности во всем винить окружающих, к которым формируется презрительное отношение, все отрицать, надо всем глумиться, невзирая на факты. Высокие оценки говорят о стремлении избежать конфликтов, споров и разногласий, об ориентации на личное обаяние во взаимодействиях с людьми, о стремлении к покою.

Коэффициент активности, характеризующий степень жизненной позиции, способность бороться и преодолевать ограничения и препятствия, вычисляется как частное от деления рангового места красного

цвета на сумму ранговых мест черного и синего. Низкие оценки характерны для людей, способных развивать значительные усилия в борьбе с ограничениями и запретами в стремлении свободно развиваться. Их не удовлетворяет сложившаяся ситуация, выход из которой достигается посредством напряженной деятельности, направленной на достижение личного успеха или приобретение разнообразного опыта. Высокие оценки свидетельствуют об истощении жизненных сил, пассивности жизненной позиции, восприятии себя как жертвы, отказе от борьбы, о стремлении к покою в атмосфере доброжелательности и безопасности.

В настоящее время список проинтерпретированных коэффициентов существенно расширен. Автором метода предложена сводная таблица всех возможных вариантов (всего их может быть 168), а также множество новых проинтерпретированных коэффициентов (Сочинко Д. В., 2006). В данном исследовании мы также воспользовались рядом новых, ранее не публиковавшихся, психодинамических коэффициентов.

7. Методы математико-статистической обработки данных.

Для уровневого анализа данных использовался расчет средних значений и стандартного отклонения по каждому показателю, для сравнения средних значений использовался критерий Стьюдента, а для многомерного анализа — методы корреляционного, кластерного и факторного анализа.

Корреляционная матрица, которая в дальнейшем и подвергается факторизации, представляет собой таблицу коэффициентов корреляции признаков (свойств). Интерпретация единичной корреляционной связи применяется для двух наиболее важных в исследовании свойств. Чаще всего обращают внимание на величину коэффициента, что характеризует силу связи, а также на знак, указывающий направление связи. В соответствии с этим могут строиться утверждения, что большая выраженность первого свойства связана с большей (или меньшей при отрицательной связи) выраженностью второго. Далее исследователь может попытаться объяснить причину такого положения вещей из теоретических соображений. При этом никогда не следует рассматривать корреляционную связь как причинную между признаками, так как априори неизвестно, обуславливают ли они друг друга или оба обусловлены некоторой третьей причиной.

Метод корреляционных плеяд. Для реализации этого метода все множество корреляционных связей следует сначала представить графически, в виде некоторого графа. Основные моменты, на которые обращают внимание при интерпретации корреляционных плеяд, следующие.

Количество связей признака: некоторые из них могут иметь много связей, другие — мало. Признаки, имеющие много связей, рассматриваются как центральные. Из теоретических соображений им может быть

приписано большое функциональное или системообразующее значение. Признаки, имеющие мало связей, рассматриваются как периферийные.

Последовательность признаков в цепочке связей: сама отдельно взятая цепочка связей не может быть однозначно интерпретирована. Поэтому имеет смысл рассматривать последовательность удаления признаков от некоторого центра.

Обратимся к интерпретации результатов многомерного анализа. Факторная матрица представляет собой матрицу факторных нагрузок, где в каждой строке записаны нагрузки данного признака, соответствующего строке по каждому фактору. В наиболее употребительной технике факторного анализа, называемой «методом главных компонент», сами факторы между собой не коррелированы. Реже используется техника так называемого облического вращения факторов, когда сами факторы являются коррелированными.

Факторный анализ может быть применен и для классификации испытуемых. В этом случае строки и столбцы в матрице первичных данных меняются местами, процедура обработки не меняется.

Кластерный анализ позволяет разбить всю выборку испытуемых на определенное число подгрупп (чаще всего — две) схожих друг с другом представителей по заданному набору признаков (в нашем случае — тестовых показателей). Математическая программа определяет условные центры масс во всем массиве данных, к которым тяготеют подгруппы. В результате исследователь получает списки испытуемых, вошедших в различающиеся подгруппы, и наборы первичных статистик (средние значения, стандартные отклонения и др.) для каждой подгруппы (называемой кластером). Далее следует качественная интерпретация.

В заключение следует отметить, что интерпретация результатов статистического анализа позволяет исследователю выстроить то пространство интересующих его свойств, в котором и развивается реальная психодинамика личности. Ее исследование является уже задачей качественного анализа и интерпретации данных.

Опираясь на результаты математико-статистической обработки данных, можно проследить, хорошо или плохо адаптируется человек к новым для себя условиям жизнедеятельности, как переживает насущную ситуацию, способен ли к мирному и конструктивному разрешению проблем, насколько готов к преодолению трудностей, может ли самостоятельно принимать ответственные решения. Появляется возможность определить, склонен ли данный человек к сотрудничеству, стремится ли он к саморазвитию, общению с другими людьми, реально ли смотрит на вещи или склонен к иллюзиям, как смотрит на окружающих и какое место отводит себе в обществе.

Психологическое исследование личности современного российского террориста, основанное на социологическом анализе, беседах и тестовом психодиагностическом обследовании осужденных за террористические преступления, позволяет составить социальный и психологический портрет человека, склонного к таким преступлениям. Причем здесь речь идет о психологических склонностях в широком смысле, включая, конечно, морально-нравственные и духовные качества, поведенческие проявления личности, т.е. о том комплексе психологических свойств, который снижает ее естественный иммунитет к негативным воздействиям.

В целом полученные результаты могут быть использованы при разработке всего комплекса контртеррористических мер: политических, управленческих, экономических, социальных, военных, судебных, юридических и правовых, тюремно-режимных, разведывательных, духовных, нравственно-воспитательных, психологически-коммуникационных, образовательных и др.

На путь терроризма часто становятся люди со специфической личностной предрасположенностью, которая сама по себе не способна привести к каким-либо негативным последствиям, не будь воздействия микросреды. Именно этнорелигиозная среда предписывает террористу насильственные методы сокрушения «чужих». Поэтому одной из главных задач данного исследования и стало установление специфических личностных особенностей террориста, которые позволяют с гораздо большей легкостью специфической микросреде обеспечить втягивание человека в террористические группы или организации.

Перейдем теперь непосредственно к описанию и анализу полученных данных.

---

3. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕРРОРИСТОВ

3.1. Возрастные и криминологические особенности

Для рельефности составления портрета осужденных за террористические преступления, поиска закономерностей, характерных именно для данной категории преступников, был проведен сравнительный анализ со среднестатистическими характеристиками осужденных к лишению свободы¹, отбывающих наказание в исправительных учреждениях разных видов.

---

¹ Характеристика осужденных к лишению свободы: По материалам специальной переписи 1999 г. / Под ред. проф. А. С. Михлина. М., 2001.

Распределение осужденных по возрасту (%)

Категории преступников	Возраст					
	18–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60 и старше
Все осужденные	5,3	43,5	27,1	15,9	4,2	0,7
Осужденные за террористические преступления	4	32,0	43,7	15,9	0,8	0,8

Сравнительный анализ распределения всех осужденных и обследуемых нами осужденных за террористические преступления по возрасту показывает, что большинство принадлежат возрастным группам 20–49 лет (табл. 2.1, рис. 2.1). Однако среди этих осужденных выделяется возрастная группа 30–39 лет (32,0%), а из всех осужденных к лишению свободы — 20–29 лет (43,5%). Таким образом, можно говорить о том, что в терроризме чаще принимают участие люди более зрелого возраста.

В чем же причина таких различий? Как можно проинтерпретировать этот факт таким образом, чтобы в дальнейшем использовать его в контртеррористических мероприятиях?

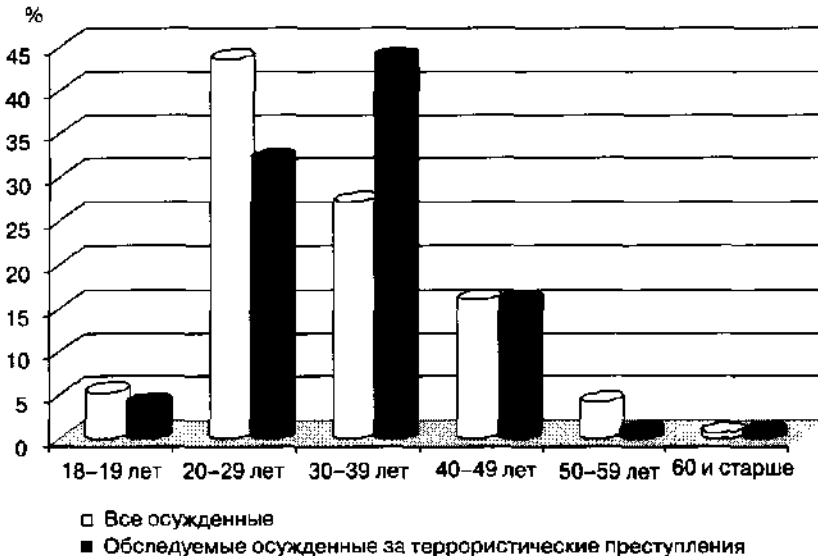

Рис. 2.1. Сравнительная гистограмма распределения по возрастным группам осужденных за террористические преступления в сопоставлении со средними показателями среди осужденных в целом (по материалам переписи последних)

Первый и, возможно, главный вывод — тот, что вовлечение в террористическую деятельность требует определенного времени. Это и понятно. Современный террорист — не просто преступник или девиантный подросток и даже не представитель какого-то «революционного сброда», как было веком раньше. Какую бы последнюю роль ни играл он в самой террористической организации — это, так или иначе, морально и психологически, а нередко и профессионально подготовленный человек. Для всего этого необходимо время, иногда немалое.

Осужденных за террористические преступления заметно больше, чем «осужденных вообще» в возрасте 30–39 лет, зато последних больше в группе 50–59-летних. «Среднестатистических» преступников больше и среди тех, кому 18–19 лет, что подтверждает высказанное нами мнение о необходимости определенного времени для подготовки человека к совершению террористических преступлений, молодого — тем более. Он как раз и должен психологически «созреть» для терроризма. Молодых террористов меньше и в группе 20–29-летних.

С практической точки зрения это означает, что если лишить организаторов террористических группировок временного резерва для их подготовки, то они лишатся большей части своего кадрового резерва. Другой вопрос, как это сделать. Ответ, очевидно, существует, и формы таких решений разнообразны. Но научный их поиск требует специального социально-политического заказа.

Из приведенных данных возрастного состава современных террористов следует и еще один вывод, непосредственно связанный с первым. То, что среди молодежи процентная составляющая осужденных за террористические преступления меньше, чем других преступников, на первый взгляд совершенно расходится с постоянно приводимыми в прессе и другой (в том числе научной) литературе фактами о молодежных группировках, осуществляющих погромы, избиения граждан на почве национальной или иной неприязни. Чем это можно объяснить? Возможно тем, что в современной юридической практике в России пока судят только за действительно организованный противогосударственный терроризм. Аналогичные преступления против граждан (чаще всего совершаемые именно молодежью) не расцениваются как террористические действия, что вызывает нашу негативную реакцию.

Однако следует заметить, что именно в среде этой полукриминальной молодежи в первую очередь подрастают будущие террористы. Таким образом, логично предположить, что формирование личности террориста проходит два возрастных этапа. На первом, молодежном, человек вовлекается в какое-либо, иногда даже вполне законное, протестное поведение, в подавляющем большинстве случаев связанное с возможностью (или реальностью) применения насилия при отстаивании оп-

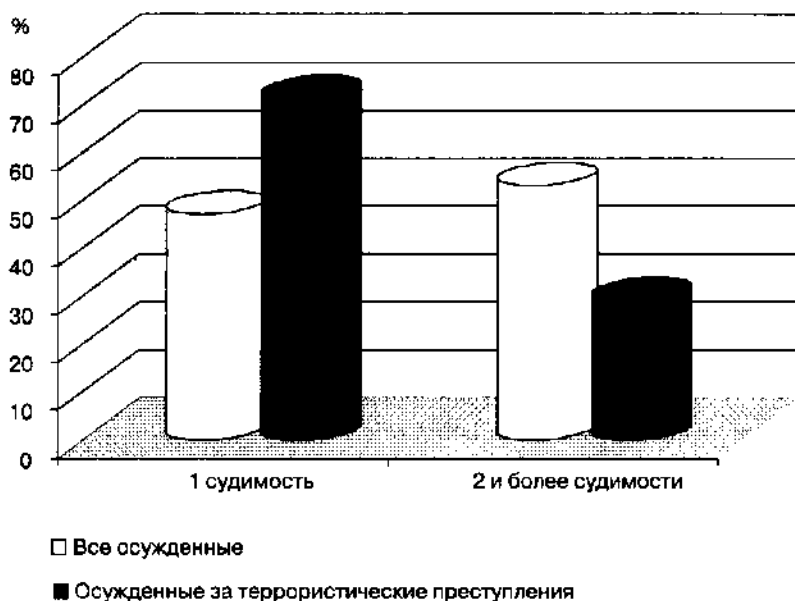
ределенных взглядов. На втором этапе уже более или менее зрелые граждане вовлекаются в террористическую деятельность, прежде всего на основе формирования той личностной установки, что у них нет и не может быть в жизни другого пути.

Косвенным подтверждением выводов, сделанных в предыдущем параграфе, может служить и следующий факт. Виновные в террористических преступлениях имеют в основном одну судимость (71%), и только 29% имеют две и более. Согласно данным специальной переписи, одну судимость имеют 47% всех осужденных к лишению свободы, две и более — 53. Итак, большинство осужденных за террористические преступления — это люди, которые впервые привлекаются к уголовной ответственности.

Террористы — это не только люди в среднем более зрелые, как показано, но и в тюрьму они попадают обычно не вновь, после ряда коротких и не очень коротких пребываний там, что характерно для обычного осужденного, а впервые. На наш взгляд, этот факт указывает на весьма существенное отличие личности террориста от обычного уголовника. Сам факт попадания в тюрьму не является для террориста «престижным», не входит в систему его ценностей.

Он не проходит свою преступную подготовку в местах лишения свободы. Его готовят исключительно на воле. В следственный изолятор он попадает сложившейся личностью, прекрасно понимая, что совершил. Отсюда и принципиальные различия в построении воспитательной работы. Если обычный уголовник готовится к тому, чтобы изменить свою жизнь в сторону правопослушного поведения, ему надо помочь вырваться из криминальной среды и адаптироваться в новой для него жизни на воле. Если и того и другого добиваться по-настоящему, то исправление практически гарантировано. Однако, на наш взгляд, это совершенно неприменимо к террористу. Выходя на волю, он попадает как раз в ту среду, где и сложился как террорист, поэтому ему адаптироваться не надо.

Если «обычного» осужденного свобода влечет как возможность «пожить по-людски» (в худшем случае хотя бы сколько-то), то для этнорелигиозного террориста освобождение означает возможность продолжить начатую борьбу, в том числе террористическими методами. «Обычный» преступник совершает преступление в силу дезадаптации в обществе. Террорист совершает преступление в силу, скорее, гипер-адаптации (хотя и перевернутой, преступной), тоже в обществе. Маниакальная приверженность идеям торжества своей нации и (или) религии в немалой степени напоминает то, что стимулирует преступное поведение сексуальных маньяков. Не случайно один из террористов, осужденных к пожизненному лишению свободы и вошедших в выборку обследованных нами, называл себя учеником Чикатило, коротая время в размышлениях о совершенствовании подобного образа жизни.

Рис. 2.2. Процентное соотношение осужденных за террористические преступления, имеющих 1 судимость, 2 и более, в сравнении с общей выборкой осужденных по России

Однако при сходстве личностных стимуляций имеются существенные различия в характере самого преступления. В отличие от сексуально-маниакального поведения террористическая деятельность предполагает групповой характер, хотя это, конечно, в большинстве случаев тщательно скрывается преступниками.

Известно, что преступление, совершаемое группой лиц (в соучастии), представляет большую общественную опасность, особенно такие виды, как террористические. Сравнительный анализ совершения преступления в соучастии всех осужденных к лишению свободы с данными, полученными нами по выборке осужденных за террористические, позволяет определить специфику совершения преступлений участниками террористической деятельности (табл. 2.2 и рис. 2.3). Еще раз подчеркнем, что чаще всего осужденные скрывают факт соучастия, особенно это касается роли организатора.

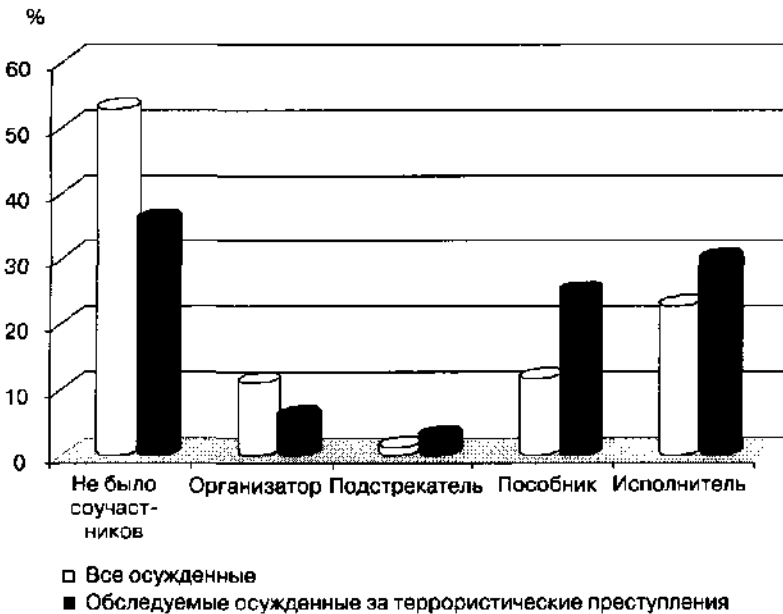
Со слов обследуемых участников террористических преступлений, 36% из них совершили преступление без соучастия; 3 — являлись подстрекателями; 6 — организаторами; 25 — пособниками; 30 — исполнителями. Однако при подробном изучении их личных дел мы установили, что 90% являются исполнителями террористических действий. Многие,

**Распределение форм соучастия среди всех осужденных
в сравнении с данными по выборке осужденных за террористические
преступления в России (%)**

Учетные категории	Не было соучастников	Организатор	Подстрекатель	Пособник	Исполнитель
Все осужденные	52,9	11,1	1,3	11,8	22,9
Осужденные за террористические преступления	36	6	3	25	30

по их словам, совершали преступления под угрозой применения силы или влияния лидеров незаконных вооруженных формирований.

Материалы переписи¹ осужденных показывают, что 52,9% не имели соучастников, 47,1 – нарушали уголовный закон в группе, 11,1 – выступали организаторами преступления, 1,3 – подстрекателями, 11,8 – пособниками, 22,9% – исполнителями.

Рис. 2.3. Распределение форм соучастия среди всех осужденных
в сравнении с данными по выборке осужденных
за террористические преступления

¹ Характеристика осужденных к лишению свободы: По материалам специальной переписи 1999 г. С. 47.

Важным представляется тот факт, что среди осужденных за террористические преступления больше пособников, исполнителей и меньше организаторов, а также то, что они чаще совершают преступления в соучастии. В целом это свидетельствует не только о том, что без помощи других трудно, а подчас и невозможно совершить террористическое преступление, но и о том, что многие из них получали реальную помощь со стороны соотечественников и единомышленников. В частности, это вытекает из факта, что среди террористов было много сообщников. Обращает на себя внимание и то, что на практике часто очень трудно разграничить роль организатора и подстрекателя, тем более что нередко организатор является одновременно и подстрекателем, так как вызывает решимость других участников совершить преступление.

Таким образом, можно предположить, что 9% осужденных за террористические преступления выступают «ведущими», а среди всех осужденных к лишению свободы — 12,4%. Следовательно, среди всех осужденных «организаторы» преступлений составляют больший процент. Большинство же «служат» исполнителями. Отличительным моментом террористических преступлений является то, что они совершаются чаще группой лиц.

Необходимо отметить, что многие террористы получили наказание за совершение преступлений, предусмотренных по трем и более статьям Уголовного кодекса РФ, вплоть до пятнадцати статей (это в основном осужденные к пожизненному лишению свободы). Содержание преступлений обследуемых варьирует от простого участия в незаконном вооруженном формировании (не доказано участие в убийствах, захвате заложников, просто числился в банде, носил оружие и т.д.) до участия в массовых казнях военнослужащих. По статье 208 УК РФ осуждено 27% из числа обследованных нами, ст. 209 — 23, ст. 205 — 10, ст. 126 — 7, ст. 206 — 1; по ст. 222 — 32% обследованных осуждены по совокупности названных преступлений.

В приведенных данных обращает на себя внимание также тот факт, что даже при устном опросе многие осужденные террористы сами признают себя пособниками и исполнителями. Это еще раз подчеркивает различия системы ценностей террориста и «обычного» уголовника, на языке которого исполнитель (тем более пособник) — это нечто вроде «шестерки».

Таким образом, в большинстве случаев осужденные за терроризм не только по идейным соображениям не хотят, но и фактически не могут стремиться в колонии к высокому авторитету. О таких преступниках администрация обычно говорит, что они держатся особняком. Эта их социально-психологическая позиция определяется не только тем, что они были пособниками, что в среде осужденных ценится невысоко. Глав-

ное, как представляется, во-первых, в том, что терроризм порицается подавляющим большинством населения России; а во-вторых, негативное отношение к таким людям может определяться и их этнорелигиозной принадлежностью.

3.2. Этнорелигиозные характеристики и социальные статусы

По национальной принадлежности обследованные нами осужденные за террористические преступления составляют: русские — 48%, чеченцы — 44%, 1% — башкиры, 1% — мордвины, 1% — аварцы, 1% — кабардинцы, 4% — кумыки. Учитывая весьма малую представленность других национальностей, кроме чеченской и русской, эти данные имеет смысл отобразить в следующем виде (табл. 2.3).

Таблица 2.3

Представленность различных национальностей в выборке осужденных за террористические преступления

Национальность	Чеченец	Русский	Другие
%	44	48	8

Обращает на себя внимание весьма существенная представленность среди осужденных террористов лиц чеченской и других национальностей по сравнению с русскими. К тому же надо учесть, что многие чеченцы по паспорту являются русскими («наоборот» практически не бывает). Поэтому можно считать, что нерусских среди осужденных за терроризм намного больше, чем русских. Тогда получается, что на душу населения в Чечне террористов-чеченцев примерно в 85 раз больше, чем террористов-русских в России (в России русских 115 млн 889 тыс., чеченцев — 1 млн 360 тыс.).

Лица чеченской национальности, принимавшие участие в террористических акциях, чаще совершают преступления, связанные с организацией незаконного вооруженного формирования или участием в нем (ст. 208 УК РФ), чем лица других национальностей, привлекаются к уголовной ответственности за незаконное приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку и ношение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывчатых устройств (ст. 222 УК РФ). Лица русской национальности, осужденные за участие в террористической деятельности, чаще совершают преступления по ст. 209 УК РФ (бандитизм).

Проанализируем постатейный состав преступлений, совершаемых террористами. Данные по всей выборке представлены в табл. 2.4. Напомним, что большинство преступников осуждено сразу по нескольким статьям, поэтому цифры в таблице отличаются от приведенных ранее.

**Соотношение числа осужденных по разным статьям
представителей разных национальностей (%)**

Статья УК РФ	Национальность						Всего
	чеченец	русский	кумык	аварец	морд- вин	кабар- динец	
205	7	1	2	0	0	0	10
206	1	0	0	0	0	0	1
208	17	2	4	4	0	0	27
209	7	13	0	2	0	1	23
126	4	2	0	0	1	0	7
222	15	10	4	2	0	1	32
Всего	51	28	10	8	1	2	

Постатейный анализ преступлений, совершенных русскими и чеченскими осужденными за террористические преступления, позволит нам оценить степень тяжести преступлений, совершаемых террористами разных национальностей (табл. 2.5).

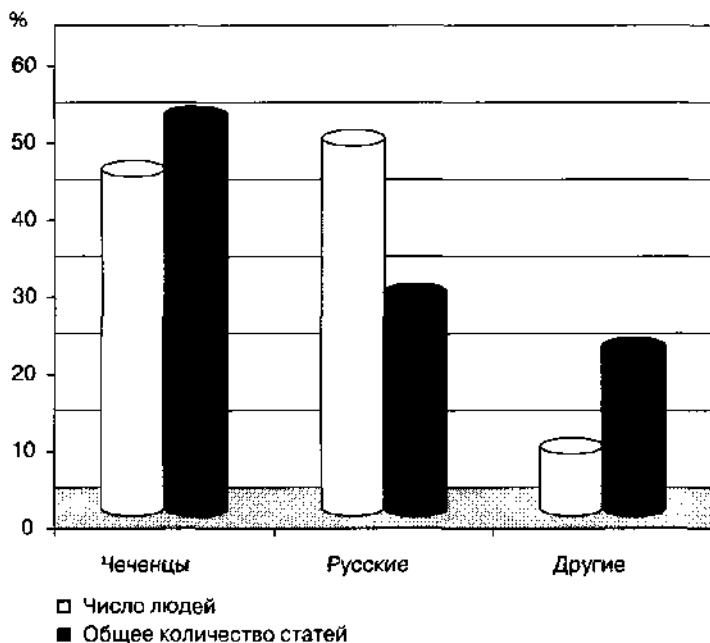
Таблица 2.5

**Соотношение числа осужденных русских и чеченцев
в сравнении с другими национальностями (%)**

Статья УК РФ	Национальность		
	чеченец	русский	другие
205	7	1	2
206	1	0	0
208	17	2	8
209	7	13	3
126	4	2	1
222	15	10	7
Всего	51	28	21

Из таблицы видно, что постатейный состав преступлений чеченских террористов гораздо шире, чем у русских. Интересным также представляется сопоставление этих данных с широтой постатейного состава у других национальностей, процент представленности которых весьма мал. Для того чтобы проиллюстрировать дальнейшие рассуждения, предлагаем обратиться к рисунку, на котором совместно отображены две гистограммы — национальной принадлежности и постатейной оценки преступления (рис. 2.4).

Рис. 2.4. Соотношение числа представителей разных национальностей и количества нарушенных ими статей УК (%)

Из рисунка видно, что если абсолютная численность чеченских террористов в обследуемой группе несколько меньше русских, то, наоборот, количество нарушенных ими статей Уголовного кодекса почти в два раза превышает нарушенные русскими. Обращает на себя внимание и тот факт, что другие национальности (подробнее см. ранее) при малой представленности в выборке по количеству нарушенных статей приближаются к русским, которых больше всего. На этом фоне русская составляющая терроризма выглядит не столь значительной. Однако сам факт проникновения террористической идеологии в русское национальное самосознание представляется весьма опасным.

Начиная разговор о религиозности участников террористической деятельности, следует в первую очередь ясно обозначить цели и причины, по которым мы привлекаем эту черту личности, ее духовную сферу, для составления социального и психологического портрета террориста. Вопрос этот — не праздный для данного исследования уже в силу причин, изложенных в первой главе нашей работы, ее названия.

Отметим также, что религиозность совсем недавно в отечественной гуманитарной науке стала рассматриваться как одна из важных характеристик личности (да и то далеко не всеми учеными). Этнорелигиоз-

ный терроризм как относительно новое общественное явление в своей онтологической сущности вобрал в себя все наиболее острые межрелигиозные и межконфессиональные противоречия. В этой связи отметим некоторые парадоксы.

Во-первых, любая религия запрещает насилие. Но террористы, считая себя наиболее религиозной частью общества, совершают и наиболее тяжкие преступления, к тому же, как правило, с применением оружия.

Во-вторых, религия запрещает злоупотребление одурманивающими веществами (ислам категорически запрещает и алкоголь). Между тем террористы широко используют все это в своей жизни и деятельности (включая торговлю ими). По нашим данным, 92% участников террористической деятельности не признают себя наркоманами. Однако, согласно содержанию уголовных дел, более 20% употребляли наркотические препараты либо до совершения преступления, либо после него. Очень часто при обнаружении террористов (живых или мертвых) при них находят наркотики.

Возможно, этот список можно продолжить, но для нас он является достаточным, так как включает в себя отношение ко многим основным ценностям, исключительно важным для цивилизации. В то же время эти парадоксы дают возможность предположить, что основной чертой психологического портрета террориста является крайняя противоречивость его личности. Именно доказательству этого предположения и будет посвящено дальнейшее изложение, основанное на анализе экспериментальных психологических фактов. В основе же этой противоречивости лежит именно амбивалентное отношение террориста к религии, богу и самому себе. Это и служит главной причиной включения такой черты, как религиозное самоопределение, в психологический портрет личности террориста. Практическая же цель, которую мы преследуем этим анализом, двоякая.

Первая: экспериментально показать (хотя бы косвенно), что религиозность, лежащая в основе терроризма, не является той, которая считается общепринятой. Это, скорее, религия воссоединения не с богом, а с собственными глубокими личностными противоречиями, стремление понять и решить их. Наконец, это конформное поведение, подчиненное сообществу, но замаскированное религией, что и есть понимание религии, принятое в данном сообществе.

Вторая: на основе анализа личности, с учетом религиозности террориста показать возможность его исправления. Путем приобщения к истинным религиозным ценностям в общении с опытными священнослужителями, окормляющими исправительное учреждение, или иным путем вступающими в контакт с теми, кто намеревается встать на путь

терроризма или отбыл (отбывает) наказание за террористическое преступление.

Перейдем теперь к анализу количественных данных, характеризующих религиозное самоопределение террористов. По результатам специальной переписи 1999 г., подавляющее большинство осужденных (63,2%) относят себя к неверующим; 30,5 — считают себя православными; 3,3 — мусульманами; 3 — исповедуют иную религию (католики, протестанты, баптисты, буддисты и т.д.).

Анализ религиозной принадлежности обследуемых осужденных дает следующую картину: 10% являются неверующими; 41 — православными; 40 — мусульманами; 2 — буддистами; 2 — иудаистами; 5% исповедуют другую религию. Обращает на себя внимание тот факт, что число участников террористической деятельности, исповедующих ислам, составляют, хотя и незначительно, большую часть обследуемых, особенно если учесть, что их группу составили 48% лиц русской национальности, а 44 — чеченской (рис. 2.5).

Приведенные на рисунке данные иллюстрируют дополнительную причину, по которой мы включили религиозность в социально-психологический портрет террориста. Только 10% осужденных за терроризм считают себя неверующими по сравнению с 63,2% всех других осужденных.

Рис. 2.5. Процентное соотношение различных форм религиозности по выборке осужденных за террористические преступления в сравнении со средними данными по всем осужденным

Объективности ради следует отметить: при изучении личных дел осужденных за терроризм, участвовавших в нашем обследовании, установлено, что 26% задержанных за участие в террористической деятельности первоначально давали показания, будто преступления совершались ими на религиозной почве. Однако на суде они заявляли, что либо не участвовали в террористических преступлениях, либо следствием было установлено получение ими денег за свою «работу» (другими словами, выявлен корыстный мотив совершения преступления). 9,5% всей обследуемой нами выборки имели социально-политические (идеологизированные) мотивы совершения преступления. Это не меняет общей картины религиозного самоопределения и его влияния на поведение террориста, но лишний раз указывает на то, что мотивами совершения данного вида преступлений могут выступать как религиозные, так и политические, материальные и др. В каждом конкретном случае, очевидно, работает совокупность всех возможных мотивов, с разной степенью влияния на поведение.

Образовательный уровень является существенной характеристикой личности осужденного за террористические преступления. Анализируя этот показатель (рис. 2.6), можно отметить, что среди интересующих нас лиц начальное образование имеют 4%, неполное среднее – 19, полное среднее – 48, среднее специальное – 25, высшее – 4%.

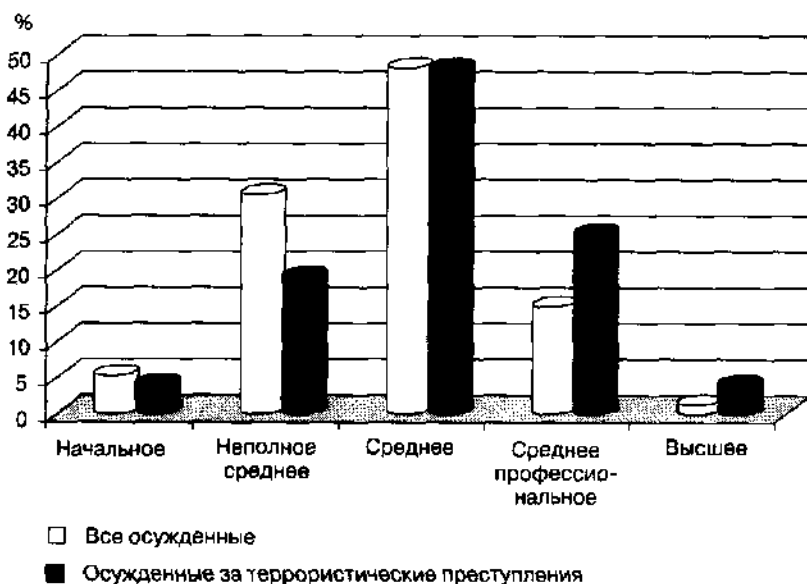

Рис. 2.6. Распределение осужденных по уровню образования

Сравнительный анализ уровня образования всех осужденных к лишению свободы и осужденных за террористические преступления показывает, что последние имеют более высокую образовательную подготовку. Поэтому выдвигаемые иногда предположения о вступлении в террористические организации по причине малограмотности представляются сомнительными.

Особое внимание обращает на себя тот факт, что основное превышение «образованности» осужденных за терроризм идет за счет не среднего образования — здесь процентные показатели одинаковы, а среднего профессионального и высшего. Это дополняет ранее представленную картину не только тем, что в террористическую деятельность вовлекаются более зрелые люди, но еще и тем, что гораздо чаще это — специалисты в какой-то области. На наш взгляд, такие черты социально-психологического портрета современного террориста в России вряд ли случайны. За этим можно проследить некоторые детали политической стратегии скрытых лидеров терроризма в нашей стране.

Учитывая уровень образования обследуемых и то, что они прошли судебно-психиатрическое освидетельствование (согласно данным личных дел), мы можем утверждать, что большинство участников террористической деятельности могли отдавать отчет своим действиям и предвидеть их последствия. Иначе говоря, отнести их к группе патологических (имеющих какие-либо болезненные психические отклонения) террористов нельзя.

Перейдем к анализу социального положения осужденных за терроризм. В основном это люди из:

- рабочих (31%);
- предпринимателей (20%);
- работников сельского хозяйства (8%);
- числа лиц без определенных занятий (25%);
- служащих (2,6%);
- сотрудников прокуратуры, ОВД, ФСБ (2,6%);
- учащихся ПТУ (1,4%);
- иных групп (9,4%).

Согласно личным делам осужденных за террористические преступления на момент их совершения большинство (76%) нигде не работали, хотя многие имели профессию. Если сравнивать с данными по всем осужденным к лишению свободы, то среди них только 56,3% до ареста нигде не работали.

Обращает на себя внимание и то, что большинство осужденных за терроризм, имея среднее полное образование и специальность, на момент совершения преступления также не работали. Думается, что причин такого отношения к труду было несколько:

- временные трудности с устройством на работу, отсутствие рабочих мест, что делает человека готовым к принятию выгодных и не очень сложных (сначала) предложений террористических группировок;
- симптомокомплекс личностных свойств, не позволяющих человеку регулярно трудиться (нигде долго не может продержаться);
- личностные (семейные и др.) потрясения, дистресс;
- уже существующая связь с террористической организацией, выполнение ее нерегулярных заданий.

Последняя причина кажется нам наиболее существенной на фоне ранее продемонстрированного «возрастного сдвига» осужденных террористов. Мы говорили тогда, что вовлечение в террористическую деятельность (и подготовка к ней) требует времени. С этим согласуется также то, что, по нашим данным, у этой категории людей не наблюдается тенденции к повышению образования и профессионального уровня. Они считают, что их жизненный опыт, имеющиеся знания, умения и навыки достаточны для обеспечения жизни и осуществления планов на будущее. Возможность саморазвития и личностного роста их не интересует. Это еще раз подтверждает высказанную ранее мысль о том, что осужденный террорист не стремится что-то менять в себе с целью последующей лучшей реадaptации после освобождения. Он знает, куда вернется и что будет делать.

Большинство обследованных осужденных за терроризм трудоспособны (62%), 31% — ограниченно трудоспособны, 7% — инвалиды. В исправительных учреждениях 85% осужденных за данные виды преступлений не работают. Часто отказываются в категорической форме принимать участие в работе по благоустройству помещений учреждения, за что имеют большинство взысканий.

Согласно ст. 111 УИК РФ участие осужденных в работе самостоятельных организаций поощряется и учитывается при определении степени их исправления. По нашим данным, среди всех осужденных к лишению свободы 60% в работе самостоятельных организаций не участвуют и ранее не участвовали, 16,7 — принимали активное участие, 19,3 — участвовали, но активности не проявляли. Обследованные осужденные за террористические преступления в самостоятельных организациях также не участвуют и не участвовали ранее, т.е. являются дезадаптированными к данной социальной среде. Кроме того, почти все они характеризуются администрацией ИУ отрицательно. 25% из обследуемых склонны к побегу, захвату заложников, самоубийству.

Поскольку большинство осужденных за террористическую деятельность отказываются работать на производстве ИУ, участвовать в самостоятельных организациях, благоустройстве учреждения, можно сделать следующие выводы. Данная категория людей предпочитает праздно

проводить время, не заниматься самосовершенствованием и овладевать новыми знаниями, но не стремится изыскивать такие возможности проведения досуга, которые очень часто связаны с нарушениями режима отбывания наказания. Иными словами, они не принимают актуальный этнорелигиозный мир.

Со слов обследованных осужденных они имеют в основном следующие сформированные убеждения (%):

- религиозные (40);
- общеморальные (28);
- правовые (15);
- общественно-политические (12);
- научные (5).

А в жизни в основном ориентируются на:

- житейские взгляды (87);
- эстетические (15);
- политические (15);
- научные (7).

Каково содержание этих убеждений и взглядов — у нас нет возможности судить.

В общем и целом можно сказать, что осужденные террористы активно уклоняются от общественно полезного труда, участия в самодеятельных организациях, общественной жизни колонии. Причем именно это является основной базой нарушений режима. Характерно, что делается это не с целью обрести более высокий тюремный авторитет. Во всяком случае, нет никаких данных о том, что авторитет осужденных террористов поднимается в среднем хотя бы немного выше по тюремным понятиям. Скорее наоборот, здесь вновь подсознательно срабатывает личностная установка «против всех». Именно подсознательно, потому что на зоне с такой установкой не выжить: тюремные понятия этого не разрешают.

---

4. ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ ТЕРРОРИСТА

4.1. Общие характеристики и профили личностных расстройств

В этом разделе мы попытались обобщить выявленные в изложенных уже экспериментальных данных типологические особенности личности террориста с целью определения некоторых базовых, наиболее значимых, на наш взгляд, отличий (комплексов свойств) этой личности. Такие базовые черты должны одновременно выступить и направлениями нашего дальнейшего конкретного психологического анализа результатов психодиагностического тестирования лиц, осужденных за террористические преступления.

Первое, на что следует указать, это — крайняя внутренняя противоречивость личности террориста, которая проявляется буквально во всем. Это человек, который внутренне никогда не находится в мире с собой и окружением. Если он гордится своей национальностью, то одновременно может находиться в войне с собственным народом. Пытаясь объяснить свое поведение религиозной догматикой, он самым грубым и греховным образом нарушает самые ее основы. Если он считает себя борцом за социальную справедливость, то одновременно позиционирует себя против общества. Все это могло бы показаться достаточно банальным, но в контексте этой работы смысл данных утверждений в том, что нам удалось экспериментально продемонстрировать, как эта противоречивость определяет весь социально-психологический облик террориста.

Уже не таким тривиальным является факт, что он в среднем лучше образован, чем обычный преступник, но при этом категорически не хочет повышать уровень своего образования. Точно так же, имея специальность и возможность трудиться, категорически отказывается это делать. Причем, в отличие от так называемых «блатных» осужденных, террорист делает это не «по понятиям», а из внутриличностных побуждений. В своей массе осужденным за террористическую деятельность блатной авторитет на зоне не доступен.

Таким образом, отказываясь (имея возможности и способности) от труда, общественной жизни, участия в самостоятельных организациях, продолжения обучения, осужденный террорист максимально усложняет себе отбывание наказания, так как отвергает все возможности занять время. Нам могли бы возразить, что блатной авторитет делает то же самое, но чувствует себя в колонии как рыба в воде. В том-то и дело, что террорист даже относительно окружающих осужденных держит (вынужден держать) максимальную дистанцию. И в этом вновь проявляется внутренняя его противоречивость.

Получается интересная вещь. Нам нигде, никогда не приходилось слышать о каких бы то ни было гласных или негласных запретах на включение террориста, в случае попадания в тюрьму, в те или иные формы общения и деятельности внутри колонии. Тем более нет религиозных или моральных запретов. Однако это является наиболее характерной чертой осужденного, а возможно, и не только осужденного террориста. Когда человек не знает о запретах, но строго их придерживается, такая форма управления поведением иногда называется зомбированием. Мы не настаиваем на этом, слишком сильном, термине, а потому следующую существенную черту личности террориста назовем более развернуто. Это внутренний запрет на социально ожидаемые формы общения и деятельности, который представляет как бы обратную сторону внутренней противоречивости личности.

Гипотеза нашего дальнейшего исследования и будет состоять в том, что существует сложный личностный структурный механизм сохранения этих двух составляющих. Мы экспериментально покажем, что личность террориста, по крайней мере по комплексу оцененных и измененных ее свойств, устроена так, что вся ее психодинамика основана на поддержании внутренней противоречивости и психосоциальной изолированности. Исходя из сказанного, необходимо подчеркнуть также следующее.

Третья обобщенная черта личности террориста — его, если можно так выразиться, «принципиальная десоциализированность». Если обычный преступник десоциализирован в обществе, то тюрьма ему — «дом родной» или даже что-то вроде «университета» преступной жизни. Террорист десоциализирован везде. Как мы уже показали, он не проходит свою преступную подготовку в следственном изоляторе, тюрьме или колонии — его готовят на воле. В места лишения свободы он попадает сложившейся личностью, прекрасно понимая, что совершил. Выходя на свободу, он обычно попадает в ту среду, где и сложился как личность. Если обычного осужденного воля влечет как возможность другой жизни (хотя бы на какое-то время), то террориста — продолжить прежнюю, органическими частями которой могут вновь стать террористические действия. Одна десоциализация сменяется другой.

Следует, однако, оговориться. Мы не утверждаем, что три указанных комплекса личностных черт не могут быть присущи другим осужденным. Могут. Но, во-первых, это для них нетипично. Во-вторых, эти черты могут встречаться по отдельности. Террористов отличает, по нашему мнению, высокая вероятность сочетания всех трех перечисленных особенностей. Для них это — характерный комплекс черт, отличающий их в качестве особого психологического типа.

Из всего сказанного вытекает также и следующая наша частная гипотеза. Воспитательная работа с осужденными террористами должна носить принципиально иной характер с учетом уже приведенных и приводимых далее сведений. Здесь же дадим описание основных отличительных черт личности террористов, обследованных нами в местах лишения свободы.

— В среднем это люди более зрелого возраста (20–39 лет).

— Большинство из них имеют полное среднее и среднее профессиональное образование.

— Соотношение представителей наций Северного Кавказа и русских, украинцев и других славянских наций среди осужденных за террористические преступления примерно одинаковое, с преобладанием все-таки чеченцев. Получается, что на душу населения в Чечне террористов больше, чем в России (без народов Северного Кавказа), в 85 раз.

— На момент совершения преступления осужденные затем террористы в основном не работали.

— Осужденные за террористические преступления являются преимущественно трудоспособными, но и на производстве исправительного учреждения (ИУ) не работают.

— В самодеятельных организациях ИУ они участия также не принимают.

— Только 10% осужденных за террористические преступления считают себя неверующими по сравнению с 63,2% всех других осужденных, большинство из которых по религиозным убеждениям относят себя к мусульманам и православным.

— Осужденные за террористические преступления наркоманами себя не считают, однако на многих имеются оперативные данные об употреблении наркотиков.

— Они имеют в основном одну судимость (71%), и только 29 — две и более судимости. Согласно данным специальной переписи осужденных 1999 г., одну судимость имеют 47% всех осужденных к лишению свободы, 53 — две и более.

— Абсолютное число чеченцев в обследуемой группе незначительно меньше русских и представителей других славянских национальностей, при этом количество нарушенных ими статей Уголовного кодекса почти в два раза превышает статьи, нарушенные русскими и иными «славянами».

— Находящиеся в местах лишения свободы осужденные за террористические преступления представлены в основном исполнителями и пособниками, в гораздо меньшей степени — организаторами и подстрекателями совершенных преступлений.

— Преступления террористической направленности гораздо чаще совершаются в соучастии.

— Осужденные за террористическую деятельность при совершении преступления чаще (32% случаев), чем остальные осужденные, применяли оружие.

При построении типологического портрета личности террориста мы преследуем две основные цели:

— насыщение каждой из описанных черт комплексами отдельных психологических свойств личности, детальное описание их проявлений в личности и поведении террориста;

— построение ряда типологий личности террориста по каждому из приведенных комплексов психологических свойств.

Использование опросника «Диагностика личностных расстройств с помощью многофакторного опросника ММРІ» («Мини-мульти») не означает, что речь идет об исследовании каких-то психических заболе-

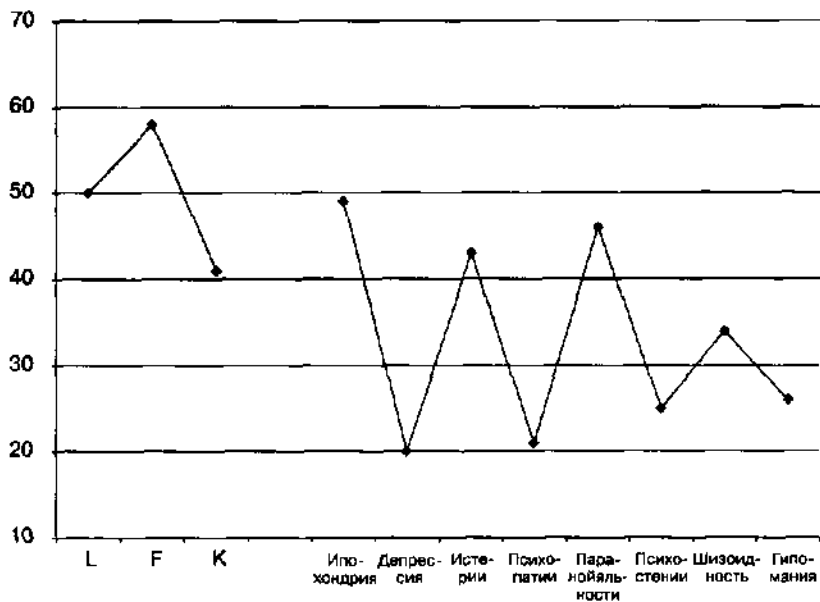
ваний. Действительно, слишком высокие или низкие оценки по тем или иным шкалам могут сигнализировать о возможности развития или обострения психического заболевания, но не более того. В нашем исследовании о таких случаях речь не пойдет. Гораздо чаще (особенно в массовых обследованиях) этот опросник используется для определения общих тенденций личностного развития и функционирования в тех или иных социумах. Само понятие «расстройство» в данном случае следует понимать как некоторый дефицит личностных свойств, так или иначе деформирующий поведение людей обследуемой категории (в нашем случае — террористов) в пределах нормы.

Однако построение «среднего» профиля по данной методике (тем более в сокращенном варианте: «Мини-мульти») крайне редко сразу наталкивает исследователя на интересующие его факты. Так и мы установили, что в целом обследуемым несвойственно наличие тревоги, робости, застенчивости, боязливости, нерешительности, высокой морали; они способны сохранять равновесие в социальных конфликтах, спокойно переносят смену обстановки, не агрессивны, настроение у них устойчивое. Из этого можно сделать единственный вывод, что в целом террористы выглядят как обычные люди; у них нет резко выделяющихся отличительных черт (как, например, у психически больных). И это осложняет антитеррористические мероприятия. Но таков единственный вывод, который можно сделать, прежде чем перейти к анализу индивидуальных профилей.

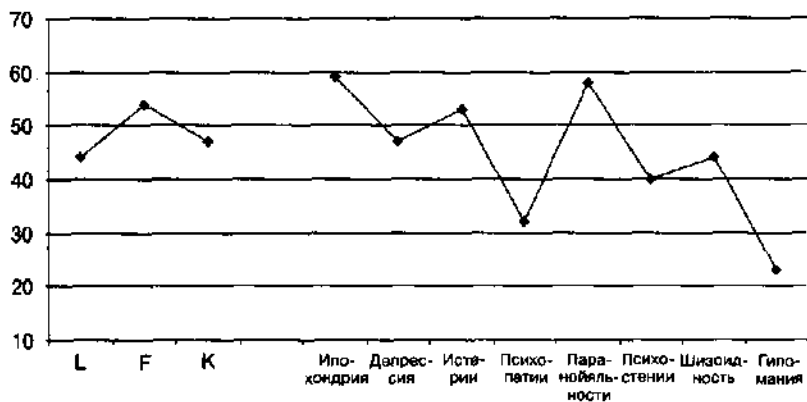
Анализ индивидуальных профилей личностных расстройств по всей обследованной выборке осужденных за террористические преступления позволил выделить две различные группы, внутри которых испытуемые имеют схожие профили. Для определения «схожести» мы пользовались так называемой трехпиковой интерпретацией. Предполагается, что испытуемые имеют схожие профили, если у них на графике, отражающем личностный профиль, имеются пики (наиболее высокие значения) по одним и тем же шкалам. Так, профили испытуемых, представленные на рис. 2.7 и 2.8, являются схожими. Такого типа профилей по всей группе испытуемых было выявлено 75%. Профиль, изображенный на рис. 2.9, отличается и представляется достаточно типичным, он наблюдается у 12% испытуемых. Остальные обследованные имеют разнообразные профили, не укладывающиеся в данную классификацию.

Обратимся к содержательному анализу типичного профиля первой группы испытуемых, осужденных за преступления террористического характера (75%), используя описания, представленные в тестовых ключах.

Испытуемые данного типа характеризуются как дисгармоничные личности, находящиеся в состоянии дискомфорта, что отражает их эмо-

Рис. 2.7. Профиль осужденного К. по опроснику «Диагностика личностных расстройств с помощью многофакторного опросника MMPI» («Мини-мульт»)

Рис. 2.8. Профиль осужденного Д. по опроснику «Диагностика личностных расстройств с помощью многофакторного опросника MMPI» («Мини-мульт»)

циональную неустойчивость (перепады настроения, раздражительность и т.д.). Этот экспериментальный факт хорошо согласуется с выдвинутым нами ранее гипотетическим предположением внутренней противоречивости личности террориста. Причем этот факт касается 75% обследованных.

Далее: для людей с таким типом профиля характерны следующие индивидуально-психологические особенности: устойчивость интересов; упорство в отстаивании собственного мнения; активность позиции, усиливающейся при противодействии внешних сил; практичность; трезвость взглядов на жизнь; стремление опираться на собственный опыт; вытеснение психологического конфликта и тревоги; отрицание каких-либо проблем, кроме жалоб на плохое самочувствие; стремление соответствовать нормативным критериям как в социальном окружении, так и в сфере физиологических функций своего организма.

Эти данные уже позволяют строить содержательные предположения о том, каков психологический механизм личностного управления поведением террориста. Конфликт и тревога подавляются, за счет чего высвобождаются те перечисленные качества, которые необходимы ему для организации террористической деятельности и выживания во враждебном для него мире. Напрашивается простой вывод: необходимо психологически вмешаться в механизм подавления и отрицания (достаточно хорошо изученный) и можно будет изменить личность и поведение террориста. Скорее всего, так это и есть. Но чтобы научиться это делать, необходимо сначала подробно изучить, как работает этот механизм в его личности. Этим мы займемся позже. А теперь перейдем к анализу проблемной сферы личности с описанным профилем расстройств.

Основными проблемами личности данного типа являются: подавление спонтанности (т.е. непринужденности, непосредственности реакции), сдерживание активной самореализации, контроль над агрессивностью, гиперсоциальная направленность интересов, ориентация на правила, инструкции, инертность в принятии решений, избегание серьезной ответственности из страха не справиться. Стиль мышления у этой категории является инертным, несколько догматическим, с опорой на существующие общепринятые точки зрения, лишенный свободы, независимости и раскованности. Как представляется, описанная проблемная сфера хорошо согласуется с выдвинутой нами гипотезой о принципиальной десоциализации террориста, центром которой, возможно, является как раз гиперсоциальная направленность интересов.

Для них характерны медлительность, пассивность; они склонны принимать все на веру, покорны власти, легко теряют равновесие в социальных

конфликтах, склонны использовать симптомы психосоматического заболевания как средство избегания ответственности. Отличительной особенностью таких людей является стремление казаться больше, значительнее, чем на самом деле; желание во что бы то ни стало привлечь к себе внимание. Чувства таких личностей поверхностны, интересы не глубоки. Кроме того, они склонны к формированию «сверхценных» идей, агрессивны и злопамятны. Если мнение других не совпадает с их точкой зрения, они воспринимают таких людей как врагов или начинают считать глупцами. Отличаются тенденцией навязывать свои взгляды окружающим.

Этот раздел (особенно выделенный фрагмент) подтверждает, на наш взгляд, третье (по тексту — второе: см. ранее) гипотетическое предположение о наиболее существенных составляющих социально-психологического портрета личности террориста. Мы назвали ее «психосоциальная изолированность». Следующий фрагмент раскрывает психологический механизм превращения этой черты в поведение.

Межличностные отношения этнорелигиозных террористических преступников характеризуются требовательностью к себе и другим, стремлением к соперничеству, отстаиванию престижной роли в группе. В эмоциональном плане они очень осторожны, осмотрительны. Наблюдается своеобразное сочетание сдержанности и раздражительности. Лицам этого круга импонирует точность и конкретность, их раздражает аморфность, неопределенность поставленных целей, безалаберность и неаккуратность окружающих. Высокая эмоциональная захваченность идеями может способствовать вовлечению других для ее достижения и служит фундаментом для формирования лидерских качеств.

Гиперсоциальность установок выглядит как «фасад», за которым скрываются раздражительность, назидательность интонаций. Террористические преступники с данным профилем предпочитают выбирать виды деятельности, в которых реализуются догматический склад мышления, приверженность к инструкциям и твердым правилам, одиночество как дань повышенной требовательности к окружающим, высоко-нравственный (с точки зрения извращенной террористической «нравственности») образ жизни с выраженной тенденцией к подавлению насущных потребностей, психосоматический вариант дезадаптации, что означает уход от трудно разрешимых для них проблем в болезнь.

Согласно интерпретационным ключам данная категория обследуемых будет преуспевать в тех видах деятельности, где требуются такие качества, как исполнительность, умение подчиняться установленному порядку и следовать определенным инструкциям, аккуратность, умение сдерживать присущие человеку слабости. Подчеркиваем здесь этот момент, так как, кроме подтверждения ранее сделанных предположе-

ний, необходимо будет в скором времени как-то назвать эту группу. Мы обратили внимание на такие повторяющиеся характеристики, как исполнительность и избегание ответственности.

При избыточной эмоциональной напряженности проявляется затрудненная адаптация в виде повышенной сосредоточенности на отклонениях от нормы как в плане межличностных отношений, где лиц этого типа раздражают безответственность и недостаточная нравственность поступков окружающих, так и в сфере самочувствия. До определенных пределов они производят впечатление лиц, устойчивых к стрессу. Однако стресс, задевающий субъективно значимые ценности индивида, вызывает весьма сильную ответную реакцию в виде агрессии. (Можно высказать предположение, что эти люди не испытывали в детстве достатка эмоционального тепла со стороны близких.)

Личностная дисгармония также характеризуется аффективной захваченностью доминирующей идеей, касающейся, как правило, конфликтной межличностной ситуации. Это могут быть переживания, связанные со сверхценным отношением к объекту, вызвавшему конфликтную ситуацию, с чувством ревности или соперничества, антисоциальными агрессивными реакциями, которые индивидом трактуются как защитные, вынужденные действия в ответ на враждебность и недоброжелательность тех, кто их вызвал.

Этот фактор важен тем, что раскрывает механизм агрессивности террориста. Он способен сдерживать агрессию до определенного предела. Механизм же развития агрессии напрямую связывается со сверхценными идеями. Для нас это важно потому, что такое поведение можно в самом прямом смысле назвать даже антирелигиозным (или ложнорелигиозным). Не только потому, что любая сверхценная идея запрещена верующим как идол (мусульмане даже не могут изображать человека, а тем более бога). Но в первую очередь и потому, что связанная с этим агрессивность в фундаментальных религиях называется «одержимостью» («беснованием»). И мы уже говорили о предположительно ложной религиозности террористов. Далее приведем и другие экспериментальные факты.

Итак, мы полагаем, что описанный профиль личности, типичный для большинства обследованных (75%), отражает психологический портрет типичного террориста. Не главного и даже не среднего организатора террористической деятельности, но и не случайного ее участника, а исполнителя, готового как выполнять задания, так, видимо, и управлять другими исполнителями, согласно отданным распоряжениям.

Однако полученные по опроснику «Диагностика личностных расстройств с помощью многофакторного опросника ММРІ» («Минимумт») данные позволяют выделить также еще одну группу участни-

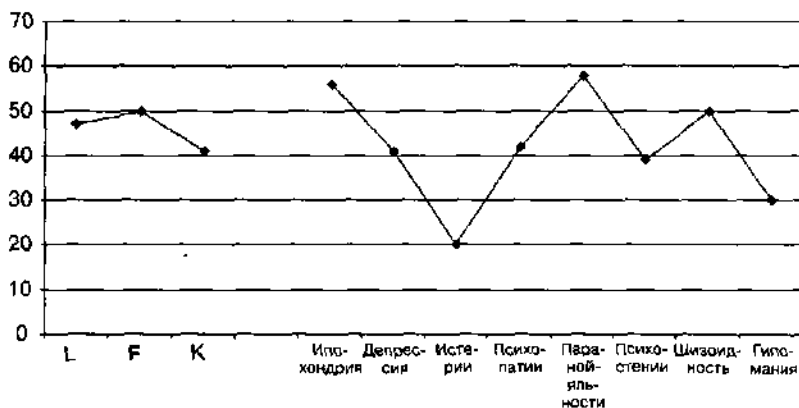

Рис. 2.9. Профиль осужденного И. по опроснику «Диагностика личностных расстройств с помощью многофакторного опросника MMPI» («Мини-мульти»)

ков террористической деятельности, имеющих схожий профиль. Она составляет 12% от всей выборки (пример профиля на рис. 2.9).

Личности с данным профилем отличаются требовательностью к себе и другим, скупостью эмоциональных проявлений, осторожностью, осмотрительностью, сочетанием сдержанности и раздражительности, догматическим складом ума, устойчивостью интересов, упорством в отстаивании собственной точки зрения, захваченностью доминирующей идеей, в межличностных отношениях проявляют соперничество. Для них характерна аффективная насыщенность переживаний; выраженные напряженность и субъективизм в сфере межличностных контактов со склонностью к построению жесткого конструкта, основой которого является недоброжелательность, приписываемая ими окружающим. Они склонны к обособленно-созерцательной личностной позиции, раздумьям; избегают любых формальных рамок, режимных видов труда (строгого графика работы).

Обследуемые этой группы более агрессивны по сравнению с остальными испытуемыми террористами, особенно по следующим формам агрессии: спонтанная, аутоагрессия, получение удовольствия от агрессии и расплата за агрессию. Снижены показатели и по таким ее видам, как склонность заражаться агрессией, неспособность тормозить агрессию, склонность к отражательной агрессии. Характерно, что в целом интерпретационное описание этой группы профилей ни в чем не противоречит нашей гипотезе о трех основных чертах социально-психологического портрета террориста. Мы вновь видим проявления и глубокой противоречивости личности, и психосоциальной изолированности, и

десоциализации. Более того, здесь они выражены даже рельефнее, как бы доведены до предела. В результате чего прослеживаются и явные различия: большие напряженность, захваченность сверхидеями, агрессивность и т.д. При этом исчезают исполнительность, избегание ответственности. Возможно, это портрет террористического лидера, но утверждать такое мы сейчас не можем; а если и так, то осужденные тщательно это скрывают.

Прежде чем перейти к описанию типологии личности террориста, необходимо подчеркнуть, что экспериментально полученные профили помогают раскрыть и детализировать психологический портрет террориста. Однако это отнюдь не означает, что все люди с подобными профилями склонны к террористической деятельности.

Итак, в результате изучения индивидуальных профилей можно предложить первую и наиболее обобщенную типологию личности террориста. Критерием для нее мы полагаем представленный ранее и экспериментально изученный в этом параграфе социально-психологический портрет личности террориста, состоящий из трех основных групп черт: внутренней противоречивости, психосоциальной изолированности, принципиальной десоциализации. Имеют место три типа личности.

– «Типичный участник террористической деятельности». У этого типа хорошо выражен социально-психологический портрет по всем трем группам. Таких людей большинство (75%). Наиболее существенными отличительными их особенностями являются исполнительность, наличие сверхценных идей, непосредственно запускающих механизм агрессии, избегание ответственности. Предположительно, это тип обычного исполнителя.

– «Ярко выраженный тип участника террористической деятельности». У этого типа личности все черты социально-психологического портрета выражены почти предельным образом. Наиболее существенными отличительными особенностями являются агрессивность, усиление сверхценных идей, осторожность, отсутствие склонности избегать ответственности. Таких представителей 12%. Возможно, этот тип характерен для террористических лидеров не самых высших звеньев.

– «Аморфный тип». К нему относятся лица с самыми разными психологическими свойствами (13%). Вполне вероятно, что это люди, случайно примкнувшие к террористической деятельности.

4.2. Поляризация типологического пространства и межличностное общение

Построенная типология фактически основана на поляризации черт личностного портрета. Исключая аморфный тип, можно сказать, что в одном случае эти черты выражены более ярко и рельефно, в дру-

гом — менее. Не прослеживается тенденция к появлению таких типов, когда одна черта выражена слабо, а другая сильно — в разных сочетаниях, это важно для дальнейших практических выводов о построении систем антитеррористических мер, воспитательной и профилактической работы. Этот факт хорошо соответствует историческим примерам террористических личностей. У русских революционных террористов даже существовала соответствующая система правил: не иметь привязанностей, не заводить семьи (психосоциальная изолированность), любое преступление можно оправдать именем революции (внутренняя противоречивость), в тюрьме и ссылке времени не терять и готовиться к дальнейшему террору (принципиальная десоциализация). И чем более террорист соответствовал этому образцу, тем уважаемее был в своей среде. Возможно, в настоящее время что-то изменилось, а может быть, и нет, поскольку это — характерная особенность образа жизни террориста. Тем не менее для дальнейшего анализа экспериментальных данных с целью детализации социально-психологического портрета террориста нам необходимо было проверить, действительно ли по нашим испытуемым независимыми статистическими процедурами выделяются две группы с более и менее выраженными чертами профиля личностных расстройств. Для этих целей мы провели кластерный анализ данных по опроснику «Диагностика личностных расстройств с помощью многофакторного опросника ММРІ» («Мини-мульт») с помощью компьютерной программы «STATISTICA 6.0» (рис. 2.10).

В результате математико-статистической обработки данных было выделено два кластера (в дальнейшем будем их именовать как 1-я и 2-я группы осужденных за террористические преступления). К 1-й группе было отнесено 38% обследуемых, ко 2-й — 62. Как видно из рисунка, наше предположение подтвердилось. Большинство испытуемых попали в одну (1-ю), и показатели их по всем шкалам опросника (первые три шкалы являются контрольными) оказались ниже, чем во 2-й. Наверное, следует пояснить, почему нет процентного совпадения типов. Это связано с тем, что мы строили типологию на основе трехпиковой интерпретации индивидуальных профилей. Математико-статистическая же обработка группирует данные одновременно по всем показателям и массиву данных.

Для нас важно то, что общая концепция поляризации выделенных типов подтвердилась. Для практической работы более пригодна «вручную» построенная типология. Действительно, ярких типов должно быть немного. Для дальнейшей математико-статистической обработки данных может быть использована более «толерантная», «мягкая» типологизация, где

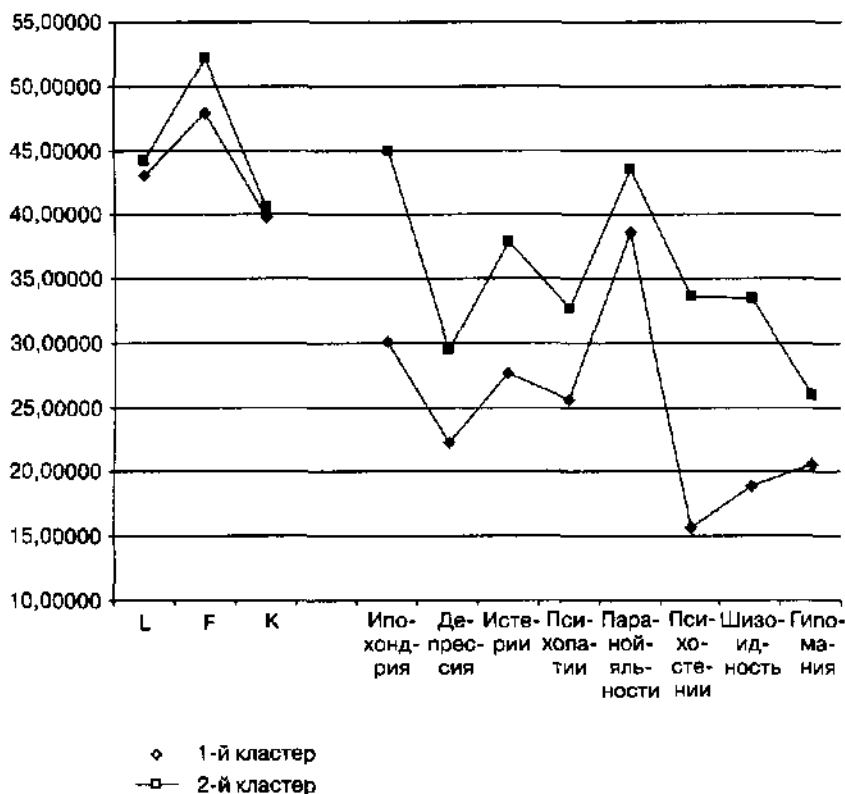

Рис. 2.10. Кластерный анализ результатов по опроснику «Диагностика личностных расстройств с помощью многофакторного опросника MMPI» («Мини-мульти»)

группа ярких типов расширена, а, кроме того, как-то поглощен весь аморфный тип. Поэтому опишем полученные усредненные профили.

Террористические преступники, отнесенные ко 2-й группе, характеризуются эгоцентричностью, которая маскируется декларацией гиперсоциальных установок, отличаются скупостью эмоциональных проявлений, осторожностью, высокой нравственной требовательностью как к себе, так и к другим, инертным стилем мышления, устойчивостью интересов, упорством в отстаивании собственного мнения, активностью позиции, усиливающейся при противодействии внешних сил. Они способны заражать своей увлеченностью других. Заметим, что, по литературным данным, такие личностные особенности встречаются у служителей культа, миссионеров, религиозных фанатиков и сектантов.

Осужденные за террористические преступления, отнесенные ко 2-й группе, более пассивно относятся к конфликту, стремятся уйти от ре-

шения проблем, а в остальном обладают похожими качествами, только с более низкими показателями.

Легко видеть даже из этой краткой интерпретации, что в целом тенденция описания личности не меняется, но приобретает более обобщенный характер, как бы сближая два крайних типа. Таким образом, можно предложить вариант уже описанной типологии, который, с одной стороны, является более «мягким» (различия в портретах типов не столь резкие), с другой — включает в себя только два типа:

— 1-я группа — менее выраженный террористический тип личности (очевидно, легче поддающийся и психокоррекционному воздействию);

— 2-я группа — более выраженный террористический тип личности.

Эта типология построена уже внутри поляризованного пространства личностных профилей террористов. Она позволит нам доказать и перепроверить некоторые, ранее выявленные, социокультурные ориентации личности террориста.

Так, именно ко 2-й группе, с более выраженным террористическим типом, отнесены все террористы, имеющие высшее образование (4,35%) и большинство со средним специальным (15,21). Это уже серьезное подтверждение того, что террористическая субкультура предъявляет определенные требования к наличию специальности. Именно среди террористов, отнесенных к 1-й группе, больше имеющих лишь неполное среднее образование (25%) (табл. 2.6).

Таблица 2.6

Процентное соотношение числа участников террористической деятельности по опроснику «Диагностика личностных расстройств с помощью многофакторного опросника ММР1» («Мини-мульти») в связи с уровнем образования

Кластер	Уровень образования			
	Неполное среднее	Среднее	Среднее специальное	Высшее
1-й	25	67,86	7,14	0
2-й	19,56	60,87	15,21	4,35

При сравнении выделенных кластерным анализом групп по опроснику «Мини-мульти» в зависимости от национальной принадлежности установлено, что в 1-й группе присутствует больше людей, определяющих себя как лиц чеченской национальности, а во 2-й группе — русской.

Интересно, что во 2-й группе русских и лиц иных славянских национальностей почти в два раза больше, чем чеченцев. Хотя, казалось бы, последние, осужденные за терроризм, должны быть больше выражены

Соотношение числа участников террористической деятельности по опроснику «Диагностика личностных расстройств с помощью многофакторного опросника ММРІ» («Мини-мульти») в связи с национальной принадлежностью (%)

Кластер	Национальность							
	Русский или иной «славянин»	Чеченец	Бакинец	Мордвин	Аварец	Кабардинец	Кумык	Казах
1-й	39,28	53,57	0	0	3,57	0	3,57	0
2-й	54,35	28,26	2,17	2,17	2,17	2,17	6,52	2,17

именно как террористы. Но это не так, что, на наш взгляд, легко объяснить тем, что русский, осужденный за террористическое преступление, скорее всего действительно является выраженным террористом. Тогда как чеченцы (учитывая продолжающиеся боевые действия), имеющие больше вероятности быть арестованными вместе с другими в самом начале террористической «карьеры», часто лишь вынуждаемы обстоятельствами и давлением окружающих принимать участие в террористических акциях.

Что касается религиозного самоопределения, то в 1-й группе большинство людей, определяющих себя как мусульмане (57,14%), и в то же время здесь больше, чем во 2-й, неверующих (9,71%). Во 2-й же группе в равных долях присутствуют определяющие себя как православные (42,47%) и мусульмане (42,47%).

Таблица 2.8

Соотношение числа осужденных за террористические преступления по опроснику «Диагностика личностных расстройств с помощью многофакторного опросника ММРІ» («Мини-мульти») в связи с религиозным самоопределением (%)

Кластер	Религия					
	Неверующий	Православный	Иудей	Буддист	Мусульманин	Исповедует иную религию
1-й	9,71	27,57	2	0	57,14	3,57
2-й	4,35	42,47	0	2	42,47	8,69

На этом анализ типологии личности террориста, построенной по критерию выраженности в основных группах черт социально-психологического портрета, можно считать законченным. Подчеркнем еще раз, что речь не идет о двух разных типологиях. Типология одна и отобра-

жает одно пространство психологических портретов между полюсами ярко выраженного и более или менее типичного террориста. Трехпиковая интерпретация позволяет выделить три типа, при этом в отдельный (аморфный) тип собраны плохо укладывающиеся в общую картину профили. Многомерная статистическая интерпретация, основанная на анализе всего массива данных, позволяет выделить два типа.

Перейдем к изучению той сферы личности, которая связана с ее ориентацией на внешний мир, прежде всего — на общение с окружающими.

Анализ результатов тестирования террористов по «Опроснику межличностных отношений» (ОМО) В. Шутца (в адаптации А. А. Рукавишников) позволяет сделать следующие выводы. Большинство обследуемых не чувствуют себя хорошо среди людей, склонны их избегать, предпочитают не принимать контроля над собой. Они способны устанавливать близкие отношения с ограниченным числом лиц, причем очень осторожны в их выборе. Предпочитают избегать принятия решений, но, если нет рядом значимых для них людей, вынуждены брать на себя ответственность. Это может быть еще одной иллюстрацией той группы черт социально-психологического портрета, которую мы назвали психосоциальной изоляцией.

На рис. 2.11 приведены сравнительные данные по средним показателям характеристик общения по выборке осужденных за террористиче-

Рис. 2.11. Средние показатели включения, контроля и аффективности общения по методике Шутца по выборке осужденных за террористические преступления в сравнении со средними данными по всем осужденным

ские преступления в сравнении со средними нормами по репрезентативной выборке осужденных, полученными в межрегиональной психологической лаборатории ФСИН России в Ярославле.

Легко увидеть, что наиболее существенные различия проявляются именно в показателях включения в общение, а точнее – по Ie – «Стремлюсь ли я включиться в общение» и по Iw – «Стремятся ли окружающие включить меня в свое общение».

Еще более рельефен факт, что максимальные различия имеются по Ie, означая, что осужденный террорист сам меньше всего хочет быть включенным в общение с окружающими. Дополняют картину психосоциальной изоляции в области межличностного общения различия в показателях аффективности общения (переживания положительных или отрицательных эмоций от него). Здесь мы также видим, что при наличии различий в показателях, большие проявляются в Ae, т.е. осужденный террорист опять же, в первую очередь сам, не настроен на эмоциональное общение.

При проведении кластерного анализа по опроснику «ОМО» В. Шутце (в адаптации А. А. Рукавишникова) в результате математико-статистической обработки было выделено два кластера (рис. 2.12). В каждый вошло 50% испытуемых – осужденных за террористические преступления.

Анализ полученных данных позволяет выделить две группы преступников, различающихся стилем межличностного взаимодействия (в рамках общей вышеописанной тенденции).

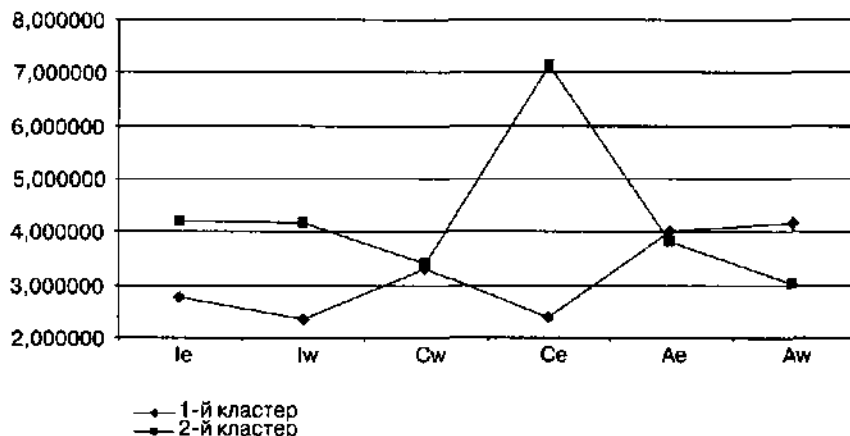

Рис. 2.12. Результаты кластерного анализа по опроснику ОМО В. Шутце (адаптация А. А. Рукавишникова)

1-я группа (1-й кластер) представлена террористами, которые стремятся избегать самостоятельного принятия решений, ответственности, предпочитают избегать близкого общения с людьми.

Ко 2-й группе (2-й кластер) относятся террористы, склонные контролировать других и влиять на них; не слишком активно, но все-таки стремящихся к тому, чтобы окружающие принимали участие в их жизни.

Если 1-я группа ничего нового к предложенной ранее интерпретации не добавляет, то выкластеризованная из общего фона 2-я группа представляет весьма интересный механизм специфического включения в общение. А именно: террористы начинают активнее включаться в него (Ie, Iw) тогда, когда могут контролировать (Ce) других (см. рис. 2.12).

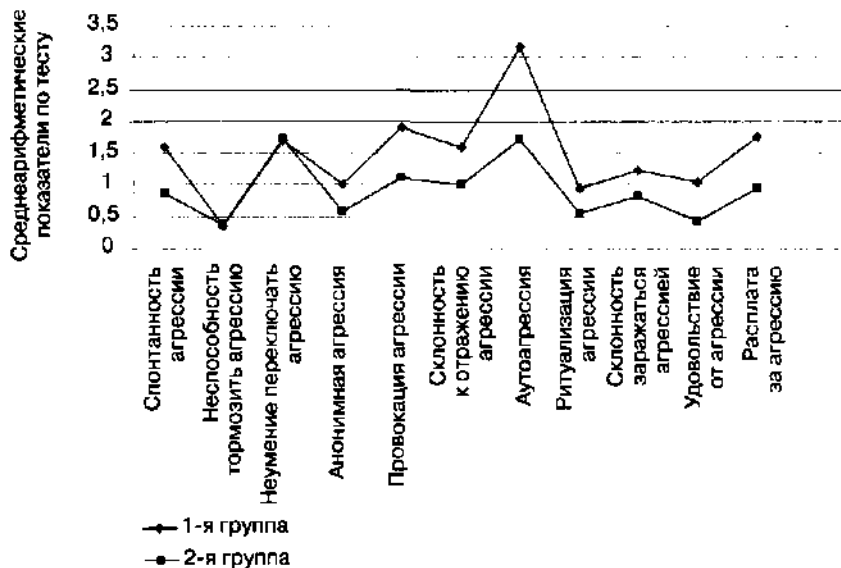
Из показателей средних оценок по тесту во 2-й группе также видно, что уменьшение возможности контроля связано и со снижением включения в общение по обоим показателям.

Итак, формула психосоциальной изоляции личности террориста в области общения заключается в следующем. Межличностное общение имеет смысл только как способ контроля окружающих и управления ими. Практические рекомендации напрашиваются сами собой: построить (или использовать уже существующие) такие системы социально-психологического тренинга, которые вернут начинающим террористам способность нормально общаться, испытывая адекватные эмоции.

Для более детального изучения этого механизма деформации общения и поведенческих последствий, его личностного функционирования мы обратились к сравнительному анализу средних показателей по тесту «Определение интегральных форм коммуникативной агрессивности» В. В. Бойко в выделенных группах испытуемых террористов (т.е. тех же — различающихся по стилю общения).

Выявлены существенные различия в опросных группах по таким параметрам агрессивности, как анонимная агрессия, спонтанная агрессия, провокация агрессии у окружающих, склонность к отраженной агрессии, аутоагрессия, ритуализация агрессии, склонность заражаться агрессивней толпы, удовольствие от агрессии, расплата за агрессию. Данные параметры повышены у террористов, отнесенных к 1-й группе (50%). Другими словами, террористы, не способные в данный момент организовать контроль над другими (низкое Ce) и в связи с этим предпочитающие избегать самостоятельных решений, ответственности, а также избегающие общения с людьми, имеют гораздо более выраженные показатели по агрессивности (рис. 2.13). Этот факт хорошо иллюстрирует взаимосвязь основных групп черт социально-психологического портрета террориста. Чем больше психосоциальная изоляция (невключенность в общение), тем больше внутренняя противоречивость личности, в данном случае выражающаяся в росте агрессивности.

Рис. 2.13. Средние показатели по методике «Определение интегральных форм коммуникативной агрессивности» В. В. Бойко у испытуемых, отнесенных к разным группам (выделенным на основе кластерного анализа), а именно – с разными стилями межличностного взаимодействия

На основании изложенного можно представить обобщенные характеристики 1-й и 2-й выделенных в результате кластерного анализа групп, с тем чтобы заложить основы дальнейшей частной типологии личности террориста в сфере межличностного общения.

До сего момента нам удавалось показать взаимосвязь в межличностном общении двух основных групп черт социально-психологического портрета террориста – психосоциальной изоляции и внутренней противоречивости личности. Обратимся к изучению психологических свойств, связанных с десоциализацией личности. А мы уже не раз подчеркивали, что любая десоциализация запускает механизм психологических защит. Собственно говоря, психологическую защиту личности в широком смысле и следует понимать как реакцию на десоциализацию личности.

1-я группа имеет подчиненно-невключенный агрессивный стиль межличностного взаимодействия с тенденцией к избеганию общества.

2-я группа имеет доминантно-контролирующий стиль межличностного поведения с тенденцией к ожиданию принятия их обществом.

Теперь проведем анализ типов психологических защит террористов, имеющих различный межличностный стиль общения. Так, у лиц, участвовавших в террористической деятельности, отнесенных к 1-й группе, наблюдаются более высокие показатели по такому типу психологической защиты, как «компенсация»; у отнесенных ко 2-й группе участников террористических преступлений — по такому типу защиты, как «вытеснение».

В чем здесь различия? Компенсация — это довольно сложный защитный механизм, связанный с некоторой углубленной работой над собой. Человек, испытывая сильный дискомфорт от недостатка каких-либо переживаний (в нашем случае — эмоциональности общения), активно ищет, чем его компенсировать. Несколько упрощая, применительно к нашему случаю, можно было бы сказать, что компенсация развивается по типу «А зато я такой» (например, физически сильный, агрессивный и злой или хитрый, гордый, красивый, наконец, храбрый борец за идею — террорист).

Вытеснение (подавление) является более простой формой защиты, основанной на блокировании неприятных (опасных) переживаний, что может происходить как простое же игнорирование, забывание, отрицание очевидных фактов и т.п. Эта форма защиты обычно сопряжена с наличием постоянных страхов. В террористической деятельности коротко сформулировал значение этой формы защиты такой известный террорист, как Иосиф Джугашвили: «Нет человека — нет проблемы».

Из изложенного легко видеть, что доминантно-агрессивный стиль общения, который, очевидно, сопряжен с более яркой выраженностью социально-психологического портрета террориста, отличается более примитивными формами психологической защиты, исключаящими какую-либо внутреннюю работу над собой. Зачастую они склонны к неврологическим защитным реакциям конверсионного типа. С практической точки зрения такие защиты легче диагностируются в психокоррекционной беседе, но гораздо сложнее поддаются коррекции. Напротив, более сложные защиты труднее точно определить без использования диагностического инструментария. Зато на их основе легче проводить психокоррекционную работу, так как она основана на углубленной внутренней работе личности. Из этого следует, что первый стиль общения, подчиненно-невключенный и, очевидно, сопряженный с типичным (неярким) портретом террориста, легче поддается профилактической и психокоррекционной работе с точки зрения содержания психологической защиты.

Хотелось бы обратить внимание на то, что такие формы межличностного взаимодействия, как доминантность и подчиненность, не слу-

жат прямыми свидетельствами того, что люди, отнесенные к той или иной группе, являются организаторами или исполнителями террористической деятельности. Мы лишь отмечаем, что среди ее участников есть лица, которые обладают психологическими особенностями, характерными для людей с доминантным (властным) или подчиненным поведением. По сообщениям представителей администрации исправительных учреждений и данным нашего экспериментального исследования, они и ведут себя в учреждениях соответственно своим психологическим характеристикам.

Следует отметить и то, что среди лиц, совершивших террористические преступления, в 1-й группе находится большее число людей, принадлежащих русской и иной «славянской» национальности. Среди террористов, отнесенных ко 2-й группе, наблюдается почти равное число принадлежащих к разным национальностям, и эта группа более национально насыщена (в нее, кроме русских, иных славян и чеченцев, входят аварцы, кумыки, кабардинцы, казахи, башкиры). Во 2-ю группу террористов вошли и почти все люди с высшим образованием. К 1-й отнесены в основном те, кто имеет неполное среднее образование и 2–3 раза привлекался к уголовной ответственности.

Итак, в результате анализа стилей общения осужденных террористов можно построить следующую частную типологию межличностного взаимодействия террористов.

- Подчиненно-невключенный компенсаторно-агрессивный тип.
- Доминантно-контролирующий подавляющий тип.

4.3. Агрессивность и жестокость

Используя те же методические приемы, попытаемся построить еще одну частную типологию, основанную на анализе агрессивности осужденных за террористические преступления.

Анализируя результаты опросника «Определение интегративных форм коммуникативной агрессивности» (В. В. Бойко), мы установили, что большинство участников террористической деятельности имеют относительно высокие показатели по таким видам агрессии, как провокация агрессии у окружающих, неумение переключать ее на деятельность или неодушевленные объекты, склонность к отраженной агрессии, аутоагрессия (самый высокий показатель), расплата за агрессию.

При кластерном анализе по названному В. В. Бойко (рис. 2.14) с помощью компьютерной программы «STATISTICA 6.0» было выделено два кластера. К 1-му отнесено 65% людей, ко второму – 35. Во 2-м кластере уровень агрессивности значительно снижен по сравнению с данными 1-го кластера.

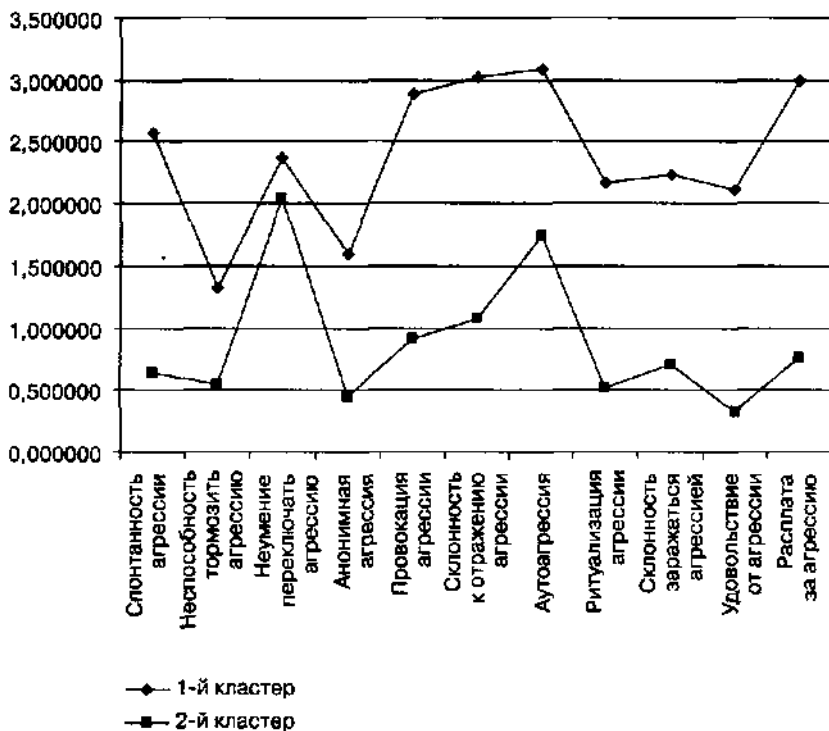

Рис. 2.14. Кластерный анализ результатов по опроснику В. В. Бойко «Определение интегральных форм коммуникативной агрессивности»

Таким образом, среди террористов по особенностям проявления агрессивности выделяются две группы.

1-я группа представлена террористами (1-й кластер – 65%), склонными к проявлению агрессивного поведения, особенно в таких формах, как провокация агрессии у окружающих, склонность к отраженной агрессии, аутоагрессия и расплата за агрессию.

2-я группа представлена преступниками (2-й кластер – 35%), фактически не склонными в обычных ситуациях к проявлению агрессивности.

Эти данные хорошо согласуются с типологией, полученной в предыдущем параграфе, и в целом с социально-психологическим портретом террориста. Мы вновь подтверждаем, что типы террористов различаются как бы фронтально, по всем тестовым показателям, без пересечений.

Необходимо отметить, что осужденные за террористическую деятельность двух выделенных кластерным анализом групп одинаково не

умеют переключать агрессию на деятельность или неодушевленные объекты.

Согласно данным нашего исследования, террористы, склонные к проявлению агрессии, более ярко представлены национально, т.е. такое качество, как агрессивность, может проявляться у любого человека независимо от национальной принадлежности (табл. 2.9).

Таблица 2.9

Соотношение числа участников террористической деятельности по опроснику «Определение интегральных форм коммуникативной агрессивности» В. В. Бойко в связи с национальной принадлежностью (%)

Группа	Национальность							
	Аварец	Чеченец	Русский или иной «славянин»	Кумык	Кабардинец	Казах	Башкир	Мордвин
2-я	0	42,85	57,14	0	0	0	0	0
1-я	3,33	38,33	46,66	5	1,66	1,66	1,66	1,66

Среди осужденных, склонных к агрессии, меньше неверующих, чем в группе не склонных к проявлению агрессии. Это еще раз подтверждает наличие элемента ложности религиозных чувств у террористов (табл. 2.10).

Более агрессивные террористы представлены осужденными разного возраста, но в основном 30–39 лет, так же как и не склонные к проявлению агрессии.

Таблица 2.10

Соотношение числа участников террористической деятельности по опроснику «Определение интегральных форм коммуникативной агрессивности» В. В. Бойко в связи с религиозной принадлежностью (%)

Кластер	Религия					
	Неверующий	Православный	Иудей	Буддист	Мусульманин	Исповедует иную религию
1-й	14,28	34,71	2	0	49	1,66
2-й	5	37,33	0	2	49	6,66

**Соотношение числа кластеров по опроснику
«Определение интегральных форм коммуникативной агрессивности»
В. В. Бойко в связи с возрастом (%)**

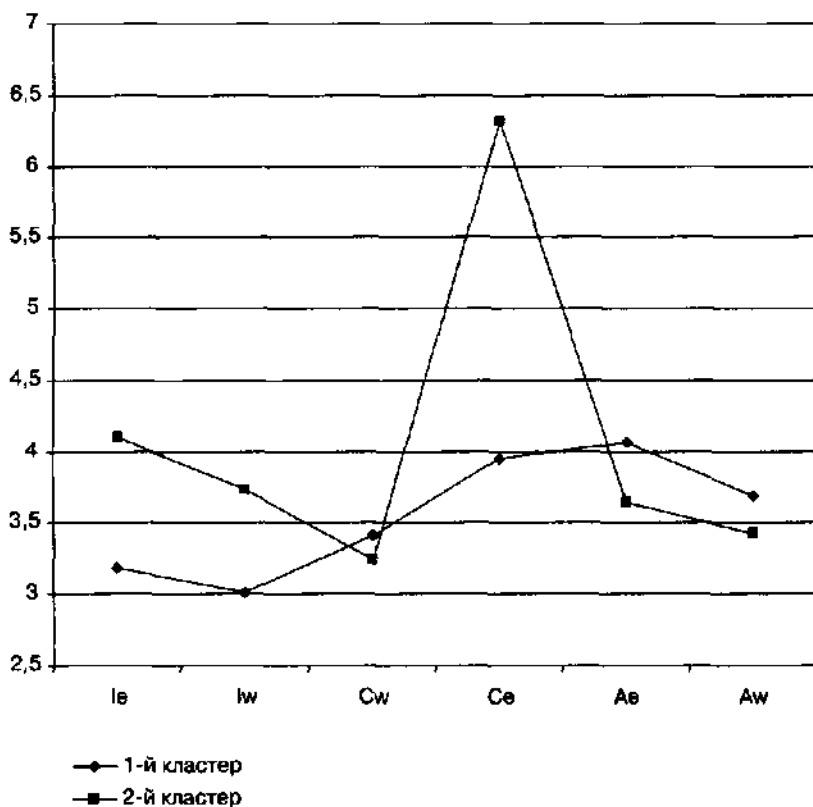
Группа	Возраст							
	18-19	20-24	25-29	30-39	40-49	50-54	55-59	60 и старше
2-я	0	0	28,57	50	21,42	0	0	0
1-я	3,33	8,33	16,66	51,66	18,33	0	0	1,66

Среди участников террористической деятельности 2-й группы (не склонных к проявлению агрессии) больше людей, имеющих несколько судимостей, чем в 1-й группе.

Для построения типологии агрессивности террориста сравним показатели межличностного общения в разных группах, как делали в предыдущем параграфе, но уже на другом основании (см. рис. 2.14). Для участников террористической деятельности, отнесенных ко 2-й группе, характерна большая включенность в общение при очень высоком уровне контроля. Террористы, отнесенные к 1-й группе («агрессивные»), отличаются сниженной включенностью в общение, подходят очень осторожно к выбору лиц, с которыми будут создавать близкие отношения, для них характерно подчиненное межличностное поведение; стремление к контролю снижено, как и аффективность общения. Преступники, отнесенные к 1-й группе («агрессивные»), более склонны к невротическим реакциям и конфликтности, имеют стремление к пренебрежению социальными нормами и ценностями, более тревожны, нерешительны, предпочитают работу с частыми переменами. У террористов, отнесенных ко 2-й группе («неагрессивные»), перечисленные качества выражены слабее.

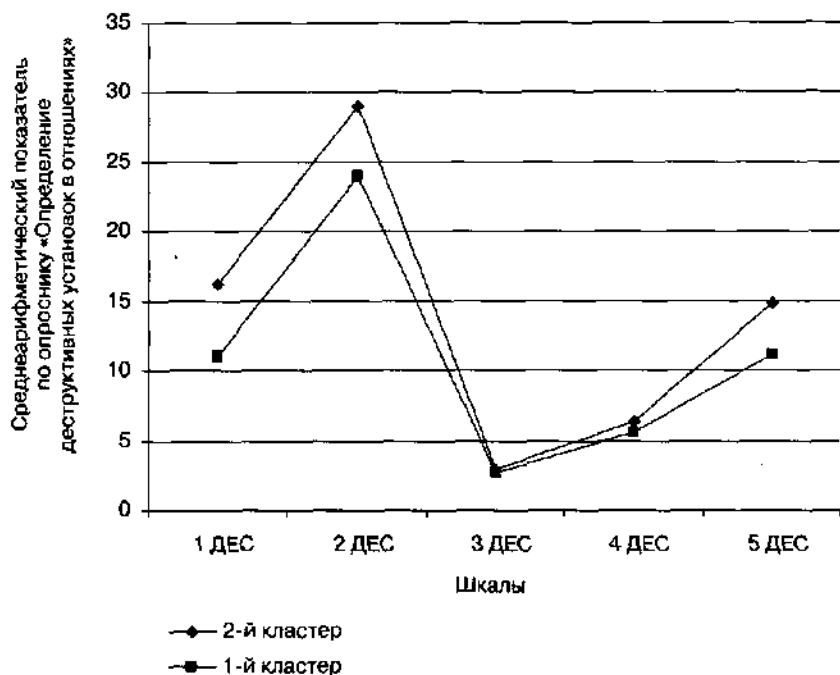
Здесь, следовательно, нами предпринята попытка классификации того же массива данных, но уже при посредстве кластеризации не со стороны свойств межличностного общения, а со стороны агрессивности (рис. 2.15). Однако эта попытка ничего нового не дала, но зато полностью подтвердила полученную в предыдущем разделе типологию. Тем не менее попытаемся все-таки внести какие-то новые детали в типологию агрессивности и для этого проанализируем по двум выделенным в процессе кластерного анализа группам деструктивные установки наших испытуемых.

При изучении взаимосвязи влияния форм коммуникативной агрессивности на деструктивные установки в межличностных отношениях

Рис. 2.15. Сравнительный анализ по опроснику «Определение интегральных форм коммуникативной агрессивности» В. В. Бойко в зависимости от стиля межличностного поведения

мы установили, что у лиц, участвующих в террористической деятельности и отнесенных ко 2-й группе («неагрессивные»), наблюдается более выраженная завуалированная жестокость по отношению к людям (показатель «1 дес» на рис. 2.16), а также открытая жестокость в суждениях о них (показатель «2 дес»); они имеют негативный личный опыт общения с окружающими. У террористов, отнесенных к 1-й группе («агрессивные»), эти качества слабее и не отклоняются от нормы, что, на наш взгляд, служит существенным дополнением к портрету доминантно-контролирующего подавляющего типа. Они не агрессивны, однако жестоки: стремление контролировать других в общении не позволяет им опускаться до «простой агрессивности», но, как теперь можно предположить, одна из существенных форм этого контроля — жестокость (и завуалированная, и открытая).

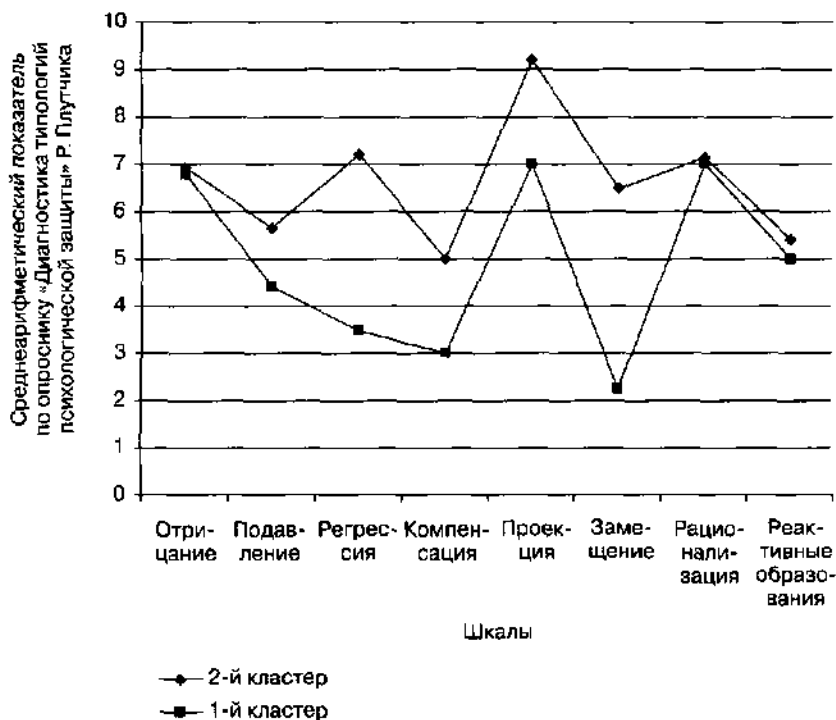

Рис. 2.16. Сравнительный анализ кластеров по опроснику «Определение интегральных форм коммуникативной агрессивности» В. В. Бойко в зависимости от данных его же опросника «Определение деструктивных установок в отношениях»

Кроме того, у испытуемых участников террористической деятельности, отнесенных ко 2-й группе («неагрессивные»), наблюдаются более высокие показатели по большинству психологических защит (рис. 2.17), а наиболее существенные различия — по таким формам, как регрессия и замещение. Это лишь подтверждает сказанное, так как замещение и есть форма защиты, обеспечивающая сдерживание реакции агрессии и гнева из опасения ответной, вплоть до появления возможности выместить гнев на другом, уже безопасном, объекте (замещающем в данном случае тот, который вызвал раздражение). Девиацией поведения при повышенных оценках по шкале «замещение» и является жестокость. Регрессия, как возвращение к детским стереотипам поведения, может носить разные формы, в том числе и жестокости, если таким было детство.

Анализируя психологические особенности осужденных за террористические преступления, можно предположить, что террористы, отнесенные к 1-й группе, проявляют психологические особенности, свойственные людям, склонным к подчинению и отказу от влияния в меж-

Рис. 2.17. Сравнительный анализ кластеров по опроснику «Определение интегральных форм коммуникативной агрессивности» В. В. Бойко в зависимости от данных опросника «Диагностика типов психологической защиты» Р. Плутчика

личностных отношениях. Преступники, отнесенные ко 2-й группе, проявляют психологические особенности, характеризующие их как людей, обладающих склонностью к доминантному межличностному поведению.

Наше исследование и обработка экспериментальных данных показали, что такие показатели, как спонтанная агрессия, провокация агрессии у окружающих, склонность к отраженной агрессии и склонность заражаться агрессией толпы, удовольствие от агрессии, расплата за агрессию, являются центрами корреляционных плеяд, выделенных методами многомерного статистического анализа. Это означает, что данные показатели имеют по сравнению с другими (общее число показателей – 218) наибольшее количество корреляционных связей.

Интерпретация фактов может означать, что показатели агрессивности являются системообразующими не только в организации поведения, но и формировании структуры типа личности испытуемого,

а следовательно, обязательно должны быть учтены в типологии личности террориста, а также в практической работе с этой категорией преступников. Чтобы убедиться в значимости черт не просто агрессивности, а еще и жестокости, мы провели дополнительный математико-статистический анализ данных по опроснику В. В. Бойко «Определение деструктивных установок в межличностных отношениях».

Согласно полученным результатам, у большинства обследуемых наблюдается завуалированная жестокость к людям и в суждениях о них, а также открытая жестокость в отношении к ним. Они склонны делать необоснованные обобщения негативных фактов в области взаимоотношений с партнерами и в наблюдениях за социальной действительностью; имеют субъективно негативные суждения о людях, а также негативный опыт общения с окружающими.

Так, при проведении кластерного анализа результатов по опроснику «Определение деструктивных установок в отношениях» (рис. 2.18) В. В. Бойко было выделено два кластера. К 1-му отнесено 62% обследуемых. Для террористов, отнесенных к этому кластеру, характерна открытая жестокость к людям. Они не скрывают и не смягчают свои негативные оценки и переживания по поводу большинства окружающих, делают о них резкие и однозначные выводы. Более того, демонстрируют весьма выраженную жестокость — завуалированную или открытую,

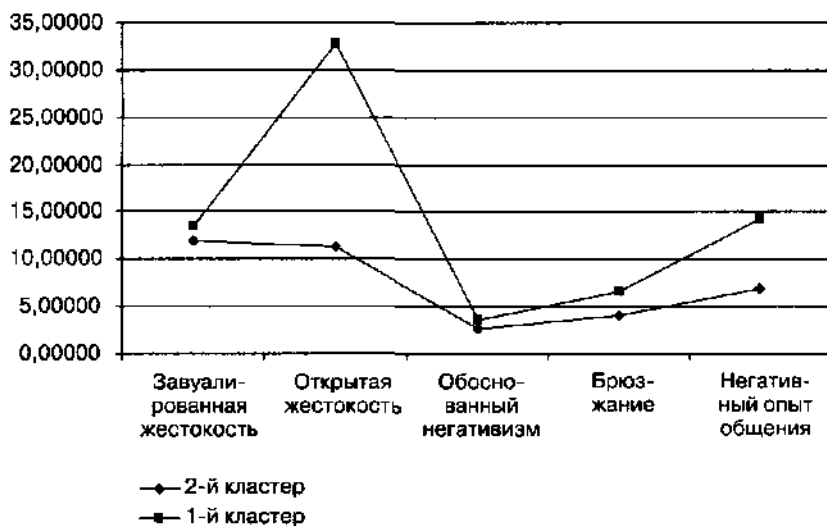

Рис. 2.18. Кластерный анализ результатов по опроснику В. В. Бойко «Определение деструктивных установок в межличностных отношениях»

либо ту и другую сразу. Но в то же время словно носят «розовые очки»: то, что вызывает обоснованный негативизм, они не замечают, хотя имеют негативный опыт общения с окружающими. Скорее всего, это объясняется, как только что было показано, таким преобладающим видом психологической защиты, как замещение. Сразу реагировать опасно — легче переменить негативизм на другое безопасное время или другой объект.

Ко 2-му кластеру было отнесено 38% обследуемых. У данной группы террористов наблюдаются более низкие показатели по деструктивным установкам в межличностных отношениях в сравнении с преступниками, отнесенными к 1-му кластеру. Они менее жестоки к людям, их оценки, даваемые окружающим, более мягкие, сдержанные. А опыт общения с партнерами по совместной деятельности и ближайшим окружением положителен.

Следует отметить, что существенной разницы по таким характеристикам, как национальность, уровень образования, возраст, религиозная принадлежность, между террористами этих кластеров не наблюдается.

При изучении взаимосвязи деструктивных установок в зависимости от межличностных отношений было установлено, что террористы из 1-го кластера имеют средневыраженную тенденцию устанавливать взаимоотношения, при одновременном стремлении избегать людей, быть принятыми окружающими; могут взять на себя ответственность, соединяя ее с ведущей ролью. Лица, отнесенные ко 2-му кластеру, имеют тенденцию общаться с немногими людьми; предпочитают, чтобы с ними устанавливали взаимоотношения; среди людей чувствуют себя скованно, более того — склонны их избегать.

У осужденных, отнесенных к 1-му кластеру, яснее выражены такие виды агрессии, как спонтанная, провокация агрессии, склонность к отраженной агрессии, аутоагрессия, ритуализация агрессии, склонность заражаться агрессией толпы, удовольствие от агрессии, расплата за агрессию. Следовательно, можно утверждать, что осужденные 1-го кластера настроены более агрессивно по отношению к окружающим. Таким образом, проведение кластерного анализа со стороны деструктивности установок уже позволяет установить прямую связь между агрессивностью и открытой жестокостью, в то время как по завуалированной жестокости различий нет (см. рис. 2.17).

Таким образом, получается, что агрессивные испытуемые (подчиненные, неконтролирующие, невключенные) проявляют открытую жестокость. Здесь она — всего лишь форма проявления открытой агрессии. Неагрессивные (доминантные, контролирующие), как уже было показано, в большей степени проявляют завуалированную жестокость, мстительность или — по типу замещения. С учетом агрессивности и жестокости представленная ранее типология приобретает следующий вид:

- подчиненно-невключенный компенсаторно-агрессивный тип;
- доминантно-контролирующий, подавляюще-замещающий ре-
грессивный тип.

Чтобы преобразовать терминологически сложные названия в более наглядные представления, представим выявленные психологически преобладающие свойства каждого из типов в табл. 2.12.

Таблица 2.12

Психологические особенности отдельных типов террористов

<p>Типичный террорист с выраженными базовыми комплексами черт психологического портрета (внутриличностная противоречивость, психосоциальная изоляция, принципиальная десоциализированность)</p>	<p>Террорист с более ярко выраженными (существенно стабилизированными) базовыми комплексами черт психологического портрета (внутриличностная противоречивость, психосоциальная изоляция, принципиальная десоциализированность)</p>
<p>Будучи уже вовлеченным в террористическую деятельность, испытывает серьезные трудности в общении. Не обладая возможностями и стремлением контролировать процесс общения в поведении других людей, ощущает себя невключенным в общение, неспособным переживать его эмоционально. Опасаясь стать изгоем, становится агрессивным. В острых ситуациях, вслед за агрессией, может проявлять открытую жестокость. Такое положение порождает развитие психологической защиты по типу компенсации: активно ищет объяснение сложившемуся положению. Одним из таких объяснений легко может стать и становится то, что участие в той или иной форме террористической деятельности — его призвание. Это позволяет оправдать прошлое и ощутить перспективу будущего</p>	<p>Большая выраженность базовых черт социально-психологического портрета приводит к развитию такой защиты, как подавление, т.е. прямое отрицание существующих личностных проблем, в первую очередь — в межличностном взаимодействии. Это, в частности, может иметь и тот эффект, что он безоглядно добивается возможности контролировать процесс общения какого-то круга людей, возрастает его включенность в общение. В связи с этим проявлять агрессивность и открытую жестокость становится опасно. Развиваются такие формы защиты, как замещение и регрессия. Замещение позволяет реализовывать подавляемые гнев и раздражительность на безопасных объектах и в безопасный момент. Развивается завуалированная жестокость, которая становится нормой отношения к людям</p>

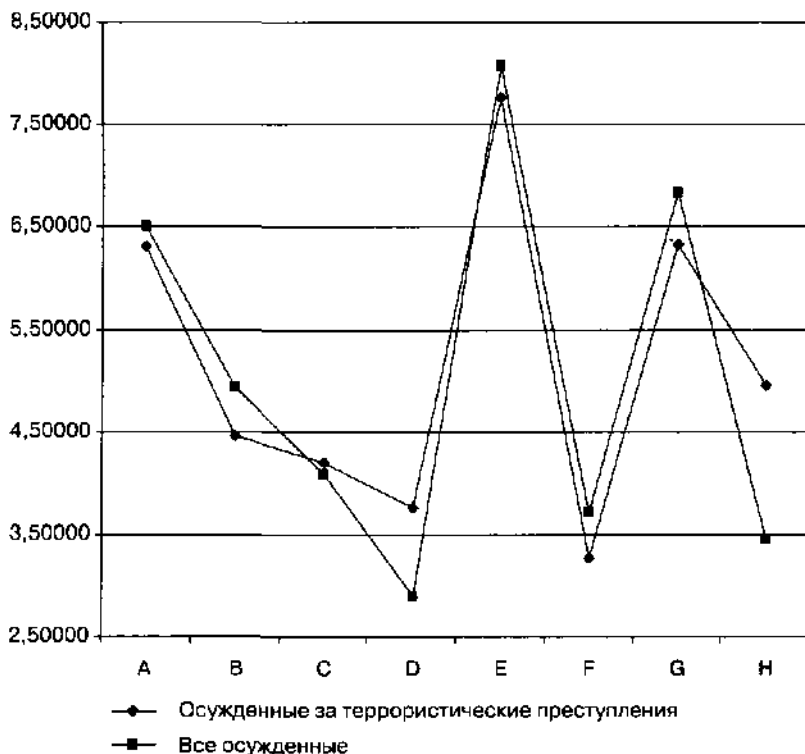
С практической точки зрения первый тип в большей степени поддается психокоррекционному и воспитательному воздействию, так как налицо та форма защиты, которая опирается на внутреннюю работу личности. Второй тип уже «регрессирует» к таким, более примитивным, формам защиты, как подавление и отрицание, и просто не видит никаких проблем. Работать с ним гораздо сложнее.

Мы не ставим здесь вопрос о временной динамике данной типологии, поскольку не располагаем экспериментальными данными о том, как развивается и формируется личность террориста во времени. Од-

нако вполне возможно, что первый тип может превращаться во второй. Хотя, как нам кажется, это будет носить, скорее, подражательный характер. Мы же склоняемся к тому, что представленная типология — это не этапы развития, а экологические ниши террористов среднего звена.

4.4. Психологические защиты

По результатам тестирования по опроснику механизмов защиты «Индекс жизненного стиля» мы провели сравнительный анализ предпочитаемых типов психологических защит участников террористических преступлений, осужденных за тяжкие преступления, а также с известными нормами¹. Нами установлено, что для исследуемой выборки характерны следующие психологические особенности (рис. 2.19).

Рис. 2.19. Средние показатели психологических защит по выборке осужденных за террористическую деятельность в сравнении со всей группой осужденных

¹ См.: Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Указ. соч. С. 376.

У террористов доминируют такие психологические защиты: «отрицание», «рационализация», «реактивные образования», «проекция». Эти данные позволяют утверждать, что для подобных личностей характерны психологические особенности, в частности: бессознательный отказ допустить существование определенных событий, переживаний или ощущений, который причинил бы боль при их признании. Этот отказ проявляется в игнорировании неприятной информации. В данном случае психологические особенности защитного поведения в норме проявляются в эгоцентризме, внушаемости и самовнушаемости, общительности, стремлении быть в центре внимания, в оптимизме, непринужденности, уверенной манере держаться, жажде признания, самонадеянности, хвастовстве, жалости к себе, готовности услужить, легкой переносимости критики, отсутствии самокритики и т.д. Возможные девиации поведения проявляются в виде лживости, склонности к симуляции, необдуманности поступков, недоразвитии этического комплекса.

На этом фоне по сравнению с другими осужденными у террористов явно прослеживаются следующие отличия (см. рис. 2.19). Более высокие показатели по таким видам защит, как компенсация (D) и реактивные образования (H). Что касается первого, то это уже описано ранее. Компенсация — ведущая защита у «типичных» террористов. С реактивными же образованиями мы здесь встречаемся впервые. В литературе этот защитный механизм связывают с окончательным усвоением индивидом высших для него социальных ценностей.

Реактивные образования — это своего рода мини-концепции для объяснения своего асоциального действия или отказа действовать. Например, различные расовые, религиозные, национальные установки. Или наиболее простой пример реактивного образования, часто поражающий представителей наших правоохранительных органов: преступник — это не человек («Горбатого могила исправит»).

Такие защитные концепции не имеют какой-то развитой теоретической или логической базы, но, как ни странно, становятся еще устойчивее. Психокоррекция этого вида защиты крайне сложна. Причина, по которой мы до сих пор не встретились с ним в нашем изложении, заключается в том, что сосредоточили свое внимание на построении типологии личности террориста. А эта форма защиты, очевидно, является общей чертой всех осужденных за террористические преступления, отличающей их от других. Далее мы еще вернемся к обобщенному социально-психологическому портрету осужденного за подобные преступления и к тем общим чертам, которые характерны для всех типов. Однако обратимся к типологиям.

При кластерном анализе выделены два кластера (рис. 2.20). К 1-му было отнесено 58% террористов, ко 2-му — 42.

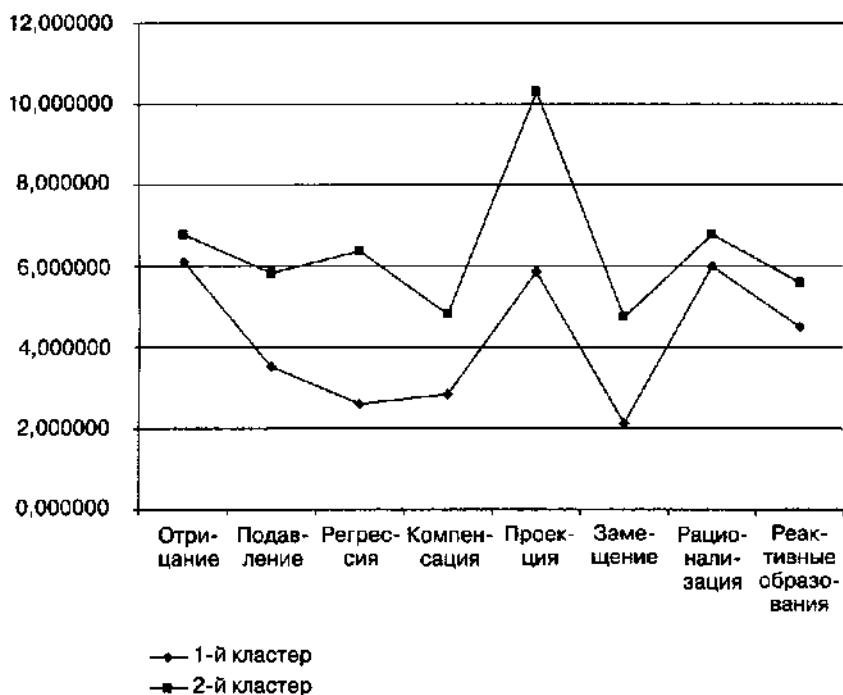

Рис. 2.20. Кластерный анализ результатов по тесту-опроснику механизмов защиты «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика

Примечательно, что для обследуемых, отнесенных к 1-му кластеру, характерны все виды психологических защит («отрицание», «подавление», «регрессия», «компенсация», «проекция», «смещение», «рационализация», «реактивные образования»). Для террористов, отнесенных ко 2-му, применимы только два вида психологических защит — «отрицание» и «реактивные образования».

У преступников, отнесенных к 1-му кластеру, наблюдаются более высокие показатели агрессивности и деструктивных форм поведения. Они себя чувствуют некомфортно в окружении людей, склонны их избегать.

Напомним, что лица, отнесенные к 1-му типу, имеют более выраженные формы агрессии и большее количество задействованных типов психологических защит. Вполне возможно, что увеличение выборки обследуемых приведет к изменению национальной представленности кластеров по данному опроснику.

Террористы, отнесенные ко 2-му кластеру, способны устанавливать близкие отношения. Интересным представляется тот факт, что среди преступников, отнесенных к 1-му кластеру, наблюдается большее чис-

ло людей, относящих себя к чеченской национальности, а среди лиц, отнесенных ко 2-му — к русским.

На этом фоне обратим внимание на наиболее существенные различия двух кластеров. С количественной точки зрения — это различия по показателям таких видов защит, как регрессия и проекция. Причем по показателю регрессии графики даже расходятся в разные стороны. Учитывая тот факт, что проекция достаточно высока в обеих группах (кластерах), как это вообще свойственно всем осужденным, различия в показателях регрессии, видимо, указывают нам на специфику этой важнейшей формы психологической защиты (проекции).

Психологический механизм проекции заключается в приписывании окружающим различных собственных негативных качеств с целью их непринятия и вытеснения, с самопринятием себя на этом фоне. Человек склонен искать виновников или причины своих проблем во внешнем мире. Причем искренне уверен в своей правоте. Очень часто объектом проекции являются близкие люди: дети, родители, супруги. Наиболее типичные тезисы для проекции — «Это из-за тебя», «Это все ты». Или для осужденных — «Меня подставили». Проекция встраивается в структуру личности, формируя определенные жизненные принципы. При этом различают:

- атрибутивную проекцию (бессознательное отвержение собственных негативных качеств и приписывание их окружающим);
- рационалистическую (осознание у себя приписываемых качеств и проецирование по формуле «Все так делают»);
- комплиментарную (интерпретация своих реальных или мнимых недостатков как достоинств);
- симилятивную (приписывание недостатков по сходству, например, родитель — ребенок).

Возможные девиации поведения: детерминированное сверхценными или бредовыми идеями ревности, несправедливости, преследования, изобретательства, собственной ущербности или грандиозности. На этой почве возможны проявления враждебности, доходящие до насильственных действий и убийств.

Возвращаясь к результатам нашего математико-статистического анализа, можно сказать, что в случае сочетания проекции с низкой регрессией (условно говоря, взрослой проекцией) мы, по всей видимости, имеем дело с рационалистической (осознанной) проекцией. При этом обе защиты невысоки. Во втором случае, возможно, имеет место неосознанная проекция, о которой трудно сказать, какого она вида. Так или иначе, эта частная типология очень важна для практической работы психологов и психотерапевтов, так как указывает на два, в общем-то совершенно различных, направления психокоррекции: в первом слу-

чае акцент делается на сознательную работу, во втором — на работу с подсознанием. Поэтому назовем эти типы так:

- нерегрессионно-проекционный;
- регрессионно-проекционный.

Этот факт подтверждается также результатами факторного анализа (табл. 2.13). Можно видеть, что показатели регрессии с высоким весом входят в первый фактор, в то время как показатели проекции распределяются по двум факторам с приблизительно равными весами. Однако факторный анализ позволяет построить и более развернутую типологию психологических защит террористов.

Таблица 2.13

Двухфакторная структура психологических защит у осужденных за террористические преступления (особо выделены значимые нагрузки факторов)

Виды защит	Factor 1	Factor 2
Отрицание	0,038521	0,586627
Подавление	0,499918	0,412783
Регрессия	0,878058	0,075768
Компенсация	0,746362	0,038458
Проекция	0,595041	0,468215
Замещение	0,883738	-0,070574
Рационализация	0,012704	0,761730
Реактивные образования	0,084092	0,591060

В первый фактор, кроме регрессии, с большими весами входят также замещение и компенсация. Учитывая, что компенсация — это та форма защиты, которая в существенной мере осуществляется сознательно, можно сказать, что в этом факторе представлена защитная внутриличностная организация, основанная на связи сознания и подсознания. Эта связь динамична, следовательно, личность может развиваться и доступна внешним воздействиям.

Второй фактор — гораздо более простой механизм защиты. Здесь отрицание и подавление (отказ видеть, слышать, понимать) связаны с рационализацией и реактивными образованиями. Этот состав и представляет работу проекции. Рационализация в коротком определении: это нахождение рациональных объяснений иррациональным или аморальным (преступным) действиям: я ворую потому, что все воруют; я убивал, но только плохих людей. Реактивное же образование — уже превращение этих объяснений в жизненные позиции, мини-концепции, как было сказано: надо так делать.

Таким образом, смысл этого защитного поведения прост: «Не я — другие виноваты» (проекция); «Знать ничего не знаю» (отрицание); «Сделал потому, что...» (рационализация); «Так и надо делать, потому что...» (реактивные образования) и «Слышать ничего не хочу» (вновь отрицание). Цикл замкнулся. Подобная защита очень устойчива, ее трудно преодолеть, чтобы открылись какие-то возможности изменения (исправления) личности.

Такой жесткости нет в первом случае (первый фактор), так как и регрессия и компенсация допускают разнообразные и гибкие пути личностных изменений. Отсюда — принципиально разные стратегии психокоррекционной и психотерапевтической работы с людьми этих двух типов. Очевидно, что тип защиты, представленный первым фактором, более характерен для типичных террористов, а представленный вторым (заикленный) — террористам с более ярко выраженным социально-психологическим портретом.

Тогда мы можем представить данную ранее типологию и формы психокоррекционной работы с людьми разных типов более развернуто, предварительно предложив еще одну частную типологию защиты:

- отрицающе-реактивный тип;
- регрессионно-компенсаторный тип.

Представим все построенные интерпретации и рекомендации по практической коррекционной работе с людьми разных типов в виде таблицы.

Таблица 2.14

Коррекционная работа в зависимости от типа личности

Основания типологии	Частные типологии	Направления психотерапевтической и психокоррекционной работы
По особенностям проекции	Нерегрессионно-проекционный тип	Опора на осознаваемые представления по методу переубеждения
	Регрессионно-проекционный тип	Опора на неосознаваемые побуждения, работа с чувствами, переживаниями
По особенностям регрессии	Отрицающе-реактивный тип	Фиксация и закрепление любых сомнений, противоречий, активизация эмоциональности вплоть до возможного побуждения к агрессивному реагированию
	Регрессионно-компенсаторный тип	Опора на присоединение к сомнениям, ощущениям, эмоциональным переживаниям, подсознательным побуждениям

4.5. Психодинамические типологии

В данном разделе мы приведем часть сравнительных исследований по результатам сопоставления полученных ранее с данными индивидуального тестирования испытуемых по Люшеру с последующим расчетом психодинамических коэффициентов (ПДК) по методу Д. В. Сочивко (см.: *Сочивко Д. В. Психодинамика*. М., 2003). Этот метод в настоящее время широко используется, в частности, в практике психологического обследования и индивидуальной работы с преступниками. Автором метода опубликован ряд коэффициентов, вычисляемых по результатам второго (или в случае большего количества выборов — последнего) индивидуального выбора из 8 цветов.

В таблице 2.15 приведены результаты расчета описанных психодинамических коэффициентов.

Таблица 2.15

Средние значения ПДК по выборке террористов в сравнении с нормой Вальнефера и осужденными за разные преступления в разных регионах России (356 чел.)

Коэффициент	Норма Вальнефера	Террористы	Все осужденные
Кла (дезадаптации)	15,38462	53,2754	63,42350
Кки (конструктивности)	100	83,8217	74,02057
Кан (волевой напряженности)	37,5	33,9397	37,13178
Клиб (избирательности в общении)	20	32,7528	39,36697
Ксопр (сопротивляемости)	21,42857	28,6671	34,56987
Кло (дистантности общения)	38,46154	53,1975	52,19097
Кмечт (мечтательности)	18,18182	65,8493	63,45909
Кконф (конфликтности)	88,88889	67,3921	65,55597
Какт (активности)	7,692308	48,7784	65,48172

Напомним, что аутогенная норма Вальнефера представляет собой усредненный цветовой выбор, к которому тяготеют выборы испытуемых, прошедших длительное психотерапевтическое лечение по методу аутогенной тренировки Шульца, а именно следующую последовательность цветов: красный, желтый, зеленый, фиолетовый, синий, коричневый, серый, черный.

На рис. 2.21 можно видеть, что для осужденных характерны определенные отличия от нормы Вальнефера, им присуща большая дезадаптивность и меньшая активность, что легко объяснимо условиями отбывания наказания. Однако на этом фоне можно видеть, что осужден-

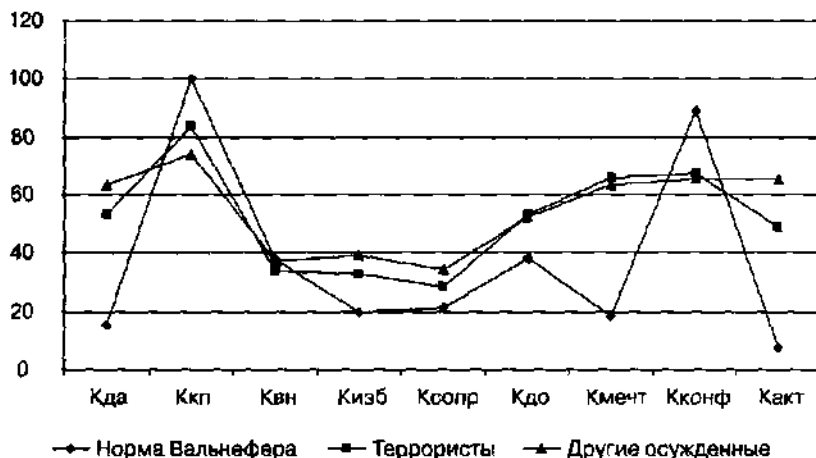

Рис. 2.21. Средние значения по ПДК Д. В. Сочивко по выборке террористов и других осужденных в сравнении с нормой Вальеффера

ные террористы гораздо менее дезадаптивны и более активны. У них наблюдается также снижение коэффициентов зеленой (по числителю) группы ПДК, что свидетельствует о большей волевой собранности и готовности к действию. Этот факт заинтересовал нас особо. По своей основной интерпретации зеленый цвет выявляет упорство, целеустремленность, сопротивляемость изменениям, постоянство воззрений.. Они (предпочитающие зеленый цвет) ригидны, упорны, настойчивы. Обладание рассматривается как вариант самоутверждения (определение Люшера в изложении Л. Н. Собчик¹).

Это напоминает некоторые описанные ранее черты террориста. Чтобы проверить такое предположение, мы обратились к результатам корреляционного анализа с целью выявления тех (из всех 168 возможных) коэффициентов, которые входят в корреляционные плеяды с показателями психодиагностических тестов, использованных в нашем исследовании. Результаты подтвердили ожидания. Действительно, коэффициенты зеленой группы (зеленый цвет в числителе) более всего коррелировали с показателями других тестов. Мы отобрали те, которые имели наибольшее число корреляционных связей, т.е. были центрами корреляционных плеяд. Это оказались следующие коэффициенты:

– 2/1+5, зеленый / синий+фиолетовый – коэффициент беспокойной неудовлетворенности – нешаблонного мышления;

¹ См.: Модифицированный восьмицветовой тест Люшера. М.: Речь, 2001. С. 12.

- 2/1+0, зеленый / синий + серый – коэффициент потребности эмоционального комфорта (покоя);
- 2/5+6, зеленый / фиолетовый+коричневый – коэффициент индивидуального своеобразия;
- 2/5+7, зеленый/ фиолетовый+черный – коэффициент лидерства;
- 2/5+0, зеленый/ фиолетовый+серый – коэффициент (непонятой) доверчивости – пассивного сопротивления.

Следует заметить, что интерпретации, которые мы здесь предлагаем, существенно связаны с целями настоящего исследования и в дальнейшем могут быть уточнены, даже изменены. Низкие значения всех коэффициентов соответствуют высоким проявлениям указанных качеств; в случае парных интерпретаций низкие значения соответствуют левому полюсу.

Соотнесем рассчитанные по группе осужденных за террористические преступления ПДК с нормой Вальнефера и показателями в отношении других осужденных.

Таблица 2.16

Средние значения ПДК по выборке осужденных за террористические преступления в сравнении с нормой Вальнефера и другими осужденными

Коэффициент	Норма Вальнефера	Террористы	Другие осужденные
2/1·5	33,33	32,0635	40,31650
2/1+8	25	32,6723	40,21533
2/5+6	30	29,1631	34,62921
2/5+7	25	28,5574	38,51574
2/5+8	27,27	29,9048	39,08288

Из приведенных данных видно, что осужденных террористов отличают от «обычных» осужденных явные предпочтения зеленого цвета. Они сохраняют свою напористость, устойчивость воззрений, стремление к самоутверждению через обладание другими. Их профиль гораздо ближе к норме Вальнефера, что подтверждает: и в заключении они чувствуют себя гораздо более комфортно, чем другие осужденные. Речь, конечно, идет в первую очередь о психологическом комфорте.

Ранее мы видели, что у данной категории осужденных существуют проблемы в установлении межличностных связей; специфичны и типы их психологической защиты. Наблюдаются отклонения в развитии личности, проблемы в адаптации. Они самостоятельны и очень осторожны, стараются избегать конфликтов, но при этом считают окружающих виновниками всех своих неудач. У них бывают моменты агрессивного отношения к обществу; они стараются игнорировать негативную информацию, но очень слабо защищены от нервного срыва.

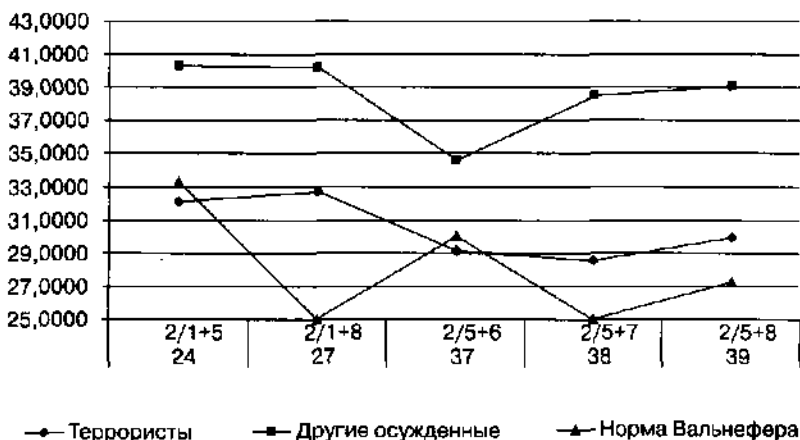

Рис. 2.22. Средние показатели ПДК осужденных за террористические преступления в сравнении с другими осужденными и нормой Вальефера

Отдельные испытуемые более подвержены самобичеванию, отчаянию, безнадежности, что легко может порождать асоциальные и ауто-агрессивные установки в поведении. В то же время другим осужденным менее, чем первым, свойственны проявления слабости характера: они менее податливы на влияние окружающих, менее внушаемы; стараются до конца довести начатое дело, внешне спокойно переносят одиночество, не нуждаются в утешении, не ищут новых впечатлений. Они самостоятельны и очень осторожны. Стараются избегать конфликтов, но при этом считают окружающих виновниками всех своих неудач, у них проявляются вспышки агрессивного отношения к обществу.

В основном испытуемые не способны создавать энергетическое заполнение вокруг травмированных элементов психики. Они также часто стремятся перекладывать вину за совершенные деяния на других людей, при этом пытаются вытеснить у себя тревожные состояния и стараются, по возможности, избегать ответственности.

Каждому из нас нетрудно примерить все сказанное на кого угодно, даже, скажем, на себя. И здесь мы становимся похожими на того врача, который, читая медицинский справочник, начинает находить в своем организме симптомы едва ли не всех заболеваний.

Наша задача попытаться отделить осужденного за террористические преступления от остальной массы осужденных и обычных граждан. Сделать это необходимо с целью построения модели его поведения в условиях изоляции от общества для определения мер психолого-педагогического воздействия, прогноза адаптации к услови-

ям содержания, исправления криминального поведения и ресоциализации.

Психодинамика поведения человека, в современном понимании, открывает широкий доступ экспериментального научно-психологического метода в область тех или иных его проявлений, одним из которых является такое сложное явление, как преступление и преступный образ жизни в целом. Преступное поведение может быть обусловлено такими особенностями личности, как невротизм, повышенная аффективная возбудимость, психопатизация, импульсивность, ригидность мыслительных процессов при недостаточно интеллектуальном уровне развития, завышенная самооценка, низкий самоконтроль.

Человек способен попытаться изменить ситуацию, понимая, что больше так вести себя не сможет. Конструктивность или неконструктивность производимых изменений будет определяться индивидуальной психодинамикой (Д. В. Сочивко) поведения человека.

Для более детального понимания поставленной проблемы мы провели сравнительный анализ особенностей поведения осужденных-террористов с другими осужденными. Анализируя психодинамику поведения по спектру психодинамических коэффициентов, можно сделать следующие выводы.

Люди, попадая в экстремальные условия жизнедеятельности, коими в данном случае выступают места лишения свободы, мобилизуют все внутренние ресурсы, направляя их на то, чтобы максимально быстро адаптироваться к новому положению в обществе — людей, лишенных свободы. Опираясь на мнение самих осужденных, можно говорить и о том, что лишение свободы, несомненно, является стрессом для человека, и даже для того, кто проходит через ворота исправительной колонии далеко не впервые. В связи с этим интересен факт, что в большинстве лишенных свободы человек обычно не становится внешне агрессивным, а приспосабливается, стремится избегать конфликтов, всевозможных споров и разногласий. Во взаимодействиях с людьми ориентируется на личностные качества.

Обратимся теперь к интерпретации значений построенных коэффициентов у осужденных за террористические преступления.

Странное, на первый взгляд, сходство террористов и свободных граждан подтверждает коэффициент лидерства. При высоких его значениях, т.е. при отвержении зеленого цвета и постановке в начало ряда фиолетового и черного, человек напряжен из-за отстаивания собственной независимости; избирателен в межличностных контактах; категоричен в принятии самостоятельных решений; стремится к независимости.

При низких значениях этого коэффициента, т.е. при расположении зеленого цвета в начале ряда и отвержении фиолетового и черного, че-

ловек ориентируется на собственное мнение, предъявляет очень высокие требования к окружающим, рассуждает несколько своеобразно; у него могут проявляться признаки социальной дезадаптации.

Мы уже говорили о том, что наибольшее количество связей в корреляционном анализе имеют ПДК зеленой группы. Свидетельствует это, пожалуй, о том, что при отвержении зеленого и перенесении в начало ряда других цветов человек отстаивает свои установки, проявляет упорство, противодействует обстоятельствам. При этом с изрядным чувством соперничества, опираясь на свой жизненный опыт, пропагандирует окружающим собственную социальную позицию.

При расположении зеленого в начале ряда и отвержении других цветов человек может быть угнетен в отстаивании своей позиции или недоволен социальным статусом. При этом из-за ослабления волевых качеств он не предпринимает для изменения ситуации никаких действий.

Поскольку нас интересует в первую очередь террорист, попробуем проинтерпретировать особенности его поведения, опираясь на полученные данные. Террорист, где бы ни был: в колонии или на свободе — живет своей обычной жизнью. Пусть даже подсознательно, он — участник мощного террористического движения — «избранный». За его спиной стоит некая сила, морально поддерживающая его в трудную минуту. Колония входит в его намеченный жизненный план, поэтому террорист, как и вольный гражданин, психологически не отбывает наказание. Он уверен, что выйдет на свободу и продолжит свое дело.

Обычный осужденный, при всех «за» и «против», готов к исправительному воздействию, а террорист — нет. Он живет, как в карантине, по принципу «Себя проявить, себя показать». Собственно, так живут и свободные граждане. Осужденные же «прописались» в колонии, уже расслабились — не зря некоторые из них называют колонию родным домом.

Однако почти все осужденные, с той или иной степенью открытости, ждут приближения дня освобождения. Очень многие переосмысливают содеянное, надеются изменить свою жизнь по выходе на свободу. Террористу же, психологически не отбывающему наказание, это не нужно. А так как он (опять-таки психологически) не наказан и тюрьма воспринимается им лишь как часть его жизни, он и не поддается исправлению, поскольку в нем не нуждается.

Именно в связи с этим необходимо заставить террориста понять, что он наказан. В отношении него необходима выработка иных мер воспитательного, психологического, исправительного воздействия, которые, видимо, должны отличаться от мер воздействия на обычных осужденных из-за разной духовности указанных групп.

Однако для более детального понимания поставленной проблемы нам представляется необходимым и реальным создание определенной

психодинамической типологии осужденных-террористов с целью определения мер психолого-педагогического воздействия, прогноза адаптации к условиям содержания, исправления криминального поведения и их ресоциализации. С этой целью всю матрицу первичных данных мы подвергли кластерному анализу.

При интерпретации данных необходимо учитывать тот факт, что осужденные уравниваются в условиях отбывания наказания и различия в спектре психодинамических коэффициентов могут рассматриваться как сугубо внутрличностные причины. Обработка данных методом кластерного анализа показывает, что психодинамическая структура реакций на различные события, обусловленные соблюдением тех или иных норм, не зависит от качественного определения этих реакций. Таким образом и выделяются два типичных кластера с некоторыми специфическими отклонениями.

К 1-му кластеру нами отнесены 42 человека из числа обследованных, ко 2-му — 83. Наблюдаются ярко противоположные значения их показателей. Достаточно удалены друг от друга данные зеленой группы психодинамических коэффициентов. Причем наиболее удаленные по значениям приходятся опять же на коэффициент № 1, уже описанный нами. Поэтому возьмем на себя смелость предположить, что из всего, если можно так сказать, многообразия террористов уже реально выделяются два типа:

- беспомощный (ждуший помощи извне и надеющийся таким образом разрешить свои внутренние проблемы);
- зависимый (обвиняющий во всех своих бедах окружающую действительность).

Анализируя далее выбранные нами психодинамические коэффициенты, мы видим, как уже говорилось, что наибольшее количество выборов выпадает на зеленый цветовой фактор. И здесь, продолжая формировать типологию, обозначим испытуемых следующими определениями:

- террорист-фанатик (несмотря ни на что, отстаивает свою позицию);
- слабовольный террорист (угнетен и недоволен своим социальным статусом).

Помимо уже названного коэффициента лидерства, относящегося к упомянутой цветовой группе, для наглядности обозначим еще три, наиболее часто встречающихся психодинамических коэффициента, которые, на наш взгляд, разбивают интерпретацию зеленой группы факторов на более детальные моменты.

Следующий психодинамический коэффициент представляет из себя частное от деления рангового места зеленого цвета на сумму ранговых мест синего и фиолетового. Мы назвали его коэффициентом беспокойной неудовлетворенности — нешаблонного мышления.

При высоких значениях указанного коэффициента, т.е. отвержении зеленого и перенесении в начало ряда синего и фиолетового цветов, человек неудовлетворен сложившимися взаимоотношениями, проявляет нетерпение, излишнюю раздражительность, чрезмерно напряжен.

При низких его значениях, т.е. расположении зеленого цвета в начале ряда и отвержении синего и фиолетового, человек испытывает трудности в социальной адаптации, склонен к оригинальному мышлению, высокочувствителен к внешним раздражителям.

Следующий психодинамический коэффициент представляет из себя частное от деления рангового места зеленого цвета на сумму ранговых мест синего и серого. Назвали мы его коэффициентом эмоционального комфорта (покоя).

При высоких значениях этого коэффициента, т.е. отвержении зеленого и постановке в начало ряда синего и серого цветов, человек стремится избежать ответственности, отказывается расслабиться, проявляет зависимость от значимых для него лиц при нереализованной потребности в понимании.

При низких его значениях, т.е. расположении зеленого цвета в начале ряда и отвержении синего и серого, человек испытывает потребность в прочной привязанности, покое, склонен к ограничению контактов, избеганию конфликтных ситуаций.

Еще один психодинамический коэффициент, представляющий из себя частное от деления рангового места зеленого цвета на сумму ранговых мест фиолетового и коричневого, мы назвали коэффициентом индивидуального своеобразия.

При высоких его значениях, т.е. отвержении зеленого цвета и постановке в начало ряда фиолетового и коричневого, человек в силу достаточно высокого уровня притязаний испытывает трудности в межличностных контактах.

При низких его значениях, т.е. расположении зеленого в начале ряда и отвержении фиолетового и коричневого цветов, человек испытывает потребность в особых условиях, у него обострена чувствительность к средовым воздействиям, ему присуща повышенная мнительность.

Самый часто встречающийся в нашей выборке коэффициент представляет собой частное от деления рангового места зеленого цвета на сумму ранговых мест фиолетового и серого. Назовем его коэффициентом не понятой никем доверчивости — пассивного сопротивления.

При высоких значениях названного коэффициента, т.е. отвержении зеленого цвета и постановке в начало ряда фиолетового и серого, человек нетерпелив и напряжен. Он чувствует, что не находит должного понимания со стороны окружающих, чрезмерно доверчив и, как проявление защитного механизма, предъявляет повышенные требования к ним.

При низких его значениях, т.е. расположении зеленого в начале ряда и отвержении фиолетового и серого цветов, человек, возможно, испытывает трудности в социальной адаптации. Он оторван от реальной жизни, пребывает в мире иллюзий. Вероятно, излишне раним, в поведении занимает в основном пассивно-созерцательную позицию.

Попробуем и здесь обозначить типологию:

- не понятый (никем) террорист (продолжает совершать свои преступные действия снова и снова);
- sentimentalный террорист (несмотря ни на что, ему жаль своих жертв, «плачущий убийца»).

Выступая в защиту предложенной типологии, попытаемся подвергнуть кластерному анализу матрицу из предложенных и опубликованных нами ранее десяти психодинамических коэффициентов вместе с выбранными по частоте встречаемости двенадцатью по выборке осужденных за террористические преступления.

К 1-му кластеру отнесен 31 человек, ко 2-му — 94. Здесь снова наблюдаются ярко противоположные значения показателей двух кластеров. И, как прежде, достаточно удалены друг от друга данные зеленой группы психодинамических коэффициентов. Согласно концепции Д. В. Сочивко, к ней относятся коэффициенты волевой напряженности, избирательности общения и сопротивляемости. Ориентируясь на известные уже интерпретации и сравнивая психодинамику осужденных, информация о которой получена методом кластерного анализа, мы, обобщая данные, видим следующее.

Осужденные более многочисленного 2-го кластера, так же как в первом анализируемом случае, готовы к преодолению трудностей. Они стремятся к независимости, сопротивляются внешним воздействиям, достаточно целеустремленны.

Испытуемые 1-го, соответственно меньшего по численности, кластера испытывают некоторую усталость, возможно, граничащую иногда с безнадежностью. Под грузом действительных или иллюзорных проблем они склонны к отказу от всякого сопротивления внешним воздействиям.

Как видим, эти результаты только подтверждают полученные ранее.

Подводя итог сказанному, возьмем на себя смелость предположить, что будущий потенциальный террорист подсознательно уже готов к действиям. Его нужно только взять и должным образом подготовить. Внушить, что он — участник мощного террористического движения, борец за правое дело. За его спиной стоят огромная сила и множество последователей.

Не боясь повториться, скажем, что обычный осужденный, при всех «за» и «против», готов к исправительному воздействию, а террорист —

нет. Он, как уже отмечалось, психологически не отбывает наказание, а поэтому и не поддается исправлению. В связи с этим и необходимо заставить террориста понять, что он наказан. Нужна выработка иных мер воспитательного, психологического, исправительного воздействия на него. Они, видимо, должны отличаться от мер воздействия на обычных осужденных из-за разных психологических особенностей указанных групп.

В этом разделе мы предложили, скорее, способ построения психодинамических типологий, чем окончательный вариант. Тем не менее, учитывая, что такие типологии могут быть весьма эффективно использованы (и уже используются) в практической работе, объединим в итоге все, что было получено:

- «беспомощный» террорист (ждущий помощи извне и надеющийся таким образом разрешить свои внутренние проблемы);
- «зависимый» террорист (обвиняющий во всех своих бедах окружающую действительность);
- террорист-«фанатик» (несмотря ни на что, отстаивает свою позицию);
- «слабовольный» террорист (угнетен и недоволен своим социальным статусом);
- «не понятый» (никем) террорист (продолжает совершать свои деяния снова и снова);
- «сентиментальный» террорист (несмотря ни на что, ему жаль своих жертв, «плачущий убийца»).

Глава III

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
ЭТНОРЕЛИГИОЗНОМУ
ТЕРРОРИЗМУ**

---

1. ОБЩЕСОЦИАЛЬНЫЕ МЕРЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

Применительно к противодействию этнорелигиозному терроризму, связанному с самыми разными сферами государственной и общественной жизни, немаловажное значение имеют политические решения и общесоциальная профилактика. Последняя предполагает широкий комплекс мер воздействия на причины терроризма и способствующие ему условия, включая любые общественные патологии, например, религиозный, иной экстремизм, ошибки при принятии политических решений, в процессе управления государством, решении национальных вопросов и т.д. Единой целостной теории социальной профилактики этнорелигиозного терроризма пока не существует, ибо данное явление в должной мере еще не осмыслено, особенно в части его природы и причин, да и сама постановка проблемы именно этнорелигиозного терроризма достаточно нова.

Вместе с тем не следует начисто отрицать саму идею разработки проблем общесоциальной профилактики современного терроризма, в том числе путем необходимых политических решений. При всех существенных различиях, многообразных проявлениях этого вида терроризма в них есть нечто общее, в первую очередь то, что лежит в основе его детерминации, — прежде всего религиозные, национальные ориентации и порождаемые ими идеи, чувства, эмоции. Это дает возможность сформулировать универсальные концептуальные подходы к решению задач не только их изучения, но и преодоления, профилактики, пресечения, сокращения, уменьшения вредных последствий и т.п. Отрадно, что за последние годы в науке этому стало уделяться больше внимания. В криминологии, например, появились в связи с данной проблематикой уточнения сложившихся представлений об основных направлениях, мерах, уровнях предупреждения этнорелигиозного терроризма.

Для борьбы с этнорелигиозной преступностью важное значение имеет различение общесоциальных и специальных мер. Общесоциальное предупреждение служит основой, базисом и занимает главенство-

ющее место в предупредительной системе, так как оказывает существенное влияние на весь процесс борьбы с террористической преступностью, воздействует на него, создавая предпосылки и условия для снижения кризисных, конфликтных ситуаций и других негативных явлений, питающих этот вид преступности. Общесоциальный уровень включает меры экономического, социального, политического, культурно-воспитательного, правового, иного характера, в том числе принятие важных политических решений, направленных на совершенствование общественных, а также сглаживание и снятие конфликтов в области национальных и религиозных отношений. Эти меры имеют широкий диапазон и столь же широкий резонанс; оказывают позитивное воздействие на множество самых разнообразных причин террористической преступности.

Эффект общего предупреждения зависит от действенности политики в социально-экономической, духовной, культурной, воспитательной и других сферах жизни общества. Очевидно, что в государстве, где серьезно «пробуксовывает» экономика, нестабильна политическая обстановка, декларируется, но реально не обеспечивается защита прав граждан, невозможно ожидать заметного сокращения этнических и религиозных конфликтов, питающих этнорелигиозный терроризм.

Общесоциальное предупреждение для противодействия терроризму имеет первостепенное значение, поскольку предполагает решение политических, экономических, административных, иных проблем, имеющих общесоциальное значение. В отличие от него специальное предупреждение, как известно, носит целенаправленный характер, ориентированный на недопущение преступлений, выявление, устранение, нейтрализацию причин, условий этнорелигиозной террористической преступности, на коррекцию в сторону общепринятых норм поведения лиц с антиобщественной позицией относительно межнациональных и межконфессиональных противоречий и способов их решения.

Специально-криминологические мероприятия тоже разрабатываются в сфере политики и осуществляются как ее часть, например, при применении принудительных мер в регионах, где имеются этнорелигиозные террористические проявления. Принятие в России законов по борьбе с терроризмом есть проявление политики государства. И здесь особенно важны специальные меры. Не только принудительные, но и все иные, включая экономические, воспитательные, организационные, административные и т.д., направленные на противодействие этому явлению.

Меры специального предупреждения преступности, в частности террористической, разнообразны и классифицируются по различным основаниям. Их разграничивают по содержанию (экономические, по-

литические, административные, культурно-воспитательные и др.); масштабам действия (общегосударственные, региональные и местные); в зависимости от момента применения (ранее и непосредственное предупреждение первичных экстремистских проявлений и предупреждение рецидивных террористических преступлений); по степени радикальности (предупреждающие возможность возникновения терророгенных ситуаций и явлений, нейтрализующие такие явления и ситуации, полностью устраняющие их); по правовой характеристике (базирующиеся на нормах права, но ими не регламентированные; детально урегулированные юридическими нормами, как, например, Федеральный закон РФ «О противодействии терроризму» 2006 г.); по механизму действия (меры-сигналы и меры прямого действия).

Имеются различные системы (классификации) мер по противодействию терроризму. Одна из них разработана Отделением Организации Объединенных Наций по контролю за наркотиками и предупреждению преступности. Его классификация включает в себя следующие контр-террористические меры:

- политические и управленческие;
- экономические и социальные;
- психологически коммуникационно-образовательные;
- военные;
- судебные и юридические;
- полицейские и тюремные;
- разведывательные и секретные;
- другие (уступки, сделки, иммиграционные меры, поддержка жертв).

Возможны, разумеется, и другие схемы. В данном разделе мы хотели бы сосредоточить внимание на политических мерах, предполагая, что именно они закладывают основы всей деятельности по противодействию терроризму. Правовые меры здесь не выделяются, но лишь по той причине, что они тоже являются проявлением определенной политики.

Под политическими мерами мы будем понимать совокупность государственно-правовых норм, на основе которых могут решаться этно-религиозные конфликты. Они, на наш взгляд, являются основой для урегулирования названных противоречий. Экономические, административные, иные меры и соответствующие им мероприятия должны базироваться на них, регулироваться ими.

Предупреждение этнорелигиозного терроризма мерами политического, экономического или другого характера может быть и общесоциальным, и специальным, т.е. специально направленным на предупреждение (профилактику) этого явления.

Согласно Заключительному акту Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. отношения между государствами должны регулироваться, исходя из принципа равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой. Все народы имеют право в условиях полной свободы определять свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по собственному усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие.

Но возникает вопрос: проявляется ли в определении и проведении своей внутренней и внешней политики воля именно народа или же это лишь произвол правящей элиты либо кучки авантюристов и проходимцев, захвативших власть, которую они реализуют в качестве тоталитарной диктатуры? Если имеет место последнее, то, очевидно, у мирового сообщества появляются все основания для вмешательства во внутреннюю жизнь соответствующей страны. Если бы цивилизованные страны вовремя остановили и свергли Гитлера, это спасло бы мир от многих миллионов жертв.

Очень важно подчеркнуть, что право народов распоряжаться своей судьбой предполагает и обязанность не ставить свои права выше прав других народов, не ущемлять их интересы. Если же это происходит, мировое сообщество, прежде всего в лице Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, может принять политические, экономические и военные меры, как это случилось, например, в отношении Ирака. Мировое сообщество реагирует и на факты геноцида, ущемления законных прав, интересов любых наций и народностей, независимо от того, виновно ли в этом государство, титульная нация, господствующая религиозная группа или, напротив, малая нация или иная негосподствующая социальная группа.

Признание или непризнание нового суверенного государства зависит как от того государства, в которое «претендент» ранее входил (если оно, конечно, сохранилось), так и от других, в первую очередь крупных, и тем более тех, которые признаны великими державами. Не менее сложно обстоит дело в случаях, когда добиваются независимости регионы, которые входили ранее или продолжают входить в состав государств. Чаще всего именно в таких ситуациях возникает этнорелигиозное противостояние, приводящее к терроризму. Именно такого рода конфликты существуют в Испании (Страна Басков), Великобритании (Ольстер), Канаде (Квебек), России и в некоторых других странах. Их очень трудно разрешить, найти решение, которое устраивало бы все силы, участвующие в них.

Одним из наиболее перспективных путей решения таких внутригосударственных конфликтов может быть предоставление автономии

тем группам населения, которые настаивают на своем более высоком государственном статусе. При наличии, разумеется, необходимой территории.

Провозглашение автономии является неотъемлемым правом народа на самоопределение и должно осуществляться в соответствии с конституцией государства, на территории которого она провозглашается, и международным правом. Однако автономия не должна ущемлять права других народов и государства в целом. Она должна основываться на свободном выражении воли населения определенной территории, принимая во внимание исторические, национально-этнические и другие его особенности.

Положения, устанавливающие автономию, должны точно определять отношения между ней и государством, на территории которого она провозглашается. В них необходимо включить компетенцию автономии в области политических, экономических, социальных и культурных отношений, в частности, область и формы деятельности ее органов в международной сфере, включая, по возможности, право заключать международные договоры и степень представительства.

По этому пути идет сейчас Чеченская Республика, что не может не вызывать одобрения.

Все международные обязательства государства, на территории которого провозглашена автономия, обязательны и для ее органов. Независимо от того, несут они конвенционный или обычный характер.

Предоставление автономии и передача ей тех или иных прав не должны противоречить интересам государства и конституции, ущемлять права других народов или религиозных групп, проживающих на территории автономии. Совершенно недопустимо их изгнание (насильственное переселение), как это имело место, например, в Абхазии, откуда изгнали грузин. В то же время статус автономного образования не может быть изменен односторонне и без согласия на это населения на основе референдума.

Имеют ли право на отделение национальные меньшинства, проживающие в автономии? В России ответ на этот вопрос имеет большое значение для автономных республик Северного Кавказа, прежде всего Чечни. Есть сторонники и противники такого решения национальных проблем. Нам наиболее близка та точка зрения, что национальные меньшинства могут отделиться от суверенных государств лишь в крайних случаях, когда, например, в отношении них имеются случаи систематического, грубого и массового нарушения прав. В этих случаях возникает необходимость не только заранее определить характер и критерии таких нарушений, но и решить их в рамках международной организации. Данный процесс предполагает наличие доброй политической воли

самых меньшинств, исчерпание ими всех допустимых средств для решения своих проблем в рамках соответствующего государства, включая помощь международных механизмов.

Не менее важное условие состоит в том, чтобы народ или народы, претендующие на отделение, могли самостоятельно управлять своим государством. Иными словами, достигли в своем развитии уровня государственного суверенитета.

Если все перечисленные условия будут соблюдены, то имеются основания считать, что проблемы меньшинств можно разрешать в рамках суверенных государств. Однако представляется, что этой возможностью решения национальных проблем не следует злоупотреблять: недопустимо, чтобы при образовании великого множества мелких суверенных государств тут же начались войны за объединение и покорение небольших стран. Раздробленное человечество в современную эпоху не в состоянии решать стоящие перед ним глобальные задачи. Сам ход исторического движения противоречит этому.

В каждом конкретном случае вопрос об отделении необходимо решать в зависимости от значимых обстоятельств исторического, этнического, религиозного, политического характера. Очень важно, чтобы отделения желал весь народ, а не только элита, алчно рвущаяся к власти, что можно сказать и об автономии. Любое самоуправление не должно истолковываться как разрешение или поощрение действий, нарушающих или подрывающих полностью или частично территориальную целостность или политическое единство суверенных и независимых государств, которые соблюдают принципы равноправия и самоопределения народов и в силу этого имеют правительства, представляющие интересы всего народа на их территории без каких-либо различий.

В России неоднократно предлагалась возможность замены права на самоопределение другими принципами, так как данный принцип, по мнению некоторых авторов, не может быть применен на практике. В связи с этим утверждалось, что новому мировому демократическому порядку должен соответствовать принцип свободного самоопределения территории, а не нации. Хотя эту идею вряд ли одобряют народы, имеющие свои национально-территориальные, т.е. государственные образования, ее, тем не менее, стоит рассмотреть.

Принцип свободного определения территорий приемлем не только в мононациональных государствах (например, в ФРГ). В многонациональных США действует такой же принцип, несмотря на то, что американскую нацию представляют бывшие мигранты. Но это все-таки отнюдь не мононациональная страна, более того, в ней сосуществуют и разные расы. Тем не менее ни в Германии, ни в США не возникали проблемы, существующие в России с коренными народами. Кстати, аме-

риканцы с аборигенами, их предшественниками на континенте, обошлись очень жестоко и несправедливо, как истребляя их, так и игнорируя их национальные интересы. Конечно, это не образец решения национальных вопросов, однако не вызывает сомнений, что самоопределение территорий вполне возможно и в многонациональных странах, в том числе в России.

Поэтому самым приемлемым вариантом сочетания принципов прав наций на самоопределение и территориальной целостности существующих государств с учетом их взаимных интересов является предоставление малым народам на месте их исторического проживания права на политическое, экономическое, социальное и культурное самоопределение. С учетом интересов как всего государства, так данного и других народов.

Вместе с тем вызывает возражение мнение о том, что в России невозможна реализация принципа самоопределения территории, а не нации. Но он нашел себе место во многих странах, применим и в России. Хотя понятно, что название «Автономная республика...» или «Республика...» очень приятно национальному самолюбию, представители таких республик должны понимать, что у них столько же прав и привилегий, как и у любой области Российской Федерации.

Проблемы, существующие в России с коренными народами, возникли не потому, что они «коренные», а потому, что у нас в государстве имеются весьма способствующие им социальные, экономические и политические условия. Более того, они не просто способствуют их появлению, а порождают их. Поэтому можно сделать общий вывод: национальные проблемы определяются вовсе не тем, пришлыми или коренными народами населены те или иные страны или регионы. В данном контексте напомним, что дореволюционная и тоже многонациональная Россия была построена именно по принципу самоопределения территорий, а не наций. При этом в ней не существовало сколько-нибудь значимых, масштабных, межнациональных или межрелигиозных проблем, выливающихся в кровавые столкновения. Это уже потом Ленин и Сталин начали сортировать нации и народы на самые достойные, просто достойные, не очень достойные и недостойные, в соответствии с этим присваивая им тот или иной государственный статус, причем совершенно произвольно. Тем самым они заложили опаснейшую мину, которая взорвалась в наши дни. Справедливости ради, однако, следует заметить, что чеченская проблема возникла бы независимо от того, какой государственный статус смогли бы обрести чеченцы. В 1996 г. им была фактически предоставлена независимость, которой они не смогли воспользоваться.

Как уже отмечалось, чеченское общество еще не достигло государственности как показателя уровня своего развития. В нем господствуют общинный уклад жизни, общинные идеология и психология, что препятствует построению государства. А. Гейвандов, анализируя события в Чечне, вспоминает о шотландцах. Еще 300 лет назад их кланы бегали по горам, «самозабвенно» резали друг друга, иногда «отвлекаясь» на англичан. Хотя были они христианами, это не помешало им сохранить кровную месть, похищать людей и угонять скот. Почему их больше интересовали междоусобицы, чем война с англичанами (так же, как культивируемая многими поколениями ненависть к России не может объединить чеченцев надолго), объясняется общинным отношением к территории: колонизаторы «не имели права» на территорию общины, их присутствие воспринималось как незаконное и временное, закрепление той же территории соседней общиной считалось реальной опасностью. В конце концов Шотландия была завоевана англичанами и «принудительно адаптирована» к современному им миру¹.

Уход России из Чечни не прекратил бы террористической деятельности ни вне республики, ни внутри нее. В дудаевской республике была создана пародия на государство, причем очень злая. Не прекратятся и междоусобицы — даже представители чеченских властей говорят о кровной мести как инструменте достижения своих целей. Между тем будущее Чечни прямо зависит от способности или неспособности ее населения преодолеть клановую раздробленность и объединиться на позитивной основе. Террористические режимы исламистов обосновались на территориях, не преодолевших родо-племенной раздробленности и потому не имеющих полноценного государственного регулирования, — в Афганистане и на Северном Кавказе. Тогда начинает действовать правило: «В доме, где нет хозяина, распоряжается гость».

В силу названных причин предоставление Чечне независимости в настоящее время представляется необоснованным. Это может вызвать новые разрушения и жертвы, в том числе среди самих чеченцев. Однако вполне возможно предоставление этому народу достаточно широких прав и полномочий, особенно в сфере экономики и местного самоуправления, отношений с соседями и федеральным центром.

Трудно сейчас сказать, могут ли стать независимыми государствами другие исламские республики Северного Кавказа, и не дай нам бог проверять это «чеченским» способом. Но никакой уверенности в возможностях этих республик стать самостоятельными государствами нет.

Право на политическое самоопределение есть сумма норм и принципов, обеспечивающих защиту народной воли на пути создания неза-

---

¹ См.: Гейвандов А. Указ. ист.

висямой государственности и гарантирующих территориальную целостность в пределах сложившегося государственного образования, которое тоже имеет собственные, нуждающиеся в охране интересы.

Право на экономическое самоопределение представляет собой совокупность норм и принципов, защищающих свободу экономической деятельности, суверенитета для естественных богатств и ресурсов страны, обеспечивающих равноправный и взаимовыгодный характер международного экономического общения. А на Северном Кавказе достаточно много естественных богатств, которые при разумном использовании могут способствовать повышению уровня жизни населения региона. Этот путь представляется если не главным, то одним из таковых.

Будучи внутренней компетенцией самого народа, право на экономическое самоопределение регулируется нормами внутритосударственных правовых институтов. Например, права на свободную эксплуатацию естественных ресурсов и богатств страны, контроль иностранных инвестиций, на свободную внешнюю и внутреннюю экономическую политику и т.д. — национальным законодательством и межгосударственными соглашениями. Все эти проблемы должны решаться федеральным центром при обязательном согласовании с местными органами власти и всестороннем учете интересов населения региона. Более того, желательно, чтобы местная власть активно участвовала в этом.

Право на социальное самоопределение — это право народа или нации на свободное волеизъявление в случае появления потребности социального переустройства своей страны, улучшения жизненных условий.

Без права социального самоопределения затруднена, а часто исключена свобода народов распоряжаться своей судьбой. Все внутренние вопросы полноправного и рационального участия в социальной жизни наций, племен, народностей в том или ином государстве могут быть решены только при полной свободе выбора общественного строя. Поэтому, когда встает вопрос о проблеме сецессии или расчленения государств вследствие тех или иных этнических, политических и прочих конфликтов, право на социальное самоопределение должно быть основополагающим, когда политическое самоопределение реально осуществлено. Но мы полагаем, что в России все-таки должен восторжествовать принцип территориального самоопределения.

Еще одна проблема — право на культурное самоопределение. Это есть право народа, нации на свободное определение своей культурной, религиозной, научной и многих других форм общественной жизни на территории государства, в зависимости от исторических, экономических и социальных условий. Культурное самоопределение народов является, на наш взгляд, необходимой психологической, духовной и, в конечном счете, социальной основой самоопределения народа, вплоть

до достижения им полной независимости. Если народ в культурном отношении не самоопределился, остальное для него практически недостижимо. Культурное самоопределение означает, что народ понял, репрезентировал в своем сознании то, что отделяет его от других, чем он отличается от них, какими духовными и собственно культурными ценностями обладает. Это и есть самоидентификация народа (нации).

Вместе с тем термин «культурное самоопределение» давно используется для обозначения явления, когда (иногда без регулирования законом) народ обособляется от других, совместно с ним проживающих, народов для изучения и популяризации своего языка, литературы, искусства, религии, традиций, обычаев, образа жизни в первую очередь среди детей и молодых людей. Это очень важное и нужное дело, которое не всегда регулируется правом, в чем, кстати, может и не быть необходимости.

Ущемление права на культурное самоопределение (в узком смысле слова) почти всегда свидетельствует о гонении на народ, который стремится к такому самоопределению. Следует отметить, что культурное самоопределение в названном смысле возможно и нужно также для тех народов, которые живут обособленно. Но любому оно необходимо для подтверждения его уникальности, самобытности, особой роли в истории и места в цивилизации. Чем больше на земле самобытных, исторически и социально определенных народов, тем богаче человечество в целом. Это очень важно в современных процессах глобализации, грозящих поглотить малые народы с их уникальной культурой, языком, особым видением мира. Исчезновение любого малого народа — трагедия для человечества, такое не должно случиться и в век глобализации.

Все это особенно актуально для России, которая является многонациональным государством с 145-миллионным населением, где совместно проживают представители более 100 национальностей, включая коренные малочисленные народы. К ним относятся народы, обитающие в местах традиционного проживания предков, сохраняющие традиционный образ жизни, формы хозяйствования и промыслов, даже своих богов и божков, собственное мировосприятие. Некоторые такие народы насчитывают менее 50 тыс. человек.

К национальным меньшинствам относятся народы или часть народа, постоянно, компактно или дисперсно проживающие на территории Российской Федерации, не имеющие в ее составе своих национально-государственных или национально-территориальных образований и не относящиеся к коренным малочисленным народам. Из 88 субъектов, входящих в ее состав, 20 является национально-государственными образованиями, т.е. республиками, один — автономной областью, 9 — автономными округами.

Нет сомнений, что терроризм на Северном Кавказе порождает принимаемые, порой непродуманные и непросчитанные по своим последствиям, политические решения, затрагивающие жизненно важные интересы больших групп и слоев населения. А во многих случаях он представляет собой реакцию определенных социальных, этнических и религиозных групп на ошибки и просчеты политического руководства. Ярким примером политической близорукости, детерминировавшей широкомасштабную террористическую деятельность, является, на наш взгляд, непоследовательная и противоречивая политика федеральной власти в 1990-х годах на Северном Кавказе.

В монографии Р. Г. Абдулатипова «Авторитет разума (О философии разумной политики)» известный российский политик отмечает, что у России нет «кавказской политики», а значит, Кавказ вынужден строить соответствующую политику в отношении России, свою внутреннюю политику. Зачастую, как уже показала практика, это строительство ведется руками криминальных авторитетов, экстремистов различных оттенков, спекулирующих этноконфессиональными интересами. Вместе с тем коэффициент полезного действия политики центра мог быть просто бесценным.

В средствах массовой информации неоднократно подчеркивалось, что «мятежную» Чечню породила та часть российской элиты, которая активно занималась и занимается теперь казнокрадством путем «приватизации» госбюджета и создания финансовых пирамид. Такой преступный анклав ей был объективно выгоден. Многого можно сделать, используя (списав на них) чеченские преступные группировки, имеющие «территорию для отхода». В частности, чеченский криминалитет, находясь в доле с высокопоставленными государственными чиновниками, обеспечивал крупномасштабные операции, связанные с контрабандой электроники и бытовой техники, нелегальным транзитом оружия и наркотиков, разграблением следующих через Чечню поездов. Можно предположить, что косвенно эта же часть российской элиты заинтересована в дестабилизации обстановки и в других регионах Северного Кавказа.

Основным внутренним фактором терроризма политического свойства является дисфункционализация власти, т.е. невыполнение или недолжное выполнение государственной властью своих функций. При такой государственной политике появляются различные оппозиционные группы, в том числе религиозного плана, для которых становится сомнительной законность существующей власти, всей системы управления. Когда же такие группы приходят к выводу, что не могут добиться своих целей законным путем, они зачастую прибегают к насилию, к скрытым (теневым, незаконным, откровенно криминальным) формам

борьбы за власть, сферы влияния. Их активность тем выше, чем больше ущемляются экономические интересы. Между тем характер политической власти на Северном Кавказе, да и не только там, таков, что именно власть приносит наивысшие доходы, что в демократическом государстве недопустимо.

Очень важным аспектом реализации политических мер является сотрудничество разных стран в борьбе с этнорелигиозным терроризмом на международном, региональном и двустороннем уровнях. Оно должно включать: взаимодействие между правоохранительными, следственными и судебными органами, с уделением должного внимания уважению основных прав человека; определение направлений сотрудничества между государствами в уголовно-правовых вопросах на всех уровнях системы соблюдения законов и уголовного правосудия; активизацию просвещения и расширение подготовки сотрудников правоохранительных органов по вопросам предупреждения преступности и международного сотрудничества в области уголовного права, включая разработку специальных курсов по международному уголовному праву и международному пенитенциарному праву и процедурам в качестве элемента правового просвещения, а также профессиональной и судебной подготовки; разработку программ общего правового просвещения и расширения осведомленности общественности путем привлечения средств массовой информации с целью разъяснения населению той опасности, которую представляет собой терроризм¹.

Мировое сообщество сейчас активно вырабатывает международные нормы и стандарты, определяющие наиболее рациональные, эффективные и гуманные меры борьбы и процессуальные правила деятельности государств в борьбе с терроризмом. Это является важной составной частью их внешней политики. И достижению положительных результатов послужило бы создание типового договора между государствами о взаимной помощи в области уголовного правосудия, в том числе преследования преступников совместными усилиями и проведения согласованных (совместных) оперативно-розыскных и оперативно-боевых мероприятий.

В условиях выхода терроризма за государственные границы, ограниченных возможностей национальных правоохранительных органов в выявлении и расследовании этих преступлений, обнаружении и привлечении виновных к уголовной ответственности практическую борь-

---

¹ См.: Трунцевский Ю. В. Эффективность борьбы с терроризмом в соблюдении действующего законодательства // Терроризм. Правовые аспекты борьбы: Нормативные и международные правовые акты с комментариями. Научные статьи / Под ред. И. Л. Трунова. М., 2005. С. 229.

бу с этим злом вести все труднее. В связи с отсутствием единого правового пространства и реализацией принципа прозрачности границ, когда преступники скрываются на территории одного государства—члена СНГ от уголовного преследования за противоправные деяния на территории другого члена СНГ, особенно острой стала проблема взаимоотношений России с государствами, входившими ранее в состав Союза ССР.

---

2. АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ

2.1. Роль административного права в противодействии терроризму

Серьезность современной угрозы терроризма вызывает к жизни многогранную (экономическую, политическую, охранительную и др.) деятельность различных органов государственной власти. Такая деятельность в демократическом государстве не может осуществляться вне правового поля. Для противодействия терроризму государство использует весь потенциал права. Каждая его отрасль решает эту задачу, исходя из своего предмета и метода правового регулирования. Особая роль в противодействии терроризму принадлежит административному праву, которое является ядром публичного права.

Одна из основных задач административного права — регулирование публичных отношений, защита общественной безопасности. Именно потому, что административное право регулирует и охраняет общественный порядок, оно является очень важной для общества отраслью права. Такая роль административного права определяется, во-первых, широтой его предмета регулирования, охватывающего общественные отношения в сфере деятельности исполнительной власти; во-вторых, императивным методом регулирования, а в этом качестве выступает метод властного повеления, суть которого выражается в формуле «команда-исполнение»; в-третьих, сочетанием регулятивных и охранительных функций. Эти особенности определяют направленность, объем и способы административно-правового противодействия терроризму.

В его предупреждении и пресечении используется вся мощь разнообразных административно-правовых средств в совокупности. Именно такое единство сводит разнообразные юридические средства в системное образование «механизм административно-правового регулирования», понятие которого впервые обосновано С. С. Алексеевым. Современные представления о данном механизме исходят из того, что механизм административно-правового регулирования включает в себя нормы (нормативные акты), правоотношения, акты применения права, способы правового регулирования (дозволение, разрешение, запрет).

Административно-правовые нормы занимают особое место в механизме противодействия терроризму. Они являются определяющим звеном, составляют нормативную основу борьбы с терроризмом. Это не случайно, поскольку ведущее место в данной деятельности принадлежит органам исполнительной власти. Нормы административного права определяют их правовой статус, полномочия, механизм взаимодействия с другими субъектами права. Особое место среди них занимают статутные нормативные акты, регулирующие организацию и деятельность основных субъектов противодействия терроризму. К ним относятся Закон РФ от 18 апреля 1991 г. «О милиции», Федеральный закон от 6 февраля 1997 г. «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации», Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. «О Федеральной службе безопасности» и др. Так, в Законе РФ «О милиции» закрепляются полномочия ее сотрудников по реализации разнообразных административно-правовых мер (доставление, административное задержание, изъятие оружия, взрывчатых веществ и др.), широко применяемых в процессе контртеррористических операций.

Нормами административного права регулируются и вопросы организации противодействия терроризму, управления этой деятельностью. Такие нормы содержатся в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму», в котором закреплены организационные основы такого противодействия (ст. 5), определен правовой режим контртеррористической операции (ст. 11), условия ее проведения (ст. 12). Особо следует подчеркнуть положение о едином управлении силами и средствами, участвующими в проведении контртеррористической операции (ст. 15). Не секрет, что многие неудачи федеральных сил на Северном Кавказе были связаны с плохой координацией деятельности различных силовых структур.

Значительное место в регулировании контртеррористической деятельности занимают Указы Президента Российской Федерации. Ими определяются организация этой деятельности, полномочия федеральных органов исполнительной власти по борьбе с терроризмом, решаются иные вопросы управления силами и средствами, участвующими в противодействии терроризму. Указом Президента РФ в 2006 г. создан Национальный анти-террористический комитет, который вырабатывает государственную политику борьбы с терроризмом, координирует деятельность всех федеральных органов исполнительной власти в этом направлении. В соответствии с Федеральным законом «О противодействии терроризму» президент принимает решения об использовании соединений Вооруженных Сил РФ для участия в проведении контртеррористической операции, об использовании их формирований за пределами Российской Федерации для пресечения международного терроризма (ст. 9–10).

Вопросы организации противодействия терроризму детально регулируются постановлениями Правительства РФ. Так, Постановлением от 22 июня 1999 г. № 660 (в ред. Постановления Правительства от 30 декабря 2005 г. № 847) утвержден Перечень федеральных органов исполнительной власти, участвующих в пределах своей компетенции в предупреждении, выявлении и пресечении террористической деятельности. Постановлением Правительства РФ от 7 апреля 2004 г. № 186 (в ред. Постановления Правительства РФ от 5 декабря 2005 г. № 714) «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу» установлено, что Федеральная служба по финансовому мониторингу является федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным принимать меры по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, а также координировать деятельность в этой сфере иных федеральных органов исполнительной власти.

Нормативными актами определяется и круг административно-правовых средств, используемых в борьбе с терроризмом, порядок их применения. К ним следует отнести Кодекс РФ об административных правонарушениях, который содержит нормы об административной ответственности за деяния, связанные с террористической деятельностью: ст. 15.27 «Нарушение законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»; ст. 20.27 «Невыполнение в зоне проведения контртеррористической операции законного распоряжения лица, проводящего указанную операцию». В КоАП РФ определен и порядок применения мер административного пресечения, связанных с совершением административных правонарушений. Иные меры административного принуждения (карантин, досмотр, выдворение и др.) предусмотрены во многих других нормативных актах. При этом следует заметить, что в связи с повышением угрозы терроризма на транспорте ужесточен пропускной режим в аэропортах, предполетный досмотр осуществляется только с участием сотрудников милиции.

Значительна роль норм административного права в формировании административно-правовых режимов, большинство которых связано с обеспечением общественной безопасности. Таковы режимы оборота оружия, закрытого административного образования, пропускной режим и др. Установление пропускного режима в аэропортах, на предприятиях атомной энергетики и других опасных производствах имеет целью исключить проникновение посторонних лиц на эти объекты. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» (в ред. Федерального закона от 9 мая 2005 г. № 45-ФЗ) распространяет соответствующие поло-

жения безопасности, в том числе и пропускной режим, на объекты, указанные в приложении № 1 к данному закону. Наконец, Федеральным законом «О противодействии терроризму» определен режим контртеррористической операции, содержание которого будет рассмотрено.

Следует отметить, что в настоящее время создана правовая основа противодействия терроризму, адаптированная к современной криминологической ситуации. Она учитывает отечественный и международный опыт предупреждения и пресечения террористической деятельности.

Другим элементом механизма административно-правового регулирования являются правовые отношения: именно они отражают динамику этого механизма. Контртеррористические мероприятия реализуются преимущественно в административно-правовых отношениях. Характерной их чертой является юридическое неравенство сторон на началах «власть—подчинение». Такая модель правоотношений позволяет проводить в жизнь волю управляющего (руководителя контртеррористической операции, сотрудника милиции и др.).

В рассматриваемой сфере деятельности возникают различные виды административно-правовых отношений, которые пронизывают весь процесс противодействия терроризму (планирование, профилактика, непосредственное проведение контртеррористической операции, ответственность и др.). Основными являются организационные, контрольно-надзорные, регистрационные, разрешительные (лицензионные), административно-деликтные отношения. Применительно к каждому их виду нормы административного права определяют объект, субъекты правоотношений, юридические факты.

Следует подчеркнуть, что в рамках административно-правовых отношений реализуется как внутриорганизационная деятельность субъектов противодействия терроризму, так и внешневластная — по предупреждению, пресечению террористических актов, привлечению виновных к административной ответственности. Соответственно этому нормативной основой внутриорганизационных отношений будут преимущественно статутные нормативные акты, для второй группы административных правоотношений — специальные нормативные акты (законы об оружии, отходах производства и потребления, о ветеринарии и др.). Круг субъектов административно-правовых отношений, в которых реализуется противодействие терроризму, весьма широк. Это федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления; российские, иностранные граждане и лица без гражданства; должностные лица органов власти, предприятий и организаций; общественные объединения, судьи и др.

В механизме административно-правового противодействия терроризму особую нишу занимают акты применения права. Они дополняют властность норм, конкретизируют нормативные предписания к определенному жизненному случаю. Актами применения норм права разрешаются индивидуальные дела в сфере публичных отношений, а в рассматриваемой сфере деятельности — значительное количество разнообразных дел. Посредством этих актов решаются вопросы оперативного управления по противодействию терроризму, удовлетворяются интересы физических и юридических лиц, реализуются меры административной ответственности и административного принуждения.

Использование многообразных актов против терроризма обусловлено разнообразием решаемых в рамках соответствующей деятельности задач (управленческих, разрешительных, надзорных, юрисдикционных и др.). Акты применения норм административного права подразделяются на акты-документы и акты-действия. К первым относятся акты управления (например, приказ руководителя контртеррористической операции о ее проведении), юрисдикционные акты (постановление судьи по делу об административном правонарушении), процессуальные акты (протоколы об административном задержании, изъятии оружия и др.).

Значительна роль актов-действий при контртеррористической операции, подавлении сопротивления террористов. При этом следует заметить, что Федеральный закон «О противодействии терроризму» расширил возможности их применения. Помимо традиционных актов-действий (применение физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия и др.) в целях пресечения террористического акта он предусматривает уничтожение воздушного, морского или речного судна (ст. 7–8).

Способы административно-правового регулирования играют специфическую роль в механизме противодействия терроризму. Административное, равно как и другие отрасли права, использует в качестве способов правового регулирования дозволение, разрешение, запрет. В отличие от других отраслей права, оно реализует весь арсенал названных способов воздействия на поведение физических и юридических лиц. Но их соотношение в механизме административно-правового регулирования неоднозначно. Для решения задач противодействия терроризму недостаточно мощности дозволительного способа правового регулирования, который предполагает определенную «автономность» поведения субъекта права. На первый план выступают разрешительный и запретительный способы воздействия на поведение субъектов права.

Разрешительный способ административно-правового регулирования широко используется в целях обеспечения общественной безо-

пасности и охраны общественного порядка. Не случайно данный способ правового регулирования рассматривается в науке как один из институтов административного права. Сфера применения разрешительного порядка весьма широка. В рассматриваемой сфере деятельности особое значение приобретают разрешения на приобретение, хранение, использование оружия, производство взрывчатых, иных опасных веществ, производство взрывных работ и др.

Административный запрет является одним из наиболее жестких способов механизма административно-правового регулирования. Он теснейшим образом связан с правовой охраной общественных отношений, с помощью которого не только определяются признаки неправомерного поведения, но и, по образному выражению С. С. Алексеева, он «заряжен» юридической ответственностью. Такая жесткость административного запрета предопределила его более широкое применение в целях противодействия терроризму.

Так, ст. 15.27 КоАП РФ запрещает осуществление денежных операций с нарушением требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. В соответствии с Федеральным законом «О противодействии терроризму» на территории (объекте), где введен правовой режим контртеррористической операции, устанавливаются дополнительные запреты на присутствие в данной зоне лиц, не проживающих здесь постоянно, на пользование средствами связи, деятельность опасных производств и др.

В заключение следует подчеркнуть, что рассмотренные элементы механизма административно-правового регулирования теснейшим образом связаны между собой. Именно системность данного образования позволяет использовать все возможности административного права в противодействии терроризму. В борьбе с ним применяются разнообразные административно-правовые средства. Основными из них являются административно-правовые режимы, меры административного предупреждения и пресечения, административная ответственность.

2.2. Административно-правовые режимы в противодействии терроризму

В предупреждении и пресечении террористической деятельности значительна роль административно-правовых режимов. Понятие режима чаще связывается с определенным порядком, совокупностью правил. Такая трактовка присутствует и в определениях правового режима. По определению С. С. Алексеева, он представляет собой комплекс правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а так-

же позитивных обязываний (предписаний), создающих особую направленность регулирования¹.

Ценность приведенной дефиниции состоит в том, что, во-первых, содержание правового режима составляет не одно какое-либо юридическое средство, а их совокупность. Во-вторых, в правовом режиме способы правового регулирования находятся в определенном сочетании (автор только не упомянул разрешительный способ регулирования). В-третьих, правовой режим создается для определенной цели правового регулирования (обеспечение порядка оборота оружия, пожарной безопасности и др.).

Правовой режим представляет собой обобщенное понятие, которое получает воплощение в отраслевых правовых режимах (водоохранный, режим лесопользования, содержания осужденных к лишению свободы и т.д.). Наиболее широко используются в государственно-правовой практике административно-правовые режимы, назначение которых — регулировать особые государственные состояния с помощью специальных юридических средств.

«Административно-правовой режим, — по мнению Ю. А. Тихомирова, — есть специфический порядок деятельности субъектов права в разных сферах государственной жизни. Он устанавливается в законах, подзаконных актах и направлен на их строго целевую и функциональную деятельность на тех участках, где нужны дополнительные средства для поддержания требуемого государственного состояния»².

Правовые режимы, регулируемые нормами административного права, несмотря на все их разнообразие, ориентированы преимущественно на обеспечение общественной безопасности и охрану общественного порядка. «Полицейский» характер административно-правовых режимов подчеркивают практически все исследователи (К. С. Бельский, А. В. Мелехин, Н. Ф. Попова, В. В. Гуцин, В. Б. Рушайло и др.). В правовой литературе обосновано немало классификаций этих правовых режимов. Не останавливаясь на их характеристике, выделим для целей нашей работы две основные группы административно-правовых режимов: 1) общие и 2) специальные.

Общие административно-правовые режимы являются относительно стабильными правовыми состояниями; они, как правило, не ограничены временными рамками. Таковы противопожарный, водоохранный режимы оборота оружия и др. Общие административно-правовые режимы ориентированы на обеспечение сохранности определенного объекта, территории, нормального функционирования государственных

¹ Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 125.

² Тихомиров Ю. А. Административное право и процесс: Полный курс. М., 2001. С. 325.

органов, предприятий и организаций, общественной безопасности и общественного порядка. Их мощности в обычных условиях достаточно для поддержания правопорядка и обеспечения общественной безопасности. Они выполняют свои функции постоянно, вне зависимости от возникновения экстраординарных событий или действий. Вместе с тем многие виды общих административно-правовых режимов обладают значительным превентивным потенциалом, создавая условия для предупреждения террористической деятельности. Это, например, пограничный, режим закрытого административного образования, пропускной, режим оборота оружия и др.

Особо следует выделить режим оборота оружия. Федеральный закон от 13 ноября 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» и принятые в соответствии с ним подзаконные нормативные правовые акты устанавливают единый для Российской Федерации порядок обращения оружия. Предусмотренные законодательством ограничения на его приобретение, хранение, использование имеют целью исключить возможность неправомерного приобретения оружия. Последнее, как показывает мировой и отечественный опыт, чаще всего используется для осуществления террористических актов.

Режим оборота оружия предполагает не только установление соответствующих ограничений, но и разрешительную, контрольно-надзорную деятельность, препятствующую нелегальному обороту оружия. Так, в процессе режимных мероприятий устанавливаются лица, незаконно им владеющие, осуществляется изъятие оружия, боеприпасов. Только во время оперативно-профилактических мероприятий на Северном Кавказе органами внутренних дел изъято свыше 6,5 тонны взрывчатки, выявлено и уничтожено 2,7 тыс. тайников с оружием и боеприпасами¹, чем предотвращены многие террористические акты.

Специальные административно-правовые режимы устанавливаются в случаях необходимости усиления защиты государственных интересов, прав и свобод граждан, охраны законных интересов юридических лиц. Их введение обусловлено наличием существенных угроз конституционному строю, целостности государства, жизни и здоровью населения, общественной безопасности. Соответственно этому в правовой литературе выделялись три вида специальных административно-правовых режимов: чрезвычайное, военное и особое положение.

Возрастание в современных условиях опасности угрозы терроризма, в том числе международного, вызвало потребность установления еще одного вида специального административно-правового режима — контртеррористической операции. Характеристика чрезвычайного, во-

---

¹ См.: Российская газета. 2006. 18 марта. С. 5.

енного и особого положений широко представлена в правовой литературе, поэтому представляется целесообразным подробнее остановиться на особенностях режима контртеррористической операции.

Впервые этот вид специального административно-правового режима предусмотрен Федеральным законом от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом». Это была первая попытка ввести силовую ситуацию на Северном Кавказе в правовые рамки, поскольку их отсутствие ставило под сомнение легитимность военных и полицейских операций, «зачисток». Нередко военнослужащие федеральных войск, сотрудники органов внутренних дел оказывались заложниками этой неправовой ситуации. В то же время данный закон регулировал рассматриваемый вид специального административно-правового режима в большей мере применительно к Чеченской Республике в общих чертах, на что уже исследователи обращали внимание.

Но география террористических актов не ограничивается одним регионом, и детальное регулирование административно-правового режима зоны контртеррористической операции все в большей мере осуществлялось подзаконными нормативными правовыми актами — указами Президента РФ, постановлениями Правительства РФ, ведомственными актами ФСБ и МВД. Одним из них является Указ Президента РФ от 22 января 2001 г. № 61 «О мерах по борьбе с терроризмом на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» (в ред. Указа Президента РФ от 3 июля 2005 г. № 918), в соответствии с которым был создан Оперативный штаб по управлению контртеррористическими операциями на территории Северо-Кавказского региона. Руководство Региональным оперативным штабом возложено на заместителя директора ФСБ — руководителя Департамента по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом.

С 10 марта 2006 г. Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» в основной части утратил силу. В настоящее время правовой режим контртеррористической операции регулируется Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», которым внесены существенные коррективы в содержание рассматриваемого специального административно-правового режима. Законодатель отказался от прежнего наименования «зона проведения контртеррористической операции» и ввел новое понятие — «правовой режим контртеррористической операции».

Обратим внимание на основные характеристики этого вида специального административно-правового режима.

Во-первых, ст. 11 Федерального закона «О противодействии терроризму» четко определяет назначение правового режима контртеррористической операции, который вводится в целях пресечения, раскры-

тия и минимизации последствий террористического акта и защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства. По существу, данный режим является комплексной акцией противодействия террористическим преступлениям, наличие или подготовка к которым служит основанием для его введения. Закон дает и понятие террористического акта как совершение взрыва, поджога или иных действий, связанных с устрашением населения и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления экологической катастрофы или иных тяжких последствий, в целях противоправного воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, а также как угроза совершения указанных действий в тех же целях.

Подчеркнем еще раз, целью рассматриваемого правового режима является предупреждение и раскрытие террористического акта, защита жизненно важных интересов населения, общества и государства. Борьба с иными преступными деяниями осуществляется в обычном (общем) режиме.

Во-вторых, законодатель определил пространственные и временные рамки введения правового режима контртеррористической операции. Специальный административно-правовой режим вводится только на территории контртеррористической операции, на период ее реализации. На эту новеллу следует обратить особое внимание: закон говорит о территории, не конкретизируя ее, в отличие от ранее действовавших правовых актов. Практика же борьбы с терроризмом показала, что террористические акты организуются и осуществляются не только в Северо-Кавказском регионе, хотя он до сих пор является наиболее уязвимым.

В решении о введении правового режима контртеррористической операции должны быть указаны точные границы территории ее проведения (перечень объектов — здание, транспортное средство, промышленное предприятие и др.) и время начала операции. Ее окончание закон связывает с достижением поставленной цели — пресечением (прекращением) террористического акта, устранением угрозы жизни, здоровью, имуществу, иным, охраняемым законом, интересам людей, находящихся на территории (объекте), в пределах которой проводится контртеррористическая операция (ст. 17).

В-третьих, содержанием правового режима контртеррористической операции является установленная законом совокупность мер и временных ограничений. Причем основу этой совокупности составляют административно-правовые запреты, ориентированные на создание условий для достижения целей контртеррористической операции, обес-

печение общественной безопасности, защиту жизни и здоровья людей. В ч. 3 ст. 11 Федерального закона «О противодействии терроризму» приведен исчерпывающий перечень мер и ограничений, которые могут быть введены на период контртеррористической операции.

К допустимым на этот период мерам закон относит:

— проверку у физических лиц документов, удостоверяющих личность, а в случаях отсутствия их — доставление в органы внутренних дел (иные компетентные органы) для установления личности;

— удаление физических лиц с отдельных участков местности и объектов, а также отбуксировка транспортных средств;

— усиление охраны общественного порядка, объектов, подлежащих государственной охране и обеспечивающих жизнедеятельность населения, функционирования транспорта, а также объектов, имеющих особую материальную, научную, художественную или культурную ценность;

— ведение контроля телефонных переговоров, информации, передаваемой по каналам телекоммуникационных систем, осуществление поиска на каналах электрической связи и в почтовых отправлениях для получения сведений об обстоятельствах совершения террористического акта, подготовивших и совершивших его лицах с целью предупреждения других террористических актов;

— использование транспортных средств, независимо от форм собственности (за исключением принадлежащих дипломатическим, консульским, иным учреждениям иностранных государств и международных организаций), включая в неотложных случаях и транспортных средств физических лиц, для доставки нуждающихся в срочной медицинской помощи в лечебные учреждения, а также для преследования подозреваемых в совершении террористического акта, если промедление может создать реальную угрозу жизни или здоровью населения;

— беспрепятственное проникновение проводящих контртеррористическую операцию лиц в жилые и принадлежащие физическим лицам иные помещения, на земельные участки; на территории и в помещения организаций, независимо от форм собственности, для осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом;

— проведение при проходе (проезде) на территорию, в пределах которой введен правовой режим террористической операции, и при выходе (выезде) с нее досмотра физических лиц и находящихся при них вещей, а также транспортных средств и провозимых на них вещей, в том числе с применением технических средств.

Следует заметить, что законодатель «перегрузил» приведенный перечень, включив в него и меры, применяемые сотрудниками милиции в повседневной деятельности по охране общественного порядка и

борьбе с преступностью. Вряд ли в содержание правового режима контртеррористической операции следовало включать такие, предусмотренные Законом «О милиции», меры, как проверка документов, доставка, использование транспортных средств. Полномочия по их применению реализуются в рамках общих административно-правовых режимов.

Закон предусматривает и существенные ограничения деятельности (действий) физических и юридических лиц в период контртеррористической операции. К ним отнесены приостановление: работы опасных производств и организаций, в которых используются взрывчатые, радиоактивные, химически и биологически опасные вещества; оказание услуг связи юридическим и физическим лицам или ограничение использования сетей и средств связи; временное отселение физических лиц в безопасные районы с обязательным предоставлением им стационарных или временных жилых помещений; введение карантина, проведение санитарно-противоэпидемических, ветеринарных и других карантинных мероприятий; ограничение движения транспортных средств и пешеходов на улицах, дорогах, отдельных участках местности и объектах; ограничение или запрещение продажи оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, специальных средств и ядовитых веществ; установление особого режима оборота лекарственных средств и препаратов, содержащих наркотические и психотропные или сильнодействующие вещества, этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Как видно из перечня, на территории (объекте) проведения контртеррористической операции могут вводиться меры и ограничения, применяемые в обычных ситуациях (разумеется, в более жестком варианте), а также присущие рассматриваемому виду специального административно-правового режима (отселение людей, приостановление оказания услуг связи и др.). Применение всей совокупности предусмотренных законом мер и ограничений или комбинации отдельных их видов зависит от конкретных условий контртеррористической операции. А их объем и характер определяются в решении о введении правового режима этой операции.

В-четвертых, рассматриваемый специальный административно-правовой режим вводится должностным лицом, принявшим решение о проведении контртеррористической операции: директором ФСБ России либо по его указанию иным ее должностным лицом или руководителем территориального органа, если им не принято иное решение. Решения о введении правового режима контртеррористической операции, включая определение территории (перечня объектов), в пределах которой (на которых) он вводится, с перечнем применяемых мер и вре-

менных ограничений, как и о его отмене, подлежат незамедлительному обнародованию.

Если для контртеррористической операции требуются значительные силы и средства и она охватывает территорию, на которой проживает значительное число людей, руководитель федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности уведомляет о ее введении и территории, в пределах которой она проводится, Президента РФ, Председателя Правительства РФ, Председателя Совета Федерации РФ, Председателя Государственной Думы РФ, Генерального прокурора РФ и, при необходимости, иных должностных лиц.

Таким образом, систему специальных административно-правовых режимов составляют чрезвычайное, военное или особое положение и правовой режим контртеррористической операции. Последний вид правового режима используется только в целях противодействия терроризму и ограничен территорией, временем проведения.

2.3. Меры административного предупреждения и пресечения террористической деятельности

В отличие от других отраслей, административное право располагает более широкими возможностями в профилактике и пресечении террористических актов, применении мер государственного принуждения. В правовой литературе высказаны различные суждения о классификации и применении мер административного принуждения при осуществлении антитеррористических операций. Так, Э. Т. Сидоров полагает, что применяемые при их осуществлении меры должны согласовываться с общей Концепцией административно-правового принуждения и делиться по такому основанию, как цели применения, на пять групп:

- 1) административно-предупредительные меры;
- 2) меры административного пресечения;
- 3) меры административно-процессуального обеспечения;
- 4) меры административного наказания;
- 5) административно-восстановительные меры¹.

Соглашаясь в целом с такой классификацией, заметим, что производство по делам об административных правонарушениях, в рамках которого применяются меры административно-процессуального пресечения, не имеет каких-либо существенных особенностей в условиях специальных административно-правовых режимов. Порядок осуществления данного юрисдикционного производства является единым. На

---

¹ Сидоров Э. Т. Административно-правовое принуждение в условиях специальных правовых режимов. М., 2004. С. 55.

первый план в противодействии терроризму выдвигаются меры административного предупреждения и пресечения.

Административно-предупредительные меры в системе мер противодействия терроризму занимают заметное место. Федеральный закон «О противодействии терроризму», закрепляя принципы антитеррористической деятельности, называет в их числе приоритет мер предупреждения терроризму (ст. 2). Социальная ценность административно-предупредительных мер состоит в предотвращении террористической деятельности; их применение носит упреждающий характер.

Общая характеристика и классификация мер административного принуждения достаточно полно представлены в правовой литературе. Поэтому обратимся к административно-предупредительным мерам, наиболее часто применяемым в антитеррористических целях. К ним относятся как применяемые в обычной правоохранительной практике (проверка документов, досмотр транспортных средств, грузов и др.), так и меры, осуществляемые в рамках контртеррористических операций. Перечень последних, как указывалось, приведен в ст. 11 Федерального закона «О противодействии терроризму».

Именно они составляют содержание правового режима контртеррористической операции. При этом следует иметь в виду, что предупредительные меры не только «работают» на предотвращение террористических актов (контроль телефонных переговоров, ограничение или запрещение продажи оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и др.), но и обеспечивают при проведении контртеррористических операций безопасность населения (удаление физических лиц с отдельных участков местности и объектов, временное отселение проживающих в пределах территории, на которой введен правовой режим контртеррористической операции, в безопасные районы с обязательным предоставлением им стационарных или временных жилых помещений и др.).

При анализе административно-предупредительных мер можно заметить их персонафицированный характер. Такой признак не является универсальным для всех рассматриваемых принудительных мер. Отдельные их виды действительно носят персонафицированный характер (проверка документов у физических лиц, доставление, личный досмотр и др.). Но многие используемые в антитеррористической деятельности административно-предупредительные меры обладают общепревентивными свойствами. Таковы, например, введение карантина, санитарно-противоэпидемические, ветеринарные и другие карантинные мероприятия, ограничение движения транспортных средств и пешеходов на улицах, отдельных участках дорог, объектах и др.

Особое место среди административно-предупредительных мер занимает досмотр. Данная мера применяется в повседневной практике

милиции, таможенных и органов воздушного транспорта. Порядок досмотра урегулирован соответствующими нормами Закона РФ «О милиции», Таможенного кодекса РФ, Воздушного кодекса РФ и других нормативных правовых актов. Так, в соответствии со ст. 85 Воздушного кодекса РФ, в целях обеспечения безопасности пассажиров и членов экипажа воздушного судна, обязательному предполетному, а также послеполетному досмотру, в случае его проведения в соответствии с Законом «О милиции», подлежат воздушное судно, его бортовые запасы, члены экипажа, пассажиры, багаж, в том числе вещи, находящиеся при пассажирах, а также грузы и почта. Порядок названного вида досмотра определяется Руководством по производству досмотра пассажиров, членов экипажей гражданских воздушных судов, обслуживающего персонала, ручной клади, багажа, грузов, почты и бортовых запасов, утвержденным приказом Минтранса России от 21 ноября 1995 г. № 102 (с изм. от 30 сентября 2005 г.).

Основной задачей досмотра является своевременное предупреждение и пресечение попыток проникновения на борт гражданских воздушных судов лиц с оружием, боеприпасами, веществами и предметами, которые могут быть использованы в качестве орудия нападения на экипаж и пассажиров с целью захвата (утона) этих судов или стать причиной чрезвычайного происшествия (п. 1.3 Руководства). В Приложении 2 к Руководству содержится Перечень опасных веществ и предметов, запрещенных к перевозке пассажирами и членами экипажей в салонах гражданских воздушных судов.

Следует отметить, что в связи с возросшей угрозой террористических актов на гражданских воздушных судах или с их применением ужесточены правила предполетного и послеполетного досмотра. В настоящее время он проводится с обязательным участием сотрудников милиции (ранее это была компетенция только работников гражданской авиации).

Применяется досмотр и в контртеррористической операции. В соответствии с Федеральным законом «О противодействии терроризму» при проходе (проезде) на территорию, в пределах которой введен правовой режим контртеррористической операции, и при выходе (выезде) с нее проводится досмотр физических лиц и находящихся при них вещей, а также транспортных средств и провозимых на них вещей, в том числе с применением технических средств. Основная задача досмотра в этих условиях — не допустить проноса (провоза) оружия и других предметов и веществ, которые могут быть использованы для осуществления террористической деятельности.

Следует подчеркнуть, что профилактика терроризма не исчерпывается только применением принудительных мер предупреждения. Она

включает широкий спектр мер политического, экономического, информационного и организационного характера. Современная практика уже выработала ряд эффективных мер, позволяющих снизить порог риска террористических актов. Среди них — создание зон безопасности наиболее уязвимых объектов (учебных, лечебных учреждений, рынков и др.), введение на каждый из объектов паспорта антитеррористической защищенности и др.¹. В них не только содержатся сведения о соответствующем объекте, его персонале, технической оснащенности, но и моделируются возможные критические ситуации, варианты действий охраны, милиции и работников.

Меры административного пресечения широко используются в контртеррористической деятельности. Большинство исследователей обоснованно отмечают неотложный характер этих мер административного пресечения. Главная, определяющая цель их применения, подчеркивает В. А. Тюрин, состоит в обеспечении прекращения нарушения, устранении противоправной ситуации².

Особенно возрастает роль мер административного пресечения в случаях возникновения угрозы террористического акта, когда временной фактор приобретает первостепенное значение. В этих условиях применяются традиционные их формы (административное задержание, доставление, изъятие вещей, документов и др.) в соответствии с действующим законодательством (Законом РФ «О милиции», КоАП РФ и др.). Характеристика, классификация, порядок применения мер обстоятельно исследованы в правовой литературе (Д. Н. Бахрах, И. И. Веремеенко, А. П. Ключниченко, Л. Л. Попов, В. А. Тюрин и др.). Поэтому обратим основное внимание на новеллы регулирования мер административного пресечения, предусмотренных Федеральным законом «О противодействии терроризму».

В условиях контртеррористических операций чаще всего возникает потребность проведения силовых акций, применения оружия в целях подавления сопротивления террористов. К использованию таких средств вынуждены прибегать практически во всех случаях крупномасштабных террористических актов (Беслан, Норд-Ост, Чапаевск и др.). Вместе с тем действовавшая правовая база явно отставала от потребностей практики контртеррористической деятельности, особенно в части применения Вооруженными Силами РФ боевой техники в целях пресечения террористических актов. Эти вопросы, в отличие от полномочий сотрудников милиции и военнослужащих внутренних войск МВД

---

¹ См.: Российская газета. 2006. 10 марта.

² См.: Тюрин В. А. Применение мер пресечения в административном праве России: Монография. М.: Щит-М, 2002. С. 57; см. также: Сидоров Э. Т. Указ. соч. С. 85.

России по применению оружия, которые урегулированы Законом РФ «О милиции» и Федеральным законом «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации», не имели должной регламентации в действующем законодательстве. Такой пробел в правовом регулировании нередко ставил вопрос о легитимности участия Вооруженных Сил РФ в пресечении террористических актов и применении боевой техники в этих целях.

Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» впервые, с учетом отечественного и зарубежного опыта борьбы с терроризмом, закрепил правовые основы участия Вооруженных Сил РФ в контртеррористических операциях, их полномочия по пресечению террористических актов. Согласно ст. 9 Федерального закона подразделения и воинские части Вооруженных Сил РФ привлекаются к проведению контртеррористической операции по решению ее руководителя, а соединения Вооруженных Сил РФ — по решению Президента Российской Федерации. Привлеченные к участию в контртеррористической операции подразделения, воинские части и соединения Вооруженных Сил РФ применяют боевую технику, оружие и специальные средства в соответствии с нормативными актами Российской Федерации.

Особо следует отметить, что законодатель предусмотрел использование Вооруженных Сил РФ в пресечении международной террористической деятельности за пределами Российской Федерации (ст. 10) посредством: 1) применения вооружения с территории Российской Федерации против находящихся за ее пределами террористов и (или) их баз; 2) использования формирований Вооруженных Сил РФ для выполнения задач по пресечению международной террористической деятельности за пределами Российской Федерации.

Впервые в российском законодательстве определены основания и порядок пресечения Вооруженными Силами РФ воздушного терроризма и террористических актов в водной среде. Международная и отечественная практика уже столкнулась с использованием для террористических актов воздушных, морских, речных судов и кораблей (нападение 11 сентября 2001 г. на деловой центр в Нью-Йорке, угоны самолетов, морских судов и др.).

Согласно ст. 7 Федерального закона «О противодействии терроризму» Вооруженные Силы РФ вправе применять оружие и боевую технику в порядке, установленном нормативными правовыми актами Российской Федерации, в целях устранения угрозы террористического акта в воздушной среде или его пресечения. Основаниями для применения оружия и боевой техники являются: 1) нарушение правил использования воздушного пространства Российской Федерации; 2) достоверная

информация о возможном использовании для совершения террористического акта или захвате воздушного судна. В зависимости от вида основания закон определяет алгоритмы действий Вооруженных Сил РФ по пресечению террористических актов в воздушной среде.

В первом случае путем радиосигналов наземных пунктов управления, радиокоманд и визуальных сигналов поднятых на перехват воздушного судна-нарушителя летательных аппаратов Вооруженных Сил РФ предъявляется требование прекратить нарушение правил использования воздушного пространства РФ. Если воздушное судно не реагирует на эти команды либо отказывается подчиниться им, Вооруженные Силы РФ применяют оружие и боевую технику для пресечения его полета путем принуждения к посадке. Неподчинение требованиям о посадке и наличие реальной опасности гибели людей либо наступления экологической катастрофы являются основанием применения оружия и боевой техники для пресечения полета судна-нарушителя путем его уничтожения.

Во втором случае, когда имеется достоверная информация о возможном использовании для совершения террористического акта или захвате воздушного судна, принимаются все необходимые для его посадки меры. Если они не принесли желаемого результата и существует реальная угроза гибели людей либо экологической катастрофы, Вооруженные Силы РФ применяют оружие и боевую технику для пресечения полета указанного воздушного судна путем уничтожения.

*Аналогичная мера пресечения предусмотрена и в отношении морских, речных судов и кораблей, нарушающих правила использования водного пространства Российской Федерации (подводной среды) с целью совершения террористических актов. Для устранения или пресечения *этой угрозы во внутренних водах, в территориальном море, на континентальном шельфе Российской Федерации и при обеспечении безопасности национального морского судоходства, в том числе в подводной среде, Федеральный закон «О противодействии терроризму» предоставляет Вооруженным Силам РФ право применять оружие и боевую технику в порядке, установленном нормативными правовыми актами Российской Федерации.**

Эти правовые меры применяются для принуждения к остановке плавательного средства в целях устранения угрозы террористического акта в случаях, если морские или речные суда и корабли (плавательные средства) не реагируют на команды или сигналы прекратить нарушение правил использования водного пространства Российской Федерации либо отказываются подчиниться требованиям об остановке. Если плавательное средство не подчиняется требованиям и (или) его невозможно принудить к остановке, а все обусловленные сложившимися

обстоятельствами меры, необходимые для его остановки, исчерпаны и существует реальная опасность гибели людей либо наступления экологической катастрофы, применяется оружие военных кораблей (летательных аппаратов) Вооруженных Сил РФ для пресечения движения плавательного средства путем уничтожения.

Признавая важность новелл Федерального закона «О противодействии терроризму», следует отметить различный подход к определению оснований применения Вооруженными Силами РФ оружия и боевой техники для уничтожения воздушных судов и плавательных средств. Если в качестве одного из оснований применения данных средств в отношении воздушных судов закон называет их захват, то применительно к плавательным средствам такое основание отсутствует. И думается, есть необходимость восполнения такого пробела, поскольку морское пиратство еще не ушло в историю и случаев захвата морских судов не меньше, чем воздушных.

2.4. Административная ответственность за правонарушения, связанные с террористической деятельностью

Террористические акты относятся к числу наиболее опасных форм преступной активности, и ответственность за их совершение предусмотрена, как известно, уголовным законом. Механизм же административной ответственности используется в отношении деяний, способствующих терроризму либо препятствующих деятельности субъектов, осуществляющих контртеррористические операции.

Действующий КоАП РФ предусматривает ответственность за нарушение законодательства о противодействии легализации (отмыванию) полученных преступным путем доходов, финансированию терроризма (ст. 15.27) и невыполнение в зоне контртеррористической операции законного распоряжения лица, проводящего указанную операцию (ст. 20.27). Обладая всеми признаками административных правонарушений, определенных ст. 2.1 КоАП РФ, названные деяния имеют и особенности, которые необходимо учитывать при их правовой оценке и назначении административного наказания.

Предусматривающая ответственность за нарушение законодательства о противодействии легализации (отмыванию) полученных преступным путем доходов и финансированию терроризма, ст. 15.27 КоАП РФ введена в Кодекс Федеральным законом от 30 октября 2002 г. № 130-ФЗ (в ред. Федерального закона от 9 мая 2005 г. № 45-ФЗ). Объектом правонарушения являются общественные отношения, связанные с противодействием легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма. Правовую основу такого противодействия составляет Федеральный закон от 7 августа 2001 г.

№ 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (в ред. Федерального закона от 16 ноября 2005 г. № 145-ФЗ). Данная статья КоАП РФ направлена на защиту экономической системы страны от поступления неконтролируемых денежных средств, противодействие легализации полученных преступным путем доходов и финансированию терроризма. А практика борьбы с ним свидетельствует о том, что такая преступная деятельность получает финансовую подпитку от международных террористических организаций и преступных сообществ в России. Именно она позволяет вербовать новых боевиков, покупать вооружение и снаряжение, организовывать и осуществлять крупномасштабные террористические акты.

Составом рассматриваемого административного правонарушения охватывается неисполнение организацией, осуществляющей операции с денежными средствами или иным имуществом, законодательства о противодействии легализации (отмыванию) полученных преступным путем доходов и финансированию терроризма в части фиксирования, хранения и предоставления информации об операциях, подлежащих обязательному контролю, а также в части организации внутреннего контроля. Диспозиция ст. 15.27 КоАП РФ по юридической конструкции является бланкетной. Ключевые для данного состава правонарушения понятия содержатся в Федеральном законе от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Легализация (отмывание) полученных преступным путем доходов, согласно ст. 3 указанного Федерального закона, представляет собой придание правомерного вида владению, пользованию, распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате преступлений, за исключением преступлений, предусмотренных статьями 193, 194, 198 и 199 УК РФ. К организациям, по смыслу комментируемой статьи, относятся осуществляющие операции с денежными средствами или иным имуществом, перечень которых дан в ст. 5 Федерального закона от 7 августа 2001 г.: кредитные, профессиональные участники рынка ценных бумаг, страховые организации и лизинговые компании, организации федеральной почтовой связи, ломбарды, организации, осуществляющие скупку, куплю-продажу драгоценных металлов и драгоценных камней, ювелирных изделий из них и лома таких изделий, и др. Закон определяет и виды операций с денежными средствами, иным имуществом, подлежащих обязательному контролю (ст. 6).

Например, обязательному контролю подлежит сделка с недвижимым имуществом, если сумма, на которую она совершается, равна или превышает 3 млн рублей. Организации, осуществляющие операции с

денежными средствами или иным имуществом, обязаны идентифицировать лицо, находящееся на ее обслуживании, систематически обновлять информацию о клиентах, выгодоприобретателях, документально фиксировать и представлять в уполномоченный орган не позднее рабочего дня, следующего за днем совершения операции, подлежащие контролю сведения и т.д. Закон требует также от организаций соблюдения правил внутреннего контроля, в том числе документального фиксирования, обеспечения конфиденциальности необходимой информации и др. Неисполнение любой из установленных Федеральным законом обязанностей по противодействию легализации (отмыванию) полученных преступным путем доходов и финансированию терроризма образует оконченный состав правонарушения, предусмотренного ст. 15.27 КоАП РФ.

От рассматриваемого административного правонарушения следует отличать смежные составы преступлений, предусмотренные статьями 174 и 174.1 УК РФ. Составом ст. 174 УК РФ охватывается совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными другими лицами преступным путем (за исключением преступлений, предусмотренных ст. 193, 194, 198, 199, 199.1 и 199.2 УК РФ) в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом. А ст. 174.1 УК РФ предусматривает ответственность за финансовые операции и другие сделки с денежными средствами или иным имуществом, приобретенным лицом в результате совершения им преступления (за исключением предусмотренных ст. 193, 194, 198, 199, 199.1 и 199.2 УК РФ), либо использование указанных средств или иного имущества для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности.

Субъектами административного правонарушения, предусмотренного ст. 15.27 КоАП РФ, могут быть должностные и юридические лица. За совершение рассматриваемого правонарушения закон предусматривает наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от ста до двухсот минимальных размеров оплаты труда; на юридических — от пятисот до пяти тысяч минимальных размеров оплаты труда. Санкция ст. 15.27 КоАП РФ, в соответствии с Федеральным законом от 9 мая 2005 г. № 45-ФЗ, была дополнена административным наказанием в виде приостановления деятельности на срок до 90 суток (ст. 3.12 КоАП РФ).

Производство по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 15.27 КоАП РФ, осуществляется по общим правилам Раздела 4 КоАП РФ. Вместе с тем необходимо иметь в виду следующие особенности производства по делам этой категории. В соот-

ветствии со ст. 27.16 КоАП РФ в качестве меры обеспечения применения административного наказания в виде административного приостановления деятельности предусмотрен временный ее запрет. Но данная норма не распространяется на рассматриваемое административное правонарушение. В ней указывается, что при нарушении законодательства Российской Федерации о противодействии легализации (отмыванию) полученных преступным путем доходов и финансированию терроризма временный запрет деятельности не применяется. Приостановление операций по счетам организации, осуществляющей операции с денежными средствами или иным имуществом, производится в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 15.27 КоАП РФ, представляют определенную сложность, обуславливающую необходимость дополнительных проверок, проведения экспертиз и других процессуальных действий, требующих значительных временных затрат. Поэтому при возбуждении дела по такому правонарушению может быть принято решение о проведении административного расследования в соответствии со ст. 28.7 КоАП РФ. Рассмотрение дел о правонарушениях, предусмотренных ст. 15.27 КоАП РФ, закон относит к ведению судей районных судов.

Административную ответственность за невыполнение в зоне контртеррористической операции законного распоряжения лица, проводящего указанную операцию, предусматривает ст. 20.27 КоАП РФ. Данное правонарушение посягает на общественный порядок и общественную безопасность при проведении контртеррористической операции. Следует отметить, что содержание и терминология этой статьи определялись Федеральным законом от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом», который утратил силу. А Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» изменил ключевые понятия, лежащие в основе рассматриваемого состава административного правонарушения. Так, законодатель отказался от понятия «зона проведения контртеррористической операции» и ввел новое — «правовой режим контртеррористической операции», что связано с определением территории (объекта), где проводится контртеррористическая операция.

В Федеральном законе 1998 г. был определен круг должностных лиц, проводящих контртеррористические операции, действующий же ныне упоминает только их руководителей (ст. 15), в подчинение которых поступают все военнослужащие и специалисты, привлекаемые для проведения таких операций. К сожалению, законодатель не закрепил обя-

занность физических и юридических лиц выполнять законные распоряжения руководителей и иных должностных лиц, проводящих контртеррористическую операцию и ее надо «вычислять» из содержания правового режима такой операции. А это — не лучшее нормативное решение о взаимоотношениях проводящих контртеррористические операции лиц и других субъектов права. Поэтому применять ст. 20.27 КоАП РФ до внесения в нее соответствующих изменений следует с учетом Федерального закона «О противодействии терроризму».

Объективная сторона рассматриваемого административного правонарушения выражается в следующих действиях (бездействии): а) невыполнении в зоне контртеррористической операции законного распоряжения или требования проводящего ее лица; б) воспрепятствовании осуществлению проводимой им операции; в) несанкционированном проникновении либо попытке проникновения в зону проведения контртеррористической операции. Совершение любого из указанных деяний образует оконченный состав административного правонарушения, предусмотренный ст. 20.27 КоАП РФ.

Субъективная сторона правонарушений характеризуется умышленной формой вины, а их субъектами могут быть граждане, должностные и юридические лица. Дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.27 КоАП РФ, подлежат рассмотрению мировыми судьями.

Таким образом, административное право занимает ведущее положение в регулировании общественных отношений, возникающих в процессе противодействия терроризму. Для этого оно располагает широким арсеналом административно-правовых средств предупреждения, пресечения террористических актов, организации деятельности государственных органов по борьбе с терроризмом. Дальнейшее совершенствование этого административно-правового механизма призвано способствовать повышению эффективности такого противодействия.

---

3. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

3.1. Совершенствование норм Общей части

До сих пор на государственном уровне не выработана единая эффективная политика защиты личности, общества и государства от актов терроризма. И хотя на сегодняшний момент в Российской Федерации существует достаточно объемная нормативная правовая основа противодействия экстремизму, такие ее существенные характеристики, как пробельность и фрагментарность, системная противоречивость, неадекватность социальной реальности, характеру и степени общественной опасности явления, не позволяют надеяться на высокую эффективность предупредительной деятельности.

Многие исследователи предлагали и предлагают начинать такую работу с разработки основных характеристик терроризма как социально-правового явления и заканчивать подготовкой комплекса законодательных предложений по основным направлениям стратегии борьбы с ним. При всех условиях предложения организационного и обеспечивающего характера должны базироваться на концептуально-правовых дефинициях.

Необходимо комплексное реформирование существующей системы нормативных правовых актов, регламентирующих профилактику криминального религиозного экстремизма и терроризма, с целью устранения противоречий и пробелов в данной системе. Дефиниции уголовного законодательства призваны обеспечивать законность и вместе с тем стимулировать активность использования непосредственных мер предупреждения, пресечения конкретных террористических преступлений, достаточное и справедливое наказание за них. На современном этапе речь должна идти о системном пересмотре УК и УПК с целью повышения эффективности ресурсного обеспечения борьбы с проявлениями терроризма и других форм насильственного экстремизма, в том числе путем наращивания карательного воздействия.

В процессе новейшей реформы российского законодательства, которая произошла 8 декабря 2003 г., был упразднен институт неоднократности преступлений (ст. 16 УК РФ) и неоднократность была исключена из перечня обстоятельств, отягчающих наказание (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК). Такое законодательное решение не отвечает интересам борьбы с преступностью, в частности, с различными проявлениями терроризма, криминального религиозного экстремизма, поскольку возбуждение вражды для определенной категории граждан является, по существу, их профессиональной деятельностью. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть вопрос о «возвращении» института неоднократности (повторности) в уголовное законодательство России.

Пристального внимания требует и вопрос о конфискации как виде наказания за совершение преступлений экстремистской направленности и террористического характера. Законодателю следует пересмотреть положение о ней, введя данное наказание вновь в УК и распространив его назначение и за преступления террористического характера. Это продиктовано необходимостью возмещения причиняемого терроризмом вреда, а также для сужения, по возможности, материальной базы террористических организаций.

Как показывает анализ материалов уголовных дел, зачастую родственники лиц, совершивших акты суицидального террора, получают некоторую «денежную компенсацию» от организаторов этих действий. Самоубийственный террор для определенной категории людей стано-

вится средством зарабатывания денег, способом решения сложных материальных проблем.

Вслед за Н. Ф. Кузнецовой мы полагаем, что следовало не исключать из УК РФ, а модернизировать институт конфискации, рассматриваемой как вид уголовного наказания, в соответствии с международно-правовыми обязательствами России (Конвенциями ООН против финансирования терроризма и транснациональной организованной преступности) и современными международно-правовыми подходами. Они допускают конфискацию имущества, переданного другому лицу, при условии, что оно знало или могло либо должно было знать о незаконном приобретении, предназначении или использовании этого имущества¹.

Как известно, юридическое лицо не является субъектом преступления по российскому уголовному праву, хотя такая возможность предусматривалась двумя проектами УК РФ (1993 и 1994 гг.). Не останавливаясь подробно на дискуссии, посвященной этому вопросу, отметим лишь, что признание юридических лиц субъектами уголовной ответственности является одной из тенденций развития законодательства, направленного на противодействие различным проявлениям экстремизма (терроризму, его финансированию).

Проблема борьбы с организованными формами терроризма занимает особое место в европейском законодательстве. В принятой в декабре 2001 г. Общей позиции Совета Европейского Союза о применении специальных мер по борьбе с терроризмом (2001/931/CFSP)² не только было закреплено понятие террористических организаций, но и впервые составлен их единый перечень для всех государств—членов Европейского Союза, «подлежащий регулярному, по крайней мере раз в шесть месяцев, пересмотру»³.

Ст. 2 Решения Совета Европейского Союза о введении специальных мер, направленных на повышение эффективности взаимодействия полиции и судебных органов в борьбе с терроризмом (12608/02 от 2002 г.)⁴, предписывает полицейским подразделениям государств—членов Европейского Союза передавать в Европол информацию, позволяющую идентифицировать физические или юридические лица, а также группы, совершающие преступления террористического характера. Предполагается, что любые данные, а также документы, предметы, иные

¹ Кузнецова Н. Ф. Как идеи либерализма воплотились в реформе УК РФ // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2004. № 3.

² Official Journal of the European Communities. 2001. L. 344. P. 93.

³ Official Journal of the European Communities. 2004. L. 99. P. 61–64.

⁴ <http://www.europarl.eu.int>

вещественные доказательства, изъятые или конфискованные в рамках уголовного расследования по делам этой категории в одной стране Европейского Союза, должны быть доступны уполномоченным органам другой (ст. 7).

В статьях 7, 8 Рамочного решения Совета Европы о борьбе с терроризмом (июнь 2002 г.) законодатель установил ответственность юридических лиц за совершение любого из преступлений террористического характера и определил перечень соответствующих наказаний. В частности, юридические лица могут быть подвергнуты уголовно-правовым и иным штрафам; мерам, влекущим за собой лишение права получать льготы или помощь со стороны публичной власти; помещению под судебный надзор; роспуску в судебном порядке; временному или окончательному закрытию учреждений юридического лица, которые использовались для совершения преступления; мерам, направленным на временный или постоянный запрет осуществлять коммерческую деятельность.

О необходимости установления ответственности юридических лиц за такие деяния, как пропаганда террористических преступлений (ст. 5), вовлечение в террористическую деятельность (ст. 6), обучение лица в целях совершения преступлений террористического характера (ст. 7), говорится в ст. 10 Европейской конвенции о предупреждении терроризма (Варшава, 2005 г.). И в национальных законодательствах ряда стран Европейского Союза предложенный подход уже реализован. В Уголовный кодекс Испании введены нормы об ответственности за отмыwanie денежных средств (ст. 301–304), по которым субъектом преступления может быть юридическое лицо. Анализ УК Франции показывает, что юридические лица могут являться субъектами дискриминации, терроризма.

Присоединение Российской Федерации к ряду международных документов: Международной конвенции ООН о борьбе с финансированием терроризма (1999 г.), Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.) и др. вновь актуализирует вопрос о возможности введения в российское уголовное право института уголовной ответственности юридического лица. Как представляется, рассматриваемый институт может быть достаточно эффективным для борьбы с экстремизмом.

Не лишним было бы установление в качестве дополнительного наказания за исследуемые преступления пожизненного запрета занимать публичные должности (включая госслужбу) и пользоваться правами, полученными в результате свободных выборов (в УК ФРГ, например, это урегулировано нормой, содержащейся в § 129). Для реализации это-

го нужны и соответствующие изменения, дополнения в законы о госслужбе, выборах и т.д. Следует внести изменения и в ст. 84 и 85 УК РФ о неприменении амнистии и помилования к лицам, совершившим акты терроризма и другие, наиболее опасные проявления экстремистской деятельности. Крут этих деяний требуется четко очертить. Кстати, зарубежное законодательство знает такое препятствие на пути освобождения террористов и лиц, исповедующих насильственный экстремизм, как институт судебного запрета на их помилование.

Институты гуманистической направленности УК РФ распространяются на совершивших любые преступления. Как представляется, необходимо исключить применение условно-досрочного освобождения к лицам, осужденным за совершение любого из деяний, предусмотренных ст. 205 УК РФ, внося соответствующие изменения в ст. 79 УК РФ. Причем это должно касаться осужденных к лишению свободы не только на определенный срок, но и пожизненно.

Становится очевидной тенденция перехода деятельности террористических организаций от осуществления отдельных террористических актов к масштабным международным акциям, приобретающим характер диверсионно-террористической войны, жертвами которой становятся сотни и тысячи мирных граждан. Возросшая масштабность террористических проявлений как внутри России, так и за ее пределами, позволяет констатировать, что на сегодняшний день террористические преступления являются зачастую преступлениями, имеющими международный характер и направленными против гражданского населения многих стран. При этом их жестокость, а равно и направленность на подрыв самих основ существования государств и народов вполне сопоставимы с преступлениями против мира и безопасности человечества.

В то же время отечественный и зарубежный опыт предупреждения и пресечения деятельности международных террористических организаций показывает, что выявление и привлечение к ответственности их организаторов и участников крайне затруднено, так как они зачастую скрываются на территориях третьих стран, используя поддельные документы, изменяя внешность и т.д. При этом применение сроков давности к данной категории преступлений в значительной мере снижает вероятность наступления наказания за их совершение.

В этой связи представляется целесообразным внести в ч. 4 ст. 78 УК РФ и ч. 4 ст. 83 УК РФ дополнения, исключающие возможность применения сроков давности к лицам, осужденным за преступления террористического характера, а также иным образом содействующим их совершению (ст. 205, 205.1 УК РФ). В настоящее время данные нормы в кодифицированном нормативном акте установлены для преступлений против мира и безопасности человечества.

Одним из направлений работы по ужесточению уголовного наказания для виновных в преступлениях террористического характера должно стать исключение для них возможности гуманизации санкций, предусмотренных соответствующими статьями УК России. Так, положения ст. 64 УК России относительно назначения в исключительных случаях более мягкого наказания, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК России, исходят из того, что в некоторых случаях действия участника преступления могут способствовать уменьшению степени общественной опасности или раскрытию совершенного преступления. Эта норма позволяет гражданам, случайно вовлеченным в преступную группу и активно сотрудничающим со следствием, быть освобожденными от уголовного наказания частично или полностью.

В то же время наличие такой возможности будет способствовать осуществлению в некоторых случаях давления на судебные органы со стороны защиты и оставшихся на свободе сообщников террористов с целью назначения им предельно мягкого наказания. Это особенно вероятно в отношении террористических актов, не повлекших многочисленных жертв и в силу этого не получивших широкого общественного резонанса. Однако даже сама возможность назначения террористам наказания ниже минимально предусмотренного соответствующей статьей УК России будет способствовать распространению правового нигилизма, провоцировать новые, более жестокие, террористические акции с участием лиц, вероятно, попадающих под нормы УК России о применении более мягкого наказания (женщины, дети, инвалиды и т.д.).

В связи с этим предлагаем дополнить ст. 64 УК России частью 3, согласно которой «назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, не может быть применено к лицам, виновным в совершении преступлений террористического характера, предусмотренных статьями 205, 205.1, 206 или 208 настоящего Кодекса». При этом важно, что предлагаемые изменения не отменяют для лиц, находящихся в составе группы, осуществляющей планирование и подготовку к террористическому акту, возможности освобождения от уголовного наказания в случае сообщения ими правоохранительным органам сведений о готовящемся преступлении, сложения оружия и при наличии других реабилитирующих оснований. При этом освобождение от уголовной ответственности по-прежнему будет осуществляться в соответствии с п. 2 ст. 75 УК России и на основании примечаний к ст. 205, 205.1, 206 или 208 УК России.

Существующие положения уголовного законодательства позволяют также достаточно дифференцированно подходить к определению мер наказания в соответствии со степенью вины участника преступления. В каждой из статей УК России, устанавливающих меры наказа-

ния для преступлений террористического характера, наиболее мягкое из возможных легче наиболее жесткого в 2, 3, а иногда и в 4 раза. Действия этих норм вполне достаточно для склонения к деятельному сотрудничеству с правоохранительными органами подследственных — участников террористических акций в случаях, когда это возможно.

Принятие предлагаемой поправки в ст. 64 УК РФ станет одной из необходимых мер по ужесточению наказания за участие в террористических акциях, будет способствовать профилактике преступлений террористического характера и увеличению уровня общественной безопасности.

3.2. Совершенствование норм Особенной части

«Основная» статья о терроризме в УК РФ (ст. 205) неоднократно вызывала критику отечественных правоведов. Справедливо указывалось: совершение взрывов и поджогов в большинстве случаев более опасно, чем применение огнестрельного оружия, что, согласно ч. 2 ст. 205, представлено в качестве квалифицирующего обстоятельства. И несомненно, необходима дифференциация ответственности содержания диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ за сами общественно опасные деяния («взрывы, поджоги или иные действия, создающие опасность гибели людей...»), а также «угрозу совершения указанных действий» на основной состав и привилегированный.

Подавляющее количество уголовных дел по ст. 205 УК РФ (78%, а в некоторые годы и более) совершено с использованием взрывчатых веществ. При их применении существует опасность гибели большого числа людей и причинения значительного материального ущерба. Такие действия вызывают широкий общественный резонанс и, как следствие, — панику, дезорганизацию, хаос. В ряде зарубежных стран совершение теракта с использованием взрывного устройства приравнивается к государственной измене и влечет наказание по соответствующей статье. Поэтому представляется важным в уголовно-правовом запрете соотнести соразмерность уголовной ответственности и наказания за терроризм, связанный с применением взрывных устройств (ч. 1 ст. 205 УК) и огнестрельного оружия (п. «в» ч. 2 ст. 205 УК).

Считаем также необходимым предусмотреть в УК РФ уголовную ответственность за создание террористической группы или террористической организации, руководство такой группой или организацией либо участие в ней, а равно материальное, организационное либо иное содействие созданию или деятельности террористической группы, террористической организации.

Следует поддержать высказанное в литературе предложение о том, чтобы расширить целевые признаки терроризма (ст. 205 УК РФ) за счет

введения в их число воздействие на другие структуры государства и общества, воспрепятствование политической, служебной или иной общественно-политической деятельности. Установить уголовную ответственность за:

- призывы к совершению актов терроризма по отношению к национальным, религиозным, любым иным социальным группам либо государственным, политическим, общественным деятелям, деятелям искусства, литераторам, журналистам, священнослужителям;

- распространение литературы, иных печатных материалов, содержащих указания, советы или рекомендации по совершению террористических действий;

- пособничество актам терроризма в виде предоставления оружия, боеприпасов, взрывчатых материалов, иных веществ и орудий, необходимых для таких актов, либо содействие советами, рекомендациями, указаниями, как их совершать; предоставление убежищ террористам, помещений для хранения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ либо содействие в любых иных формах, а также подстрекательство к совершению актов терроризма.

Как представляется, не очень удачно изложена ст. 205.1 УК РФ в части ответственности за финансирование акта терроризма либо террористической организации. Дело в том, что какая-либо группа может и не достигать уровня организации. Поэтому следует руководствоваться классификацией групп, предусмотренных в ст. 35 УК РФ: группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, преступное сообщество (преступная организация). В силу имеющихся формулировок закона может избежать ответственности лицо, которое выделило средства для группы лиц по предварительному сговору или организованной террористической группы, которые созданы для террористической деятельности, но еще не совершали акты терроризма и нужны организаторам в качестве некоего террористического резерва. Поэтому представляется целесообразным установить уголовную ответственность за финансирование любой террористической группы, а не только организации.

По мнению И. И. Артамонова, из ч. 3 этой статьи необходимо исключить фразу: «повлекли по неосторожности смерть человека», что «поглощается» ч.1 ст. 205 — «создающих опасность гибели людей». Это имеет существенное значение и с точки зрения подследственности данных деяний. По ст. 151 УПК РФ убийство людей в процессе террористической акции расследуется не ФСБ России, а прокуратурой РФ. Ссылка же в ст. 205 УК на взрыв и поджог, считает этот автор, никак не укрепляет позицию законодателя. Таким способом могут совершаться самые различные преступления — от взрыва атомной электростанции

и захвата транспортного средства с заложниками до вымогательства и хулиганства. Способами реализации терроризма, по мнению И. И. Артамонова, могут быть, в отличие от названных в ст. 205 УК РФ, следующие:

1) нападение, которое может совершаться как открыто, так и из засады (в том числе с большого расстояния, что обеспечивает более высокую степень конспирации);

2) минирование объектов промышленности, транспорта, связи, военных объектов, жилых зданий;

3) минирование мест постоянного нахождения жертвы;

4) минирование маршрута передвижения объектов преступного посягательства, который предварительно тщательно изучается;

5) применение взрывных устройств, закамуфлированных под бытовые предметы, в почтовых посылках или бандеролях и адресованных конкретному лицу (жертве);

6) использование отравляющих веществ (в письмах, служебных документах, телефонных трубках и т.п.);

7) вооруженный захват заложников и др.

Главный вывод И. И. Артамонова состоит в том, что «терроризм» — понятие не уголовно-правовое. Этот термин характеризует терроризм как социально-политическое явление и включает в себя идеологию, организационную структуру и практическую террористическую деятельность. С точки же зрения уголовного права ответственность должна наступать не за «терроризм» по ст. 205 УК, а за конкретные противоправные действия, предусмотренные соответствующей статьей УК РФ, часть из которых уже названы. Отсюда вытекает и главная проблема уголовной ответственности за такого рода преступления: должна ли быть в УК РФ самостоятельная статья с названием «терроризм»? Позиция И. И. Артамонова заключается в категорическом отрицательном ответе на этот вопрос: она якобы не имеет научных оснований для существования¹.

В целом мы не склонны поддержать это мнение. В первую очередь следует возразить по поводу того, что «терроризм» — не уголовно-правовое понятие. Кроме того, смерть человека по неосторожности (ч. 3 ст. 205) вовсе не поглощается ч. 1 той же статьи «создающих опасность гибели людей», т.е. действия, создающие такую опасность, не адекватны тем, которые повлекли смерть людей по неосторожности. В первом случае это лишь опасность, в том числе специально создаваемая для

---

¹ См.: Артамонов И. И. Некоторые предложения по совершенствованию правовой основы борьбы с терроризмом // Терроризм в России и проблемы системного реагирования. М., 2004. С. 116–117.

причинения смерти, во втором — наступившие последствия, но по неосторожности.

Немало сомнений и критики вызывают у специалистов отдельные положения ст. 208 УК РФ «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем». Обоснованно указывается на то, что однозначно отнести преступные структуры, функционирующие в Чечне и других регионах Северного Кавказа, к незаконному вооруженному формированию, банде или преступному сообществу (преступной организации) не так просто. Практически органы сталкиваются с трудными и порой неразрешенными проблемами, связанными с квалификацией действий чеченских, иных боевиков и наемников. Учитывая значительную схожесть законодательных признаков ст. 208, 209 и 210 УК РФ, уместно задаться вопросом о практической необходимости существования в уголовном законе трех соответствующих смежных составов.

Мы считаем, что между бандой и незаконным вооруженным формированием имеются существенные различия. Во-первых, незаконное вооруженное формирование почти всегда по числу участников больше, чем банда, поэтому социальный эффект действий незаконных вооруженных формирований в подавляющем большинстве случаев больший, чем банды. Во-вторых, последняя всегда преследует материальные цели, действует в основном ради собственного обогащения. Между тем у незаконного вооруженного формирования могут быть и совершенно иные цели и смыслы, в том числе определяемые потребностью обретения «независимости» для своего народа. В-третьих, в силу названного обстоятельства незаконное вооруженное формирование может пользоваться зарубежной поддержкой, что можно наблюдать в отношении радикальных исламских организаций в России и за рубежом. Банды этим обычно не пользуются.

Банда и незаконное вооруженное формирование существенно отличаются от предусмотренного ст. 210 УК РФ преступления: два первых вооружены и всегда используют насилие; преступное же сообщество может не иметь оружия и не прибегать к насилию (ответственность по ст. 210 наступает за организацию преступного сообщества). В криминологическом аспекте банда, незаконное вооруженное формирование и преступное сообщество являются разновидностями преступной организации.

Борьба с терроризмом на Северном Кавказе показала, что государственные и органы местного самоуправления или должностные лица самого различного уровня своими решениями (действиями) нередко создавали условия для возникновения конфликта, в том числе инициировали организацию под своей эгидой неконституционных вооружен-

ных формирований (так называемых отрядов местной самообороны, этнических формирований, служб безопасности и др.). Как правило, они изначально не преследовали далеко идущих политических целей, а реализовали задачу обеспечения личной и экономической безопасности в собственной среде функционирования. Эта тенденция на юге России сохраняется и сейчас.

В связи с изложенным представляется необходимым – в целях адекватности отражения действий государственных или общественных структур, коммерческих организаций, берущих под свое покровительство создание незаконных вооруженных формирований, – выделить это в качестве квалифицированного состава ст. 208 УК РФ. Предлагаем дополнить и изложить диспозицию ч. 3 данной статьи в следующей редакции: «Действия, предусмотренные частью первой и второй настоящей статьи, связанные с использованием полномочий: государственных органов, органов местного самоуправления, общественных объединений или должностных лиц».

В принципиальном плане следует критически оценить местонахождение уголовно-правовой нормы «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем» в главе 24 УК РФ. Проявление элементов сепаратизма по отношению к центру, реальная угроза в создании преступными формированиями на региональном уровне параллельных нелегальных властных структур, незаконных вооруженных формирований убеждают в том, что все это способствует разрушению существующего государственного устройства, создает угрозу неконституционного, насильственного разрешения проблем государственного строительства и власти. Представляется обоснованным такое деяние, как «организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем», отнести к категории преступлений против государства, и, соответственно, место нормы об этом преступлении должно быть определено в главе 29 раздела X «Преступления против государственной власти».

Обращает на себя внимание то, что к преступлениям экстремистской направленности законодатель отнес хулиганство, предусмотренное ч. 1 и 2 ст. 213 УК РФ. Однако в связи с принятыми 8 декабря 2003 г. поправками в Кодекс конструкция состава и юридическая природа данного деяния претерпели существенные изменения, что должно найти отражение в тексте нормы-дефиниции ст. 282.1 УК. Поэтому предлагаем исключить из перечня преступлений экстремистской направленности ст. 282.1 УК указание на ч. 1 и 2 ст. 213 УК «Хулиганство». Преступность в условиях открытого противодействия вооруженных сепаратистов и экстремистов федеральным и республиканским правоохранительным органам находится, к сожалению, в значительной мере вне надлежащего контроля со стороны государства.

Относительно ст. 277 УК РФ («Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля») следует высказать некоторые пожелания, направленные на улучшение этой законодательной нормы.

Во-первых, из диспозиции названной статьи необходимо убрать слова «террористический акт». Если это оставить, то получается, что действия, предусмотренные ст. 205 УК, не являются террористическими актами.

Во-вторых, помимо государственных и общественных деятелей, в ст. 277 УК РФ следует также включить представителей власти (ими могут быть сотрудники органов внутренних дел, прокуратуры и др., которые не являются государственными деятелями), а также деятелей искусства, литераторов, журналистов, священнослужителей.

В-третьих, предусмотреть в названной статье уголовную ответственность не только за жизнь, но и здоровье государственного или общественного деятеля, представителя власти, деятелей искусства и т.д.

Проведенные криминологические исследования позволяют сделать вывод, что в последние годы участились случаи необоснованной квалификации деяний как преступлений террористического характера, что необоснованно увеличивает регистрируемое число таких преступлений. Это отмечается в аналитических документах, докладных записках сотрудников правоохранительных органов, в том числе Чеченской Республики.

В то же время увеличилось число фактов необоснованного отказа от квалификации совершаемых деяний как преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства (вооруженный мятеж, диверсия и др.), против порядка управления (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, незаконное пересечение государственной границы РФ и др.), против мира и безопасности человечества (наемничество и др.). В результате крайне общественно опасные деяния против государственной власти, мира и безопасности человечества не находят полного отражения в статистике.

Вооруженный мятеж как преступление, предусмотренное ст. 279 УК РФ, посягает на внутреннюю безопасность Российской Федерации в части незыблемости ее конституционного строя и территориальной целостности. В уголовно-правовой норме не дифференцированы уголовная ответственность и наказание в зависимости от выполняемых виновным ролевых функций. С объективной стороны, преступление выражается в любом из перечисленных действий: организация вооруженного мятежа либо активное участие в нем. В самой сущности деяния заложен институт соучастия. Это изначально повышает общественную опасность содеянного как одной из форм групповой преступности

антигосударственной направленности. Исходя из того, что действия организатора представляют большую общественную опасность для объекта уголовно-правовой охраны, нежели действия участников мятежа, предлагаем предусмотреть в ч. 1 ст. 279 УК РФ ответственность только за организацию вооруженного мятежа, а в ч. 2 ст. 279 УК РФ — за участие в нем.

Упоминание об активной роли участника вооруженного мятежа из текста статьи необходимо исключить. В противном случае действия лиц, принимавших второстепенное, незначительное участие в неконституционном, насильственном приходе к власти (выступавших, пусть и ведомыми, в совершении особо тяжкого преступления), окажутся декриминализованными и вне поля зрения уголовной юстиции. Не кто иной, как суд должен по закону устанавливать степень участия каждого лица в совершении преступления, учитывая в том числе особо активную роль в вооруженном мятеже в качестве обстоятельства, отягчающего наказание (п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ), и в связи с этим индивидуализировать наказание в рамках относительно определенной санкции статьи. Как при совершении деяний в условиях неочевидности (убийства) или деяний, представляющих одну из разновидностей организованной преступности (участие в незаконном вооруженном формировании, в преступном сообществе), требуется устанавливать всех виновных, вне зависимости от характера действий, степени их участия. Учитывая изложенное, санкцию ч. 2 ст. 279 УК РФ предлагаем изложить так: «...наказываются лишением свободы на срок от 8 до 15 лет».

Следует ужесточить и санкцию ч. 1 ст. 279, предусмотрев наказание в виде лишения свободы на срок от 15 до 20 лет и включив наказание в виде пожизненного лишения свободы. При этом следует внести дополнение в редакцию ст. 57 УК РФ и указать, что «пожизненное лишение свободы устанавливается за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против общественной безопасности, основ конституционного строя и государственной безопасности». Кстати, такое уточнение обоснует наличие пожизненного лишения свободы за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277), деяния, посягающего в первую очередь именно на основы конституционного строя, внутреннюю безопасность, и только во вторую — на жизнь.

Столь строгие верхние и нижние пределы санкций уголовно-правовых норм (лишение свободы на срок от 12 до 20 лет и пожизненное, либо на срок от 8 до 15 лет) действительно свидетельствуют о высокой степени общественной опасности деяний, но не в связи со всеобъемлемостью составляющей объективной стороны (различные насильственные действия не вписываются в идеологию мятежа, не охватываются

составом данного преступления), а с важностью охраняемых благ: основ конституционного строя и территориального единства страны.

Новеллизация пожизненного лишения свободы будет обоснованной, если учесть и тот факт, что вооруженный мятеж угрожает не только основам конституционного строя, государственной безопасности, но и общественной безопасности, жизни и здоровью, конституционным правам граждан, собственности, нормальному порядку управления, иным объектам уголовно-правовой охраны (как минимум семи видовым объектам). Всего, по некоторым подсчетам, в действиях мятежников могут иметь место более десятка преступлений.

Преступления, которые совершаются организаторами и участниками незаконных вооруженных формирований: а это и нападения на гражданское население, органы государственной власти с целью свержения существующей законной власти, установления иной формы правления на захваченных территориях, отторжения их от России (например, как это имело место при нападении на Ингушетию 22 июня 2004 г.) — квалифицируются в судах небесспорно. Доказанными остаются лишь преступления против общественной безопасности, в частности организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, но не вооруженный мятеж (ст. 279 УК РФ), насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278 УК РФ).

Статья «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти» предусматривает совершение преступления в трех формах с единым знаменателем — насильственные действия, направленные на: 1) захват власти; 2) удержание власти, в нарушение Конституции РФ; 3) изменение конституционного строя РФ. В диспозиции нормы говорится о действиях, не формализованных по содержанию и форме, а описанных через способ достижения определенной цели.

Одно из ключевых слов, используемых в тексте закона и определяющее направленность данного общественно опасного деяния. — власть. Изучение норм Конституции РФ позволяет прийти к выводу о преобладающем понимании государственной власти как совокупности полномочий, реализуемых специально учреждаемыми органами. Однако стоит подчеркнуть, что диспозиция статьи, в отличие от ее названия, упоминает и о конституционном строе как объекте посягательства. Несомненно, насильственный захват власти или ее насильственное удержание не повлекут таких радикальных изменений в государственно-политическом устройстве, а вот насильственное изменение конституционного строя меняет весь прежний уклад экономических, политических, социальных отношений. Поэтому необходимо градировать ст. 278 УК РФ в зависимости от посягательств на объекты уголовно-правовой охраны и форм объективной стороны на две части:

1. Действия, направленные на насильственный захват и на насильственное удержание власти, в нарушение Конституции Российской Федерации, наказываются лишением свободы на срок от 8 до 15 лет.

2. Действия, направленные на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, наказываются лишением свободы на срок от 12 до 20 лет.

Следует также изменить название статьи 278 УК РФ на «Насильственный захват власти, насильственное удержание власти, насильственное изменение конституционного строя», так как прежнее уже ее фактического содержания.

Немало теоретических дискуссий и трудностей в правоприменении вызывает уголовно-правовая новелла, предусмотренная ст. 282.1 УК РФ. В ней экстремистское сообщество определяется как «организованная группа лиц для подготовки или совершения... преступлений экстремистской направленности... его часть или входящие в такое сообщество структурные подразделения... а также объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества».

Преломление экстремистского сообщества через несколько различных форм соучастия представляется неприемлемым. По нашему мнению, нельзя утверждать, что такой прием целиком копирует законодательную конструкцию преступного сообщества в ч. 4 ст. 35 УК РФ. Ведь знак равенства между организованной группой и преступным сообществом как групповыми объединениями в Общей части законодатель не ставит, раскрывая преступное сообщество (преступную организацию) именно через *сплоченную* организованную группу или объединение организованных групп.

Выход из сложившейся нормативной эклектики видится в следующем. В текст диспозиции ст. 282.1 УК РФ необходимо либо включить слово «сплоченная» применительно к организованной группе, либо убрать это словосочетание, заменив его на используемый и в ч. 4 ст. 35 УК РФ, и в ст. 205.1 УК РФ термин «организация». В такой новой редакции экстремистское сообщество у правоприменителей будет однозначно восприниматься как разновидность преступной организации. Отличие этих двух объединений можно проводить только по целям: преступное сообщество (преступная организация) преследует цели совершения общеуголовных преступлений, а экстремистская организация — лишь преступлений экстремистской направленности. На практике вполне возможна ситуация, когда преступное сообщество наряду с общеуголовными преступлениями станет планировать и совершение преступлений, содержащих признаки экстремизма, что должно повлечь уголовно-правовую оценку содеянного по совокупности ст. 210 и 282.1 УК РФ.

Необходимо внести также законодательные изменения и в текст уголовно-правовых норм, включенных в ст. 282.2 УК РФ и в примечание к данной статье. В них после слов «общественное или религиозное объединение» следует, на наш взгляд, вставить словосочетание «некоммерческая организация» вместо «иная организация». Данная редакция сузит перечень экстремистских организаций и не позволит отнести к ним коммерческие предприятия, основной целью функционирования которых является получение прибыли.

Среди факторов правовой энтропии различных проявлений экстремизма исследователи чаще всего указывают на абстрактность диспозиции ст. 282 УК РФ и нечеткость ее формулировок.

Использование законодателем формулировки «унижение достоинства человека по признакам национальности...» по смысловому содержанию неверно. Унизить, погрязнуть, изменить с позитивного на негативное можно честь человека, т.е. представление о личности в глазах других людей, его окружающих; достоинством же, по сложившейся в литературе точке зрения, является представление индивида о каких-то собственных, социально значимых качествах. Поэтому погрязнуть достоинство вряд ли возможно действиями извне. Самооценка, в конечном итоге, может быть снижена лишь в результате каких-либо внутренних психических процессов.

В свете изложенного можно предложить дополнить диспозицию ч. 1 ст. 282 УК РФ следующим содержанием: «1. Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение чести и достоинства человека либо группы лиц по признакам...»

Санкции за преступления, предусмотренные ст. 282, 282.1 и 282.2, представлены в излишне широком диапазоне, что позволяет виновным фактически избежать наказания. Например, создание экстремистского сообщества может повлечь за собой:

- штраф в размере до двухсот тысяч рублей;
- штраф в размере заработной платы или иного дохода на срок до восемнадцати месяцев;
- лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет;
- лишение свободы на срок до четырех лет.

Не выделено в качестве более опасных деяний руководство экстремистским сообществом или деятельностью общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности. Ясно, что руководитель такой группы должен наказываться более сурово, чем рядовой участник. Кроме того, не выделены более опасные случаи, когда экстремистское общество применяет или угрожает насилием.

Все чаще используется экстремистскими организациями для пропаганды своих идей Интернет. Результаты проведенного нами (В. Бурковской) опроса студентов юридических вузов показали, что 67% респондентов знают о существовании сайтов экстремистской направленности, а 2% — регулярно их посещают. А ведь именно молодежь и подростки, в силу присущих возрасту психологических особенностей, являются наиболее благоприятной средой для усвоения крайних взглядов.

Как представляется, названные обстоятельства повышают степень общественной опасности призывов к осуществлению экстремистской деятельности, что обуславливает необходимость введения в ст. 280 УК РФ дополнительного признака: «использование сети Интернет». Аналогичные изменения должны быть внесены и в ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» УК РФ.

Предложенное решение позволило бы избежать многочисленных следственных и судебных ошибок, нарушений прав и свобод граждан. Кроме того, обозначенный подход, что немаловажно, соответствует международным стандартам в этой области, которые сформулированы в Дополнительном протоколе к Конвенции о киберпреступности, посвященному вопросу криминализации актов расизма и ксенофобии, совершенных с применением компьютерных сетей (Страсбург, 2003 г.). Европейский законодатель полагает целесообразным создать в государствах — участниках договора правовую основу для привлечения к ответственности лиц за распространение через Всемирную компьютерную сеть ксенофобских и расистских материалов (ст. 3), националистически мотивированных угроз (ст. 4) и оскорблений (ст. 5), а равно за пособничество в совершении указанных деяний (ст. 6).

Анализ материалов уголовных дел показывает, что прямые призывы к осуществлению экстремистской деятельности встречаются достаточно редко. Вместе с тем пропаганда экстремизма, обосновывающая необходимость подобных действий, очень распространена. Насыщенность информационного поля подобными материалами изменяет правосознание граждан, формируя ощущение легитимности насильственных методов решения конфликта.

Расширение содержания диспозиции ст. 280 УК РФ оказало бы благоприятное воздействие на состояние защищенности основ конституционного строя. В этой связи считаем возможным предложить следующую редакцию наименования ст. 280 УК РФ: «Пропаганда осуществления экстремистской деятельности» с одновременным использованием развернутого определения понятия «пропаганда» в тексте названной статьи.

Как показала изученная нами практика, очень высокий уровень обобщения, использованный законодателем для построения уголовно-правовой нормы, содержащейся в ст. 282 УК РФ, является недостаточно эффективным с точки зрения защиты общественного спокойствия. Изучение зарубежного опыта установления уголовной ответственности за посягательства на общественные отношения, обеспечивающие межконфессиональное и межнациональное спокойствие, свидетельствует, что законодатель при описании объективной стороны соответствующих составов преступлений использует конструкции, достаточно четко описывающие преступное деяние. Так, в ряде стран криминализованы: угрозы либо призывы к насилию по отношению к представителям той или иной группы (ст. 8 УК Швеции, ст. 135а УК Норвегии, ст. 130 УК Германии, ст. 137е Голландии); оскорбление лиц в зависимости от расы, вероисповедания и других признаков (ст. 135а УК Норвегии, ст. 257 УК Польши); пропаганда национальной ненависти (ст. 249 УК КНР).

Данные изученных материалов уголовных дел и последственных проверок, а также публикаций показывают, что объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, в подавляющем большинстве случаев выражается в формировании негативного, неуважительного отношения к определенной части населения, т.е. в пропаганде ненависти либо вражды. В связи с этим представляется возможным предложить следующую редакцию ч. 1 ст. 282 УК РФ: «Пропаганда ненависти, вражды либо превосходства человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенная публично, в том числе с использованием средств массовой информации, ... —».

Целесообразно, на наш взгляд, внести изменения и в законодательство, регулирующее издательскую деятельность, а также устанавливающее правомерные ограничения свободы слова как меры предупреждения криминального экстремизма и терроризма.

1. В частности, представляется необходимым принятие нормативного акта, который содержал бы обязательный перечень выходных данных печатных изданий. В дальнейшем следует дополнить ст. 13.22 КоАП РФ «Нарушение порядка объявления выходных данных» ч. 2 в следующей редакции: «Выпуск (изготовление) или распространение непериодического печатного издания без указания в установленном порядке выходных данных, а равно с неполными или заведомо ложными выходными данными — влечет за собой ...».

2. Полагаем, что лишение организации права на осуществление издательской деятельности должно осуществляться в судебном порядке.

В связи с этим п. 2 ст. 13 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» целесообразно изложить в следующей редакции: «Организация, дважды в течение двенадцати месяцев осуществившая издание экстремистских материалов, подлежит лишению судом прав на ведение издательской деятельности».

В рамках совершенствования законодательного обеспечения административной юстиции в России был разработан Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, 26-я глава которого посвящена особенностям производства по делам об оспаривании решений по вопросам регистрации или отказа в регистрации, ликвидации, запрета, приостановления или иного ограничения деятельности объединений. В нормах, закрепленных в данной главе КАС, регламентируются некоторые аспекты деятельности судов по рассмотрению дел в связи с осуществлением организацией террористической деятельности. Актуальность такого закона не вызывает сомнений. Вместе с тем хотелось бы отметить, что он должен касаться не только террористических, но и экстремистских организаций. Кроме того, считаем целесообразным дополнить проект КАС РФ правовыми предписаниями, регламентирующими особенности рассмотрения дел о лишении организации права на издательскую деятельность в связи с публикацией экстремистских материалов.

3. Полагаем возможным расширить содержание понятия «экстремистские материалы» за счет включения в этот круг, во-первых, всего спектра материалов, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, а во-вторых, и материалов, содержащих информацию о необходимых компонентах, способах изготовления самодельных взрывных устройств, рекомендации по их применению, организации уличных драк, ведению боевых действий и т.д.

В настоящий момент, исходя из положений ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», таковыми являются публикации, касающиеся лишь двух аспектов: обоснования или оправдания национального и (или) расового превосходства; оправдания практики совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

4. Следует ускорить принятие уже подготовленных законопроектов об установлении ответственности за изготовление, распространение, хранение в целях использования экстремистских материалов.

Вместе с тем этот вопрос требует дополнительной проработки с точки зрения недопущения незаконного ущемления прав и свобод граждан. Например, как поступать с хранящимися в библиотеках экземпля-

рами работ лидеров Национал-социалистической рабочей партии Германии, которые могут быть признаны судом экстремистскими согласно положениям ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». *Изъятие их из фондов и уничтожение, в конечном счете, противоречит задачам борьбы с экстремизмом, поскольку без изучения этого явления невозможна разработка стратегии противодействия.*

Выход из этой ситуации видится в разработке режимов пользования подобными материалами, их хранения, распространения. За основу могут быть приняты положения ст. 129 «Оборотоспособность объектов гражданских прав» Гражданского кодекса РФ.

5. В Законе «О средствах массовой информации» необходимо предусмотреть обязанность уведомлять соответствующие органы о выпуске *периодического печатного издания, а за ее неисполнение установить административную ответственность.*

Направления совершенствования правового регулирования информационного поля в части, относящейся к предупреждению экстремизма, требуют развития специального законодательства, регламентирующего деятельность провайдеров и детализирующего механизм их ответственности.

Направления совершенствования законодательства, регулирующего контроль за деятельностью религиозных и общественных объединений, нуждаются в следующем.

1. Необходимо, на наш взгляд, обязать общественные и религиозные объединения (группы) информировать о начале своей деятельности органы государственной власти или местного самоуправления, а также ввести административную ответственность за неисполнение этого. Предложенные меры, с одной стороны, не создадут существенных препятствий для развития институтов гражданского общества, а, с другой, позволят эффективнее предупреждать злоупотребления свободой совести, правом на объединение.

В уведомлении о создании и начале деятельности группы должна содержаться информация о наименовании, месте нахождения, виде религиозного или общественного объединения, его руководстве (лидере), вероисповедании (для религиозных объединений), идеологической основе (для общественного объединения), о целях, задачах и основных формах деятельности.

Следует предусмотреть возможность осуществления контроля органами юстиции, а также местного самоуправления за соответствием деятельности объединения целям, указанным в уведомлении.

2. С целью устранения внутриотраслевой и межотраслевой казуистичности представляется также целесообразным исключить из Федерального закона «О противодействии терроризму» нормы, регламен-

тирующие механизм ликвидации террористической организации, сделав ссылку на Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности».

4. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Реальное превентивное влияние на преступность террористической направленности можно оказать обеспечением неотвратимости наказания лиц, совершивших данного типа преступления, полным и качественным расследованием каждого уголовного дела о таких деяниях. При этом важно, чтобы к уголовной ответственности привлекались не только исполнители, но и организаторы, заказчики террористических актов. Между тем динамика и состояние раскрываемости подобных преступлений вызывает серьезную тревогу в обществе.

Наряду с многочисленными организационно-правовыми, материальными, психологическими причинами, затрудняющими борьбу с терроризмом, правоохранительным органам приходится сталкиваться с серьезными трудностями в расследовании указанных преступлений при применении норм действующего уголовно-процессуального законодательства, содержащих абсолютно не известные ранее подходы к уголовно-процессуальной деятельности на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. В УПК претерпели значительные изменения правовые статусы практически всех участников уголовного судопроизводства, процедура проведения дополнительной проверки материалов, а также производства следственных действий. В то же время содержание ряда статей Кодекса вызывает многочисленные вопросы по поводу их практического применения. Кроме того, специфичность, экстремальность, массовость и чрезвычайная опасность террористических актов создают совершенно новые и крайне трудные условия, в которых приходится вести следствие.

С учетом этого практика и наука определили ряд проблем и выработали конкретный опыт проведения уголовно-процессуальных действий, которые заслуживают внимания и могут быть полезны в борьбе с терроризмом в современных условиях. И прежде всего требуется рассмотреть вопросы защиты жизни и здоровья граждан, а также сотрудников правоохранительных органов.

Высшие должностные лица государства, руководители правоохранительных органов и специальных служб должны обеспечивать их защиту, нести ответственность за жизнь и здоровье сотрудников своих ведомств, участвующих в операциях против террористических акций, осуществляющих расследование таких преступлений. К сожалению, в УК РФ отсутствует конкретная норма, предусматривающая ответствен-

ность должностных лиц за гибель и ранение людей в результате профессионально неграмотных действий, ошибок в организации и руководстве операцией. Думается, правовое урегулирование указанных вопросов будет способствовать более ответственному подходу к операциям по терроризму, применению военной техники, тяжелого оружия и химических средств в отношении преступников. Бесланские события полностью подтверждают сказанное.

Повышенные требования к безопасности как граждан, так и самих сотрудников правоохранительных органов должны быть предъявлены и при следственных действиях, в частности при осмотре места происшествия по делам о террористических актах.

Получив из дежурной части информацию о событии с признаками террористического характера, например, взрыва, и приняв решение о выезде на место преступления, руководитель специализированной следственно-оперативной группы прежде всего должен проверить:

- каковы адрес и характер объекта, где произошел взрыв;
- привлечены ли медицинские, аварийно-спасательные и коммунальные службы, подразделения МЧС для оказания помощи и эвакуации раненых, погибших, разбора завалов, отключения бытовых и производственных коммуникаций (газа, воды, электричества, отопления и т.п.);
- приняты ли меры к тушению пожара или иные по ликвидации последствий взрыва;
- обеспечена ли эвакуация людей;
- привлечены ли к работе на месте происшествия специалисты инженерно-технического подразделения отрядов милиции особого назначения (ОМОН) для поиска и обезвреживания не взорвавшихся взрывных устройств¹;
- направлено ли к месту происшествия для проверки поступившей информации и обеспечения охраны необходимое число сотрудников милиции;
- обеспечено ли присутствие представителей физических и юридических лиц, чьи помещения будут осматриваться;

---

¹ На основании приказа МВД России от 15 апреля 1994 г. № 88 инженерно-технические подразделения ОМОНа следует вызывать сразу при получении сигнала об угрозе взрыва для поиска взрывного устройства или подтверждения факта их присутствия. Обезвреживание, разряжение, предварительное исследование, перевозку и уничтожение взрывного устройства осуществляют специальные подразделения центрального аппарата и региональных пунктов контроля взрывоопасных предметов ФСБ. В связи с отсутствием во многих территориальных органах ФСБ специалистов-взрывотехников определение границ опасной зоны, эвакуация, предварительное исследование и уничтожение взрывного устройства осуществляются специалистами ОМОНа, которые должны находиться на месте его обнаружения до прибытия специализированной следственно-оперативной группы.

— введены ли в действие типовые планы и организовано преследование лиц, подозреваемых в совершении преступления, по «горячим следам».

Последнее, что должен сделать руководитель следственно-оперативной группы на подготовительном этапе, — определить необходимые для осмотра места происшествия технико-криминалистические средства.

По прибытии на место происшествия, прежде чем приступить к осмотру места взрыва, руководитель следственно-оперативной группы совместно с сотрудниками других подразделений и специалистом должны обеспечить принятие всех мер по спасению людей, оказанию им первой медицинской помощи. После этого следует тщательно проверить территорию саперами-взрывотехниками для обнаружения невзорвавшихся бомб, взрывчатых веществ, специально оставленных преступниками мин-ловушек, горюче-смазочных материалов и др. Словом, всего того, что может причинить сотрудникам и гражданам серьезный вред, вплоть до их гибели.

Как показывает практика, несмотря на предварительное обследование территории специалистами-саперами, взрывоопасные предметы могут встречаться при осмотре места происшествия. Поэтому рекомендуется, чтобы специалисты-саперы принимали участие в работе следственно-оперативной группы до ее окончания. Кроме того, учитывая условия, представляющие опасность для жизни и здоровья людей при осмотре мест происшествий, связанных с террористическими актами, представляется целесообразным внести изменения в ст. 170 УПК РФ, согласно которой участие понятых в осмотре места происшествия обеспечивается по усмотрению следователя.

Вообще-то целесообразность существования данного института в российском судопроизводстве вызывает сомнения. Кроме названных аргументов, известно, что часто в качестве понятых привлекаются случайные люди, военнослужащие срочной службы, которые при вызове в суд плохо ориентируются, создают проблемы для стороны обвинения. Нельзя не учитывать, что во многих странах в числе участников уголовного судопроизводства понятые, как таковые, отсутствуют. При осмотре места происшествия составляется протокол не осмотра, которым предусмотрено участие понятых, а расследования на месте происшествия. В нем излагаются все следственные действия и тем самым закрепляются доказательства по «горячим следам». Думается, данный опыт заслуживает внимания.

Завершая краткое освещение проблемы обеспечения безопасности людей при проведении процессуальных действий по террористическим актам, следует подчеркнуть, что главнейшая цель любого правоохранительного действия, в том числе уголовно-процессуального, должна заключаться в защите жизни и здоровья людей, которые попали в беду,

спасения их целыми и невредимыми. Именно это должно быть на первом плане, и все усилия должны быть направлены на это, и нести ответственность за это должны все те должностные лица, которые по долгу службы выполняют такую задачу. Задержание, привлечение к уголовной ответственности террористов, возмездие, а может быть, и обезвреживание их — задача вторая. По-другому думать и действовать — безнравственно и преступно.

Реализация норм УПК РФ, регулирующих возбуждение уголовного дела о преступлениях террористического характера, имеет свою специфику и особенности. Рассмотрим ряд наиболее значимых уголовно-процессуальных проблем, которые возникают при возбуждении уголовных дел в отношении таких преступлений.

При оценке материалов предварительной проверки для решения вопроса о возбуждении уголовного дела следователь должен проверить их по следующим направлениям.

Соответствие материалов требованиям Закона «Об оперативно-розыскной деятельности». На основании ст. 11 результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе могут быть использованы:

— как повод и основание для возбуждения уголовного дела (сведения о том, где, когда и какие признаки деяния обнаружены; о лице (лицах), совершившем(-их) преступление; о любых других фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела);

— для подготовки и осуществления неотложных следственных действий (сведения о скрывающихся от органов расследования лицах; о возможных источниках доказательств; о лицах, которым известны обстоятельства и факты, имеющие значение для дела; о других фактах и обстоятельствах, позволяющих определить эффективную тактику проведения отдельных следственных действий). В подобных ситуациях данные сведения имеют значение ориентирующей информации и процессуальное их оформление необязательно;

— для доказывания по уголовным делам в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством (должны соответствовать требованиям допустимости, относимости, достоверности). В этом случае их процессуальное оформление необходимо.

Исходные данные о преступлении террористического характера, совершаемого путем взрыва, могут быть получены оперативно-розыскным путем в ходе проведения первоначальных оперативно-розыскных мероприятий, которые, как правило, включают в себя:

— опросы очевидцев с целью выяснения точного времени и характера планируемого или совершенного взрыва;

— выявление следов подозреваемых в совершении преступления, установление их личности, изучение образа жизни, проверке связей;

— воссоздание обстановки места происшествия, сложившейся до взрыва, установление примет лиц, возможно, причастных к его организации;

— уточнение предполагаемого круга тех, кто стал жертвами взрыва, установление их личности, характера полученных повреждений и мест госпитализации;

— проверку транспортных средств, находившихся на месте происшествия до и после применения взрывного устройства;

— установление возможных направлений отхода преступника с места взрыва;

— получение вещественных доказательств у потерпевших (в том числе госпитализированных в лечебные учреждения) и др.

Оперативные работники, как правило, получают необходимую информацию из следующих источников:

— документов, отражающих результаты наблюдения, контроля телефонных переговоров, иных оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных ст. 6 Федерального закона об ОРД;

— заявлений, писем, иных сообщений (в том числе по телефону доверия) граждан (жителей различных районов, сотрудников организаций и учреждений, должностных лиц, представителей общественности), средств массовой информации и т.п.

Представление результатов оперативно-розыскной деятельности следователю осуществляется в соответствии с «Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд» (1998).

Необходимо отметить, что, оценивая результаты оперативно-розыскной деятельности, следователь должен исходить из того, что они могут быть использованы в процессе доказывания только в том случае, если отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам уголовно-процессуальным законодательством (ст. 89 УПК РФ).

При оценке материалов доследственной проверки в уголовно-правовом аспекте следователь решает вопрос о наличии в действиях виновных признаков преступления террористического характера. Ее рекомендуется производить непосредственно по элементам состава преступления.

Статья 205 помещена в главу 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности», следовательно, в качестве объекта посяательства при терроризме выступает общественная безопасность. В специальной литературе имеются различные толкования этого термина. Однако большинство авторов дают определение, сходное с тем,

что закреплено в Законе РФ от 18 марта 1992 г. «О безопасности». Согласно ему, под общественной безопасностью понимается состояние защищенности жизненно важных интересов общества (т.е. совокупности потребностей, удовлетворение которых обеспечивает надежное существование и возможность прогрессивного развития общества). Объектами безопасности выступают личность — ее права и свободы; общество — его материальные и духовные ценности; государство — его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность.

Объективная сторона преступления террористического характера, совершаемого с применением взрывного устройства, состоит: а) в совершении взрыва, создающего опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий; б) в угрозе совершения указанных действий.

Определение размера причиненного имущественного ущерба (а с этим вопросом придется иметь дело даже на стадии возбуждения уголовного дела) зависит от объема и стоимости этого ущерба с учетом реальной значимости уничтоженных или поврежденных материальных ценностей. При этом для классификации деяния по ст. 205 УК РФ по признаку «значительного имущественного ущерба» определяющим будет, скорее, не только определенная материальная стоимость объекта, но и степень возможности повлиять актом уничтожения такого имущества на сознание населения или действия органов власти.

Понятием «иные общественно опасные последствия» охватываются лишь те, опасность которых сопоставима с гибелью людей и значительным имущественным ущербом, иначе терроризмом следовало бы признавать любое умышленное преступление, совершенное с целью нарушить общественную безопасность. Об этом свидетельствует в том числе и законодательное «разведение» таких составов, как заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) и о преступлении (ст. 306 УК РФ). Таким образом, последствиями террористического акта, совершаемого путем взрыва, могут быть длительное нарушение работы предприятий, общественного транспорта, связи; значительное заражение местности, дезорганизация работы органов власти и управления и т.д.

По конструкции объективной стороны терроризм является формальным составом, т.е. не предусматривает наступления общественно опасных последствий. Для оконченного состава терроризма не требуется фактического наступления указанных в ч. 1 ст. 205 УК РФ последствий. Необходимо лишь, чтобы террористические действия создали реальную опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий.

При решении вопроса о возбуждении уголовного дела нужно учитывать, что ответственность за угрозу совершить акт терроризма наступает независимо от возможности реализации, а также намерения лица привести ее в исполнение. Главное, чтобы она вызвала у объекта запугивания опасения в ее осуществлении, для чего необходимо, как правило, приведение в угрозе недвусмысленной информации о намерении и (или) последствиях его реализации. При этом форма выражения такой угрозы может быть весьма разнообразна (в виде непосредственного устного или обращения через СМИ, с помощью телефона, радиосвязи и т.д.) и в конечном счете не имеет значения для квалификации деяния по признакам ст. 205 УК РФ.

Рассматриваемое преступление связано с нарушением правил обращения с взрывчатыми веществами. Для того чтобы совершить подобный акт терроризма, необходимо либо похитить взрывчатые вещества или взрывные устройства, либо незаконно их приобрести, хранить и перевозить, либо изготовить. Таким образом, при совершении такого преступления действия преступника будут охватываться не только ст. 205 УК РФ, но и ст. 222 УК РФ, либо ст. 226 УК РФ, либо ст. 223 УК РФ.

Субъективная сторона преступления террористического характера, совершаемого путем взрыва, характеризуется прямым умыслом (лицо осознает общественную опасность совершаемых действий, предвидит возможность или неизбежность указанных в ч. 1 ст. 205 последствий и желает их наступления) и наличием специальной цели — нарушение общественной безопасности, устрашение населения, оказание воздействия на принятие решения органами власти.

По внешним признакам и наступающим общественно опасным последствиям терроризм схож с некоторыми иными преступлениями против жизни и здоровья, общественной безопасности, движения и эксплуатации транспорта (например, с преступлениями, предусмотренными ст. 109, 119, 215–220, 263, 268 УК РФ). Однако субъективная сторона последних, в отличие от субъективной стороны терроризма, характеризуется неосторожностью. Правильное определение цели совершаемого деяния является весьма важным для его уголовно-правовой квалификации, непосредственно влияющим на последующие выдвижение обвинения и назначение наказания.

Специфическая цель выступает в качестве основного фактора и в отграничении терроризма от преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 167, ст. 346, п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Субъектом данного преступления может быть любое вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 14 лет.

В ч. 2 ст. 205 УК РФ предусматриваются квалифицирующие признаки терроризма, к которым относится совершение деяния:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) неоднократно;

в) с применением огнестрельного оружия.

Особо квалифицирующими признаками терроризма в ч. 3 ст. 205 УК РФ выступает совершение деяния организованной группой, а также наступление (по неосторожности) смерти человека либо иных тяжких последствий.

Субъективная сторона терроризма, повлекшего по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, характеризуется двойной формой вины: прямым умыслом по отношению к террористическим действиям и неосторожностью (как легкомыслием, так и небрежностью) по отношению к указанным последствиям. Это означает, что любые реальные последствия, причиненные умышленно (с прямым или косвенным умыслом), даже легкие телесные повреждения или ущерб имуществу, требуют квалификации по совокупности ст. 115 УК РФ или ст. 167 УК РФ с терроризмом.

В примечании к ст. 205 УК установлены основания освобождения от уголовной ответственности за данное преступление лица, участвовавшего в подготовке акта терроризма:

а) своевременное (т.е. предоставляющее возможность для предотвращения преступления) предупреждение органов власти (только тех, которые в состоянии принять меры для предотвращения акта терроризма);

б) способствование предотвращению осуществления акта терроризма иным способом (обезвреживание средств его совершения, психическое и физическое воздействие на других участников, привлечение к предотвращению акта терроризма граждан и т.д.).

Необходимо иметь в виду, что указанное примечание относится только к тем актам терроризма, которые подготавливаются группой лиц. Если же лицо самостоятельно готовится к совершению такого акта, но добровольно отказалось от исполнения своего намерения, оно не подлежит уголовной ответственности на основании ст. 31 УК РФ.

Предварительное исследование материальных объектов относится к числу непроцессуальных форм использования специальных знаний и применяется для выдвижения и проверки следственных версий, при розыске скрывшихся преступников, выявлении признаков готовящегося или совершенного террористического акта.

К предварительному исследованию материальных объектов может быть привлечен широкий круг специалистов в разнообразных областях познания, имеющих определенный опыт, связанный со взрывом и с оценкой его последствий. Результаты предварительного исследования оформляются справкой специалиста установленного образца, где фикс-

сируются объекты исследования и суть криминалистической информации.

Основными задачами предварительного исследования материальных объектов являются:

- определение относимости обнаруженных следов к расследуемому событию;
- получение данных о механизме следообразования;
- выявление свойств и признаков следа (объекта, предмета, вещества);
- получение информации о личности преступников и потерпевших;
- решение вопроса о целесообразности назначения экспертизы;
- определение вида экспертизы, необходимых образцов для сравнительного исследования, круга вопросов для разрешения экспертом.

Предварительное исследование на месте происшествия, проводимое специалистом-взрывотехником, позволяет также:

- определить природу взрыва, его центр, тротиловый эквивалент;
- установить вид взорванного взрывчатого вещества и геометрические размеры взрывного устройства;
- определить вид средства инициирования и способа взрывания;
- установить способ изготовления и принцип функционирования взрывного устройства;

— выявить следы инструмента и оборудования, использованных для изготовления взрывного устройства, а также информацию о лице, изготовившем его и (или) осуществившим взрыв.

Таковы основные направления оценки следователем материалов предварительной проверки для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. По результатам их оценки может быть сделан вывод о том, что данных, указывающих на признаки преступления, нет или их явно недостаточно для возбуждения дела, либо имеются обстоятельства, исключающие возбуждение уголовного дела.

Если поступившая следователю информация является неполной и из нее не усматриваются признаки преступления, возникает необходимость ее проверки, которая представляет собой деятельность уполномоченных уголовно-процессуальным законом лиц, направленную на обнаружение признаков преступления и иных обстоятельств.

К сожалению, ст. 144 УПК РФ, предусматривающая порядок «рассмотрения сообщения о преступлении», не устанавливает перечня тех действий, которые могут быть использованы при его проверке. Следователь вправе получить объяснения, при необходимости истребовать документы. В соответствии с ч. 4 ст. 21 УПК РФ требования, поручения и запросы следователя, предъявленные в пределах его полномочий, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами.

На основании ч. 4 ст. 146 УПК РФ в ходе предварительной проверки, до получения согласия прокурора на возбуждение уголовного дела могут быть произведены осмотр места происшествия и освидетельствование, направленные на закрепление следов преступления и установление лица, его совершившего. До возбуждения же уголовного дела допускается и назначение судебной экспертизы. Речь идет о тех случаях, когда без заключения эксперта невозможно сделать обоснованный вывод о наличии или отсутствии признаков террористического преступления как основания для возбуждения уголовного дела или отказа в нем.

При наличии предусмотренных законом повода и основания, предусмотренных ст. 140 УПК РФ, следователь выносит постановление о возбуждении уголовного дела, которое должно быть незамедлительно направлено прокурору. К постановлению прилагаются материалы предварительной проверки, а в случае производства следственных действий по закреплению следов преступления и установлению лица, его совершившего (осмотр места происшествия, освидетельствование, назначение судебной экспертизы), — соответствующие протоколы и постановления.

После получения постановления прокурор незамедлительно дает согласие на возбуждение уголовного дела либо выносит постановление об отказе в согласии на возбуждение уголовного дела или о возвращении материалов для дополнительной проверки. О решении прокурора соответствующие должностные лица уведомляют заявителя, а также лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело.

К сожалению, закон не раскрывает значение термина «незамедлительно». Применительно к предписаниям ст. 146 УПК РФ представляется, что постановление о возбуждении уголовного дела должно быть безотлагательно направлено прокурору сразу же после его вынесения. Прокурор, получив представленные ему материалы, безотлагательно проверяет их и принимает по ним решение. В связи с этим временной промежуток между вынесением постановления о возбуждении уголовного дела и получением соответствующего решения прокурора должен быть незначительным, что особенно важно по делам о терроризме.

В том случае, если прокурор пришел к выводу о необходимости дополнительной проверки, он в постановлении отражает конкретные обстоятельства, которые подлежат установить при ее проведении. В постановлении определяется также срок осуществления дополнительной проверки, который не должен превышать 5 суток со дня принятия указанного решения.

Когда в результате дополнительной проверки установлены основания для возбуждения уголовного дела, по смыслу закона должно выноситься новое постановление о возбуждении уголовного дела и вновь

направляться со всеми имеющимися материалами прокурору для получения его согласия на возбуждение уголовного дела. Следует отметить, что доказательства, полученные в результате осмотра места происшествия, освидетельствования, назначения судебной экспертизы до проведения дополнительной проверки, являются допустимыми.

Уголовное дело считается возбужденным с момента согласия прокурора на его возбуждение. При его получении срок предварительного расследования исчисляется с даты вынесения постановления о возбуждении уголовного дела.

Изложенное свидетельствует о достаточно сложной (и не оперативной) процедуре возбуждения уголовного дела, предусмотренной главами 19–20 УПК РФ. Понятно, что данную регламентацию законодатель ввел в целях усиления гарантий соблюдения прав граждан при возбуждении уголовного дела и недопущения фактов появления «заказных». Хотя, к сожалению, мало что изменилось в данном вопросе.

Думается, что существующий порядок возбуждения уголовных дел по фактам терроризма неприемлем, поскольку не обеспечивает оперативности осуществления комплекса уголовно-процессуальных действий, включая допрос, обыск, задержание, выемку, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль, запись переговоров и другие, исходя из обстановки. У следователя появляется здесь также право давать письменные поручения оперативно-розыскным подразделениям, предусмотренные п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ.

Наделение органа дознания, следователя правом самостоятельного (незамедлительного, без согласования с прокурором) решения вопроса о возбуждении уголовного дела важно еще и тем, что появляются возможности пресечения, недопущения совершения террористического акта с масштабными человеческими жертвами. Подобные ситуации возникают при возбуждении уголовных дел о терроризме на основании агентурных данных или иной информации, добытой оперативно-розыскными мероприятиями.

В связи с отмеченным было бы целесообразно дополнить ст. 140 УПК РФ, определяющую перечень поводов и оснований для возбуждения уголовного дела, положением: факты взрыва в жилых зданиях, учреждениях, в общественных местах и на транспорте.

Согласование возбуждения уголовного дела с прокурором, предусмотренное ст. 146 УПК РФ, целесообразно, когда оно возбуждается в отношении конкретного лица. В тех случаях, когда возбуждается уголовное дело по факту взрыва, террористического акта (готовящегося или совершенного), крупного пожара и т.д., согласование нецелесообразно. Оно только создаст дополнительные трудности и препятствия к

оперативным и следственным действиям по раскрытию преступления, задержанию преступников, закреплению доказательств.

Как уже отмечено, этнотеррористические преступления в структуре преступности в России являются относительно новым криминальным явлением, со своими особенностями и сложностями для раскрытия и расследования. Прежде всего эти деяния, и особенно связанные со взрывом, характеризуются дефицитом доказательственной информации. Весьма затруднительно бывает сразу определить, против кого направлен теракт; мотивы преступления, механизмы, способы и средства совершения; личности исполнителя, организатора, пособников и т.д. Как правило, при подобных преступлениях отсутствуют очевидцы, с одной стороны, в силу их физического и психического состояния, с другой — опасения за свою безопасность, расправы со стороны преступников.

В названных непростых условиях приходится проводить следственные действия правоохранительным органам. Коротко остановимся на их некоторых особенностях.

При расследовании преступлений террористического характера, совершаемых путем взрыва, допрос потерпевших и свидетелей, как правило, носит неотложный характер. Сведения, получаемые в результате данного следственного действия, позволяют установить механизм взрыва и его особенности, а также лиц, возможно, причастных к его подготовке и реализации. Однако при допросе потерпевших и свидетелей необходимо учитывать внезапность и быстротечность восприятия фактов, связанных со взрывом, а также их физическое и психическое состояние.

Важное значение для эффективного допроса имеет решение задачи снятия психологического напряжения у потерпевших и свидетелей, слова поддержки и сопричастности, сопереживания. По делам данной категории целесообразно, по возможности, производить допрос потерпевших и свидетелей на месте происшествия. Иногда допрос отдельных потерпевших и свидетелей целесообразно повторить через несколько дней, когда отрицательные факторы психологического характера несколько ослабнут и создадутся более благоприятные условия для получения объективных показаний.

В тех случаях, когда потерпевшие или свидетели забыли отдельные эпизоды или какие-то факты и дают отрывочные показания об обстоятельствах взрыва, можно рекомендовать следующие тактические приемы. Предложить повторить показания полностью или частично; поставить вопросы, направленные на активацию памяти; предъявить предметы и документы, прямо или косвенно связанные с забытым фактом.

Особую значимость имеют показания лиц, осведомленных о том, каким образом преступники прибыли на место совершения взрыва и при каких обстоятельствах скрылись. В частности, по делу о взрыве

автобуса в г. Нальчике допрошенные в качестве свидетелей владельцы легковых автомобилей, перевозивших террористов к месту совершения преступления и увозивших с него, дали подробные показания о том, когда это было, в какое время суток, сколько было террористов, какого возраста, как они выглядели, на каком языке разговаривали, каким маршрутом ехали, какой суммой денег расплатились за поездку. Все это поможет быстрому установлению и задержанию террористов.

Ценные для следствия сведения об обстоятельствах подготовки взрыва и данные, характеризующие подозреваемого, могут сообщить в качестве свидетеля соседи подозреваемого по его месту жительства, сослуживцы, родственники и другие лица. Важно учесть это. Например, в процессе допроса в качестве свидетелей жена и брат подозреваемого Н. сообщили: последний рассказал им о том, что взрывы на Самарской площади произвел он. Жена пояснила также, что муж в течение двух последних лет на кухне общего пользования регулярно занимался изготовлением взрывчатых смесей. Однажды у него произошло воспламенение такой смеси, в результате чего стены кухни были забрызганы веществом желтого цвета, а муж получил ожог лица и около месяца находился на излечении в больнице.

Одновременно свидетели из числа сослуживцев подозреваемого показали, что он без видимой производственной необходимости нередко задерживался в лаборатории после работы и проводил какие-то химические опыты. Об увлечении Н. взрывотехникой сообщил и его приятель. Будучи допрошенным в качестве свидетеля, он заявил, что присутствовал на экспериментальном подрыве самодельного взрывного устройства, изготовленного подозреваемым.

Такие показания будут иметь решающее значение для доказывания по террористическому акту.

Грамотно проведенный допрос подозреваемого в совершении террористического деяния позволит получить важную информацию (из первых рук) о способе взрыва, об использованных для этого средствах, обстоятельствах подготовки и совершения взрыва, о целях, мотивах, иных обстоятельствах, подлежащих доказыванию. Допрос подозреваемого целесообразно осуществить без промедления, максимально используя фактор внезапности и систему тактических приемов.

Допросу подозреваемого должна предшествовать тщательная подготовка, в которой необходимо скрупулезно изучить материалы, связанные с осмотром места происшествия, планы, схемы, фотоматериалы, видеозаписи, протоколы осмотра вещественных доказательств, допросов потерпевших и свидетелей, материалы исследований и т.д. На основе такой информации следователь определяет, какие показания он должен получить у подозреваемого.

На практике, как известно, применяются тактические комбинации при проведении данного следственного действия, которые дают хорошие результаты в доказывании. Например, можно внезапно поставить вопрос, не связанный с предыдущими вопросами и ответами, на который подозреваемый допрашиваемый должен дать немедленный ответ. Так, задержанный по «горячим следам» К., подозреваемый в совершении взрывов в Москве, на первом допросе сообщил, что приезжал в Москву для приобретения мебели, хотя при себе не имел необходимой суммы денег. На внезапный вопрос о том, где находятся его шапка и рубашка от спортивного костюма (которые были обнаружены в сумке на Курском вокзале Москвы вместе со взрывными устройствами), он дал невразумительный ответ. Впоследствии подозреваемый был полностью изобличен в совершении террористических взрывов.

Последовательность, состоящая в определенном предъявлении допрашиваемому доказательств в порядке нарастания их силы, в тактической комбинации сочетается с приемами, именуемыми «допущение легенды», «пресечение лжи». Прием «создание напряжения» достигается предъявлением множества доказательств, напоминанием о нравственной оценке преступления и т.д. В результате использования указанных и других тактических приемов при допросе подозреваемого К. он написал собственноручные показания о своей причастности к подготовке и совершению взрывов в Москве и назвал соучастников, а также организатора данных преступлений. Прием «допущение легенды», предоставляя подозреваемому возможность излагать ложную легенду, сочетается в комбинации с такими, как «пресечение лжи», внезапность, последовательность, повторность допроса.

В расследовании преступлений террористического характера эффективным следственным действием для доказывания являются обыски и выемки. Таковые проводятся с целью обнаружения, изъятия скрываемых предметов: взрывчатых веществ, взрывных устройств, боеприпасов, огнестрельного оружия, арсеналов, записей, писем и других документов, содержащих сведения об изготовлении взрывных устройств, прохождении минно-взрывной подготовки, возможных соучастниках, одежды, предметов, на которых могут быть следы взрывных веществ, и т.п. В целях собственной безопасности участников обыска рекомендуется при обнаружении взрывных устройств, взрывных веществ или похожих предметов не пытаться самостоятельно их разрядить или перемещать с места. Важно также в этих целях лишить обыскиваемого возможности выполнять без разрешения следователя какие-либо действия.

При обыске помимо следов и материалов, свидетельствующих о причастности лица к террористическому акту, необходимо обратить

внимание на наличие в обыскиваемом помещении графиков и расписаний движения поездов, самолетов, проездных документов, квитанций на услуги (хранение багажа, отправление телеграмм и т.д.), различных документов о приобретении, хранении, перевозке боеприпасов, взрывчатых веществ (товарно-транспортные накладные, счета, разрешения на приобретение таких веществ и др.), записных книжек, дневников, фотографий, свидетельствующих о связи подозреваемого с другими преступными элементами, электронных носителей с заслуживающей внимания информацией и т.п. Именно названные вещи стали доказательствами при расследовании ряда уголовных дел о терроризме.

По делам о преступлениях террористического характера выемка, как правило, производится с целью изъятия веществ и материалов, которые хранятся в помещениях или на участках местности. Такие предметы и вещества требуются в основном для сравнительного исследования с объектами, изъятими при осмотре места взрыва или при обыске. Выемке иногда подлежат абонементные формуляры из библиотек и читальных залов, а также литература по взрывному делу, которой пользовался подозреваемый.

К примеру, при конструировании самодельных взрывных устройств, впоследствии взорванных в Москве, Э. неоднократно брал в библиотеке книги Е. Ю. Орловой «Химия и технология бризантных веществ» и Л. О. Богала «Химия и технология инициирующих взрывных веществ». На полях этих книг им осуществлялись рукописные пометки, которые стали важной уликой, изобличающей его в совершении преступлений.

---

5. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ

В главе второй мы попытались обобщить выявленные в результате анализа изложенных экспериментальных данных особенности личности террориста с целью определения некоторых базовых, наиболее значимых, на наш взгляд, отличий (комплексов свойств). Как было показано, эти комплексы черт и свойств личности представляют собой:

- внутреннюю противоречивость личности террориста;
- психосоциальную изоляцию;
- принципиальную десоциализацию.

В этом параграфе мы намерены показать, что эти базовые черты одновременно выступают не только как направления конкретно психологического анализа результатов психодиагностического тестирования лиц, осужденных за террористические преступления, но и как теоретические основания построения систем практического исправитель-

ного, в том числе воспитательного и психокоррекционного, воздействия на них в местах лишения свободы.

Таким образом, нашей следующей задачей является представление системы таких мер, согласованной с результатами экспериментальных исследований, т.е. преобразование психодиагностических данных тестирования в психокоррекционные и психотерапевтические установки для практического работника исправительной системы.

Первый раздел мы посвятим описанию целостного алгоритма исправительного воздействия на осужденных за террористические преступления; второй — наиболее общим основам исправительного воздействия, согласованным с вышеуказанными базовыми комплексами черт личности. Здесь будут представлены частные алгоритмы работы с теми или иными личностными особенностями, т.е. практические установки, способы и приемы построения общения в процессе исправительного воздействия, которые могут и должны использоваться всеми сотрудниками исправительных колоний. И прежде всего — теми, кто непосредственно и ежедневно работает с осужденными. Это и оперативные работники, и сотрудники отделов безопасности, и в большей степени воспитательных отделов, начальники отрядов, сотрудники психологических и социальных служб.

Предложенные здесь психотехнические приемы согласованы с полученными экспериментальным путем частными психологическими типологиями личности террориста, описанными выше. Их использование иногда требует определенных, специальных психологических знаний, однако в контакте и под контролем психолога учреждения вполне могут применяться и представителями других служб.

Психолог или, на наш взгляд, психологическая служба в целом должна разработать общую концепцию изменения направленности личности террориста в процессе психокоррекционного и психотерапевтического воздействия. Она и ляжет в основу всей исправительной программы согласованного действия различных служб относительно конкретного осужденного. Для того чтобы добиться понимания содержания форм психологического воздействия на осужденного у сотрудников других служб, а также указанного согласования в их действиях, психолог учреждения может провести специальное обучение в рамках пропаганды психологических знаний, включая социально-психологический тренинг профессионального общения.

В продолжение этой небольшой вводной части мы хотим предложить собственно алгоритм построения программы исправительного воздействия на осужденного за террористические преступления в виде следующей последовательности этапов.

1. Ознакомление с личностью осужденного происходит сразу по прибытии его в колонию, на основе изучения личного дела и беседы в

карантине. Если даже степень его участия в террористической деятельности и срок не требуют постановки на профилактический учет, в любом случае он должен быть поставлен на учет психологической службой, так как именно психологические особенности более всего отличаются данного от других осужденных.

2. Психологическое тестирование осужденного проводится дополнительно после выхода его в жилую зону, независимо от того, проводилось ли оно в карантине. Целесообразно делать это через три-четыре недели пребывания в отряде, так как за время первичной адаптации к условиям отбывания наказания устанавливаются стили общения, начинают активно работать механизмы психологических защит. Для тестирования привлекаются и описанные методики.

Следует еще раз оговориться, что психолог учреждения может использовать и другие методы: мы не стремимся ничего навязывать. Но тогда ему придется построить еще социальный и психологический портрет личности террориста, для чего нужна достаточная статистическая выборка осужденных за террористические преступления. Обычно же в отдельной колонии таких лиц содержится немного. Поэтому мы и рекомендуем воспользоваться нашими данными и методиками.

3. Типологическое представление о личности осужденного по предложенным общей и частным типологиям (см. гл. 2), т.е. составление индивидуального социального и психологического портрета (портретов, если таких осужденных несколько).

4. Проведение психокоррекционных и психотерапевтических сеансов с осужденными предполагает, что на этом этапе не только начинается психокоррекционная работа, но и осуществляются проверка, уточнение составленного психологического портрета, его дополнение индивидуально неповторимыми чертами.

5. Проведение занятий с личным составом, имеющим непосредственное общение с данными осужденными по долгу службы, должно способствовать решению следующих основных задач: а) доведение до понимания сотрудников других служб особенностей психологического портрета осужденного; б) сбор имеющейся у них дополнительной информации о поведении данного осужденного, с точки зрения подтверждения или дополнения черт его социального и психологического портрета. Это означает, что все противоречия в портрете должны быть сняты психологом в процессе занятия, которое проводится в интерактивной форме; в) разъяснение и обучение исполнению ролей сотрудников в исправительном целенаправленном общении с конкретным осужденным. Для решения такой задачи требуется психологический тренинг. Этот этап включает также профессиональное взаимодействие психолога (в обязательном порядке) с представителями других служб

и самодеятельных организаций, принимающих участие в исправительном процессе. Имеется также в виду священнослужители, окармливающие колонию, а также родственники, близкие, члены попечительских советов и др. На этом подготовительная фаза исправительного воздействия, включающая пять этапов, заканчивается.

6. Осуществление согласованных действий сотрудниками различных служб в процессе исправительного воздействия на осужденного. Курящий его психолог содействует установлению согласованной работы персонала посредством постоянного профессионального общения с представителями служб, а также на основе периодических психологических консультаций с осужденным, включая текущую психокоррекцию и психотерапию. Данный этап является основным. Его длительность соответствует основной части срока отбывания наказания. Поэтому практически всегда становится необходимым подключение дополнительной фазы исправительного воздействия, включающей три этапа.

7. Контроль и фиксация основных изменений личности осужденного представляет собой систематизацию психологом данных об изменениях личности как из личных наблюдений, так и по результатам профессионального общения с сотрудниками. На оперативных совещаниях отделов следует получить экспертную оценку сотрудников, соответствующую ли эти изменения исправительным целям и задачам.

8. Проведение занятий по коррекции ролей сотрудников в исправительном общении с данными осужденными в форме социально-психологического тренинга.

9. Скорректированные и согласованные действия различных служб на протяжении всего исправительного воздействия.

10. Активное содержательное взаимодействие воспитательной, социальной, психологической и других служб с представителями правоохранительных органов, общественных организаций, церкви; родственниками и близкими, ожидающими освобождения осужденного. При чем это не должно быть формальным. Чем подробнее психолог, воспитатель, представители других служб разъяснят, что за человек в скором времени начнет жить рядом с ними, тем выше вероятность его ресоциализации. Этот этап является завершающим.

Итак, при построении программ исправительного воздействия на осужденных за террористические преступления мы положили в основу изучение и практическое применение их социального и психологического портрета. Алгоритм исправительного воздействия включает в себя четыре фазы: подготовительную, основную, дополнительную и завершающую, состоящие из разного количества этапов. В следующих разделах необходимо описать мероприятия, относящиеся к каждому этапу, насытив их психологическим содержанием.

В подготовительной фазе исправительного воздействия сотрудники всех служб, задействованные в непосредственном общении с конкретным осужденным, со своих точек зрения анализируют эту личность с целью установить для себя существенные черты его психологического и социального портрета. Этот анализ, как уже говорилось, ведется в трех основных направлениях, по трем комплексам свойств.

Первое и главное, что следует сделать каждому сотруднику — установить для себя (а затем, на 5-м этапе, в процессе социально-психологического тренинга, прийти и к общему решению) более или менее четко: к какому типу относится данный осужденный. Для этого, как было показано, необходимо оценить степень выраженности черт социального и психологического портрета осужденного за террористические преступления, т.е. субъективно для себя оценить, насколько сильно:

- представлена в его поведении и общении внутренняя противоречивость личности. Это может выражаться разным образом. Например, при сильной религиозности на словах и даже соблюдении обрядов наличествуют раздражительность, агрессия, лживость, жадность, интриганство (на религиозном языке — лукавство) или что-то другое, остро противоречащее заповедям. Или выраженная любовь к сестре (жене, матери, отцу) сочетается с ненавистью к женщинам, вообще к людям, желанием даже убить человека за неразделение его взглядов и т.п.;

- выражена психосоциальная изоляция. Здесь помогут как личное общение, так и беседы с другими осужденными о его поведении в колонии;

- ощущается его десоциализация, для выявления чего могут быть использованы как анализ объективных биографических данных по личному делу и оперативная информация, так и метод биографических бесед.

После того как сотрудник определился (психолог, в частности, но гораздо более развернуто) с общей оценкой выраженности черт портрета, он делает естественный вывод о том, насколько ярко выраженный или, наоборот, типичный, наконец, аморфный тип террориста пришел в колонию.

Следующее, что необходимо сотруднику для участия в применении исправительной программы к данному осужденному, — установить внутренние психологические причины, порождающие наблюдаемые комплексы черт. В существенной мере эта работа должна проводиться в контакте с психологом в процессе социально-психологического тренинга сотрудников, вообще их общения между собой. Во всяком случае, если реализация предложенного здесь алгоритма является чем-то новым для учреждения, то, скорее всего, так и будет. Однако если это — уже не первый опыт, желательно, чтобы сотрудник приходил на общее обсуждение (тренинг) с лично сформированными гипотезами этих причин.

Далее мы предложим обобщенные схемы поиска внутренних причин формирования всех трех комплексов черт.

Внутренняя противоречивость личности террориста, которая проявляется буквально во всем. Это человек, который никогда не находится в мире с собой и окружением. Если он гордится своей национальностью, то одновременно находится «в состоянии войны» с собственным народом. Пытаясь объяснить личное поведение религиозной догматикой, он самым грубым и греховным образом нарушает основные религиозные заповеди. Если считает себя борцом за национальную идею и социальную справедливость, то одновременно позиционирует себя против общества. Как уже было показано, это проявляется и в повседневном поведении, и в отношении к людям (в том числе близким), и к окружающей действительности. Террорист, в среднем, лучше образован, чем обычный преступник, но при этом не хочет повышать уровень своего образования. Имея специальность и возможность трудиться, категорически отказывается это делать. Во многом его поведение похоже на отрицательно направленных «блатных авторитетов», но и стать ими террористы в массе своей не могут.

Таким образом, отказываясь (даже при наличии способностей и возможностей) от труда, общественной жизни, участия в самостоятельных организациях, продолжения обучения, осужденный террорист усложняет себе жизнь, еще более обостряя внутреннюю противоречивость своей личности. При этом, как было показано в экспериментальной части, террористы лишают себя еще и общения с другими осужденными (напомним, что у них существенно снижены показатели такой включенности), замыкаясь в себе. Согласно тюремным «понятиям», такая замкнутость другими осужденными не приветствуется, как и связанная с ней повышенная агрессивность.

Для поиска причин этой внутренней противоречивости целесообразно, на наш взгляд, организовать взаимодействие с осужденным в следующей последовательности этапов (этот алгоритм может эффективно использоваться в первую очередь теми, кто постоянно общается с осужденными, — психологами, начальниками отрядов, оперативными работниками и др.).

1. Провести анализ структуры направленности личности осужденного, с точки зрения ее детерминирующих отношений, т.е. выявить наиболее значимые для него отношения к миру и обществу. Это могут быть верования, человеческие отношения (с близкими, друзьями), деловые, научно-познавательные, художественные, артистические, организационные, другие интересы, национальные идеи, идеалы, мировоззренческие концепции, философические построения и т.д.

2. Выявить наиболее противоречивую, эмоционально напряженную сферу отношений. Приведем пример. В нашей практике был осужден-

ный, который обратился к нам со следующей проблемой. Он очень любит свою жену, но после его осуждения она ведет «широкий» образ жизни и уже продала дорогую иномарку, а деньги почти потратила. По принятым в его среде «понятиям» он должен ее убить, «такую вольность» не прощают даже жене. И он всерьез об этом подумывал, что его очень мучило.

3. Сформулировать гипотезу о главной причине установленной доминантной противоречивости личности, обосновать ее и предложить конкретные исправительные меры, согласующиеся с этой гипотезой.

4. Установить другие сферы аналогичной противоречивости личности, проявляющейся в поведении. Это позволит, в частности, убедиться в правильности предположений об основных причинах личностной противоречивости. Не описывая здесь всех поведенческих проявлений, остановимся на одном существенном.

Посещая церковное учреждение, человек может искренне стремиться к укреплению в вере, но он также искренне полагает, что исполнять заповеди и обрядность следует только до тех пор, пока это не противоречит убеждениям, которые уже толкали его на совершение террористических преступлений. Кстати, так считают многие осужденные, но больше подсознательно: мало кто об этом размышляет и говорит.

На этом работа с анализом причин может быть приостановлена с целью перехода к основной фазе психокоррекционного воздействия. Возврат к анализу и уточнению причин личностной противоречивости возможен в дополнительной фазе выполнения исправительной программы.

Еще одна обобщенная черта личности террориста — внутренний запрет на социально ожидаемые формы общения и деятельности. Он представляет как бы оборотную сторону внутренней противоречивости личности. Этот комплекс черт назван нами психосоциальной изоляцией. Как уже было показано при анализе экспериментальных данных, формула психосоциальной изоляции личности террориста в области общения заключается в том, что оно имеет для него смысл только как способ контроля окружающих и управления ими (часть террористов становится более общительными лишь тогда, когда может контролировать других). В результате многомерного статистического анализа данных нами было выделено две группы осужденных террористов по характеру общения:

— представители первой группы стремятся избежать принятия самостоятельных решений и ответственности за процесс общения; они предпочитают избегать близкого общения с людьми, чаще склонны избегать любого;

— представители второй группы предпочитают контролировать процесс общения, влиять на других и в целом стремятся к тому, чтобы ок-

ружающие принимали участие в их жизни, сами стараются включиться в общение и переживать его эмоционально.

Мы видим, что психосоциальная изоляция, присутствуя в обоих случаях, носит разные формы. В одном случае осужденный просто избегает общения. В другом, стремясь к нему, имеет только одну стратегию общения — управлять и распоряжаться другими, что фактически оставляет его по-прежнему изолированным. Такое общение возможно лишь до тех пор, пока не отпала потребность в управлении. Однако формы психокоррекции для этих разных типов психосоциальной изоляции существенно различны. Общим будет, видимо, только этап установления внутренних психологических причин психосоциальной изоляции.

Прежде чем мы представим два возможных алгоритма последовательности психокоррекционных действий в области общения осужденных за террористические преступления, скажем о том, для чего вообще нужно заниматься этим вопросом. Может существовать и такое мнение: мол, пусть террористы общаются с другими людьми и между собой, как хотят, лишь бы не совершали преступных деяний. Но эта позиция неприемлема для профессионала — сотрудника уголовно-исполнительной системы.

Дело в том, что общение является универсальной формой организации поведения и деятельности человека. Никакие поступки и действия не совершаются вне человеческого общения. Это очевидно. Менее очевидно, но тоже совершенно однозначно и то, что общение является и универсальным средством изменения личности человека (в том числе террориста: если изменить структуру его общения, то значительно легче изменить и личность, остается только контролировать направление этих изменений).

Это положение лежит в основе всей современной практической психологии и психотерапии, что объясняет, в частности, и тот факт, что групповая терапия (основанная на более интенсивном и многогранном общении) гораздо более эффективна, чем индивидуальная. Однако и индивидуальное общение с психотерапевтом является иногда незаменимым. В частности, в нашем случае можно предположить, что избегающих общения осужденных лучше привлекать к индивидуальным консультациям психолога (на групповые сессии они, скорее всего, просто не пойдут), а для контролирующего типа более эффективны групповые занятия, так как группа, в конце концов, заставит его отказаться от гиперконтроля окружающих.

Теперь перейдем к описаниям возможных практических действий на подготовительной фазе исправительного воздействия. Эти последовательности различны для разных случаев. Начнем с избегающего общения осужденного.

1. Формулирование гипотезы о главной внутренней причине такого избегающего поведения в сфере общения — это общий для обоих случаев этап. Однако характер этих причин, скорее, различный. Так, в случае избегания общения могут иметь место как страхи (уходящие глубоко в детство) перед неуспешностью акта общения, неумение общаться, непонимание того, что и зачем нужно говорить и делать, непонимание, что можно и чего нельзя чувствовать и т.д., так и гордость, осознание некоторой своей избранности, презрение (или даже ненависть) к людям, страх проявить неуместную агрессию, вплоть до физической. Иногда эти причины смыкаются.

2. Биографический анализ появления установленной причины и выявление в прошлом опыте фактов положительного, захватывающего общения (дружба, первая любовь, бабушка и др.).

3. Акцентирование внимания в процессе бесед на эмоциональной уязвимости своей жизни в связи с невключенностью в общение (в данное время — в исправительной колонии).

4. Совместный с осужденным поиск опосредованных форм вовлечения в общение (трудовая деятельность, мечеть (церковь), самодеятельность, где круг общения достаточно узок).

Дальнейшее исправление таких осужденных может идти на планомерное психотерапевтическое расширение арсенала навыков и средств социализированного общения. Это должно вытекать из совместного анализа в психологических консультациях, с точки зрения возможностей изменения личности осужденного и его последующей адаптации к правопослушной жизни. Хорошим результатом стало бы достижение им готовности принять участие в групповой психотерапии.

Обратимся теперь к возможным психокоррекционным этапам исправления личности «контролирующего» террориста. Этот тип мы назвали «формулой» общения террористов по той причине, что многие избегающие общения ведут себя так лишь потому, что им не представляется возможности кем-то управлять и кого-то контролировать. Это означает только то, что сами они не умеют их создавать для себя, в отличие от более выраженных террористов.

1. Формулирование гипотезы для этого типа людей будет лежать, скорее, в области «комплекса власти» (в трактовке К. Юнга) и страха ответной агрессии («Если не ты, то — тебя»). Такие люди чувствуют себя в безопасности и комфорте, когда держат поведение партнеров по общению под контролем.

2. Биографический анализ возникновения причинных комплексов в данном случае, видимо, имеет смысл направлять не на жизненные события, а на сформированные идеалы. Например, авторитарный и жестокий отец — как пример на всю жизнь. Совместный анализ авто-

ритарности отпа может, например, привести и к таким результатам, что в основе поведения осужденного лежит обычный страх неудачи, в частности, из-за того, что если сыну что-то разрешить, то с ним может что-нибудь случиться. Из нашей практики можно привести в пример осужденного на 15 лет за хладнокровное преднамеренное убийство, который после пяти лет отбытого срока сам обратился к психологу с «букетом» проблем, в том числе и в области общения. Он с упоением рассказывал о первом своем «учителе» в колонии, который научил его отказывать в общении тем, кто у него что-то попросил. Прошло пять лет, идеал укреплялся, психосоциальная изоляция росла. И потребовалось полгода общения с психологом, чтобы человек понял: с обычной, человеческой точки зрения такая установка просто смешна.

3. Активное вовлечение осужденного в групповые формы как психотерапевтического, так и иного (по интересам) общения, с параллельным психокоррекционным усвоением в процессе психологических консультаций все новых и новых его форм. Люди такого типа охотно начинают их испытывать, что ведет к нарушению «формулы» террористического общения, открытию эмоционального ресурса, к изменению личности.

4. По мере формирования нового стиля общения акцентирование внимания осужденного на вопросе, совместимо ли нормальное, эмоционально насыщенное общение с преступлением против человека и человечества, в первую очередь — с терроризмом.

На этом заканчиваются основные мероприятия подготовительной фазы. В качестве итога по психокоррекции общения приведем из нашей практики пример двух осужденных, с которыми не удалось в полной мере организовать комплекс указанных мероприятий и то, к чему это привело.

Осужденный за убийство П. (первый тип) испытывал существенные трудности в общении с другими осужденными в период адаптации в колонии. И обратился к психологу, который после нескольких консультаций попытался втянуть его в узкий круг общения в бригаде добровольцев—строителей православного храма на территории колонии. П. согласился и в течение двух месяцев работал исправно. В целом он был доволен общением и атмосферой в бригаде. А потом вдруг запросился работать в промышленную зону, хотя с его сроком наказания это было проблематично из режимных соображений. К сожалению, этому факту мы тогда не придали достаточного внимания.

Осужденный по ряду статей В. (второй тип), не скрывавший, что принимал участия в действиях вооруженных бандформирований, обратился к психологу непосредственно в связи с невозможностью с кем-то общаться («так как кругом одни приспособленцы и идиоты») и попросил помочь ему в его интеллектуальном развитии, в частности изу-

чении психологии. Замысел был таков — изменить первоначальные установки через общение с психологом и расширение круга чтения. Однако приблизительно через два месяца он тоже перестал посещать психолога. При этом краткосрочный обмен вопросами и ответами при встречах с ними на центральной аллее свидетельствовал о том, что оба осужденных чувствуют себя вполне комфортно, более того — общаются между собой. Нельзя сказать, что этот факт был воспринят нами как положительный, но и настороженности не вызвал.

Что же произошло? Контролирующий и доминантный В. склонил П. к побегу. Они организовали группу тайных помощников, которые, конечно, не признались в дальнейшем, что подозревали об их планах. В. удалось устроиться на работу в промышленной зоне и даже протащить туда П. (осталось неясным, каким образом это стало возможно при их сроках наказания).

План был обычный. Надежно спрятаться (в промышленной зоне это легче), отсидеться, пока поисковые мероприятия не закончатся, и «уйти» с вывозом большой партии продукции.

План не удался, но для нас важно другое. Оба они обратились к психологу, оба стояли в начале пути психокоррекции и изменения личности. Однако свернули с этого пути. А произошло то, что доминантный В. встретил готового подчиняться и исполнять указания П. Террорист В. обрел контроль над человеком, необходимым ему для получения эмоциональной отдачи от общения. П. также стал получать удовлетворение от общения, так как теперь ему не надо было думать, что и как делать, с кем и как общаться; за него все решал В. Они расширили свою деятельность, подобрав круг помощников. Как уже сказано, хотя сам побег и был предотвращен, но и формула необходимого общения сработала — психологически каждый достиг своей цели.

Мы привели этот пример с целью подчеркнуть чрезвычайную важность контроля происходящих в личности изменений в процессе психокоррекционного и психотерапевтического воздействия. Необходимо помнить о том, что энергия общения способна подвинуть человека на многие деяния. Но нельзя допустить, чтобы они оказались преступными.

Третья обобщенная черта личности террориста — его «принципиальная десоциализированность». Или, говоря словами З. Фрейда, — глубокий внутренний конфликт с обществом. Он считал этот конфликт (в скрытой, подсознательной форме) неизбежным для любого человека и в любой ситуации. И это, неоправданно широкое, обобщение позволило ему создать стройную теорию психологических защит, а его последователям — разработать психодиагностические и психотерапевтические средства работы с защитной сферой личности.

Мы не согласны с Фрейдом в том, что скрытый конфликт с обществом присущ каждому человеку — и всегда. Но, пожалуй, для личности террориста это действительно так.

В исследовательской части мы установили две частные типологии личности осужденных за террористические преступления по особенностям защитной сферы личности. Воспроизведем их здесь, так как они понадобятся нам для дальнейшего построения алгоритма исправительного воздействия.

Первая частная типология, как уже подчеркивалось, очень важна для практической работы психологов и психотерапевтов, поскольку указывает на два, совершенно различных, направления психокоррекции: в первом акцент делается на сознательную работу, во втором — на работу с подсознанием. Поэтому назовем эти типы так:

- *нерегрессионно-проекционный* (рациональная проекция);
- *регрессионно-проекционный* (неосознаваемая проекция).

Эта типология построена в первую очередь по особенностям такой фундаментальной (по Фрейду) защиты, как проекция. Далее мы можем представить типологию по другой (опять же, с точки зрения Фрейда, центральной) форме психологических защит — регрессии:

- *отрицающе-реактивный* тип (нерегрессионный);
- *регрессионно-компенсаторный* тип.

Представим все построенные интерпретации и рекомендации по практической коррекционной работе с людьми разных типов в виде таблицы.

Таблица

Рекомендации по работе с осужденными за террористические преступления в зависимости от их типологической принадлежности

Основания типологии	Частные типологии	Направления психотерапевтической и психокоррекционной работы
По особенностям проекции	Нерегрессионно-проекционный тип	Опора на осознаваемые представления по методу переубеждения
	Регрессионно-проекционный тип	Опора на неосознаваемые побуждения, работа с чувствами, переживаниями
По особенностям регрессии	Отрицающе-реактивный тип	Фиксация и закрепление любых сомнений, противоречий, активизация эмоциональности, вплоть до возможного побуждения к агрессивному реагированию
	Регрессионно-компенсаторный тип	Опора на присоединение к сомнениям, ощущениям, эмоциональным переживаниям, подсознательным побуждениям

Теперь можно перейти к описанию алгоритма исправительного воздействия в подготовительной фазе:

1. Установление гипотезы о ведущем типе защит в данном случае распадается на две подзадачи. Первая — установление степени склонности к проекционному реагированию; вторая — установление склонности к регрессионному реагированию. После этого следует установить характерный для осужденного общий тип защитного реагирования. Сделать это посредством обычного наблюдения сотруднику-непсихологу (да и психологу, без использования психодиагностического метода) очень трудно. Поэтому работу с защитами следует включать в исправительные программы после проведения общего обсуждения личности осужденного с опорой на психодиагностические данные о его личности, в рамках социально-психологического тренинга, т.е. в основной фазе реализации исправительной программы.

Но возможны, конечно, и предварительные профессиональные консультации сотрудников с психологом учреждения по результатам психодиагностического тестирования данного осужденного в области психологических защит, что позволяет использовать приведенные выше типологии и в подготовительной фазе. После уяснения особенностей его защитной сферы можно перейти собственно к формулированию гипотезы о внутренних причинах такого защитного поведения.

В целом регрессионные типы имеют в основном такие причины защитного поведения, как несформированность нормального «взрослого» поведения, отсутствие навыков адекватного поведения. Из нашей практики: осужденный Т. обратился к психологу с вопросом, почему он не может отказаться от игры в карты, хотя ему очень надоело проигрывать, так как все время приходится просить мать приехать на свидание и привезти «передачу» для погашения долга. Психотерапевтический анализ показал, что Т. не так уж плохо играл в карты, но всегда играл до тех пор, пока не проигрывал столько, сколько не мог отдать без помощи матери. После свидания он на некоторое время успокаивался. Просто попросить в письме мать приехать на свидание, сказать, что он скучает, он не умел. Отсюда — защита.

Проекционные типы имеют причины, связанные со страхом неприятия себя другими. Поэтому они проецируют недостатки своего поведения (личности в целом) на других. Из нашей практики: осужденный за воровство священник, на воле еще и поучаствовавший в церковном расколе на Украине, отказывался посещать церковь в колонии вместе с другими осужденными, исключая случаи приездов благочинного, так как «они (верующие осужденные) все — приспособленцы». Хотя приспособленцем-то в церкви был именно он.

2. Биографический анализ в данном случае предполагает подтверждение установленных типов защитного реагирования и развитие их в

процессе жизнедеятельности. Важно выяснить, когда защитное поведение такого типа стало закрепляться.

3. Анализ неэффективности защитного поведения. Из нашей практики: осужденный за бандитизм, захват заложников и разбой Ч. был приглашен психологом на беседу по просьбе оперативного отдела. Он имел все черты ярко выраженного террориста. Защиты носили циклический, непробиваемый характер. Разговаривал спокойно, вежливо, свою причастность к терроризму отрицал. Однако заметил, процитировав М. Ю. Лермонтова: «Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал», — «раз вы обо мне все так думаете, то я и буду таким».

Смысл проекции заключался в том, что это именно он думал обо всех как о «плохих» людях (террористическая десоциализация — против всех), но проецировал свое мышление на других. Анализ проекции убедил его в том, что такая установка только создает ему лишние трения с администрацией, а мысль о том, что ему кто-то хочет помочь избавиться от мешающих ему же психологических установок, его удивила, и он выразил желание продолжить беседы с психологом.

4. Дальнейшая работа с проекциями проводится в основной и дополнительной фазах, в период подготовки осужденного к освобождению. Важно проработать варианты поведения на воле, чтобы все застарелые защиты не заработали вновь. Как уже было сказано, работа с защитами — это в существенной мере работа на основном этапе исправительного воздействия.

Основная фаза исправительного воздействия, состоящая из одного этапа, предполагает длительные согласованные действия сотрудников разных служб по исправлению конкретного осужденного. Подготовка основной фазы завершается проведением социально-психологического тренинга сотрудников, где в активно-игровой форме отрабатываются разные возможные модели ситуаций общения с данным осужденным (осужденными), так как он (они) уже хорошо изучен.

Важным моментом подготовки к основной фазе в процессе интерактивного обучения и социально-психологического тренинга является распределение ролей сотрудников различных служб в дальнейшем длительном процессе согласованного исправительного воздействия на осужденного. В основной же фазе принятая на себя роль уже становится его функцией в общем коллективном механизме исправительного воздействия, т.е. функциональной ролью — регулятором поведения и отношения к данному осужденному.

Построение функциональной роли сотрудника той или иной службы в исправительной программе, выработанной совместно в интерактивном психологическом обучении, должно включать несколько моментов, которые необходимо специально отработать в процессе социально-психологического тренинга:

— психологический анализ должностной инструкции, определяющей не только права и обязанности, но и цели, задачи профессиональной деятельности сотрудника;

— психологический анализ должностного и возрастного статуса сотрудника, прежде всего в том аспекте, какие дополнительные психологические возможности в беседе с осужденным дают более высокий (более низкий) статус. А одновременно — какие трудности статус создает в общении с осужденным. Так, оперативному работнику трудно рассчитывать на задушевную беседу, легче — психологу, начальнику отряда, врачу, мастеру на производстве. Вместе с тем, например, о каком-то конфликте среди осужденных, готовящихся нарушениях, других проблемных ситуациях осужденный, скорее, расскажет оперативному работнику. Точно так же и возрастной статус: молодой начальник отряда должен понимать, что в общении со зрелыми и пожилыми осужденными ему все равно придется прибегать к помощи более старших коллег;

— психологический анализ неформального статуса сотрудника среди осужденных. Известно, что все работающие в колонии сотрудники имеют у осужденных свои прозвища. За ними стоят групповые мнения о нем осужденных. Весьма полезно, чтобы сотрудник знал это мнение о себе, тем более что обычно его знают, но не говорят ему, все его коллеги. Однако в социально-психологическом тренинге (и только в тренинге!) проговорить это следует. Несомненно, такая процедура может быть для кого-то болезненной и поэтому требует от психолога определенного профессионального мастерства и такта. Если же он не чувствует себя уверенным, то лучше не браться за решение этой задачи, несмотря на то, что эффект профессионального и личностного роста для сотрудника здесь может быть очень большим;

— психологический анализ стиля общения сотрудника и тех личностных свойств, которые его обеспечивают. Кто-то сдержан, кто-то эмоционален, склонен к анализу причин поведения или интуитивно чувствует человека и т.д. В соответствии с этим действия относительно данного осужденного могут распределяться по ролям: начальник отряда поговорит об этом так, врач — так, психолог по-другому, мастер на производстве — совсем иначе. На совместных совещаниях или в процессе текущего профессионального общения создается целостная картина. В целом участвующий в тренинге сотрудник должен понять, каким должен быть стиль его общения, какие это дает ему преимущества, а в чем ему придется обращаться к помощи коллег;

— психологический анализ личности осужденного сотрудником, умений и навыков использования его в практической деятельности — управлении процессом исправления осужденного;

— психологический анализ индивидуального понимания сотрудником задач, целей исправления конкретного осужденного (вора, насиль-

ника, террориста нужно исправлять по-разному) и вытекающего отсюда понимания своей функциональной роли в исправительном процессе.

Дополнительная фаза в алгоритме исправления проводится аналогично подготовительной, при этом вместо основной фазы за ней следует завершающая.

---

6. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ВЫСОКОРИСКОВЫХ ОБЪЕКТОВ ОТ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ УГРОЗ

В современных условиях общество сталкивается с новыми, подчас неожиданными, угрозами, возникновение которых демонстрирует дополнительные аспекты проблемы безопасности. Одним из таких выступает безопасность потенциально опасных (высокорисковых) объектов в контексте возможных посягательств террористического характера. В чем суть проблемы?

Один из парадоксов эволюции человечества заключается в том, что создание мощной техносферы параллельно формирует новые реальные и потенциальные источники опасности, в том числе связанные с преступной деятельностью людей. В наши дни развитие цивилизации создало условия, при которых «под серьезной угрозой оказались стратегически важные инфраструктуры человеческого общества»¹. Жизнь человека протекает в техносфере, становящейся все более уязвимой. В связи с этим терроризм, как один из видов преступлений, а в широком смысле — сложное социально-правовое явление, выходит на качественно иной уровень по степени опасности. В свою очередь, его формы становятся разнообразней. Например, начиная с 70-х годов XX в. зарубежные и отечественные исследователи говорят о так называемом «городском» (урбанистическом) терроризме², который представляет собой феномен второй половины минувшего столетия. В настоящее время реальностью стали «химический», «биологический», «ядерный», «кибернетический» и иные виды терроризма.

Не вызывает сомнений, что спектр выделяемых учеными разновидностей террористических проявлений в ближайшей перспективе будет расширяться. Это позволяет утверждать, что научное сообщество в на-

---

¹ *Рофе Кс.* Новый терроризм, новые угрозы // Актуальные проблемы Европы. Проблемы терроризма: Актуально-тематический сборник 4-1997. М.: ИНИОН РАН, 1997. С. 20.

² Проблемам терроризма в условиях города был посвящен российско-американский симпозиум по городскому (урбанистическому) терроризму в Президиуме РАН 17 марта 2003 г., на котором проанализированы факторы, предопределяющие особенности терроризма в городских условиях, следовательно, позволяющие говорить о нем, как об относительно самостоятельной форме данного явления.

стоящий момент находится на той стадии изучения относительно давнего явления (терроризма), когда оно под воздействием технологических достижений непрерывно трансформируется и «ускользает» от попыток его целостного осмысления и систематизации. Во многих случаях это ставит исследователей в тупик, порождая сложные методологические проблемы: ранее сформулированные классификации утрачивают свою актуальность, поскольку новые формы терроризма во многом не вписываются в традиционные схемы. Отсюда — дополнительные стимулы к поиску иных, и без того весьма многочисленных, определений терроризма.

Современная цивилизация оказывает влияние на трансформацию терроризма в двух направлениях. С одной стороны, она вооружает его новыми технологиями совершения преступлений (наиболее опасные из примененных — средства массового поражения), с другой — создает большое количество потенциальных целей (главным образом, это потенциально опасные — высокорисковые — объекты промышленности, транспорта, энергетики, жизнеобеспечения и т.п.), поражение которых усиливает «эффект» террористической акции. Можно сказать, что технологическая цивилизация является главным итогом пройденного человечеством к концу XX в. пути.

Вся жизнь и деятельность современного человека связана с самыми различными технологиями, в том числе информационными. Терроризм в этих условиях неизбежно становится «технологичным» как в смысле использования наиболее совершенных вооружений, так и в отношении выбора непосредственных целей, которыми выступают потенциально опасные (высокорисковые) объекты (например, в 70–80-е годы XX в. во Франции и США имели место случаи попыток подрыва ядерных электростанций).

Принимая во внимание все эти обстоятельства, вполне правомерно говорить о «технологическом терроризме» как об особом, порожденном реалиями научно-технического прогресса, типе и рассматривать его как обобщенную категорию. Соответственно «биологический», «химический», «ядерный», «кибернетический», иные разновидности террористической деятельности будут логически объединены этим понятием.

Противодействие технологическому терроризму, как и любая сложная проблема, имеет множество аспектов. В ряду последних следует выделить комплексное обеспечение безопасности высокорисковых объектов, в первую очередь — с точки зрения их антитеррористической устойчивости.

Как уже отмечалось, именно высокорисковые объекты выступают в качестве потенциальных целей террористических акций. Сам по себе термин «высокорисковый» в контексте терроризма позволяет в рамках

одного понятия совместить две важнейшие смысловые составляющие: высокорисковый, в смысле наличия потенциальной опасности (имманентно присущей тому или иному объекту как важнейшей качественной характеристики), и высокорисковый — особо притягательный с точки зрения несанкционированного вмешательства в его работу. Поэтому данные объекты необходимо рассматривать по схеме «цель — орудие», и, следовательно, выстраивание системы обеспечения их безопасности должно вестись с учетом одновременной оценки обеих этих сторон.

Развитие экономики ведет к тому, что высокорисковых объектов в инфраструктуре жизнеобеспечения современного общества становится все больше. Характер инфраструктуры таков, что подготовка и совершение актов технологического терроризма уже не требует больших материальных затрат. Для этого вполне достаточно знания «болевых точек», в которые можно нацелить главный удар. Любой сбой вызывает тяжелые экономические и иные последствия.

Например, из-за аварии, связанной с перегрузкой электросетей на севере США в августе 2003 г., по сигналу была автоматически отключена 21 атомная электростанция. В итоге весь северо-восток Соединенных Штатов и значительная территория Канады, с населением свыше 50 млн человек, были полностью обесточены. Жизнь крупных мегаполисов: Нью-Йорк, Детройт, Чикаго, Бостон, Оттава, Торонто, Монреаль была практически полностью парализована. В нью-йоркском метрополитене в остановившихся поездах с отключенными кондиционерами оказалось 100 тыс. человек¹. Количество квартирных краж и преступлений на улицах увеличилось втрое. Резко участились случаи налетов на магазины и торговые точки. Непосредственный ущерб экономике оценивается в сумму до 30 млрд долларов².

Несмотря на то что в данном случае имела место крупномасштабная техногенная катастрофа, связанная с нарушением технологического процесса и изношенностью оборудования, как показала практика, возникновение подобного рода чрезвычайных ситуаций с той же долей вероятности возможно и вследствие преднамеренного вмешательства преступников. Техногенная катастрофа произошла в Москве в мае 2005 г., когда из-за аварии на электрической подстанции обширные районы мегаполиса оказались парализованными.

Можно привести большое количество примеров диверсионно-террористических акций в отношении высокорисковых объектов, имевших место как за рубежом, так и в России. В августе 1972 г. два террориста

---

¹ Эксперт. 2003. № 30 (383). 18 августа. С. 30.

² Там же.

(мужчина и женщина), участники палестинского Фронта народного освобождения, при помощи 20 кг взрывчатки взорвали очистительный завод в порту Триест в Северной Италии, через который топливо поступало в трансальпийский трубопровод, снабжавший горючим Вену, Баварию и Центральную Европу¹. Возникший в результате пожар удалось потушить только через два дня. В результате было уничтожено 250 тыс. т сырой нефти, а материальный ущерб составил около 2,5 млрд долларов США². В январе 1974 г. боевики японской террористической организации «Красная армия» при аналогичных обстоятельствах подорвали нефтеочистительный завод компании «Шелл» в Сингапуре. Выбор целей здесь очевиден — уничтожение жизненно важных энергетических объектов, обеспечивающих стабильное функционирование промышленности и экономики в целом.

В Российской Федерации исчерпывающей статистики о числе и характере осуществленных в отношении высокорисковых объектов диверсионно-террористических акций и попытках таковых не имеется. По данным открытой печати, только за пять лет (с 1991 по 1996 г.) органами безопасности, во взаимодействии с МВД и Минобороны России, выявлены и пресечены на стадии подготовки более 50 попыток осуществления акций ядерного терроризма на объектах атомной промышленности. В 1990-х годах также имели место захваты гидроэлектростанций в республиках Северного Кавказа; угроза отравления водозабора в г. Владимире; диверсионно-террористические акции в отношении объектов нефтегазового комплекса, из которых наибольший резонанс вызвала диверсия на участках газопроводов «Пермь—Казань—Горький-1» и «Пермь—Казань—Горький-2», осуществленная в декабре 1999 г. в Кировской области ваххабитской группировкой. В 2002–2003 гг. были факты незаконного разоборудования радиоизотопных генераторов на территории Мурманской области с целью извлечения из них радиоактивных материалов.

Не вызывает сомнений, что степень угрозы подобных акций в будущем будет в России возрастать. По оценкам специалистов, в Российской Федерации на сегодняшний день насчитывается около 45 тыс. опасных производств, огромное количество сооружений, разрушение которых может привести к бедствиям не только регионального, но и национального масштаба. А вся информация о них рассредоточена по множеству организаций, и управлять рисками при таком положении дел практически невозможно³.

¹ Фоллейн Дж. Шакал (Тайная война Карлоса Шакала). СПб., 2002. С. 65.

² Там же. С. 65.

³ Профиль. 2003. № 15. 14 апреля. С. 74.

Только по трассе Северного морского пути, на Арктическом побережье, установлено около 400 объектов, содержащих источники радиации (изотопные источники стронция, цезия, кобальта)¹. Кроме того, российская транспортная сеть включает в себя 87 тыс. км магистральных железных дорог, 531 тыс. км автомагистралей, 84 тыс. км внутренних водных путей, 800 тыс. км авиалиний, 227,4 тыс. км магистральных трубопроводов.

Косвенным образом росту угрозы технологического терроризма будет способствовать и неудовлетворительное техническое состояние самих объектов, не говоря даже о физической их защищенности, охране и степени реализации иных антитеррористических мер. Например, Россия занимает второе место в мире по запасам пресной воды и первое — по аварийности гидротехнических сооружений. Полная реконструкция воднохозяйственного комплекса, по оценкам Министерства природных ресурсов Российской Федерации, обойдется в 807 млрд рублей².

В настоящее время в США и странах Европы более 70% питьевой воды для нужд населения поступает из закрытых, в основном подземных, источников. В России же это соотношение прямо противоположное. Основной водозабор для снабжения, например, Москвы осуществляется из открытых водоемов на территории Московской области, что облегчает возможность потенциальным террористам их отравления, создавая тем самым реальную угрозу массового поражения населения. Злоумышленники могут использовать в этих целях химические соединения либо биологически активные вещества. Износ оборудования в химическом (потенциально опасном) комплексе составляет около 80%, свыше 200 крупнейших водохранилищ эксплуатируются более 50 лет без ремонта, половина магистральных трубопроводов служит более 20 лет³.

Системное решение проблемы обеспечения безопасности высокорисковых объектов невозможно без построения их типологии (закрепленной в соответствующих нормативных правовых актах), т.е. проведения четкого разграничения и последующего категорирования по ряду критериев, включая степень диверсионно-террористической уязвимости. При этом раскрыть сущность и дать определение понятия «высокорисковые объекты», выявить их специфику как обобщенного объекта

---

¹ Российская газета. 2003. 12 марта.

² *Каликин А.* Частные пруды (интервью с первым заместителем министра природных ресурсов Российской Федерации, руководителем Государственной водной службы Н. М. Тарасовым) // Итоги. 2003. № 40 (382). 7 октября. С. 26.

³ Профиль. 2003. № 3. 20 января. С. 39.

правовой охраны также представляется возможным только в результате детального анализа содержания относящихся к данной сфере нормативных правовых актов и научной литературы. Однако, прежде всего, необходимо разрешить некоторые вопросы понятийно-терминологического характера.

В международно-правовых, нормативных правовых актах Российской Федерации и подзаконных актах федеральных органов исполнительной власти для обозначения потенциально опасных (высокорисковых) объектов используются самые разнообразные определения. Так, в Договоре о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом 1999 г. закрепляется понятие «объекты повышенной технологической и экологической опасности». В него включаются «предприятия, сооружения, установки и другие объекты, выведение из строя которых может привести к гибели людей, причинению ущерба здоровью населения, загрязнению окружающей среды либо дестабилизации положения в конкретном регионе или конкретном государстве в целом».

Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г. в ст. 1 вводит такое определение, как «объект инфраструктуры», которое «означает любой находящийся в государственной или частной собственности объект, оказывающий или распространяющий услуги в интересах населения, такие, как водоснабжение, канализация, энерго-снабжение, снабжение топливом или связь».

Федеральный закон от 21 июля 1997 г. «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» юридически закрепляет дефиницию «опасный производственный объект», под которой законодателем понимаются «предприятия или их цехи, участки, площадки, а также иные производственные объекты», указанные в приложении к настоящему закону.

«Требования по предупреждению чрезвычайных ситуаций на потенциально опасных объектах и объектах жизнеобеспечения», утвержденные Приказом МЧС России от 28 февраля 2003 г. № 105, соответственно, закрепляют понятия «потенциально опасные объекты и объекты жизнеобеспечения». В качестве потенциально опасных в ст. 5 Требований рассматриваются объекты, «на которых используются, производятся, перерабатываются, хранятся и транспортируются пожаро-взрывоопасные, опасные химические и биологические вещества». Под объектами жизнедеятельности понимаются установки, склады, хранилища, инженерные сооружения и коммуникации, «разрушение (повреждение) которых может привести к нарушению нормальной жизнедеятельности людей (прекращению обеспечения водой, газом, теп-

лом, электроэнергией, затоплению жилых массивов, выходу из строя систем канализации и очистки сточных вод)»¹.

Следует также отметить, что в ведомственных нормативных правовых актах и исследовательской литературе нередко используются как синонимы такие категории: «особо важные объекты», «критически важные объекты», «важные государственные объекты», «объекты особой государственной важности», «объекты стратегического значения», «режимные объекты», «гипераварийные объекты». В протоколе совместного заседания Совета Безопасности Российской Федерации и Президиума Государственного совета Российской Федерации от 13 ноября 2003 г. № 4 закреплено понятие «критически важные для национальной безопасности объекты инфраструктуры»². Такое разнообразие нормативных определений, как минимум, свидетельствует об отсутствии в настоящее время четкого понятийно-категориального аппарата, относящегося к рассматриваемой сфере общественных отношений.

Некоторые характеристики потенциально опасных объектов можно выделить из анализа норм гражданского права. Так, ст. 1079 ГК РФ вводит понятие «источники повышенной опасности». К видам этих источников законодатель относит транспортные средства, механизмы, электрическую энергию высокого напряжения, атомную энергию, взрывчатые вещества, сильнодействующие яды и т.п. При этом исчерпывающий их перечень не дается. В этой же статье содержится понятие «деятельность, связанная с повышенной опасностью для окружающих». К этой категории, в частности, отнесено осуществление строительной и иной, связанной с нею, деятельности и другие их виды. Нетрудно заметить, что многие из перечисленных объектов совпадают с теми, что были зафиксированы как потенциально опасные в иных нормативных правовых актах.

Все приведенные термины, на наш взгляд, могли бы быть обобщены в рамках понятия «высокорисковые объекты», выделенного на основе родового признака, связанного с высокой степенью техногенного риска для населения той или иной территории. Данное понятие позволяет объединить различные объекты, отличающиеся по характеру производства, территориальному положению, ведомственной принадлежности и другим особенностям. Следует при этом отметить, что в научной литературе используется также такое понятие, как «высокорисковые производства». Подобная дефиниция, на наш взгляд, несколько сужа-

---

¹ Нетрудно заметить, что данное определение объекта жизнеобеспечения по содержанию практически идентично понятию «объект инфраструктуры», содержащемуся в штирированной Международной конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом.

² См.: Протокол совместного заседания Совета Безопасности Российской Федерации и Президиума Государственного совета Российской Федерации от 13 ноября 2003 г. № 4 (Утвержден Президентом Российской Федерации 4 декабря 2003 г. № Пр-2192).

ет спектр высокорисковых объектов, относя последние только к производственной сфере. При таком подходе за рамками данного понятия оказываются опасные технические сооружения: стадионы, торговые центры, здания повышенной высотности, несущие потенциальные опасности и риски.

Предпочтительность использования в научном обороте дефиниции «высокорисковые объекты» объясняется тем, что ни одно другое, сходное по смыслу, определение не охватывает в полной мере всей совокупности потенциально опасных для населения и территорий объектов. Например, нормативно закрепленное понятие «потенциально опасные объекты» не включает в свой объем комплекс радиационно-опасных объектов¹. Содержательная ограниченность данных правовых дефиниций проявляется и в том, что из перечня потенциально опасных объектов исключены объекты информационной сферы — компьютерные сети и информационные базы. А они, как известно, в современных условиях несут многочисленные потенциальные риски.

Кроме того, понятие «высокорисковые объекты» уже введено в оборот в исследованиях научно-технического характера, в частности в работах Н. Г. Топольского и Н. П. Блудчего². К категории высокорисковых объектов данные авторы относят «потенциально опасные и потенциально уязвимые объекты с угрозой (риском) массового поражения...»³. Такая формулировка дефиниции позволяет отразить две ключевые характеристики определяемого явления (высокорисковых объектов) — опасность и уязвимость, между которыми существует прямая и неразрывная связь.

В научной литературе можно встретить и иное, сходное по смыслу, понятие — «гипераварийные объекты». Например, И. Д. Моторный под этим понятием подразумевает категорию объектов террористических посягательств, в которую механически включает объекты промышленности, транспорта, топливно-энергетического комплекса и коммунального хозяйства: атомные, гидро- и теплоэлектростанции, предприятия водоснабжения, газо- и нефтепроводы, нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие предприятия, железнодорожные и автомобильные мосты, автомагистрали⁴.

---

¹ См.: п. 4–5 Требований по предупреждению чрезвычайных ситуаций на потенциально опасных объектах и объектах жизнеобеспечения, утвержденных Приказом МЧС России от 28 февраля 2003 г. № 105.

² См.: Топольский Н. Г., Блудчий Н. П. Основы обеспечения интегральной безопасности высокорисковых объектов. М.: МИПБ МВД России, 1998.

³ Там же. С. 11.

⁴ Моторный И. Д. Современный терроризм и оценка риска диверсионно-террористической уязвимости гражданских объектов. М.: Издательство И. И. Шумилова, 2004. С. 15.

Оставляя в стороне анализ данной классификации, следует подчеркнуть, что понятие «гипераварийный» в большей мере подчеркивает такое свойство рассматриваемых объектов, как потенциальная опасность, оставляя в стороне вторую, связанную с ней, характеристику — уязвимость. С этой точки зрения дефиниция «высокорисковые» также представляется более удачной.

Необходимо отметить определенную дуалистическую связь, существующую между техногенными и террористическими рисками в контексте функционирования высокорисковых объектов. Степень риска (потенциальной опасности) имеет техническую и социальную составляющие и может, таким образом, рассматриваться в двух плоскостях. При этом оба аспекта имеют в процессе классификации и категорирования равную значимость, поскольку высокорисковым в плане диверсионно-террористической деятельности тот или иной объект делают не только его технические характеристики, но и ряд социальных факторов. Например, состояние оперативной обстановки на территории его расположения, уровень социальной напряженности, наличие этнических, конфессиональных диаспор и др. При этом, как известно, спрогнозировать влияние социальных факторов, в силу их изменчивости и динамизма, довольно сложно. Соответственно, из двух аналогичных по степени своей физической опасности объектов больший социальный риск будет нести тот, который расположен в более плотно населенной местности с более сложной криминальной ситуацией, интенсивным потоком мигрантов и т.д.

Техногенные риски для населения, объективно обусловленные самим фактом существования подобных производственных, инфраструктурных, жизнеобеспечивающих и иных объектов, террористическая деятельность трансформирует в риски иного рода, связанные с возможностью их использования для достижения террористических целей. Тем самым потенциальная техногенная опасность рассматриваемых объектов, т.е. вероятность возникновения аварий вследствие технических сбоев усиливается существующими террористическими угрозами. Техническая и социальная составляющие рисков в данном случае сливаются в единое целое, и это обстоятельство необходимо учитывать при строительстве и размещении потенциально опасных объектов — речь идет о необходимости в обязательном порядке учитывать такой фактор, как состояние оперативной обстановки в зоне предполагаемого размещения объекта, близость его к очагам вооруженных и иных конфликтов. Вместе с тем возможность совершения акций технологического терроризма во многом обусловлена наличием либо отсутствием объектов данной категории.

Таким образом, термин «высокорисковый» в контексте терроризма позволяет в рамках одного понятия совместить два важнейших содержательных компонента. Высокорисковый, как источник потенциальной техногенной опасности, и высокорисковый – как потенциальная цель террористического посягательства.

Дуализм связи «технологический терроризм – высокорисковые объекты» выражается также и в том, что последние выступают одновременно и как цели, и как орудия преступных деяний. Следовательно, выстраивание системы безопасности данных объектов должно вестись с учетом анализа двух этих сторон.

Из сказанного следует, что проблемы формирования системы предупреждения технологического терроризма и обеспечения безопасности высокорисковых объектов тесно взаимосвязаны и во многом имеют общий объем содержания. Безусловно, защита от посягательств террористического характера потенциально опасных объектов является лишь частью комплекса задач по обеспечению их безопасности в целом, поскольку последняя включает в себя ряд иных аспектов, например, связанных с соблюдением установленных технических норм и правил размещения данных объектов на территории и в населенных пунктах, контролем за технологическими режимами производства и сроками замены выработавшего свой ресурс оборудования, внедрением современных средств контроля за производственным процессом и т.д. Таким образом, система предупреждения технологического терроризма, составной частью которой выступает комплекс мер физической и иной защиты высокорисковых объектов, встраивается в общую систему обеспечения безопасности последних.

С точки зрения типологии этих объектов, анализ нормативных правовых актов и научной литературы позволяет констатировать не совсем четкое разграничение таких дефиниций, как «классификация», «категорирование», «систематизация», «типизация», и производных от них понятий – «класс», «категория», «система», «тип». Это выражается даже в наименованиях соответствующих нормативных документов, например, постановления Правительства Российской Федерации от 19 сентября 1998 г. № 115 «О порядке отнесения организаций к категориям по гражданской обороне» и от 13 сентября 1996 г. № 1094 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».

Из сказанного логично вытекает вывод о том, что на законодательном уровне к настоящему времени пока еще не выработан единый подход к определению объектов, представляющих повышенную опасность и одновременно являющихся потенциальными мишенями технологического терроризма. Не существует и методики их систематизации. Отсутствие единого подхода не позволяет оптимальным образом распреде-

лечь эти объекты по категориям (дать их классификацию), что, в свою очередь, затрудняет планирование мероприятий по защите данных объектов от диверсионно-террористических посягательств, с учетом их особенностей и других мер, направленных на обеспечение безопасности.

Очевидно, что представители заинтересованных органов федеральной законодательной и исполнительной властей пока находятся на той стадии работы на данном направлении, когда удалось только лишь очертить примерный круг рассматриваемых объектов. Приведение их к определенной логической схеме и ее правовое закрепление на федеральном уровне являются следующими шагами на пути выстраивания системы их безопасности, а следовательно, и формирования целостной системы предупреждения акций технологического терроризма.

Существующая на данный момент в Российской Федерации правовая база не позволяет дать четкой классификации высокорисковых объектов, выделить признаки входящих в нее категорий объектов. Проблему представляет также и то, что эти нормативные акты относятся к разным отраслям права, а также разным уровням в иерархии правовых источников, вследствие чего они не образуют единой нормативной системы. Следует отметить при этом, что большинство нормативных правовых актов, содержащих нормы, направленные на обеспечение безопасности высокорисковых объектов, относятся к отрасли административного права. В рамках последнего безопасность рассматриваемых объектов, в частности, вписывается в сферу, защищаемую нормами чрезвычайного законодательства¹.

Исходную проблему в процессе выстраивания системы безопасности высокорисковых объектов (включая их защиту от возможных диверсионно-террористических акций) составляет их классификация и категорирование по различным критериям, с целью выбора оптимальных средств защиты, решения правовых, организационных, материально-технических и иных проблем, с этим связанных. Речь, следовательно, идет в первую очередь о потенциально опасных объектах (несущих техногенные риски), которые при подготовке и осуществлении террористической акции выступают для преступников одновременно и как непосредственная цель, и как средство (орудие). Именно они (цели—орудия) и нуждаются в категорировании с целью установления степени их диверсионно-террористической уязвимости и выработки мер по обеспечению безопасности.

---

¹ Например, Федеральные конституционные законы «О чрезвычайном положении» и «О военном положении» содержат ряд норм, направленных на защиту потенциально опасных объектов жизнеобеспечения в условиях соответствующих специальных правовых режимов.

Таким образом, четкое выделение категорий высокорисковых объектов по степени их потенциальной опасности и уязвимости позволяет на этой основе провести столь же четкое разграничение категорий данных объектов по степени их диверсионно-террористической уязвимости; определить субъектов, обеспечивающих их безопасность, включая террористические угрозы; установить для каждой категории соответствующий уровень защиты, определяемый объемом и спецификой организационных, охранных, режимных и иных мер. В итоге это позволит выработать и нормативно закрепить на федеральном уровне общие требования к системе безопасности высокорисковых объектов с точки зрения возможности совершения в отношении их диверсионно-террористических акций.

Высокорисковые объекты в целом могут быть классифицированы по различным основаниям: ведомственная принадлежность; характер государственных и общественных потребностей, удовлетворяемых объектами (функционально-отраслевой принцип – производственная сфера, транспорт, связь, безопасность, жизнеобеспечение и др.); виды рисков (ядерные, химические, биологические и др.). При этом потенциально опасные объекты представлены во всех рассматриваемых областях человеческой деятельности.

Вместе с тем классификация высокорисковых объектов по функционально-отраслевому принципу не решает многих прикладных задач, поскольку один и тот же объект по этому признаку может одновременно относиться к двум и более названным классам, грань между которыми представляется весьма зыбкой. Например, промышленные объекты зачастую выступают как элементы энергетического комплекса, транспортной инфраструктуры, но при этом выполняют и функции жизнеобеспечения. Кроме того, механическое отнесение объекта к той или иной производственной сфере не позволяет выделить критерии, согласно которым устанавливается соответствующий уровень его физической защиты.

Классификация высокорисковых объектов также может быть проведена с учетом особенностей их местоположения, распределения по территории, протяженности, иных факторов подобного рода, влияющих на уязвимость в террористическом отношении. Так, по пространственным параметрам могут быть выделены площадные (сосредоточенные) и протяженные (распределенные) объекты. Примером первых являются промплощадки потенциально опасных и объектов жизнеобеспечения, хранилища опасных веществ и др. Ко второму типу могут быть отнесены трубопроводы, железнодорожные пути, линии связи и др.

Одним из оснований классификации высокорисковых объектов может быть оценка чрезвычайной ситуации (ЧС) на рассматриваемом

объекте¹. В этом случае классификация объектов осуществляется через классификацию видов техногенных ЧС. Критерии последних определены в Постановлении Правительства Российской Федерации от 13 сентября 1996 г. № 1094 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»². По результатам прогнозирования чрезвычайных ситуаций «Требования по предупреждению чрезвычайных ситуаций на потенциально опасных объектах и объектах жизнеобеспечения», утвержденные Приказом МЧС России от 28 февраля 2003 г. № 105, выделяют 5 классов объектов рассматриваемой категории:

1-й класс — потенциально опасные объекты, аварии на которых могут быть источниками возникновения федеральных и (или) трансграничных чрезвычайных ситуаций;

2-й класс — потенциально опасные объекты, аварии на которых могут являться источниками возникновения региональных чрезвычайных ситуаций;

3-й класс — потенциально опасные объекты, аварии на которых могут стать источниками возникновения территориальных чрезвычайных ситуаций;

4-й класс — потенциально опасные объекты, аварии на которых могут быть источниками возникновения местных чрезвычайных ситуаций;

5-й класс — потенциально опасные объекты, аварии на которых могут являться источниками возникновения локальных чрезвычайных ситуаций.

Федеральный закон от 21 июля 1997 г. «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» фиксирует пять групп опасных производственных объектов, в рамках которых выделяются отдельные подгруппы. К категории опасных производственных объектов законодателем отнесены те, на которых, в частности, получают, используются, перерабатываются, образуются, хранятся, транспортируются, уничтожаются опасные вещества (выделяется семь групп таких веществ); ис-

---

¹ В том числе чрезвычайные ситуации, возникшие в результате совершения диверсионно-террористической акции.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 39. Ст. 4563. Чрезвычайные ситуации классифицируются по ряду оснований: в зависимости от количества пострадавших в них людей и числа тех, у которых оказались нарушены условия жизнедеятельности; размера материального ущерба, а также границы зон распространения поражающих факторов чрезвычайных ситуаций. По этим показателям ЧС подразделяются на локальные, местные, территориальные, региональные, федеральные и трансграничные.

пользуется оборудование, работающее под давлением более 0,07 мегапаскаля или при температуре нагрева воды более 115°C; используются стационарно установленные грузоподъемные механизмы, эскалаторы, канатные дороги, фуникулеры; получаются расплавы черных и цветных металлов и сплавы на их основе; ведутся горные работы, работы по обогащению полезных ископаемых, а также в подземных условиях.

Данные классификации высокорисковых объектов имеют своими целями, главным образом, решение проблем обеспечения технической безопасности в процессе эксплуатации последних, а также предупреждение чрезвычайных ситуаций техногенного характера. Они позволяют выделить категории объектов по степени их потенциальной опасности, но не решают при этом в полной мере задач по защите рассматриваемых объектов от посягательств диверсионно-террористического характера. Иными словами, не определяют критериев их уязвимости. Основу данных нормативно закреплённых классификаций, как правило, составляет анализ лишь одной составляющей: либо это наличие в производственном процессе опасных веществ и оборудования, либо оценка масштабов возможной ЧС.

Научная классификация высокорисковых объектов предложена Н. Г. Топольским и Н. П. Блудчим в упоминавшейся монографии. В качестве признака деления авторы использовали основной вид опасности объекта (радиационная, химическая и т.д.). На этой основе ими выделено пять классов высокорисковых объектов с угрозой массового поражения при ЧС: радиационно опасные; химически опасные; пожаровзрывоопасные; опасные транспортные средства; опасные технические сооружения¹.

При этом подчеркнуто, что данное деление является весьма условным, «поскольку чрезвычайные ситуации на многих объектах носят комплексный характер и порождают различные поражающие факторы. Поэтому некоторые из объектов можно отнести к одному из двух разных классов»². В составе выделенных классов авторами предложено выделение подклассов с соответствующим трехразрядным кодированием. Например, класс радиационно опасных объектов представлен в виде перечня из четырех подклассов, включающего в себя семнадцать позиций³. Подклассы в данном случае можно рассматривать как более конкретные категории, и уже на этом уровне анализировать степень уязвимости объектов.

---

¹ Топольский Н. Г., Блудчий Н. П. Указ. соч. С. 17.

² Там же.

³ Там же. С. 19–20.

К категории высокорисковых объектов авторы также предлагают относить сооружения с большим скоплением людей (трибуны стадионов, цирки, зрительные залы и т.д.) — в предложенной классификации они отнесены к классу опасных технических сооружений¹. Нельзя не отметить обоснованности и логической стройности предложенной классификации, позволяющей представить высокорисковые объекты в виде системы. Однако она не лишена определенных недостатков из-за своей неполноты, поскольку биологически опасные, а также объекты информационной сферы никоим образом в данной схеме не представлены.

Проблема категорирования потенциально опасных объектов обсуждалась на заседании Федеральной антитеррористической комиссии в апреле 2001 г. (протокол № 7 от 9 апреля 2001 г.). Круг рассматриваемых проблем был ограничен объектами науки, промышленности, энергетики и жизнеобеспечения. Кроме того, не все органы государственной власти — субъекты антитеррористической деятельности — были привлечены к исследовательской работе, что в последующем отразилось на качестве подготовленных рекомендаций.

В результате исследовательской работы были подготовлены Методические рекомендации по категорированию объектов науки, промышленности, энергетики и жизнеобеспечения, по степени их потенциальной опасности и диверсионно-террористической уязвимости², утвержденные приказом Минпромнауки России от 29 мая 2002 г. № 145. Данная разработка фактически представляет собой первую попытку научного подхода к систематизации высокорисковых объектов в контексте террористических угроз.

Этим же приказом утверждены Методические рекомендации по оценке достаточности мероприятий по физической защите, охране предприятий и организаций от существующих и прогнозируемых диверсионных и террористических угроз внутреннего и внешнего характера³, а также Основные концептуальные направления обеспечения антитеррористической и противодиверсионной защиты объектов науки, промышленности, энергетики и жизнеобеспечения и наиболее целесообразные в современных ус-

---

¹ Анализ техногенных аварий и тенденции развития преступности, в частности терроризма, свидетельствуют об оправданности такого подхода: достаточно напомнить о катастрофе «Трансвааль-парка» в феврале 2004 г., обрушение одного из терминалов в международном аэропорту «Руасс-Шарль-де-Голль»; террористических акциях в г. Буденновске в 1995 г. и театральном центре на ул. Дубровка в Москве, когда в заложники было одновременно захвачено несколько сотен человек; взрывы на летном поле в Тушино в июле 2003 г.

² Далее: Методические рекомендации по категорированию объектов.

³ Далее: Методические рекомендации по оценке достаточности мероприятий по физической защите и охране предприятий и организаций.

ловиях формы участия государства в выработке и реализации необходимых режимно-охранных мер на потенциально опасных объектах¹.

В указанных разработках нашло логическое закрепление содержание ряда важных понятий, применяемых в процессе категорирования. Например, дано определение термину «критические элементы объекта», которые включают в себя «зоны, конструктивные и технологические элементы объекта, элементы систем, оборудования или устройств потенциально опасной установки, места использования или хранения ОВМ², несанкционированные действия в отношении которых приводят к прекращению нормального функционирования объекта, его повреждению или аварии и чреватые чрезвычайными ситуациями»³. В совокупности критических элементов объекта разработчики рекомендуют выделять «уязвимые места», под которыми подразумеваются те «критические элементы объекта, в отношении которых, в силу их недостаточной защищенности или устойчивости, могут быть спланированы и успешно реализованы несанкционированные действия, а также элементы системы физической защиты, преодолевая которые нарушитель может успешно реализовать свои цели»⁴.

Определены были также показатели, характеризующие степень потенциальной опасности объекта, к которым отнесены величины социально-экономических последствий аварий (катастроф) на объектах: число пострадавших; величина ущерба; количество людей, у которых нарушены условия жизнедеятельности⁵. Разработчиками были разграничены понятия «категория объекта по степени его потенциальной опасности» и «категория объекта по диверсионно-террористической уязвимости».

В первом случае речь идет об условном индексе, характеризующем степень потенциальной опасности объекта и определяемым величиной социально-экономических последствий аварий (катастроф) на объекте. Во втором — об условном индексе, характеризующем состояние системы безопасности объекта⁶. Такая важная категория, как «диверсионно-террористическая уязвимость объекта» авторами в содержательном плане рассматривается как «свойство объекта, характеризующее наличием угрозы диверсионно-террористических акций на объекте и состоянием системы безопасности объекта (системы физической защиты)»⁷.

---

¹ Далее: Основные концептуальные направления обеспечения антитеррористической и противодиверсионной защиты объектов.

² ОВМ — опасные вещества и материалы.

³ Методические рекомендации по категорированию объектов. С. 7.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Там же. С. 8.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ Там же.

Вместе с тем в процессе категорирования авторы столкнулись с решением сложной задачи, поскольку рамки перечня категорируемых объектов изначально были ограничены сферой науки, промышленности, энергетики и жизнеобеспечения. Это обстоятельство несколько снизило научную и практическую значимость данной разработки при всех прочих ее достоинствах. Сами разработчики отметили данный факт: «Строгая типизация объектов в целях их АТПДЗ¹ в рамках предложенной ведомственной принадлежности (наука, промышленность, энергетика, транспорт и жизнеобеспечение) представляется затруднительной, поскольку один и тот же объект может одновременно относиться к двум и более названным классам. Так, объект промышленности может представлять собой объект энергетики и тем самым выполнять функции жизнеобеспечения. Кроме того, простая констатация факта принадлежности объекта к той или иной сфере не позволяет выделить критерии, согласно которым устанавливается его значимость для обеспечения общественной и государственной безопасности и соответствующий уровень защиты»².

Следует также обратить внимание на то, что предложенная в Методических рекомендациях классификация объектов, представляющих повышенную опасность и уязвимых в диверсионно-террористическом отношении, представлена не в форме логической схемы, а в виде отдельных групп, во многом совпадающих по объему и содержанию. Это стало следствием смешения оснований классификации, к которым одновременно были отнесены государственная, социальная и экономическая значимость объектов, а также тяжесть последствий диверсионно-террористических акций для населения, территории и окружающей природной среды. В итоге были выделены следующие категории:

- общий перечень потенциально опасных и особо сложных объектов;
- потенциально опасные объекты, подлежащие категорированию;
- объекты науки;
- объекты промышленности;
- объекты энергетики;
- объекты жизнеобеспечения³.

Вследствие формально-логических нарушений одни и те же объекты оказались включенными в разные группы. Например, магистральные трубопроводы одновременно отнесены к общему перечню потенциально опасных, особо сложных объектов и группе потенциально опасных объектов, подлежащих категорированию. При этом в составе последней группы трубопроводный транспорт включен как в подгруп-

---

¹ Антитеррористическая и противодиверсионная защита.

² Основные концептуальные направления обеспечения антитеррористической и противодиверсионной защиты объектов. С. 17.

³ Методические рекомендации по категорированию объектов. С. 13–16.

пу химически опасных объектов, так и в подгруппу пожаровзрывоопасных объектов. Безусловно, многие высокорисковые объекты обладают одновременно несколькими поражающими свойствами, однако в процессе их классификации следует учитывать, прежде всего, доминирующий фактор. Основные же недостатки предложенного в Методических рекомендациях перечня состоят в следующем.

1. Чрезмерный объем категорий и видов объектов, в числе которых оказались и те, которые не представляют потенциальной опасности и не являются высокорисковыми, а следовательно, не могут выступать в качестве целей технологического терроризма. Например, далеко не все крупные государственные учебные заведения, государственные и ведомственные научно-исследовательские институты, конструкторские бюро, а также объекты целого ряда отраслей промышленности, перечисленных в перечне, обладают характеристиками повышенной опасности для населения и окружающей среды. Тем более что в сфере науки подобных объектов гораздо меньше, чем в области энергетики и промышленности.

2. Несмотря на большой объем, в предложенном перечне не нашла отражения самостоятельная группа высокорисковых объектов информационной сферы: например, компьютерные сети крупных предприятий, автоматические системы управления движением на транспорте и др.

3. Транспортный комплекс как особая и достаточно самостоятельная система высокорисковых объектов, к тому же обладающая единством с точки зрения подведомственности, в данном перечне оказался как бы «растворенным» внутри отдельных групп и подгрупп.

4. Четко не обозначены места объектов с массовым пребыванием людей и опасных технических сооружений.

Все это указывает на несовершенство предложенной классификации, которая в связи с этим не может рассматриваться как завершенная методологическая основа работы по категорированию.

Обобщая результаты проведенного анализа нормативных правовых актов, исследовательской литературы и принимая во внимание уже имеющийся научный опыт классификации, категорирования высокорисковых и иных объектов, в качестве основы могла бы быть предложена следующая, состоящая из семи классов, схема:

- радиационно опасные объекты;
- химически опасные объекты;
- биологически опасные объекты;
- пожаровзрывоопасные объекты;
- объекты транспортного комплекса (системы);
- опасные технические сооружения и места массового пребывания людей;
- объекты информационной сферы.

Данная классификация позволяет, во-первых, максимально охватить весь круг существующих в настоящее время высокорисковых объектов, а во-вторых, не сталкиваясь с методологическими проблемами, провести внутри них категорирование на более конкретные группы с целью определения степени их уязвимости и выработки мер физической и иной защиты. Так, к высокорисковым объектам необходимо относить не только те, что имеют стационарный характер (хранилища отравляющих веществ), но и перемещаемые в пространстве — например, опасные грузы. Предлагаемая классификация позволяет также расширить свое содержание за счет появления в близкой перспективе новых классов и категорий высокорисковых объектов; например, космических аппаратов¹, либо такой категории в структуре транспортного комплекса, как виртуальные транспортные коммуникации.

Кроме того, в рамках предлагаемого подхода могут быть решены обозначенные нами вопросы понятийного аппарата, в частности, определено соотношение понятий «категорирование» и «классификация» и, соответственно, производных от них — категория и класс в контексте высокорисковых объектов. Представляется, что термин «класс» в рассматриваемом случае является более емким в содержательном смысле понятием, в то время как под «категорией» будет пониматься группа близких по характеру потенциальной угрозы высокорисковых объектов в рамках уже выделенных классов.

Следовательно, категорирование высокорисковых объектов, как логическое действие по распределению последних на определенные родственные по общим критериям и одновременно локальные группы, может быть осуществлено только в рамках уже проведенной классификации. И некоторые подходы к этой процедуре можно обнаружить в действующем законодательстве. Например, исходя из анализа содержания его норм, объекты транспортного комплекса² можно распределить по соответствующим видам транспорта: железнодорожный, авто-

---

¹ В настоящее время полеты в космическое пространство становятся все более частыми; реальностью стал так называемый космический туризм, и не в столь отдаленной перспективе это явление обретет массовый характер. Вместе с тем развитие данной сферы человеческой деятельности несет не меньшие, а, может быть, и большие риски, чем иные области хозяйства, традиционно связанные с разного рода опасностями. Например, катастрофа американского космического челнока «Челленджер» в январе 1986 г. приостановила полеты этих типов космических судов, последствия которых могли быть гораздо более тяжелыми. В мае того же 1986 г. планировался запуск космического челнока с радиоактивным грузом — двумя энергетическими установками, использующими в качестве топлива плутоний.

² Как подчеркивают исследователи, вопрос о структуре транспортного комплекса представляется дискуссионным. Однако предложенная совокупность представляет собой наиболее совпадающие точки зрения (*Степаненко Ю. В. Органы внутренних дел на транспорте: Вопросы теории и практики. М.: ВНИИ МВД России, 2004. С. 27.*

мобильный, внутренний водный (речной), морской, воздушный, трубопроводный, городской (пассажирский электрический, в том числе метрополитен), промышленный транспорт, дорожное хозяйство. В свою очередь, в системе объектов железнодорожного транспорта общего пользования законодатель как наиболее важные выделяет следующие.

1. Искусственные сооружения и другие объекты стратегического назначения.

2. Посты электрической централизации железнодорожных внеклассных станций первого класса.

3. Информационные центры и узлы связи.

4. Центры диспетчерского управления.

5. Запасные пункты управления.

6. Базы и склады специального назначения¹.

Теоретическое и практическое значение научно обоснованной типологии высокорисковых объектов трудно переоценить. Решение этой проблемы не только имеет огромное значение для обеспечения безопасности рассматриваемых объектов как таковых, но и представляет неотъемлемую часть системы национальной безопасности Российской Федерации. Необходимо отметить, что до настоящего времени в научной литературе до конца не сформировался интегративный подход к рассмотрению высокорисковых объектов как целостной системы. Здесь имеется в виду то, что зачастую отдельные их категории (биологически, химически, радиационно опасные объекты анализируются как абсолютно самостоятельные группы, не связанные напрямую с иными их разновидностями). Как следствие проблема безопасности обретает «дисперсный» характер: говорят о биологической, химической, радиационной, транспортной, пожарной и иных видах безопасности.

Вместе с тем очевидно, что в условиях интеграции многих сфер общественного производства и глобализации высокорисковые объекты складываются в своеобразную инфраструктуру. Так, потенциально опасные объекты энергетики, транспорта, промышленного производства, информационные сети замыкаются в единую цепочку, сбой в одном из звеньев которой с неизбежностью нарушит стабильное функционирование всей системы. Высокоскоростные объекты в настоящее время вполне могут концентрироваться на весьма ограниченном пространстве. Например, в пределах любого современного аэровокзального комплекса сосредоточено большое количество воздушных судов, хранилища горюче-смазочных материалов, опасных технических сооружений (тер-

---

¹ Перечень наиболее важных объектов железнодорожного транспорта общего пользования, подлежащих охране подразделениями ведомственной охраны МПС России (Утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2004 г. № 58).

миналы, склады, подземные и надземные переходы и др.). Здесь же отмечается сосредоточение большого числа людей — пассажиров. Это с неизбежностью приводит к тому, что субъектам обеспечения безопасности в узких пространственных рамках приходится одновременно контролировать соблюдение самых разнообразных правовых норм, направленных на обеспечение безопасности: правила производства досмотра, правила обращения с взрывопожароопасными веществами, режимные и охранные мероприятия (в частности, пропускной режим), меры охраны общественного порядка и др.

Необходимо учитывать и то, что высокорисковые объекты — весьма динамичная содержательная категория, их количество постоянно растёт¹. Появляются новые их разновидности, а, кроме того, характерные признаки высокорисковых объектов в современных условиях обретают даже те рукотворные сооружения, которые ранее таковыми не являлись. Например, усложняющаяся, становящаяся все более разнообразной структура досуга и развлечений населения крупных городских центров требует все более сложных в конструктивном отношении зданий и мест массового пребывания: стадионы, аквапарки, различные центры развлечений, горнолыжные парки, залы для театрализованных представлений, концертов и т.д. К тому же подобные объекты, как правило, оснащаются весьма сложной современной техникой. Все это объективно несет дополнительные угрозы², к учету которых необходимо подходить гибко. Поэтому классификация высокорисковых объектов не должна рассматриваться статично, она требует регулярной ревизии и пересмотра с учетом новых разновидностей потенциально опасных объектов, которые должны находить свое место в общей системе.

Предпринимаемые в настоящее время попытки взглянуть на высокорисковые объекты как на систему не всегда успешны: в большей степени прогресс в этой сфере достигнут на уровне теоретических исследований, чего нельзя сказать о нормотворчестве. Типология высокорисковых объектов предусматривает в обязательном порядке их классификацию и категорирование. Это, в свою очередь, требует приведения к логической схеме понятийно-терминологического аппарата, относящегося к данной сфере. Оптимальным вариантом решения всех обозначенных

---

¹ Для Российской Федерации эта тенденция характерна как ни для какой иной страны мира: огромная территориальная протяженность вынуждает развивать адекватную этому фактору транспортную систему, что влечет за собой строительство все новых и новых объектов. Суровые природно-климатические условия и холодный климат формируют объективную потребность в строительстве новых объектов энергетики.

² Обрушение железобетонных перекрытий большой площади «Трансааль-Ларка» в Москве, в результате которого погибло 27 и несколько десятков человек получили ранения различной степени тяжести.

проблем могли бы стать разработка и принятие Федерального закона «О высокорисковых объектах».

Анализируя содержание понятия высокорисковых объектов и правовые подходы к их систематизации, следует более подробно остановиться на их характеристике как обобщенного объекта правовой защиты.

Во-первых, в юридическом смысле сущность рассматриваемых категорий раскрывается в первую очередь посредством административно-правовых норм — большинство упомянутых ранее нормативных правовых актов относятся именно к этой отрасли права.

Во-вторых, в совокупности норм различных отраслей права (прежде всего, административного, уголовного и гражданского), направленных на обеспечение безопасности высокорисковых объектов, объективно наибольший удельный вес принадлежит нормам административного права. И в этом нетрудно убедиться. Уголовный кодекс Российской Федерации содержит ряд составов преступлений, которыми установлена уголовная ответственность за совершение преступлений, сопряженных с посягательствами на высокорисковые объекты. Однако эти нормы вступают в действие в результате совершения тех или иных преступлений.

Интегральной системой правоустановлений, направленных на обеспечение безопасности высокорисковых объектов на всех стадиях — от создания (строительства) до ликвидации, — являются нормы административного права. Именно они составляют всеобъемлющую основу нормативного регулирования широкого спектра общественных отношений, складывающихся в этой области деятельности.

Следует при этом иметь в виду, что обеспечение безопасности высокорисковых объектов в современных условиях обретает международное значение. Масштабы последствий уже имевших место и вероятных аварий на ядерно-, химически-, биологически опасных и объектах транспортного комплекса (например, в процессе транспортировки нефтепродуктов посредством трубопровода или морским транспортом) по своему значению далеко выходят за рамки возможностей отдельно взятого государства. Крупные техногенные аварии и катастрофы, террористические акции в форме захвата воздушных судов, диверсий на промышленных объектах в современных условиях неизбежно затрагивают интересы целого ряда стран. Поэтому международное сообщество в последние десятилетия принимает усилия к выработке и нормативному закреплению стандартов в области защиты таких объектов, как суда гражданской авиации, аэровокзальные комплексы, ядерно и радиационно опасные объекты, нефтедобывающие платформы и др. Как следствие, безопасность высокорисковых объектов все глубже входит в сферу правового регулирования норм международного права.

Проведенный анализ дает основания сделать следующие выводы. Поступательное развитие науки и техники, прогресс в информацион-

ной сфере с неизбежностью расширяют пределы техносферы, а это автоматически будет приводить к появлению все новых и новых категорий высокорисковых объектов, нуждающихся в комплексном обеспечении безопасности. Следовательно, спектр объектов правовой охраны данной категории будет расширяться.

Обеспечение безопасности является важнейшим условием устойчивого функционирования высокорисковых объектов. Эта характеристика (свойство) носит приоритетный и одновременно интегральный характер и находит свое проявление на всех этапах жизнедеятельности высокорисковых объектов. С учетом требований безопасности осуществляются проектирование, выбор места размещения, прием к эксплуатации, эксплуатация и вывод из нее высокорисковых объектов. Жизнедеятельность высокорисковых объектов и их безопасность, таким образом, логически отождествляются.

Высокорисковые объекты, с учетом их значимости для экономики и социальной сферы, опасности, которые они представляют для населения и территорий, выступают важными объектами правовой защиты. Явный приоритет в регулировании складывающихся отношений в данной сфере принадлежит нормам административного права, а основной массив нормативных правовых актов, относящихся к данной области, формирует акты административного законодательства.

Затронутые вопросы далеко не исчерпывают всего перечня проблем, связанных с обеспечением безопасности высокорисковых объектов. Это направление деятельности в наши дни становится приоритетным для многих органов государственной власти (прежде всего, правоохранительных) и негосударственных институтов. Например, в течение двух последних лет данные вопросы неоднократно рассматривались на заседаниях коллегии МВД России — в рамках обсуждения вопросов обеспечения авиационной безопасности, защиты объектов, подлежащих обязательной государственной охране, представляющих повышенную технологическую опасность. В системе МВД России специализированными подразделениями, реализующими функции на указанном направлении оперативно-служебной деятельности, прежде всего выступают органы внутренних дел на транспорте, режимных объектах и закрытых территориях; внутренние войска (в их состав входят специальные части), а также подразделения вневедомственной охраны. Имеющиеся в их распоряжении методики в современных условиях зачастую оказываются неадекватными складывающейся оперативной обстановке на потенциально опасных объектах.

И если говорить о прикладных аспектах исследования затронутых проблем, то основной линией разработок в ближайшей перспективе должно стать научно-методическое обеспечение деятельности данных подразделений органов внутренних дел и внутренних войск.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ОПРОСНЫЕ ЛИСТЫ ПО ИСПОЛЬЗУЕМЫМ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИМ МЕТОДАМ

Коллектив исследователей обращается к Вам с просьбой ответить на ряд вопросов, связанных с изучением психологических особенностей личности осужденного. Мы рассчитываем на Ваше серьезное отношение к ответам и искренность. Обследование проводится анонимно. Все полученные данные будут использованы только в усредненном виде. По Вашему желанию психологи проведут индивидуальную психологическую консультацию по полученным данным.

АНКЕТА

осужденного по ст. _____

Ф.И.О. осужденного (указывать не обязательно) _____

№ п/п	Вопросы	Коды и ответы	Кодовое поле
1	Возраст осужденного	1. 18–19 лет 2. 20–24 года 3. 25–29 лет 4. 30–39 лет 5. 40–49 лет 6. 50–54 года 7. 55–59 лет 8. 60 и более	<input type="text"/>
2	Состоял ли в браке на момент осуждения и сохранилась ли семья за время отбывания наказания (учитывается юридический и фактический брак)	1. Не состоял в браке 2. Состоял в браке, семья сохранилась 3. Семья распалась	<input type="text"/>
3	Вступил ли в брак за время отбывания наказания	1. Да 2. Нет	<input type="text"/>
4	Образование на момент опроса	1. Начальное общее (начальное) 2. Основное общее (неполное среднее) 3. Среднее полное общее (среднее) 4. Среднее профессиональное (среднее специальное и незаконченное высшее) 5. Высшее профессиональное (высшее)	<input type="text"/>

№ п/п	Вопросы	Коды и ответы	Кодовое поле
5	Род занятий к моменту ареста или осуждения	1. Рабочий 2. Служащий 3. Лицо, занимающееся предпринимательской деятельностью 4. Лицо, имеющее основной доход от занятий в сельском хозяйстве 5. Учащийся профтехучилища 6. Учащийся средней школы 7. Учащийся вспомогательной школы 8. Учащийся спецшколы, спецПТУ (для грудновоспитуемых подростков) 9. Учащийся техникума, вуза 10. Военнослужащий 11. Сотрудники прокуратуры, ОВД, ФСБ, палаточной полиции, таможенных органов, уголовно-исполнительной системы или суда 12. Иной 13. Домохозяйка 14. Неработающий пенсионер 15. Официально признан безработным 16. Без определенных занятий 17. Отбыл наказание в виде лишения свободы	<input data-bbox="849 158 926 197" type="text"/>
6	Число судимостей к лишению свободы (снятые и погашенные не учитываются)	Указывается число судимостей, включая ту, в соответствии с которой отбывает наказание	<input data-bbox="849 879 926 918" type="text"/>
7	Категории преступления	1. Менее тяжкое 2. Средней тяжести 3. Тяжкое 4. Особо тяжкое	<input data-bbox="849 973 926 1012" type="text"/>
8	Классификация преступления, за которое отбывается наказание (если лицо осуждено по совокупности за несколько преступлений, указывается то, за которое назначено более тяжкое наказание; если наказания равны — то, которое, по мнению начальника отряда, по обстоятельствам дела может рассматриваться как более тяжкое)	Кодовое поле заполняется по УК РФ 1996 г. Если осужден по УК РСФСР 1960 г., в кодовом поле указывается соответствующая статья УК РФ 1996 г., а ниже указывается статья, часть и пункт УК 1960 г. Ст. _____ Часть _____ Пункт _____ Название статьи _____	<input data-bbox="849 1091 926 1130" type="text"/>

№ п/п	Вопросы	Коды и ответы	Кодовое поле
9	Наказание, назначенное судом (если осужден по нескольким статьям, указывается срок, назначенный по совокупности; без учета снижения наказания в порядке помилования и амнистии)	Лишение свободы: 1. До 1 года включительно 2. От 1 до 2 лет включительно 3. От 2 до 3 лет включительно 4. От 3 до 5 лет включительно 5. От 5 до 8 лет включительно 6. От 8 до 10 лет включительно 7. От 10 до 15 лет включительно 8. От 15 лет	<input type="text"/>
10	Назначено ли дополнительное наказание (если назначено несколько дополнительных наказаний, отметить наиболее строгое)	1. Не назначено 2. Назначено – штраф 3. Лишение права замещать определенные должности или заниматься определенной деятельностью 4. Лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград 5. Конфискация имущества	<input type="text"/>
11	Было ли преступление совершено в соучастии	1. Нет 2. В соучастии – организатор 3. Подстрекатель 4. Пособник 5. Исполнитель	<input type="text"/>
12	Форма соучастия	1. Не было соучастия 2. Группа лиц 3. Группа с предварительным сговором 4. Организованная группа 5. Преступное общество	<input type="text"/>
13	Фактический отбытый срок на момент опроса	1. До 2 мес. включительно 2. От 2 мес. до 1 года включительно 3. До 1 года включительно 4. От 1 до 2 лет включительно 5. От 2 до 3 лет включительно 6. От 3 до 5 лет включительно 7. От 5 до 8 лет включительно 8. От 8 до 10 лет включительно 9. От 10 лет	<input type="text"/>
14	Не отбытый срок	1. До 6 мес. включительно 2. От 6 мес. до 1 года включительно 3. От 1 до 2 лет включительно 4. От 2 до 3 лет включительно 5. От 3 до 5 лет включительно	<input type="text"/>

№ п/п	Вопросы	Коды и ответы	Кодовое поле
		6. От 5 до 8 лет включительно 7. От 8 до 10 лет включительно 8. От 10 до 15 лет 9. От 15 лет	
15	Отношение осужденного к религии	1. Неверующий 2. Православный 3. Иудей 4. Буддист 5. Мусульманин 6. Исповедует иную религию	☐
16	Оказывалась ли помощь в трудовом и бытовом устройстве после освобождения от предыдущего наказания в виде лишения свободы (со слов осужденного)	1. Осужден впервые 2. Оказана 3. Не оказана, хотя осужденный в ней нуждался 4. Не оказана, но осужденный в ней и не нуждался	☐
17	Трудоспособность	1. Трудоспособен 2. Ограниченно трудоспособен 3. Инвалид III группы 4. Инвалид II группы 5. Инвалид I группы 6. Нетрудоспособен по возрасту	☐
18	Обеспеченность работой на момент опроса	1. Работает, трудом обеспечен постоянно 2. Работает, но трудом обеспечен непостоянно из-за отсутствия достаточного фронта работы 3. Не работает, является инвалидом или престарелым 4. Не работает, так как обучается в ПТУ 5. Не работает, так как систематически отказывается от работы	☐
19	Участие в работе самостоятельных организаций	1. Активно участвует 2. Участвует, но активности не проявляет 3. Не участвует и не участвовал ранее 4. Сейчас не участвует, но ранее участвовал	☐
20	Характеристика отношения осужденного к труду, по мнению администрации учреждения	1. К работе относится добросовестно 2. К работе относится недобросовестно 3. От работы отказывается 4. Не работает по причинам, не зависящим от него	☐

№ п/п	Вопросы	Коды и ответы	Кодовое поле
		5. Недостаточно изучен, поэтому нельзя сделать вывод	
21	Характеристика отношения осужденного к учебе, по мнению администрации	1. Не учится по уважительным причинам: возраст, состояние здоровья и др. 2. Наличие среднего образования 3. Отсутствие школы 4. Учится к учебе относится добросовестно 5. Недобросовестно 6. Не учится по неуважительным причинам	<input type="text"/>
22	Общая характеристика осужден- ного, по мнению администрации учреждения	1. Характеризуется положительно 2. Нейтрально 3. Отрицательно 4. Злостный нарушитель режима	<input type="text"/>
23	Имеет ли жилье для проживания после освобождения	1. Да 2. Нет	<input type="text"/>
24	Ожидает ли столкновения с трудностями в трудоустройстве	1. Да 2. Нет 3. Затрудняется ответить	<input type="text"/>
25	Признает ли себя больным наркоманией	1. Обязательное лечение назначено, но больным наркоманией себя не признает 2. Принудительное лечение назна- чено, больным наркоманией себя признает 3. Принудительное лечение не назначено, но больным нарко- манией себя признает 4. Не является наркоманом	<input type="text"/>
26	Убеждения	1. Религиозные 2. Общественно-политические 3. Моральные 4. Правовые 5. Научные	<input type="text"/>
27	Взгляды	1. Житейские 2. Научные 3. Эстетические 4. Политические	<input type="text"/>
28	Интересы (виды)	1. Действенные 2. Недейственные 3. Устойчивые 4. Неустойчивые 5. Непосредственные	<input type="text"/>

№ п/п	Вопросы	Коды и ответы	Кодовое поле
		6. Опосредованные 7. Глубокие 8. Поверхностные 9. Сильные 10. Слабые 11. Активные 12. Пассивные 13. Материальные 14. Духовные	
29	Социальные ориентации	1. Социальные 2. Асоциальные 3. Антисоциальные 4. Просоциальные	<input type="text"/>
30	Умения	1. Предметно-практические 2. Познавательные 3. Коммуникативные 4. Профессиональные 5. Художественно-практические	<input type="text"/>
31	Навыки	1. Перцептивные 2. Интеллектуальные 3. Двигательные	<input type="text"/>
32	Привычки	1. Социальные 2. Физиологические 3. Психологические 4. Интеллектуальные	<input type="text"/>
33	Стереотипы поведения	1. Инстинктивное 2. Заимствованное 3. Подражательное 4. Реактивное 5. Адекватное и неадекватное 6. Символическое 7. Альтернативное 8. Агрессивное 9. Реликтовое 10. Оскорбительное	<input type="text"/>
34	Установки	1. Элементарные (связанные с виртуальными потребностями) 2. Социальные	<input type="text"/>
35	Мотивы	1. По силе: 1.1. Сильные 1.2. Слабые 2. По содержанию: 2.1. Низшие (биологические) 2.2. Высшие (социальные)	<input type="text"/>
36	Мотивы совершения преступления (укажите, что Вами двигало при совершении преступления)		<input type="text"/>

ЗАДАНИЯ

При выполнении каждого задания необходимо четко следовать предлагаемым инструкциям.

Задание № 1

Опросник межличностных отношений (ОМО), адаптация методики В. Шутце. *Название методов не рекомендуется указывать при проведении обследования.*

Инструкция. Опросник предназначен для оценки типичных способов Вашего отношения к людям. В сущности, здесь нет правильных или неправильных ответов, правилен каждый правдивый ответ.

Иногда люди стремятся отвечать на вопросы так, как, по их мнению, они должны были бы себя вести. Однако в данном случае нас интересует, как Вы ведете себя в действительности.

Некоторые вопросы очень похожи друг на друга. Но все-таки они подразумевают разные вещи. Отвечайте, пожалуйста, на каждый вопрос отдельно, без оглядки на другие вопросы. Время ответа на вопросы не ограничено, но не размышляйте слишком долго над каким-либо вопросом.

Для каждого утверждения выберите ответ, который больше всего Вам подходит. Вариант ответа указан в верхней части таблицы. Вам необходимо в первом столбце таблицы указать цифру (1–6), соответствующую выбранному ответу.

Итак, прочитав утверждение, запишите номер ответа, расположенный в скобках слева от каждой строчки.

Пожалуйста, будьте внимательны при выборе ответа и его записи.

Вариант ответа	№ вопроса	1	2	3	4	5	6
		Обычно	Часто	Иногда	По случаю	Редко	Никогда
	1	Стремлюсь быть вместе со всеми					
	2	Предоставляю другим решать вопрос о том, что необходимо будет сделать					
	3	Становлюсь членом различных групп					
	4	Стремлюсь иметь близкие отношения с остальными членами группы					
	5	Когда предоставляется случай, я склонен стать членом интересных организаций.					
	6	Допускаю, чтобы другие оказывали сильное влияние на мою деятельность					
	7	Стремлюсь влиться в неформальную общественную жизнь					

Вариант ответа	№ вопроса	1	2	3	4	5	6
		Обычно	Часто	Иногда	По случаю	Редко	Никогда
	8	Стремлюсь иметь близкие и сердечные отношения с другими					
	9	Стремлюсь задействовать других в своих планах					
	10	Позволяю другим судить о том, что я делаю					
	11	Стараюсь быть среди людей					
	12	Стремлюсь устанавливать с другими близкие и сердечные отношения					
	13	Имею склонность присоединяться к остальным всякий раз, когда делается что-то совместно					
	14	Легко подчиняюсь другим					
	15	Стараюсь избегать одиночества					
	16	Стремлюсь принимать участие в совместных мероприятиях					
ОТНОСИТСЯ К:							
	1	2	3	4	5	6	
	Большинству	Многим	Некоторым	Нескольким	Одному-двум	Ни к кому	
	17	Стремлюсь относиться к другим по-приятельски					
	18	Предоставляю другим решать вопрос о том, что необходимо будет сделать					
	19	Мое личное отношение к окружающим – холодное и безразличное					
	20	Предоставляю другим руководить ходом событий					
	21	Стремлюсь иметь близкие отношения с остальными					
	22	Допускаю, чтобы другие оказывали сильное влияние на мою деятельность					
	23	Стремлюсь приобрести близкие и сердечные отношения с другими					
	24	Позволяю другим судить о том, что я делаю					
	25	С другими веду себя холодно и безразлично					
	26	Легко подчиняюсь другим					
	27	Стремлюсь иметь близкие и сердечные отношения с другими					
	28	Люблю, когда другие приглашают меня участвовать в чем-нибудь					
	29	Мне нравится, когда остальные люди относятся ко мне непосредственно и сердечно					
	30	Стремлюсь оказывать сильное влияние на деятельность других					
	31	Мне нравится, когда другие приглашают меня участвовать в своей деятельности					

ОТНОСИТСЯ К:					
1	2	3	4	5	6
Большинству	Многим	Некоторым	Нескольким	Одному-двум	Ни к кому
	32	Мне нравится, когда другие относятся ко мне непосредственно			
	33	В обществе других стремлюсь руководить ходом событий			
	34	Мне нравится, когда другие подключают меня к своей деятельности			
	35	Я люблю, когда другие ведут себя со мной холодно и сдержанно			
	36	Стремлюсь, чтобы остальные поступали так, как я хочу			
	37	Мне нравится, когда другие приглашают меня принять участие в их дебатах (дискуссиях)			
	38	Я люблю, когда другие относятся ко мне по-приятельски			
	39	Мне нравится, когда другие приглашают меня принять участие в их деятельности			
	40	Мне нравится, когда окружающие относятся ко мне сдержанно			
1	2	3	4	5	6
Обычно	Часто	Иногда	Случайно	Редко	Никогда
	41	В обществе стараюсь играть главенствующую роль			
	42	Мне нравится, когда другие приглашают меня участвовать в чем-нибудь.			
	43	Мне нравится, когда другие относятся ко мне непосредственно			
	44	Стремлюсь, чтобы другие делали то, что я хочу			
	45	Мне нравится, когда другие приглашают меня участвовать в своей деятельности			
	46	Мне нравится, когда другие относятся ко мне холодно и сдержанно			
	47	Стремлюсь сильно влиять на деятельность других			
	48	Мне нравится, когда другие подключают меня к своей деятельности			
	49	Мне нравится, когда остальные люди относятся ко мне непосредственно и сердечно			
	50	В обществе стараюсь руководить ходом событий			
	51	Мне нравится, когда другие приглашают принять участие в их деятельности			
	52	Мне нравится, когда ко мне относятся сдержанно			
	53	Стараюсь, чтобы остальные делали то, что я хочу			
	54	В обществе руковожу ходом событий			

Задание № 2

Определение интегральных форм коммуникативной агрессивности (В. В. Бойко). *Название методов не рекомендуется указывать при проведении обследования.*

Инструкция. В бланке для ответов рядом с номером суждения проставьте свои ответы — «Да» или «Нет».

Опросник

Вариант ответа	№	Вопрос
	1	Временами я неожиданно «взрываюсь» злостью, гневом
	2	Если я вижу, что мое раздражение или злость передаются другим, обычно тут же беру себя в руки
	3	Чтобы избавляться от накопившейся злости, я придумал себе особый ритуал: периодически колочу подушку, боксирую стенку, бегаю вокруг дома и т.п.
	4	На работе обычно сдерживаюсь, а дома бываю невыдержанным
	5	Иногда я понимаю, что вызываю у кого-либо злость, раздражение, но мне трудно изменить свое поведение или я не хочу этого делать
	6	Если мне хамят, я, как правило, сдерживаюсь от резкости
	7	Иногда я честно признаю себе: я — плохой человек
	8	Стоит мне разозлиться, как я добиваюсь своего от окружающих
	9	Нередко я оказываюсь вовлеченным в какую-нибудь противоборствующую группировку
	10	Время от времени меня словно тянет поругаться с кем-нибудь
	11	Я часто расплавляюсь за свою резкость или грубость
	12	Часто какой-нибудь пустяк выводит меня из себя
	13	Разозлившись, я могу ударить кого-либо (ребенка, партнера и т.п.)
	14	Чувствуя прилив злости, я могу разрядиться на неодушевленных предметах (бью кулаком по столу, что-нибудь ломаю, бью посуду)
	15	Я позволяю себе злость или гнев там, где меня никто не знает
	16	Я думаю, что мой характер — не подарок
	17	Если кто-нибудь из коллег плохо отзовется обо мне, я выскажу ему все, что думаю о нем
	18	Бывают минуты, когда я ненавижу или презираю себя
	19	Чтобы заставить себя сделать что-либо трудное или сложное, мне иногда надо себя хорошенько разозлить
	20	Бывало так, что я оказывался членом нехорошей компании (группировки)
	21	Обычно, когда я поругаюсь с кем-нибудь, мне становится легче

Вариант ответа	№	Вопрос
	22	Некоторые люди обижены на меня за резкость или злобу
	23	Когда я очень устаю, то легко могу разозлиться, выйти из себя
	24	Моя злость обычно быстро проходит, если тот, кто ее вызвал, извиняется или признает свою неправоту
	25	Мне удается гасить раздражение и прочие напряженные состояния в активном отдыхе – в спорте, туризме, культурных мероприятиях
	26	Бывает, что я выясняю отношения с продавцом или клерком на повышенных тонах
	27	У меня острый язык – палец мне в рот не клади
	28	Я обычно легко «завожусь», когда сталкиваюсь с грубостью, агрессивностью или злостью окружающих
	29	Многое из того плохого, что случилось со мной в жизни, я наверняка заслужил
	30	Злость чаще всего помогает мне в жизни
	31	Я часто ругаюсь в очередях
	32	Иногда мне говорят, что я злоюсь, но я этого не замечаю
	33	Переживание злости или гнева явно вредит моему здоровью
	34	Иногда я начинаю злиться ни с того, ни с сего
	35	Если я разозлюсь, то чаще всего отхожу почти мгновенно
	36	Чтобы успокоить нервную систему, я часто специально начинаю заниматься каким-либо делом (чтение, телевизор, хозяйственные заботы, профессиональная работа)
	37	В транспорте или магазине я бываю более агрессивен, чем на работе
	38	Я – человек резкий или очень категоричный
	39	Если кто-либо будет зло шутить по моему адресу, я, скорее всего, поставлю его на место
	40	Я часто злоюсь на себя по какому-либо поводу
	41	В общении дома я часто специально придаю своему лицу суровое выражение
	42	Если бы понадобилось пойти на баррикады, я бы пошел
	43	Обычно моя злость дает мне импульс активности
	44	Бывает, я по нескольку дней переживаю последствия того, что не смог сдержаться от злости
	45	Бывают моменты, когда мне кажется, что я всех ненавижу
	46	Когда я чувствую прилив злобы или агрессии, то часто ухожу куда-нибудь, чтобы никого не видеть и не слышать
	47	Я часто успокаиваю себя тем, что срываю зло на вещах обидчика

Вариант ответа	№	Вопрос
	48	Иногда в транспортной толпе или в очереди я бываю столь агрессивен, что переживаю неловкость за себя
	49	Я часто бываю несговорчивым, упрямым, непослушным
	50	Я легко лажу с людьми, которые провоцируют грубость или злость
	51	Если бог когда-нибудь накажет меня за мои грехи, то это будет заслуженно
	52	Чтобы повлиять на окружающих, я часто лишь изображаю гнев или злость, но глубоко не переживаю, не испытываю этих состояний
	53	Я принял бы участие в стихийном митинге протеста, чтобы отстаивать вместе со всеми свои насущные интересы
	54	После вспышки раздражения, злости я обычно хорошо чувствую себя некоторое время
	55	Моя раздражительность отрицательным образом сказывалась на отношениях с близкими или друзьями

Задание № 3

Диагностика личностных расстройств с помощью многофакторного опросника ММР1 («Мини-мульти»). Название методов не рекомендуется указывать при проведении обследования.

Инструкция. Внимательно прочтите утверждения в опроснике, которые касаются Вашего характера. Решите, верно или неверно каждое из представленных утверждений. Не тратьте на обдумывание слишком много времени. Наиболее естественно то решение, которое первым приходит Вам в голову. Свой ответ занесите в бланк теста (форма бланка приводится после опросника). Если Вы согласны с утверждением, поставьте «+», если не согласны — «-».

Опросник

Вариант ответа	№	Вопрос
	1	У Вас хороший аппетит
	2	По утрам Вы обычно чувствуете, что выспались и отдохнули
	3	В Вашей повседневной жизни много интересного
	4	Вы работаете с большим напряжением
	5	Временами Вам приходят в голову такие нехорошие мысли, что о них лучше не рассказывать
	6	У Вас очень редко бывает запор

Вариант ответа	№	Вопрос
	7	Иногда Вам очень хотелось уйти из дома
	8	Временами у Вас бывают приступы неуправляемого смеха или плача
	9	Временами Вас беспокоит тошнота и позывы на рвоту
	10	У Вас такое впечатление, что Вас никто не понимает
	11	Иногда Вам хочется выругаться
	12	Каждую неделю Вам снятся кошмары
	13	Вам труднее сосредоточиться, чем большинству людей
	14	С Вами происходили (или происходят) странные вещи
	15	Вы достигли бы в жизни гораздо большего, если бы люди не были настроены против Вас
	16	В детстве одно время Вы совершали кражи
	17	Бывало, что по нескольку дней, недель или целых месяцев Вы ничем не могли заняться, потому что трудно было себя заставить включиться в работу
	18	У Вас прерывистый и беспокойный сон
	19	Когда Вы находитесь среди людей, Вам слышатся странные вещи
	20	Большинство знающих Вас людей не считают Вас приятным человеком
	21	Вам часто приходилось подчиняться кому-нибудь, кто знал меньше вашего
	22	Большинство людей довольны своей жизнью более, чем Вы
	23	Очень многие приувеличивают свои несчастья, чтобы добиться сочувствия и помощи
	24	Иногда Вы сердитесь
	25	Вам определенно не хватает уверенности в себе
	26	У Вас часто бывает чувство, будто Вы сделали что-то неправильное или нехорошее
	27	У Вас часто бывают подергивания в мышцах
	28	Обычно Вы удовлетворены своей судьбой
	29	Некоторые так любят командовать, что Вам хочется все сделать наперекор, хотя Вы знаете, что они правы
	30	Вы считаете, что против Вас что-то замышляют
	31	Большинство людей способны добиваться выгоды не совсем честным путем
	32	Вас часто беспокоит желудок
	33	Часто Вы не можете понять, почему накануне Вы были в плохом настроении и раздражены

Вариант ответа	№	Вопрос
	34	Временами Ваши мысли текли так быстро, что Вы не успевали их высказать
	35	Вы считаете, что Ваша семейная жизнь не хуже, чем у большинства Ваших знакомых
	36	Временами Вы уверены в собственной бесполезности
	37	В последние годы Ваше самочувствие было в основном хорошим
	38	У Вас были периоды, во время которых Вы что-то делали и потом не могли вспомнить, что именно
	39	Вы считаете, что Вас часто незаслуженно наказывали
	40	Вы никогда не чувствовали себя лучше, чем теперь
	41	Вам безразлично, что думают о Вас другие
	42	С памятью у Вас все благополучно
	43	Вам трудно поддерживать разговор с человеком, с которым Вы только что познакомились
	44	Большую часть времени Вы чувствуете общую слабость
	45	У Вас редко болит голова
	46	Иногда Вам бывало трудно сохранить равновесие при ходьбе
	47	Не все Ваши знакомые Вам нравятся
	48	Есть люди, которые пытаются украсть Ваши идеи и мысли
	49	Вы считаете, что совершили поступки, которые нельзя простить
	50	Вы считаете, что Вы слишком застенчивы
	51	Вы почти всегда о чем-нибудь тревожитесь
	52	Ваши родители часто не одобряли Ваших знакомств
	53	Иногда Вы немного смущаетесь
	54	Временами Вы чувствуете, что Вам необыкновенно легко принимать решения
	55	У Вас бывает сильное сердцебиение, Вы часто задыхаетесь
	56	Вы вспыльчивы, но отходчивы
	57	У Вас бывают периоды такого беспокойства, что трудно усидеть на месте
	58	Ваши родители и другие члены семьи часто придираются к Вам
	59	Ваша судьба никого особенно не интересует
	60	Вы не осуждаете человека, который не прочь воспользоваться в своих интересах ошибками другого
	61	Иногда Вы полны энергии
	62	За последнее время у Вас ухудшилось зрение

Вариант ответа	№	Вопрос
	63	Часто у Вас звенит или шумит в ушах
	64	В Вашей жизни были случаи (может быть, только один), когда Вы чувствовали, что на Вас действуют гипнозом
	65	У Вас бывают периоды, когда Вы необычно веселы без особой причины
	66	Даже находясь в обществе, Вы обычно чувствуете себя одиноко
	67	Вы считаете, что почти каждый может солгать, чтобы избежать неприятностей
	68	Вы чувствуете острее, чем большинство других людей
	69	Временами Ваша голова работает как бы медленнее, чем обычно
	70	Вы часто разочаровываетесь в людях
	71	Вы злоупотребляли спиртными напитками

Задание № 4

Определение деструктивных установок в межличностных отношениях (В. В. Бойко). *Название методов не рекомендуется указывать при проведении обследования.*

Инструкция. Вам надо прочитать каждое из предложенных суждений и ответить «Да» или «Нет», выражая согласие или несогласие с ними. Рекомендуем воспользоваться листом бумаги, на котором фиксируется номер вопроса и Ваш ответ; затем, по ходу наших дальнейших пояснений, обращайтесь к своей записи. Будьте внимательны и искренни.

Опросник

Вариант ответа	№	Вопрос
	1	Мой принцип в отношении с людьми: доверяй, но проверяй
	2	Лучше думать о человеке плохо и ошибиться, чем наоборот (думать хорошо и ошибиться)
	3	Высокопоставленные должностные лица, как правило, ловкачи и хитрецы
	4	Современная молодежь разучилась испытывать глубокое чувство любви
	5	С годами я стал более скрытным, потому что часто приходилось расплачиваться за свою доверчивость
	6	Практически в любом коллективе присутствует зависть или подсиживание

Вариант ответа	№	Вопрос
	7	Большинство людей лишены чувства сострадания к другим
	8	Большинство работников на предприятиях и в учреждениях стараются прибрать к рукам все, что плохо лежит
	9	Большинство подростков сегодня воспитаны хуже, чем когда бы то ни было
	10	В моей жизни часто встречались циничные люди
	11	Бывает так: делаешь добро людям, а потом жалеешь об этом, потому что они платят неблагодарностью
	12	Добро должно быть с кулаками
	13	С нашим народом можно построить счастливое общество в недалеком будущем
	14	Неумных вокруг себя видишь чаще, чем умных
	15	Большинство людей, с которыми приходится иметь деловые отношения, разыгрывают из себя порядочных, но по сути они иные
	16	Я – очень доверчивый человек
	17	Правы те, кто считает, что надо больше бояться людей, а не зверей
	18	Милосердие в нашем обществе в ближайшем будущем останется иллюзией
	19	Наша действительность делает человека стандартным, безликим
	20	Воспитанность в моем окружении на работе – редкое качество
	21	Я практически всегда останавливаюсь, чтобы дать по просьбе прохожего жетон для телефона-автомата в обмен на деньги
	22	Большинство людей готовы совершить безнравственные поступки ради личных интересов
	23	Люди, как правило, безынициативны в работе
	24	Большинство пожилых людей показывают свою озлобленность каждому
	25	Большинство людей на работе любят посплетничать друг о друге

Задание № 5

Диагностика типологий психологической защиты (Р. Плутчик в адаптации Л. И. Вассермана, О. Ф. Ерышева, Е. Б. Клубовой и др.). *Название методов не рекомендуется указывать при проведении обследования.*

Инструкция. Прочитайте следующие утверждения. Они описывают чувства, которые человек обычно испытывает, или действия, которые человек обычно совершает. Если утверждение Вам соответствует,

поставьте знак «+», если утверждение Вам не соответствует, поставьте знак «-».

Просим Вас помнить о том, что здесь не может быть правильных и неправильных ответов и что самым правильным, наверное, будет самый правдивый ответ.

Вариант ответа	№	Вопрос
	1	Я – очень легкий человек, и со мной легко ужиться
	2	Когда я хочу чего-нибудь, я никак не могу дождаться, когда получу это
	3	Всегда существовал человек, на которого я хотел бы походить
	4	Люди не считают меня эмоциональным человеком
	5	Я выхожу из себя, если смотрю неприличные фильмы
	6	Я легко помню свои сны
	7	Люди, которые командуют всеми вокруг, меня бесят
	8	Иногда у меня появляется сильное желание пробить стену кулаком
	9	Меня раздражает тот факт, что люди слишком много заедают
	10	В мечтах я всегда в центре внимания
	11	Я – человек, который никогда не плачет
	12	Необходимость пользования общественным туалетом заставляет меня совершать над собой усилие
	13	Я всегда готов выслушать обе стороны во время спора
	14	Меня легко вывести из себя
	15	Когда кто-нибудь толкает меня в толпе, я чувствую, что готов пнуть его
	16	Многое во мне восхищает людей
	17	Я полагаю, что лучше хорошенько обдумать какую-либо вещь до конца, чем приходить в ярость
	18	Я много болею
	19	У меня плохая память на лица
	20	Когда меня отвергают, у меня появляется мысль о самоубийстве
	21	Когда я слышу пошлость, я очень смущаюсь
	22	Я всегда вижу светлую сторону вещей
	23	Я ненавижу злых людей
	24	Мне трудно избавиться от чего-либо, что принадлежит мне
	25	Я с трудом запоминаю имена
	26	У меня склонность к излишней импульсивности
	27	Люди, которые добиваются всего криками и воплями, вызывают у меня отвращение

Вариант ответа	№	Вопрос
	28	Я свободен от предрассудков
	29	Мне крайне необходимо, чтобы люди говорили о моей сексуальности
	30	Когда я собираюсь в поездку, я планирую каждую деталь заранее
	31	Иногда мне хочется, чтобы атомная бомба разрушила весь мир
	32	Порнография отвратительна
	33	Когда я чем-нибудь расстроен, я много ем
	34	Люди мне никогда не надоедают
	35	Многое из своего детства я не могу вспомнить
	36	Когда я собираюсь в отпуск, я обычно беру с собой работу
	37	В своих фантазиях я совершаю великие поступки
	38	В большинстве своем люди раздражают меня, так как они слишком эгоистичны
	39	Прикосновение к чему-нибудь скользкому вызывает у меня отвращение
	40	Если кто-нибудь надоедает мне, я не говорю ему это, а стремлюсь высказать недовольство кому-нибудь другому
	41	Я полагаю, что люди обведут Вас вокруг пальца, если Вы не будете осторожны
	42	Мне требуется много времени, чтобы разглядеть плохие качества в людях
	43	Я никогда не волнуюсь, если читаю или слышу о какой-либо трагедии
	44	В споре я обычно более логичен, чем другой человек
	45	Мне совершенно необходимо, чтобы мне говорили комплименты
	46	Беспорядочность отвратительна
	47	Когда я веду машину, у меня появляется сильное желание толкнуть другую машину
	48	Когда у меня что-то не получается, я иногда сержусь
	49	Когда я вижу кого-нибудь в крови, это почти никогда не беспокоит меня
	50	У меня портится настроение, я раздражаюсь, когда на меня обращают внимание
	51	Люди говорят мне, что я всему верю
	52	Я ношу одежду, которая скрывает мои недостатки
	53	Мне очень трудно пользоваться неприличными словами
	54	Мне кажется, что я много спорю с людьми
	55	Меня отталкивает от людей то, что они неискренни

Вариант ответа	№	Вопрос
	56	Люди говорят мне, что я слишком беспристрастен во всем
	57	Я знаю, что мои моральные стандарты выше, чем у большинства других людей
	58	Когда я не могу справиться с чем-либо, я готов заплакать
	59	Мне кажется, что я не могу выражать эмоции
	60	Когда кто-нибудь налетает на меня, я прихожу в ярость
	61	То, что мне не нравится, я выбрасываю из головы
	62	Я очень редко испытываю привязанности
	63	Я терпеть не могу людей, которые всегда оказываются в центре внимания
	64	Я многое коллекционирую
	65	Я работаю более упорно, чем большинство людей, для того, чтобы добиться результатов в области, которая меня интересует
	66	Звук детского плача не беспокоит меня
	67	Я бываю так сердит, что мне хочется крушить все вокруг
	68	Я всегда оптимистичен
	69	Я много лгу
	70	Я больше привязан к процессу работы, чем к отношениям, которые складываются на ней или вне ее
	71	В основном люди несносны
	72	Я бы ни за что не пошел на фильм, в котором слишком много сексуальных сцен
	73	Меня раздражает то, что людям нельзя доверять
	74	Я буду делать все, чтобы произвести хорошее впечатление
	75	Я не понимаю некоторых своих поступков
	76	Я через силу смотрю кинокартины, в которых слишком много насилия
	77	Я думаю, что ситуация в мире намного лучше, чем думают большинство людей
	78	Когда у меня неудача, я не могу сдержать плохого настроения
	79	То, как люди сейчас одеваются на пляже, — неприлично
	80	Я не позволяю своим эмоциям захватывать меня
	81	Я всегда планирую наихудшее, с тем чтобы не быть застигнутым врасплох
	82	Я живу так хорошо, что многие люди хотели бы оказаться в моем положении

Вариант ответа	№	Вопрос
	83	Как-то, когда я был сердит, я так сильно саданул по чему-то, что случайно поранил себя
	84	Я испытываю отвращение, когда сталкиваюсь с людьми низкого морального облика
	85	Я почти ничего не помню о своих первых годах в школе
	86	Когда я расстроен, я невольно поступаю как ребенок
	87	Я предпочитаю говорить о своих мыслях, а не о своих чувствах
	88	Мне кажется, что я не могу закончить ничего из того, что начал
	89	Когда я слышу о жестокостях, это не трогает меня
	90	В моей семье почти никогда не противоречат друг другу
	91	Я много кричу на людей
	92	Ненавижу людей, которые топчут других, чтобы продвинуться вперед
	93	Когда я расстроен, я часто напиваюсь
	94	Я счастлив, что у меня меньше проблем, чем у большинства людей
	95	Когда что-нибудь расстраивает меня, я силю больше, чем обычно
	96	Я нахожу отвратительным, что большинство людей лгут, чтобы добиться успеха
	97	Я говорю много неприличных слов

Задание № 6

Метод цветowych выборов МЦВ (цветовой тест Люшера). *Название методов не рекомендуется указывать при проведении обследования.*

Данное задание выполняется вместе с психологом.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. КЛЮЧИ ДЛЯ ОБРАБОТКИ ДАННЫХ ПО ПРЕДЛОЖЕННЫМ МЕТОДИКАМ

Определение интегральных форм коммуникативной агрессивности (В. В. Бойко)

Обработка данных

Опросник позволяет вывести «индекс агрессии» с учетом 11 параметров, каждый из которых оценивается отдельно в интервале от нуля до 5 баллов. За каждый ответ, соответствующий ключу, начисляется один балл; чем выше оценка, тем больше проявляется измеряемый показатель агрессивности.

1. Спонтанность агрессии: +1, +12, +23, +34, +45
2. Неспособность тормозить агрессию: -2, +13, -24, -35, -46
3. Неумение переключать агрессию на деятельность или неодушевленные объекты: -3, -14, -25, -36, -47
4. Анонимная агрессия: +4, +15, +26, +37, +48
5. Провокация агрессии у окружающих: +5, +16, +27, +38, +49
6. Склонность к отраженной агрессии: -6, +17, +28, +39, -50
7. Аутоагрессия: +7, +18, +29, +40, +51
8. Ритуализация агрессии: +8, +19, +30, +41, +52
9. Склонность заражаться агрессивней толпы: +9, +20, +31, +42, +53
10. Удовольствие от агрессии: +10, +21, +32, +43, +54
11. Расплата за агрессию: +11, +22, +33, +44, +55

Интерпретация данных

Отсутствие или очень низкий уровень агрессии (от 0 до 8 баллов) обычно свидетельствует о неискренности ответов респондента, его стремлении соответствовать социальной норме. Такие показатели встречаются у людей со сниженной самокритичностью и завышенными притязаниями.

Невысокий уровень агрессии (9–20 баллов) отмечается у большинства опрошиваемых. Он обычно бывает обусловлен спонтанной агрессией и сопряжен с неумением переключать агрессию на деятельность и неодушевленные объекты (в этом, возможно, нет необходимости).

Средний уровень агрессии (21–30 баллов) обычно выражается в спонтанности, некоторой анонимности и слабой способности к торможению.

Повышенный уровень агрессии (от 31 до 40 баллов). К атрибутам, характерным для ее среднего уровня, обычно добавляются показатели расплаты, провокации.

Очень высокий уровень агрессии (41 и более баллов) связан с получением удовольствия от агрессии, перенятием агрессии толпы, провоцированием агрессии у окружающих.

Диагностика межличностных отношений (А. А. Рукавишников)

Обработка данных

Ключи для обработки шкал опросника межличностных отношений (ОМО). Слева приводятся пункты шкал, справа — номера правильных ответов. При совпадении ответа испытуемого с ключом он оценивается в 1 балл, при несовпадении — 0 баллов.

Ie	CW	Ae
1. 1 2 3 4	2. 1 2 3 4 5	4. 1 2
3. 1 2 3 4 5	6. 1 2 3	8. 1 2
5. 1 2 3 4 5	10. 1 2 3	12. 1
7. 1 2 3	14. 1 2 3	17. 1 2 3
9. 1 2 3	18. 1 2 3 4	19. 3 4 5 6
11. 1	20. 1 2 3 4	21. 1
13. 1	22. 1 2	23. 1
15. 1	24. 1 2	25. 3 4 5 6
16. 1	26. 1 2	27. 1
Iw	Ce	Aw
28. 1 2	30. 1 2 3 4	29. 1
31. 1 2	33. 1 2 3 4 5	32. 1 2
34. 1 2	36. 1 2 3	35. 5 6
37. 1	41. 1 2 3 4 5	38. 1 2 3
39. 1	44. 1 2 3 4	40. 5 6
42. 1 2 3	47. 1 2 3 4 5	43. 1
45. 1 2 3	50. 1 2 3 4	46. 4 5 6
48. 1 2 3 4	53. 1 2 3 4	49. 1
51. 1 2 3	54. 1 2 3	52. 5 6

Интерпретация полученных результатов

Баллы колеблются от 0 до 9. Чем больше они приближаются к экстремальным оценкам, тем большее применение имеет следующее описание поведения.

а) Включение:

1. Ie — низкое; означает, что индивид не чувствует себя хорошо среди людей и будет склонен их избегать;

Ie — высокое; предполагает, что индивид чувствует себя хорошо среди людей и будет иметь тенденцию их искать.

4. Iw — низкое; предполагает, что индивид имеет тенденцию общаться с небольшим числом людей;

Iw — высокое; предполагает, что индивид имеет сильную потребность быть принятым остальными и принадлежать к ним.

б) Контроль:

5. Се — низкое; означает, что индивид избегает принятия решений и взятия на себя ответственности;

Се — высокое; означает, что индивид старается брать на себя ответственность, соединенную с ведущей ролью.

2. Sw — низкое; предполагает, что индивид не принимает контроля над собой;

Sw — высокое; отражает потребность в зависимости и колебания при принятии решений.

в) Аффект:

3. Ae — низкое; означает, что индивид очень осторожен при установлении близких, интимных отношений;

Ae — высокое; предполагает, что индивид имеет склонность устанавливать близкие чувственные отношения.

6. Aw — низкое; означает, что индивид очень осторожен при выборе лиц, с которыми создает более глубокие эмоциональные отношения;

Aw — высокое; типично для лиц, которые требуют, чтобы остальные без разбора устанавливали с ним близкие эмоциональные отношения.

От суммы баллов зависит степень применимости приведенных описаний: 0–1 и 8–9 — экстремально низкие и экстремально высокие баллы, поведение будет иметь компульсивный характер. 2–3 и 6–7 — низкие и высокие баллы, и поведение лиц будет описываться в соответствующем направлении. 4–5 — пограничные баллы, и лица могут иметь тенденцию поведения, описанного как для низкого, так и для высокого «сырого» счета. Эти оценки удобно интерпретировать с учетом средних и стандартных отклонений соответствующей популяции.

Характеристика шкал ОМО

ВКЛЮЧЕНИЕ (выраженное поведение):

Ie — стремление принимать остальных, чтобы они имели интерес ко мне и принимали участие в моей деятельности; активно стремлюсь принадлежать к различным социальным группам и быть как можно больше и чаще среди людей.

Требуемое поведение:

Iw — стараюсь, чтобы остальные приглашали меня принимать участие в их деятельности и стремились быть в моем обществе, даже когда я не прилагаю к этому никаких усилий.

КОНТРОЛЬ (выраженное поведение):

Се — пытаюсь контролировать и влиять на остальных; беру в свои руки руководство и стремлюсь решать, что и как будет делаться.

Требуемое поведение:

Сw — стараюсь, чтобы остальные контролировали меня, влияли на меня и говорили мне, что я должен делать.

АФФЕКТ (выраженное поведение):

Ае — стремлюсь быть в близких, интимных отношениях с остальными, проявлять к ним свои дружеские и теплые чувства.

Требуемое поведение:

Aw — стараюсь, чтобы другие стремились быть ко мне эмоционально более близкими и делились со мной своими интимными чувствами.

Оценки по этим шкалам — числа в промежутке от 0 до 9. Следовательно, результат выражается суммой шести однозначных чисел. Комбинации этих оценок дают индексы объема интеракций ($e + W$) и противоречивости межличностного поведения ($e - W$) внутри и между отдельными областями межличностных потребностей, а также коэффициенты совместимости в диаде или группе, состоящей из большого количества членов.

Диагностика личностных расстройств с помощью многофакторного опросника ММРІ («Мини-мульти»)

Шкалы	Ответы	Номер вопроса
L	Неверно (н)	5, 11, 24, 47, 53
F	Н	22, 24, 61
	Верно (в)	9, 12, 15, 19, 30, 38, 48, 49, 59, 64, 71
K	н	11, 23, 31, 33, 34, 36, 40, 41, 43, 51, 56, 61, 65, 67, 69, 70
1(Hs)	н	1, 2, 6, 37, 45
	в	9, 18, 26, 32, 44, 46, 55, 62, 63
2(D)	н	1, 3, 6, 11, 28, 37, 40, 42, 60, 65, 61
	в	9, 13, 11, 18, 22, 25, 36, 44
3(Hy)	н	1, 2, 3, 11, 23, 28, 29, 31, 33, 35, 37, 40, 41, 43, 45, 50, 56
	в	9, 13, 18, 26, 44, 46, 55, 57, 62
4(Pd)	н	3, 28, 34, 35, 41, 43, 50, 65
	в	7, 10, 13, 14, 15, 16, 22, 27, 52, 58, 71
6(Pa)	н	28, 29, 31, 67
	в	5, 8, 10, 15, 30, 39, 63, 64, 66, 68
7(Pt)	н	2, 3, 42
	в	5, 8, 13, 17, 22, 25, 27, 36, 44, 51, 57, 66, 68

Шкалы	Ответы	Номер вопроса
8(Sc)	н	3, 42
	в	5, 7, 8, 10, 13, 14, 15, 16, 17, 26, 30, 38, 39, 46, 57, 63, 64, 66
9(Ma)	н	43
	в	4, 7, 8, 21, 29, 34, 38, 39, 54, 57, 60

Анализ и интерпретация данных тестирования

Производится подсчет «сырых» баллов по всем 11 показателям (оценочным и базовым) в соответствии с ключом к опроснику. Набранное количество баллов по каждому из показателей записывается в бланк теста в правой его части.

По данным тестирования вычерчивается личностный профиль испытуемого. Высокими оценками для каждой из описанных шкал являются оценки в «сырых» баллах, превышающие их номинальные значения, соответствующие показателю 70 по шкале *T*. Низкими оценками считаются те, которые не превышают отметки 40 по шкале *T*.

Интерпретация показателей по шкалам

1. Шкала лжи (*L*) оценивает искренность испытуемого.
2. Шкала достоверности (*F*) выявляет недостоверные ответы. Чем больше значение по этой шкале, тем менее достоверны результаты.
3. Шкала коррекции (*K*) сглаживает искажения, вносимые чрезмерной осторожностью и контролем испытуемого во время тестирования. Высокие показатели по этой шкале говорят о неосознанном контроле поведения. Шкала *K* используется для коррекции базисных шкал.

Базисные шкалы

1. *Ипохондрици* — «близость» испытуемого к астено-невротическому типу. Испытуемые с высокими показателями по этой шкале медлительны, пассивны, принимают все на веру, покорны власти, медленно приспосабливаются, плохо переносят смену обстановки, легко теряют равновесие в социальных конфликтах.

2. *Депрессии*. Высокие оценки имеют чувствительные, сензитивные люди, склонные к тревогам, робкие, застенчивые. В делах они старательны, добросовестны, высокоморальны и обязательны, но не способны принимать решения самостоятельно, у них нет уверенности в себе, при малейших неудачах они впадают в отчаяние.

3. *Истерии*. По этой шкале выявляются лица, склонные к неврологическим защитным реакциям конверсионного типа. Они используют симптомы соматического заболевания как средство избегания ответственности. Все проблемы решаются «уходом» в болезнь. Главной осо-

бенностью таких людей является стремление казаться больше, значительнее, чем на самом деле, желание во что бы то ни стало обратить на себя внимание, жажда восхищения. Чувства таких людей поверхностны, интересы неглубоки.

4. *Психопатии*. Высокие оценки по этой шкале свидетельствуют о социальной дезадаптации. Такие люди агрессивны, конфликтны, пренебрегают социальными нормами и ценностями. Настроение у них неустойчивое, они обидчивы, возбудимы и чувствительны. Возможен временный подъем по этой шкале, вызванный какой-нибудь причиной.

5. *Паранойяльности*. Основная черта людей с высокими показателями по этой шкале — склонность к формированию «сверхценных» идей. Это лица односторонние, агрессивные и злопамятные. Кто не согласен с ними, кто думает иначе, тот, по их мнению, или глупый человек, или враг. Свои взгляды они активно насаждают, поэтому имеют частые контакты с окружающими. Малейшие собственные удачи они всегда переоценивают.

6. *Психастении*. Диагностируют лиц с тревожно-мнительным типом характера, которым свойственны тревожность, боязливость, нерешительность, постоянные сомнения.

7. *Шизоидности*. Лицам с высокими показателями по этой шкале свойствен шизоидный тип поведения. Они способны тонко чувствовать и воспринимать абстрактные образы, но повседневные радости и горести не вызывают у них эмоционального отклика. Общей чертой шизоидного типа является сочетание повышенной чувствительности с эмоциональной холодностью и отчужденностью в межличностных отношениях.

8. *Гитомании*. Для лиц с высокими оценками по этой шкале характерно приподнятое настроение, независимо от обстоятельств. Они активны, деятельны, энергичны и жизнерадостны. Любят работу с частыми переменами, охотно контактируют с людьми, однако интересы их поверхностны и неустойчивы, им не хватает выдержки и настойчивости.

Определение деструктивных установок в межличностных отношениях (В. В. Бойко)

Обработка и интерпретация данных

Завуалированная жестокость в отношении к людям, в суждениях о них

Вернитесь, пожалуйста, к вопросам, на которые Вы отвечали в самом начале раздела. О завуалированной жестокости в отношении к людям свидетельствуют такие варианты ответов (в скобках указывается количество баллов, начисляемых за соответствующий вариант): 1 — да (3); 6 — да (3); 11 — да (7); 16 — нет (3); 21 — нет (4).

Максимально можно набрать 20 баллов. Чем больше заработанных баллов, тем отчетливее выражена завуалированная жестокость в отношении к людям.

Открытая жестокость в отношении к людям

Личность не скрывает и не смягчает свои негативные оценки и переживания по поводу большинства окружающих: выводы о них резкие, однозначные и сделаны, возможно, навсегда. Об открытой жестокости вы можете судить по таким вопросам из приведенного опросника: 2 — да (9); 7 — да (8); 12 — да (10); 17 — да (10); 22 — да (8).

Обоснованный негативизм в суждениях о людях

Выражается в объективно обусловленных отрицательных выводах о некоторых типах людей и отдельных сторонах взаимодействия.

Обоснованный негативизм обнаруживается в таких вопросах и вариантах ответов: 3 — да (1); 8 — да (1); 13 — нет (1); 18 — да (1); 23 — да (1). Максимальное число баллов — 5, набрать их не считается зазорным. Однако обращает на себя внимание особый тип опрашиваемых. Они демонстрируют весьма выраженную жестокость — завуалированную или открытую, либо и ту и другую сразу, но в то же время словно носят «розовые» очки: то, что вызывает обоснованный негативизм, они не замечают.

Брюзжание, то есть склонность делать необоснованные обобщения негативных фактов в области взаимоотношений с партнерами и в наблюдении за социальной действительностью

О наличии такого компонента в негативной установке свидетельствуют следующие вопросы из упомянутого опросника: 4 — да (2); 9 — да (2); 14 — да (2); 19 — да (2); 24 — да (2). Максимальное количество баллов — 10.

Негативный личный опыт общения с окружающими

Данный компонент установки показывает, в какой мере Вам повезло в жизни на ближайший круг знакомых и партнеров по совместной деятельности (в предыдущих показателях оценивались, скорее, общие ситуации). О негативном личном опыте контактов свидетельствуют вопросы: 5 — да (5); 10 — да (5); 15 — да (5); 20 — да (4); 25 — да (1). Максимально возможное число баллов — 20.

Показатели негативных коммуникативных установок

Показатели	Максимум баллов	Полученные Вами баллы	Процент максимума баллов
Завуалированная жестокость	20		
Открытая жестокость	45		
Обоснованный негативизм	5		
Брюзжание	10		
Негативный опыт общения	20		
ВСЕГО:	100		

**Диагностика типологий психологической защиты
(Р. Плутчик в адаптации Л. И. Вассермана,
О. Ф. Ерышева, Е. Б. Клубовой и др.)**

Обработка результатов осуществляется по восьми шкалам, каждая из которых соответствует отдельному защитному механизму (отрицание, регрессия, подавление, компенсация, проекция, замещение, рационализация, реактивные образования). Подсчет баллов по каждой шкале осуществляется путем суммирования положительных ответов на вопросы, указанные в ключе.

Отрицание 1, 16, 22, 28, 34, 42, 51, 61, 68, 77, 82, 90, 94.

Подавление 6, 11, 19, 25, 35, 43, 49, 59, 66, 75, 85, 89.

Регрессия 2, 14, 18, 26, 33, 48, 50, 58, 69, 78, 86, 88, 93, 95.

Компенсация 3, 10, 24, 29, 37, 45, 52, 64, 65, 74.

Проекция 7, 9, 23, 27, 38, 41, 55, 63, 71, 73, 84, 92, 96.

Замещение 8, 15, 20, 31, 40, 47, 54, 60, 67, 76, 83, 91, 97.

Рационализация 4, 13, 17, 30, 36, 44, 56, 62, 70, 80, 81, 87.

Реактивные образования 5, 12, 21, 32, 39, 46, 53, 57, 72, 79.

References

The book represents the results of a complex research which has been carried out by the Institute of Humanitarian Education, the Academy of Law and the Head Office of the Federal Department of Punishment Execution. For the first time, modern terrorism in all its variations is considered to be an ethnoreligious phenomenon. The book contains unique empirical data resulted from the study of convicted criminals serving time in places of imprisonment. For this purpose conversations, psychological tests and sociological questionnaires were used. Special attention is paid to the reasons of ethnoreligious terrorism; a series of measures of its prevention is submitted.

The book has no analogues in Russian scholarly literature and is addressed to employees of law enforcement bodies, scientists, lecturers, post- and under-graduate students – to everyone concerned with terrorism in today's world, endeavors to understand the reasons and opportunities of struggle against it.

Contents

Introduction	5
Chapter I. Ethnoreligious terrorist crimes	9
1. Concept of ethnoreligious terrorism	11
2. A review of terrorist criminality in Russia	20
3. The reasons of ethnoreligious terrorism	34
3.1. The general concept of the reasons of ethnoreligious terrorism	34
3.2. The reasons of ethnoreligious terrorism in North Caucasus	43
4. Religious extremism as the basis of ethnoreligious terrorism and as a crime	57
5. Self-destructive terrorism	73
Chapter II. Ethnoreligious terrorist criminals	91
1. A general characteristic of the person	93
2. Methodology of psychological research of the person of the terrorist	103
3. Demographic characteristics of terrorists	119
3.1. Age groups and crime-provoking traces	119
3.2. Ethnoreligious characteristics and social status	126
4. Typology of the person of the terrorist	134
4.1. General characteristics and structures of personal frustration	134
4.2. Polarization of typological space vs. interpersonal communication	144
4.3. Aggression and cruelty	154
4.4. Psychological protection	164
4.5. Psycho-dynamic typology	170
Chapter III. Counteraction against ethnoreligious terrorism	181
1. Sociopolitical measures and probable political decisions	183
2. Administrative-legal measures	195
2.1. The role of administrative law in counteraction against terrorism	195
2.2. Administrative-legal regimes in counteraction against terrorism	200
2.3. Measures of administrative prevention and suppression of terrorist activity	207
2.4. Administrative responsibility for offences connected with terrorist activity	213
3. Further development of criminal legislation	217
3.1. Improvement of the General part	217
3.2. Improvement of the Specific part	223
4. Preliminary investigation of criminal cases	237
5. Psychological basis of convicted criminals' correction	251
6. Protection of risk-taking objects from terrorist attacks	266
Appendices	291

Научное издание

ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЙ ТЕРРОРИЗМ

Редактор *Э. М. Харланова*

Корректор *А. А. Баранова*

Художник *Д. А. Сенчагов*

Компьютерная верстка *О. С. Коротковой*

Подписано к печати 14.07.2006. Формат 60x90^{1/16}.
Гарнитура Петербург. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 20.
Тираж 1000 экз. Заказ № 3869.

ЗАО Издательство «Аспект Пресс»
111141 Москва, Зеленый проспект, д. 8.
e-mail: info@aspectpress.ru
www.aspectpress.ru
Тел. 306-78-01, 306-83-71

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200 г. Можайск, ул. Мира, 93.

ТЕРРОРИЗМ

Книга представляет собой результат комплексного исследования, осуществленного Институтом гуманитарного образования и Академией права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. Впервые современный терроризм рассмотрен именно как этнорелигиозный, со всеми его особенностями. Монография содержит уникальный эмпирический материал, полученный в результате изучения репрезентативного числа осужденных за преступления террористического характера, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Для этой работы использовались беседы, психологические тесты и социологические анкеты. Особое внимание уделено причинам этнорелигиозного терроризма, представлена система мер его предупреждения. Работа не имеет аналогов в отечественной научной литературе и адресована сотрудникам правоохранительных органов, научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам — всем, кто обеспокоен масштабами терроризма в сегодняшнем мире и стремится понять причины и возможности борьбы с ним.

ISBN 5-7567-0435-3

9 785756 704358